

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4 2021

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Главный редактор

чл.-корр. РАН Л.А. Беляев

Редакционный совет

чл.-корр. РАН Р.М. Мунчаев (председатель),
акад. РАН А.П. Деревянко, акад. РАН Н.А. Макаров, акад. РАН В.И. Молодин,
д.и.н. М.Г. Мошкова, д.и.н. А.А. Тишкин, проф. А. Буко (Польша),
докт. М. Вемхофф (Германия), проф. Т. Дарвилл (Великобритания),
проф. Ж.-П. Демуть (Франция), проф. Ф. Кол (США),
Я. Чехановец (Израиль)

Редакционная коллегия

акад. РАН Х.А. Амирханов, акад. РАН А.П. Бужилова,
чл.-корр. РАН П.Г. Гайдуков, к.и.н. А.Н. Гей, д.и.н. В.И. Гуляев,
д.и.н. Д.С. Коробов (зам. главного редактора),
д.и.н. Н.А. Кренке, д.и.н. В.Д. Кузнецов,
к.и.н. О.С. Румянцева (ответственный секретарь), д.и.н. А.В. Чернецов

Заведующая редакцией

Т.С. Волкова

Адрес: 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Телефон (499)124-34-42

E-mail: ra@iaran.ru

Москва

© Российская академия наук, 2021

© Составление: Редколлегия журнала
“Российская археология”, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 4, 2021

Взаимосвязь динамики природных условий и заселения Карабахской равнины Азербайджана в IV тысячелетии до н.э. <i>Алмамедов Х.И., Тагиева Е.Н.</i>	7
О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволок <i>Жульников А.М., Тарасов А.Ю.</i>	21
Предметы конской упряжи из кургана 1 могильника Дыш IV <i>Маслов В.Е., Гей А.Н., Андреева М.В.</i>	35
Амфоры VI в. с изображением меноры из Фанагории <i>Голофаст Л.А.</i>	53
Детское погребение VII в. из раскопок Бесланского могильника в фокусе комплексного междисциплинарного исследования <i>Коробов Д.С., Четкина О.Ю., Медникова М.Б.</i>	65
Поливная керамика восточного происхождения на юге Восточной Европы. Основные типы и источники производства <i>Болдырева Е.М.</i>	82
Динамика развития сельского кузнечного ремесла в Древней Руси <i>Завьялов В.И., Терехова Н.Н.</i>	93
Костяные коньки в средневековом Новгороде (по материалам археологических исследований ИА РАН 2008–2019 гг.) <i>Олейников О.М.</i>	102
Височные кольца со спиральным декором: территория распространения и хронология <i>Степанова Ю.В.</i>	119
Лестничная башня Георгиевского собора Юрьева монастыря: археология, архитектура и фрески <i>Седов Вл.В.</i>	132
Полы храмов Смоленска XII–XIII вв. <i>Матвеев В.Н.</i>	144
Новые исследования элементного состава средневековой керамики Восточной Европы <i>Коваль В.Ю., Дмитриев А.Ю., Смирнова В.С., Чепурченко О.Е., Филина Ю.Г., Булавин М.В.</i>	160
Христианские погребения с сосудами в Московской Руси: к состоянию вопроса <i>Панченко К.И.</i>	179

История науки

“Славянский вопрос” и академическая археология в послевоенном Крыму. К 120-летию Павла Николаевича Шульца (1901–1983 гг.) <i>Юрочкин В.Ю.</i>	191
--	-----

Критика и библиография

В.А. Городцов. Дневники ученого. 1914–1918 гг.: Из собрания Государственного исторического музея. М.: ГИМ <i>Щавелев С.П.</i>	202
Р.В. Смольянинов. Ранний неолит Верхнего Дона. Липецк, Саратов: Десятая муза, 2020 <i>Выборнов А.А., Ставицкий В.В.</i>	204

Хроника

Научный семинар “Современные подходы к естественно-научным исследованиям памятников и древностей Руси (Средневековье и раннее Новое время)”

<i>Алешинская А.С., Яворская Л.В.</i>	207
К 70-летию И.Л. Кызласова	
<i>Коваль В.Ю., Армарчук Е.А.</i>	209
К 60-летию В.Ю. Коваля	
<i>Бадеев Д.Ю., Осипов Д.О., Русаков П.Е., Энговатова А.В., дирекция Института археологии РАН, коллектив Отдела средневековой археологии, редколлегия журнала “Российская археология”</i>	210
К 90-летию Г.А. Фёдорова-Давыдова	
<i>Зеленев Ю.А., Пигарев Е.М.</i>	212
Валентина Ивановна Козенкова	
<i>Албегова З.Х., Коробов Д.С., Скаков А.Ю., Эрлих В.Р.</i>	213
Памяти Иштвана Фодора	
<i>Ковалев М.В., Кузьминых С.В.</i>	215

CONTENTS

Number 4, 2021

Interconnection between the dynamics of natural conditions and populating of the Qarabag plain of Central Azerbaijan in the 4 th millennium BC <i>Almammadov Kh.I., Tagieva E.N.</i>	7
On the origin and chronology of the geometric style asbestos-ceramic of the Voynavolok type <i>Zhulnikov A.M., Tarasov A.Yu.</i>	21
Objects of the horse bridle from mound 1 of the Dysh IV cemetery <i>Maslov V.E., Gey A.N., Andreeva M.V.</i>	35
Sixth century amphorae with representations of menorah from Phanagoria <i>Golofast L.A.</i>	53
The 7 th century child burial from the Beslan mound cemetery in the focus of complex interdisciplinary research <i>Korobov D.S., Chechetkina O.Yu., Mednikova M.B.</i>	65
Glazed pottery of Oriental origin in the south of Eastern Europe. Main types and sources of supply <i>Boldyreva E.M.</i>	82
Dynamics of development of rural blacksmith craft in Rus <i>Zavyalov V.I., Terekhova N.N.</i>	93
Bone ice skates in the medieval Novgorod (based on archaeological research of the Institute of Archaeology RAS in 2018–2019) <i>Oleynikov O.M.</i>	102
Temporal rings with spiral ornamentation: the spreading area and chronology <i>Stepanova Yu.V.</i>	119
Staircase turret of the St. George's cathedral in the Yuriev Monastery: archaeology, architecture and fresco painting <i>Sedov V.I.V.</i>	132
The floors of Smolensk churches of the 12 th –13 th centuries <i>Matveev V.N.</i>	144
New research of elemental composition of East European medieval pottery <i>Koval V.Yu., Dmitriev A.Yu., Smirnova V.S., Chepurchenko O.E., Filina Yu.G., Bulavin M.V.</i>	160
Christian burials with vessels in Moscow State: to the status of the issue <i>Panchenko K.I.</i>	179

The history of science

The "Slavic issue" and academic archaeology in the Crimea in the aftermath of World War II. To the 120 th anniversary of Pavel Nikolaevich Shultz (1901–1983) <i>Yurochkin V.Yu.</i>	191
--	-----

Critics and bibliography

V.A. Gorodtsov. Diaries of the scientist. 1914–1918: From the collection of the State Historical Museum. Moscow: GIM <i>Shchavalev S.P.</i>	202
Smolyaninov R.V. The Early Neolithic of the Upper Don region. Lipetsk, Saratov, 2020 <i>Vybornov A.A., Stavitsky V.V.</i>	204

Chronicle

Scientific seminar “Modern approaches to natural science research of Rus sites and antiquities (the Middle Ages and Early Modern period)”	
<i>Aleshinskaya A.S., Yavorskaya L.V.</i>	207
To the 70 th anniversary of I.L. Kyzlasov	
<i>Koval V.Yu., Armarchuk E.A.</i>	209
To the 60 th anniversary of V.Yu. Koval	
<i>Badeev D.Yu., Osipov D.O., Rusakov P.E., Engovatova A.V., Directorate of the Institute of Archaeology RAS, the staff of the Department of Medieval Archaeology, the editorial board of the “Russian archaeology” journal</i>	210
To the 90 th anniversary of G.A. Fedorov-Davydov	
<i>Zeleneev Yu.A., Pigarev E.M.</i>	212
Valentina Ivanovna Kozenkova	
<i>Albegova Z.Kh., Korobov D.S., Skakov A.Yu., Erlikh V.R.</i>	213
In memory of Istvan Fodor	
<i>Kovalev M.V., Kuzminykh S.V.</i>	215

Правила для авторов

Журнал “Российская археология” публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

К публикации не принимаются статьи, основанные на анализе материалов, собранных в поле или полученных иным путем без официального разрешения государственных органов (открытого листа) или не сданных на хранение в Государственный музейный фонд (указание на место хранения материалов желательно).

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи предоставляются в **электронном виде** (на мэйл редакции или на диске). По возможности прилагается один экземпляр распечатки текста через **1.5 интервала** (шрифт **Times New Roman**, кегль **14**).

К рукописям (по разделам “Статьи”, “Публикации”, “Дискуссии”) должно быть приложено краткое **резюме на русском** (можно еще и на английском) **языке** (не менее 0.5 стр.) и **ключевые слова** (не более 10).

На отдельной странице — **подробные сведения об авторах** (с обязательным указанием почтового и электронного адресов, контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) **не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами)** и содержать **не более 8 иллюстраций** (цветных и/или черно-белых). Для раздела “Заметки” объем рукописи не должен превышать **15 тыс. знаков (с пробелами)**. Некрологи и юбилейные материалы, публикуемые в разделе “Хроника”, не должны превышать **10 тыс. знаков (с пробелами)** и **не должны сопровождаться списком трудов ученого** (его наиболее фундаментальные труды должны быть упомянуты внутри текста).

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У с. ОРЕХОВКА СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2019 г. М.В. Андреева^{1,*}, М.А. Очир-Горяева^{2,3,**}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, Россия

³Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия

*E-mail: amvlad11@yandex.ru

**E-mail: mariaochir@gmail.com

Поступила в редакцию 06.06.2017 г.

Резюме

Ключевые слова (не более 10)

Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельной странице.

Постраничные примечания даются внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются по следующему образцу: (Коваль, 2011. С. 46. Рис. 12). Список литературы и источников дается общий в алфавитном порядке на отдельной странице и состоит из двух частей: первая — работы на кириллице, вторая — на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года к ним проставляются литеры а, б, в, ..., включая первое упоминание. Например:

монография: *Кренке Н.А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 548 с.

сборник: Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2011. 456 с. статья в сборнике: *Коваль В.Ю.* “Ростиславльский курган” (вал городища эпохи раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН, 2011. С. 35–57.

статья в журнале: *Решетова И.К.* Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV // РА. 2012. № 3. С. 129–136.

источники: Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: АН СССР, 1941. 147 с.

архивные материалы: *Чернов С.З.* Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Юбилейные и иные статьи, строго привязанные к датам, должны поступить в редакцию до конца декабря предшествующего года (в противном случае редакция не гарантирует их выхода в юбилейном году).

Присланные статьи должны сопровождаться подписанным Договором о передаче авторских прав на публикацию Российской академии наук, который можно найти на сайте журнала “Российская археология” по адресу: http://www.ra.iran.ru/Dogovor_2018.doc.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДИНАМИКИ ПРИРОДНЫХ УСЛОВИЙ И ЗАСЕЛЕНИЯ КАРАБАХСКОЙ РАВНИНЫ АЗЕРБАЙДЖАНА В IV ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО Н.Э.

© 2021 г. Х.И. Алмамедов^{1,*}, Е.Н. Тагиева^{2,**}

¹Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку

²Институт географии имени академика Г.А. Алиева НАН Азербайджана, Баку

*E-mail: almamedov.2020@gmail.com

**E-mail: tagelena@rambler.ru

Поступила в редакцию 19.03.2018 г.

Произошедшие в IV тыс. до н.э. (вторая половина атлантического периода, 6–5 тыс. л.н.) климатические изменения, выявленные по палинологическим данным поселений Карабахской (Гарабагской) равнины Центрального Азербайджана, привели к непосредственным изменениям в образе жизни и хозяйственном укладе носителей лейлатепинской культуры. Зафиксировано трехкратное изменение увлажнения, каждое из которых совпадает с определенным типом поселений, отличающихся по своей топографии, качеству используемого строительного материала, ареалу распространения и плотности заселения.

Ключевые слова: Карабахская равнина, поселение Лейлатепе, поселение Фармантепе, лейлатепинская культура, энеолит, ранний бронзовый век, палинология.

DOI: 10.31857/S086960630017480-7

Реконструкция среды обитания позволяет определить основные предпосылки к заселению территории и ключевые направления хозяйственной деятельности человека. В данной статье мы сделали попытку на основе сопоставления данных палинологии и археологии проследить взаимосвязь динамики изменения климата и заселения Карабахской равнины носителями лейлатепинской культуры в IV тыс. до н.э.

Являющееся эпонимом этой культуры поселение Лейлатепе обнаружено на территории Карабаха Идеалом Наримановым. Им же зафиксированы и несколько других памятников с аналогичной керамикой (Нариманов, 1987. С. 47, 48; Алиев, Нариманов, 2001. С. 10–23; Нариманов и др., 2007. С. 9–19). В настоящее время новые выявленные памятники заметно увеличили ареал лейлатепинской культуры в Азербайджане, дали возможность для их хронологической дифференциации. В результате археологических исследований 2010–2017 гг. Карабахский регион продолжает опережать все другие регионы Кавказа по количеству лейлатепинских памятников: всего на территории Карабаха их зафиксировано более 50. Можно предполагать, что мигранты из Месопотамии прежде всего расселялись на Карабахской равнине, которая по своим природным особенностям напоминала им прародину и стала центром нового процветания их культуры на Кавказе (Алмамедов, 2016. С. 433). Однако

до сих пор существуют различные мнения о культурном круге происхождения мигрантов, хронологической и эпохальной принадлежности носителей лейлатепинской культуры (Нариманов, 1985; Алиев, Нариманов, 2001. С. 83; Нариманов и др., 2007. С. 60–78; Ахундов, 2005; Гулиев, 2005; Мунчаев, 2007; Мунчаев, Амиров, 2007; Мусеибли 2011; Almamedov, 2013).

Методика исследования

Камеральные исследования и химическая обработка проб для выделения спор и пыльцы проводилась по стандартной методике мацерации В.П. Гричука. Просмотр пыльцы и спор осуществлялся по временным препаратам с использованием микроскопа “CarlZeiss” при увеличении ×400 и ×600. Определение спор и пыльцы основывалось на использовании атласов пыльцы (Куприянова, Алешина, 1972. С. 171) и электронных атласов современной пыльцы и спор (PalDat; Информационная система идентификации...). Статистическая обработка результатов определения и регистрации микрофоссилий производилась по общепринятой методике с использованием разномасштабного графика спорово-пыльцевой диаграммы. Вначале вычислялся общий состав — процентное соотношение между суммами пыльцы деревьев, трав и спор (за 100% принята сумма всех зарегистрированных зерен). Затем, чтобы раскрыть значимость и участие каждого

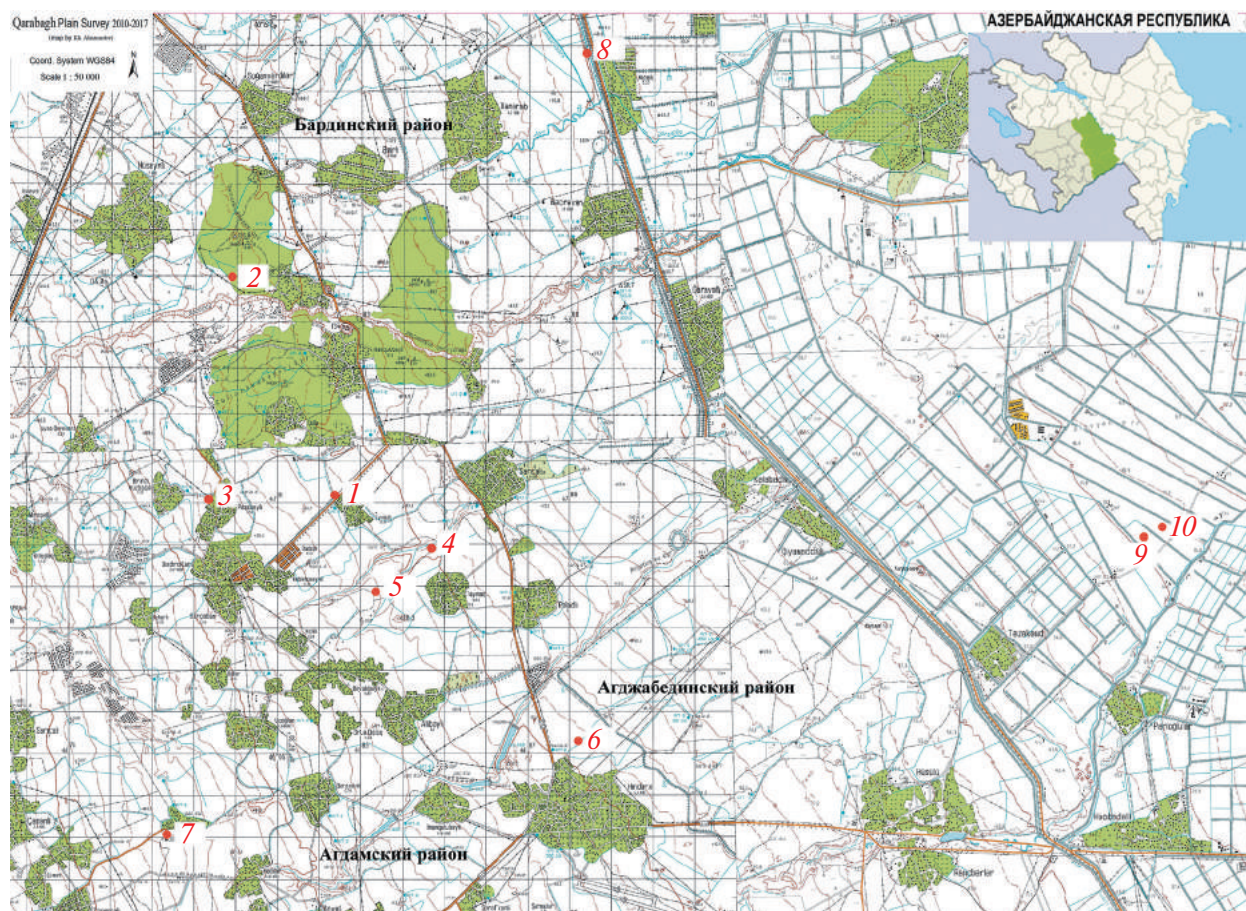

Рис. 1. Некоторые памятники лейлатепинской культуры Карабахской равнины: 1 – Лейлатепе, 2 – Фармантепе, 3 – Пашабейли, 4 – Джанавартепе, 5 – Сойюдлютепе, 6 – Чаггалытепе, 7 – Шамлытепе, 8 – Туфантепе, 9 – Тезекент 1, 10 – Тезекент 2.

Fig. 1. Some sites of the Leylatepe culture on the Qarabag plain

компонента в спектре общего состава (древесные, травянистые, споровые), за 100% принималось содержание каждого из них. Объясняется это неравнозначным содержанием этих компонентов (пыльцы травянистых пород гораздо больше, чем пыльцы древесных и споровых).

Палинологический анализ является наиболее эффективным для реконструкции среды обитания человека. Основным же моментом в палеогеографических реконструкциях являются доказательства ритмичных изменений в природе голоцена. При аргументации картины изменчивости природных факторов по палинологическим данным эпохи увлажнения нами устанавливались: а) по обилию в осадках пыльцы и спор; б) по увеличению пыльцы доминантов и субдоминантов среди древесных пород и сопутствующих им кустарников, трав и кустарничков. Эпохи ксерофитизации реконструировались: а) по меньшей концентрации пыльцы в осадках; б) по резкому сокращению количества пыльцы древесной растительности, появлению и преобладанию

пыльцы растений, быстро осваивающих гари (осина, береза, ольха серая, некоторые злаковые и др.); в) по незначительному количеству или отсутствию спор.

Результаты палинологического исследования

К поселениям лейлатепинской культуры раннего бронзового века Южного Кавказа, культурные слои которых охарактеризованы палинологически, на Карабахской равнине относятся Лейлатепе и Фармантепе (Ахундов, 2014; Ахундов, Алмамедов, 2016. С. 22).

Поселение Лейлатепе находится на северо-западной окраине села Эйвазлы (Eyvazli) Агдамского района (С 40° 08' 18.54", В 47° 08' 19.56"; абсолютная высота – 107 м) (рис. 1, 1). Согласно И.Г. Нариманову, “до начала раскопок поселение Лейлатепе представляло собой округлый холм (телль) с покатыми склонами, диаметром 50–60 и высотой 2 м. Археологическими раскопками в юго-восточном секторе вершины холма исследовано 324 м². Исследования доведены

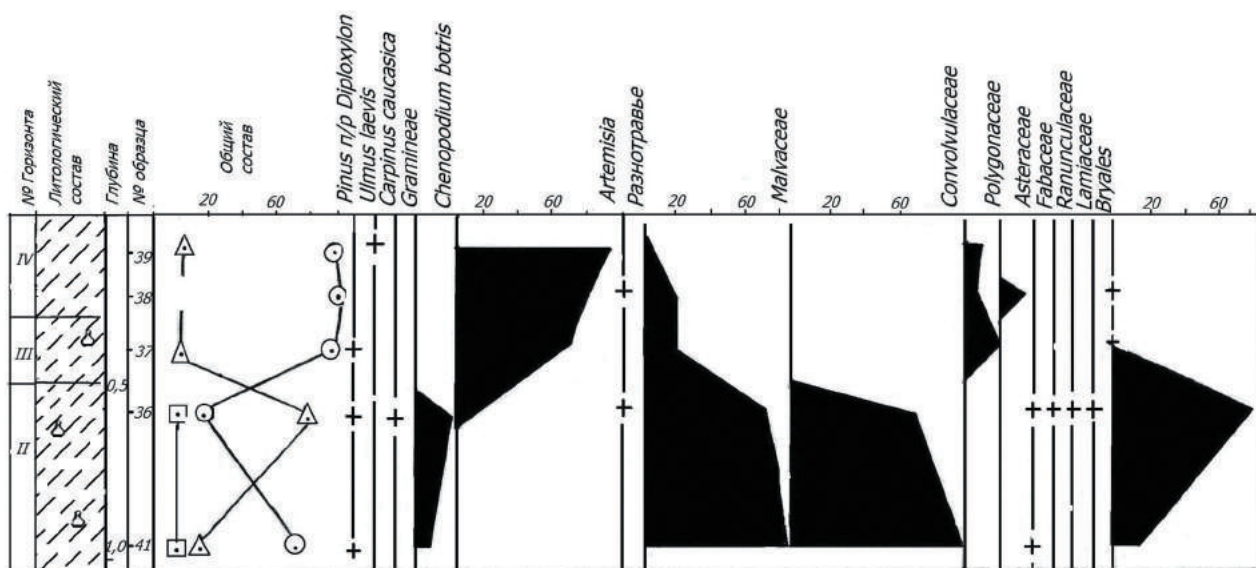

Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу поселения Лейлатепе.

Fig. 2. Spore-pollen diagram of the section of the Leylatepe settlement

до глубины 1.55–1.65 м. Дальнейшие работы были приостановлены военными действиями в этом регионе. Судя по профилю траншеи в основании юго-восточного склона холма, толщина культурных отложений на нем около 2 м. Памятник однослойный, без видимых хронологических различий. Он предположительно состоял из четырех строительных горизонтов, из которых верхний полностью разрушен вспашкой, а нижний не раскопан. Все строения, исследованные на поселении Лейлатепе, прямоугольного плана. Они возведены без устройства фундамента, на поверхности горизонта. Стены сложены из прямоугольного сырцового кирпича, уложенного идеально ровными горизонтальными рядами на связующем растворе. На раскопанном участке расчищены остатки одиннадцати различных строений, отличающихся друг от друга количеством помещений, структурой и, видимо, назначением” (Нариманов и др., 2007. С. 9–10). В настоящее время поверхность телля Лейлатепе разрушена.

Из раскопа глубиной 1 м, заложенного между строениями, было отобрано 5 образцов для палинологического анализа с интервалом в среднем 20 см. В нижнем из раскопанных строительных горизонтов (II), содержащем остатки керамики, типичной для лейлатепинской культуры, ввиду относительно большой мощности (50 см), но однородности литологического состава, отобраны два образца. В расположенном выше горизонте III – один образец, в горизонте IV – два образца, причем последний, пятый образец взят

из верхнего, нарушенного вспашкой слоя (Нариманов и др., 1994; Велиев и др., 1996)¹.

В спорово-пыльцевом спектре поселения Лейлатепе (рис. 2) на всем протяжении преобладает пыльца травянистых растений (до 100%), за исключением образца № 36, где доминируют споры мхов. Древесные представлены единичными зернами сосны, вяза и граба обыкновенного, споры – печеночными мхами. В спектре выделяются две палинозоны (снизу вверх).

Палинозона I, образцы № 41, 36, глубина 0.9–0.6 м (строительный горизонт II), представлены светло-коричневыми суглинками с белыми вкраплениями, возможно, известкового происхождения (все образцы очень карбонатные). В группе общего состава в верхней части палинозоны доминируют споры печеночных мхов (до 78%). В нижней части их содержание не столь высокое (17%) и здесь преобладает пыльца трав, в основном мальвовых (*Malvaceae* – 60–70%) и злаков (*Gramineae* – 20%). В группе травянистых единично также встречена пыльца *Chenopodiaceae*, *Fabaceae*, *Asteraceae*, *Ranunculaceae*. Пыльца древесных немногочисленна, представлена единичными зернами сосны эльдарской (*Pinus eldarica*) и граба обыкновенного (*Carpinus caucasica*).

Высокий процент разнотравной растительности и мезофильный ее характер свидетельствуют, что на этом этапе влажность климата была довольно высокой, что подтверждается и

¹ Образцы для палинологического анализа были отобраны И.Г. Наримановым и С.С. Велиевым. С этой серией связана общая номенклатура образцов.

Рис. 3. Общий вид поселения Фармантепе: 1 — тель (тепе); 2 — высохшее русло древней реки.

Fig. 3. General view of the settlement of Farman-tepe

максимальным содержанием спор печеночных мхов. Распространение видов печеночных мхов определяется особенностями их экологического поведения, обусловленными, в большинстве случаев, постоянством влажности местообитаний, кислотностью субстратов и наличием свободных ниш. Влажность — решающий фактор для распространения печеночников. Также надо отметить, что печеночники могут являться своего рода показателями антропогенного вмешательства. Сильная антропогенная нарушенность, чаще всего, влечет за собой обеднение видового состава, а слабая антропогенная нарушенность и естественные нарушения (обнаженные берега рек и ручьев, их обрывы и т.п.) способствуют формированию разнообразных ниш, заселяемых многими видами (Потемкин, Софронова, 2009. С. 195).

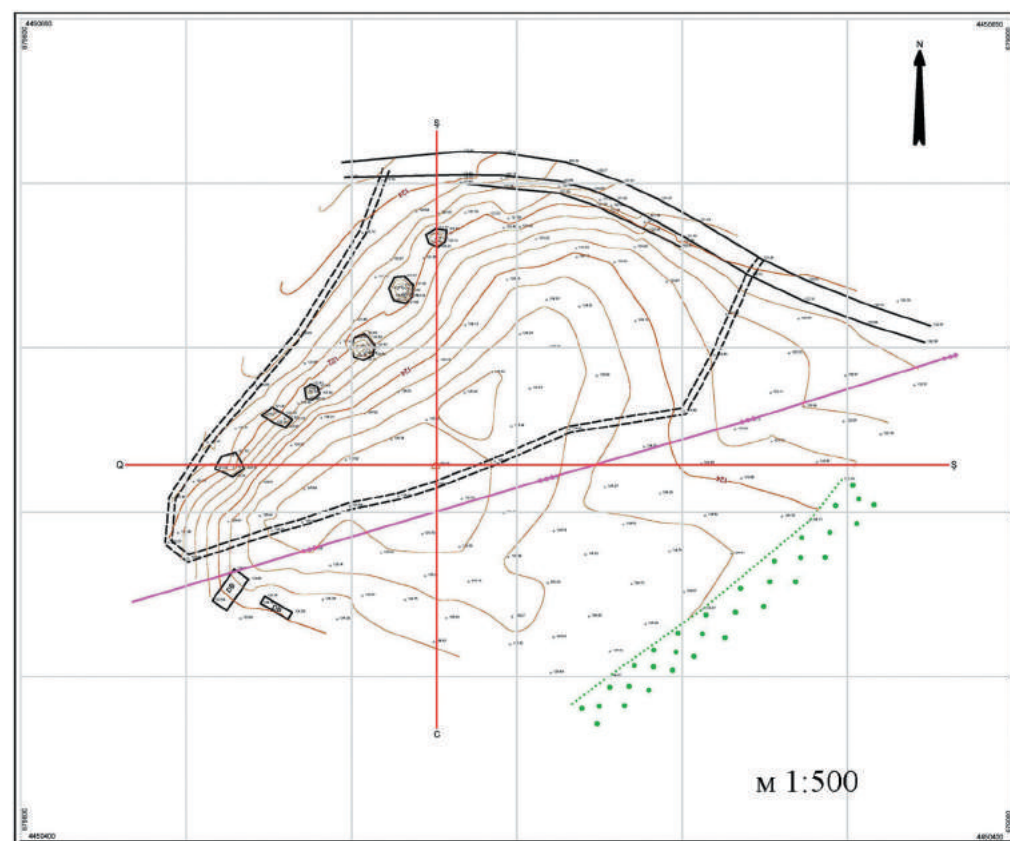
Присутствие (до 20%) пыльцы культурных злаков (крупные формы пыльцевых зерен) свидетельствует о наличии культуры земледелия у насельников Лейлатепе. Однако относительно небольшой их процент и доминирование пыльцы мальвовых (до 60–70%) говорит о том, что земледелие приходит в упадок и поля зарастают сорной растительностью. Многие виды мальвовых являются широко распространенными рудеральными сорняками. В экологическом отношении это преимущественно мезофильные растения,

не играющие существенной роли в растительных группировках.

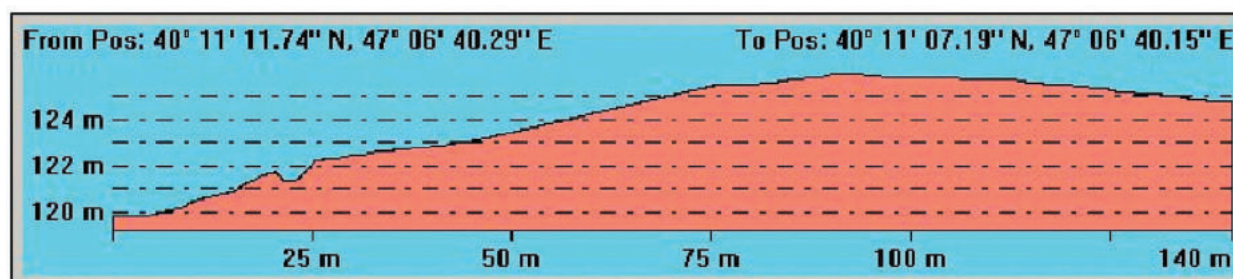
Палинозона II, образцы № 37 – 39, глубина 0.6–0.1 м (строительные горизонты III и IV), представлены буро-серыми суглинками с белыми вкраплениями и следами золы в № 37. В группе общего состава доминирует пыльца трав. Споры мхов и пыльца древесных встречаются единично. Среди травянистых преобладает пыльца ксерофитов: маревых, в большинстве марь душистая (*Chenopodium botris* L.), а также вьюнок (*Convolvulus*) и гречишные (*Polygonaceae*).

Пыльца древесных (*Pinus eldarica*, *Ulmus laevis*) и споры мхов единично отмечены при просмотре образцов сверх подсчета пыльцы травянистых (без учета пыльцы маревых). Единичные зерна пыльцы сосны, очевидно, результат заноса из сообществ ксерофильных редколесий, в состав которых она входила, расположенных на удалении от поселения.

Во второй палинозоне пыльца злаков и мальвовых исчезает — земледелие окончательно забрасывается. Однако сорная растительность некоторое время еще сохраняется, только пыльца мальвовых сменяется пылью сухолюбивого вида *Chenopodium botris* L. (Моносзон, 1950). Состав пыльцы и ее соотношение в спектре свидетельствуют об иссушении условий и смене мезофильной растительности ксерофильной. Это,

Profil $\zeta(N) - C(S)$

Profil $Q(W) - \zeta(E)$

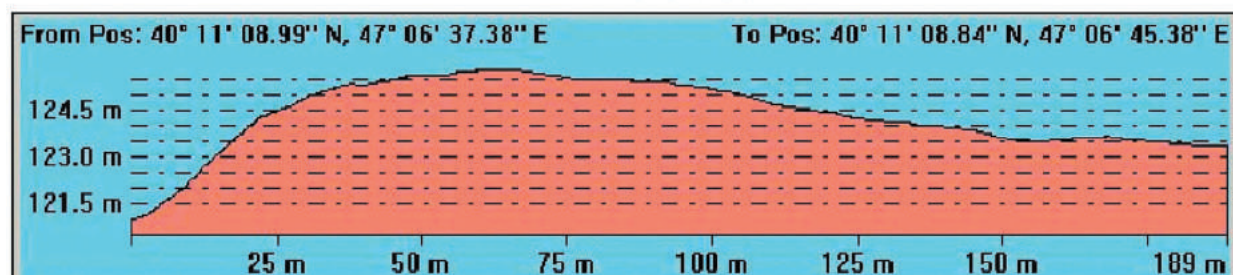

Рис. 4. Топографический план и горизонтальные срезы рельефа поселения Фармантепе.

Fig. 4. Topographic plan and relief profiles of the Farman-tepe settlement

Рис. 5. Вид северной стенки шурфа поселения Фармантепе.

Fig. 5. A view of the northern wall of the test pit in Farman Tepe

возможно, и стало причиной прекращения земледелия и забрасывания полей насельниками поселения.

Поселение Фармантепе находится в 1 км восточнее поселка Аяг Карвенд (Ayaq Qarvənd) Агдамского района, в северо-западной части Султанбудского леса (координаты: С 40° 11' 09.7", В 47° 06' 41.3"; абсолютная высота — 113 м) (Мамедов, Халилов, 2002. С. 388) (рис. 1, 2). Это слегка возвышающийся холм, с западной стороны ограниченный высохшим руслом древней реки Гарасу (рис. 3). С остальных сторон границы его плохо определимы. Диаметр памятника около 170 м, высота над дном русла реки 6 м (рис. 4). Памятник назван в честь покойного археолога Фармана Махмудова (Алмамедов, 2015).

Археологическими раскопками в северном секторе вершины Фармантепе исследовано 100 м². Определено, что толщина культурных отложений этого памятника около 2 м.

Отложения Фармантепе разделены на 7 горизонтов (рис. 5). Верхние горизонты 1 и 2 нарушены вспашкой, в нижних горизонтах 5–7 археологических артефактов не обнаружено. В 3 и 4 горизонтах выявлены строения из сырового кирпича и глинобита, причем в 4 горизонте присутствовали следы сильного пожара. Более поздний тип архитектуры, прослеженный в горизонтах 1 и 2, представлен остатками легких строительных конструкций, от которых сохранились лишь полы, обмазанные глиной, смешанной с соломой. На исследованном участке памятника площадью 100 м² были найдены фрагменты керамических

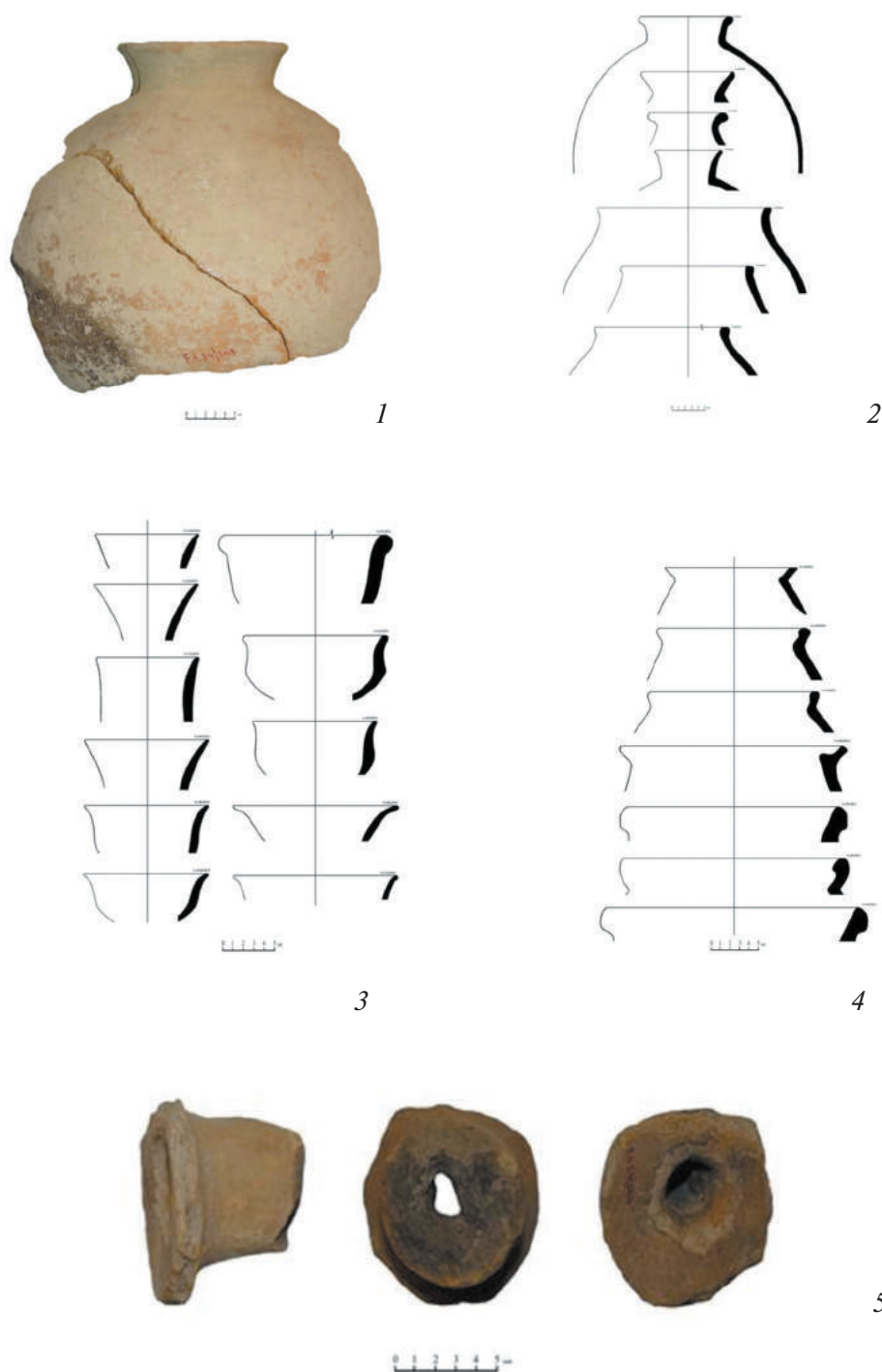

Рис. 6. Археологические находки из поселения Фармантепе: 1 – керамический сосуд; 2–4 – образцы керамической посуды; 5 – фрагмент керамического продуха от гончарной или металлургической печи.

Fig. 6. Archaeological finds from the settlement of Farman-tepe

сосудов (всего 2981 экз.), отщепы кремня и обсидиана, два шила из кости, фрагменты каменных дисков; открыты также два кувшинных погребения. Керамические изделия представлены образцами, формованными как на круге, так и от руки

(рис. 6, 1–4). В большинстве случаев поверхности их расчесаны гребенкой. Встречаются и фрагменты, на поверхности которых были нанесены знаки. Во втором горизонте обнаружен фрагмент керамического продуха от керамической или же

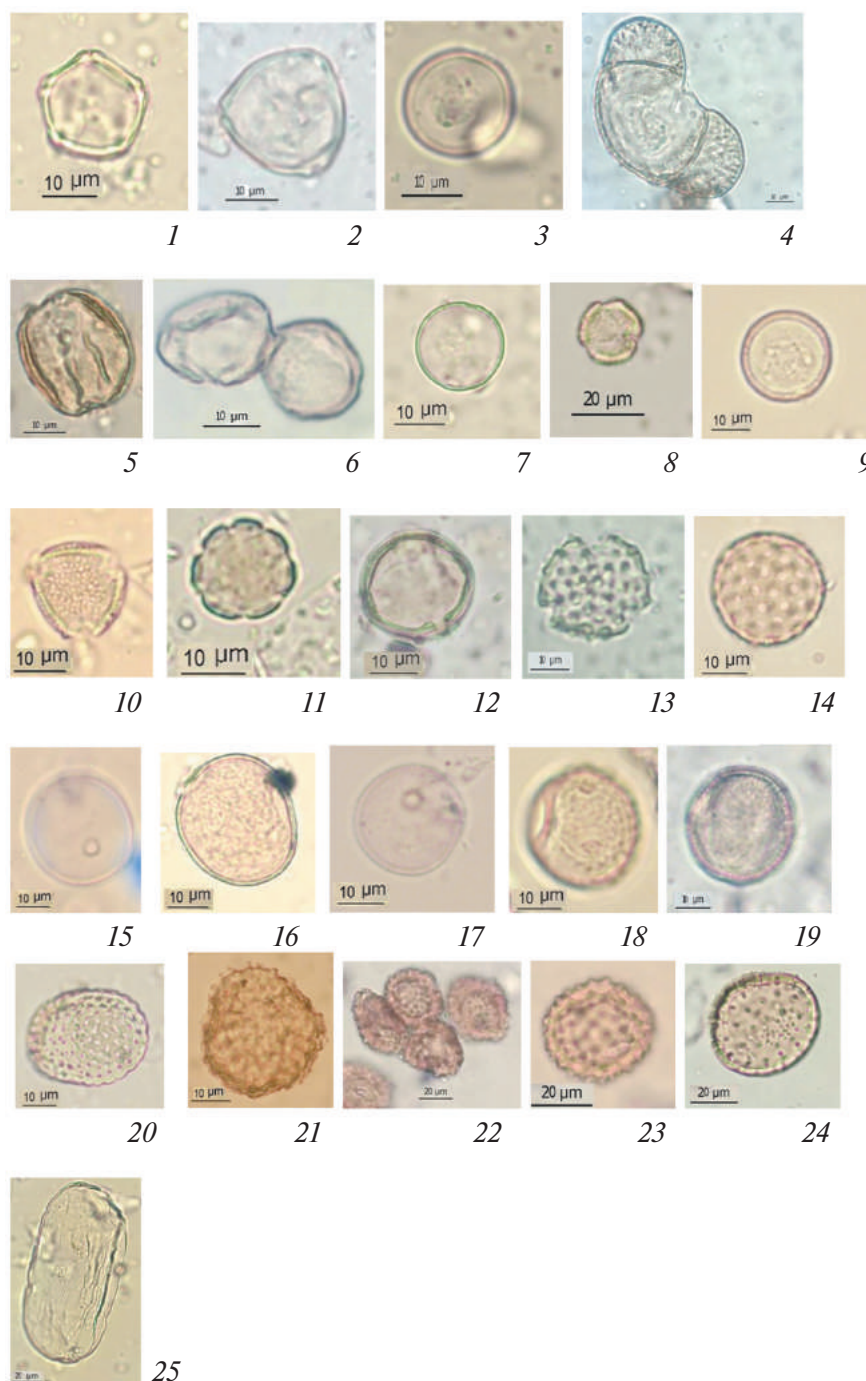

Рис. 8. Споры и пыльца, выделенные из культурных отложений поселения Фармантепе: 1 – *Alnus* sp.; 2 – *Carpinus orientalis*; 3 – *Juniperus* sp.; 4 – *Pinus eldarica*; 5 – *Quercus pubescens*; 6 – *Punica granatum*; 7 – *Morus* sp.; 8 – *Tamarix* sp.; 9 – *Daphne* sp. (Thymelaceae); 10 – *Viburnum opulus*; 11 – *Asperula* sp. (Rubiaceae); 12 – *Peganum harmala*; 13 – Asteraceae; 14 – Chenopodiaceae; 15 – Gramineae sp.1; 16 – Gramineae sp. 2; 17 – *Phragmites* sp.; 18 – *Plantago* sp.; 19 – *Rumex crispus*; 20 – *Salsola dendroides*?; 21 – *Lycopodium clavatum*; 22 – Bryales (скопление); 23 – Bryales sp.; 24 – Sp. 1 (*Nuphar*?); 25 – Sp. 2.

Fig. 8. Spores and pollen isolated from cultural deposits of the settlement of Farmantepe

зоне свидетельствует об увеличении увлажнения и, как следствие, смене растительных ценозов. В данном случае полупустыни сменяются сухими степями, о чем свидетельствует минимальное (18%) на всем протяжении спектра присутствие

пыльцы маревых (*Chenopodiaceae*). Ведущая роль в травянистом покрове принадлежит астрагалам (*Astragalus*) из семейства бобовых (*Fabaceae*) (30%), а также полыни (*Artemisia*) (20%) с участием разнотравья (10%), подорожника (*Plantago*) (9%),

злаковых (*Gramineae*) (5%), могильника (*Peganum harmala*) (4%) и др.

Экология астрагалов различна. Немалое число видов (преимущественно ценофобные растения) входит в состав первичных сукцессий, произрастающих на аллювии речных пойм, песках и обнажениях (Сытин, 2009). Увеличение влажности приводило к обводненности территории, повышению уровня воды в реках и образованию рукавов и меандров. Поймы и временно затопляемые территории осваивались пионерными видами растений, в том числе и астрагалами.

В группе древесных пород содержание пыльцы сосны эльдарской — максимальное на всем протяжении палинокомплекса (до 47%) и связано с присутствием вяза (*Ulmus*) и фисташки (*Pistacia*). Увеличивается разнообразие кустарничковых пород, образующих подлесок в лиственных лесах: бересклета (*Euonimus*), калины (*Viburnum*), волчеягодника (*Daphne*). Можжевельник (*Juniperus*) и интразональные представители приречных лесов — тамарикс (*Tamarix*), тут (*Morus*), лещина (*Coryllus*), единично ольха (*Alnus*) — продолжают участвовать в растительных сообществах, как и в предыдущей зоне.

Третья палинозона охватывает отложения, представленные суглинками от коричнево-красноватого до светло-коричневого цвета с белыми вкраплениями, на глубине 125–40 см (образцы № 5–1), и характеризует четвертый и третий горизонты. В палинокомплексе отмечается увеличение пыльцы травянистых за счет маревых (*Chenopodiaceae*) и уменьшение пыльцы древесных. В группе последних выделяется пыльца можжевельника (*Juniperus*), тута (*Morus*) и фисташки (*Pistacia*), содержание пыльцы сосны (*Pinus eldarica*) и тамарикса (*Tamarix*) сокращается.

В средней части палинокомплекса (образец № 4) отмечается “всплеск” пыльцы ивы (*Salix*), тополя (*Populus*) и сокращение можжевельника (*Juniperus*), при практически неизменном составе травянистой растительности. Возможно, был кратковременный период разлива реки, когда поселение находилось непосредственно у берега. Затем условия восстанавливаются и верхняя часть этой палинозоны вновь характеризуется полупустынным типом растительности с участием ксерофильного редколесья — можжевельника (*Juniperus*), тута (*Morus*), граната (*Punica granatum*).

В группе травянистых доминирует пыльца маревых (*Chenopodiaceae*) с незначительным участием крапивных (*Urticaceae*), розовых (*Rosaceae*),

лютиковых (*Ranunculaceae*), бобовых (верблюжьей колючки — *Alhagi*) и сложноцветных (*Cihoriaceae*).

Характерным для верхней части этой зоны является присутствие спор мхов и грибов, не отмеченных в других образцах. В образце № 2 были отмечены переотложенные споры зеленых водорослей (*Tasmanites*), характеризующие морской режим отложений.

Наконец, спорово-пыльцевой спектр поверхностной пробы (образец № 0), взятой в верхнем почвенном слое, соответствует полупустынному типу растительности. Пыльца трав преобладает (89%) с доминированием маревых и верблюжьей колючки (*Alhagi*) из семейства бобовых, единично встречается пыльца злаков, полыни и осоки. Пыльца древесных пород составляет 8% от общего количества пыльцы и представлена сосной, можжевельником, тамариксом и единичными зёрнами граба, ольхи.

Современная растительность не нашла своего полного отражения в субрецентном спектре. Несмотря на то, что поселение находится непосредственно на территории заповедника, охраняющего фисташковое редколесье, пыльца дикой фисташки (*Pistacia mutica*) не была встречена в спектре. Тем не менее для периода наибольшего увлажнения (образцы № 5 и 6) пыльца фисташки отмечается.

Обсуждение результатов

Изменение климатических условий (в основном влажности) сыграло основную роль в расположении и формировании поселений Карабахской равнины конца V — первой половины IV тыс. до н.э.

Высокий процент разнотравной растительности и мезофильный ее характер в нижних спектрах диаграммы Лейлатепе свидетельствуют о довольно высокой влажности климата, что подтверждается и максимальным содержанием спор печеночных мхов. Присутствие пыльцы культурных злаков (крупные формы пыльцевых зерен) говорит о наличии культуры земледелия у насельников Лейлатепе. Однако относительно небольшой их процент (максимум 20%) и доминирование рудеральной пыльцы мальвовых (до 60–70%) говорят о том, что земледелие на этом этапе находилось в состоянии упадка. Из-за высокой влажности и подъема уровня рек территории у поселения подтапливались, а иногда и заливались: об этом свидетельствует максимальное присутствие в спектрах спор гигрофильных мхов (*Bryales*). Сведения о природных условиях на начальном этапе заселения отсутствуют. Последовавшее иссушение, выразившееся

в увеличении ксерофильных трав, привело к за-
растанию полей сорняками (*Chenopodiaceae*,
Convolvulus, *Polygonaceae*) и их окончательному
забрасыванию.

О сухих и жарких климатических условиях
также свидетельствуют спектры из отложений
береговой линии древнего высохшего русла реки,
протекавшей у подножия телля Фармантепе.
В это время на Карабахской равнине существо-
вали полупустынные фитоценозы с участками
ксерофильного редколесья из сосны эльдарской
и можжевельников. В засушливые периоды отно-
сительно высокие речные террасы не были благо-
приятны для заселения и поселения формирова-
лись ближе к поймам и урезам рек.

Далее засушливый период вновь сменяется
повышением увлажнения. Во второй четверти
IV тыс. до н.э. влажность климата повышается,
что выразилось в увеличении пыльцы древесных
пород и сокращении пыльцы маревых. Сосно-
во-можжевельниковые редколесья сменяются сосно-
во-фисташково-можжевельниковыми. Приречные ни-
зинные леса получают большее развитие. Теплые
и влажные условия, расширение пойменных ле-
сов вдоль рек, переходящих в сосново-фисташ-
ково-арчевое редколесье, заливные луга и степи
с обильным кормом, привлекли сюда первых
поселенцев-скотоводов. Увеличение влажности
приводило к обводнению территории, повыше-
нию уровня воды в реках, что заставляло насе-
льников выбирать места для поселений повыше.
По отсутствию в спектрах пыльцы культурных
злаков можно констатировать, что наличие зем-
ледельческой культуры у насельников поселения
Фармантепе не выявляется.

Следующий этап — очередное иссушение и
распространение вновь полупустынных фитоце-
нозов. В это время отмечается резкое сокраще-
ние пыльцы сосны эльдарской с последующим
исчезновением ее в верхней части палинозоны и
выпадение из состава растительности фисташки.
Уменьшение пыльцы отдельных ксерофильных
древесных пород в условиях иссушения клима-
та не может быть объяснено только наступлени-
ем сухости. Эти виды до сих пор произрастают
на территории Карабахской равнины, хотя неко-
торые в качестве интродуцентов.

Сокращение пыльцы сосны в спектрах посе-
лений Кура-Араксинской низменности (Тагиева,
Велиев, 2014) предположительно было связано
с использованием сосны в качестве топлива. Со-
сна содержит смолянистые вещества и долго под-
держивает и сохраняет тепло при горении, необ-
ходимое для обжига керамики. Фисташка также

содержит камедистую смолу и могла, как и сосна,
применяться в качестве источника тепла, а также
масла и смолы для лампад.

Таким образом, на территории Карабах-
ской равнины в конце V и первой половине
IV тыс. до н.э. происходила периодическая смена
аридных условий к гумидным и наоборот. В ус-
ловиях повышенного увлажнения в раститель-
ности на фоне полупустынь формировались ксе-
рофильные редколесья, а вдоль рек расширялись
тугайные леса; в аридные фазы преобладали по-
лупустыни с сокращением древесно-кустарнико-
вой растительности.

Результаты палинологических анализов полу-
чают подтверждение при обзоре ареала располо-
жения и топографии лейлатепинских памятни-
ков на Карабахской равнине. Как и Лейлатепе,
(рис. 1, 1) поселения Чаггаллытепе (рис. 1, 6),
Пашабейли (рис. 1, 3), Сойюдлютепе (рис. 1, 5)
и др. располагались на равнинных территориях,
которые сегодня находятся вдалеке от каких-ли-
бо водных источников. Такое расселение можно
объяснить умеренным климатом и достаточ-
ным в этот период для земледелия увлажнением
не только вдоль речных артерий. Другая причи-
на такого расселения, по нашему мнению, мог-
ла быть связана с хозяйственной деятельностью.
Благоприятные климатические условия осво-
бождали носителей лейлатепинской культуры,
практиковавших богарное земледелие, от необ-
ходимости искусственного орошения. Памятни-
ки находятся на предгорных равнинах на высоте
100–180 м над уровнем моря. Диаметр теллей —
50–100 м, высота — от 1 до 3 м, расстояние между
памятниками 1–3 км. В количественном отно-
шении памятники этой группы на Карабахской
равнине не являются преобладающими.

Изменение климатических условий стало при-
чиной угасания земледелия на поселении Лейла-
тепе. В условиях иссушения климата население
было вынуждено переселяться на более благо-
приятные территории к источникам воды. Изме-
няется ареал расселения и топография поселений.
Насельники расселяются около русел рек в пери-
оды засухи и на естественных холмах во время
повышения увлажнения и разливов рек. По ре-
зультатам археологических раскопок выявлено,
что для времени заселения поселения Фарманте-
пе были характерны сырцовые строения (4 и 3 го-
ризонты). Аналогичные постройки обнаружены
в Шамлытепе (рис. 1, 7), Джанавартепе (рис. 1, 4),
Туфантепе (рис. 1, 8) и др.

Точный возраст Лейлатепе не определен. Срав-
нительный анализ археологического материала

и сравнение топографии памятников дают возможность говорить о преемственности природных условий колонок палинозон от Лейлатепе к Фармантепе. В обоих памятниках выявлены слои со строениями из сырцового кирпича, в основании которых отмечены следы золы (очевидно, пожара). В Лейлатепе они характеризуют второй и третий горизонты, в Фармантепе — третий и четвертый.

Позднее на поселении Фармантепе (2 и 1 горизонты) типичны строения легкой конструкции. В это время (палинозона II) возрастает роль древесных пород и разнотравья, на Карабахской равнине вновь устанавливается теплый и влажный климат, пастбища становятся более плодородными. Баланс тепла и влаги, злаковая и разнотравная растительность создавали благоприятную кормовую базу для скотоводства (Корневский, 2004. С. 72). С другой стороны, увеличение влажности приводило к увеличению речного стока и разливу рек и соответственно к затоплению плодородных земель, отведенных населенниками для земледелия. Изменение природных условий обусловило изменение особенностей хозяйственной деятельности — скотоводство превращается в ведущую форму хозяйства. В строительном деле люди перешли от кирпичных домов к домам легкой конструкции.

Очередное уменьшение осадков привело к осушению мелких рек, вследствие чего поселения типа Фармантепе прекратили свое существование, а внутри лейлатепинской культуры произошли изменения. Хозяйство, основанное на скотоводстве, требовало поиска новых пастбищ и водных источников. А это, в свою очередь, обусловило движение носителей лейлатепинской культуры в сторону крупной речной артерии — Куры. Переселение шло в западном и северо-западном направлениях. В результате происходило формирование небольших памятников с очень маломощными и бедными культурными слоями, такими как поселения Тезекент 1 и 2 (рис. 1, 9, 10). Эти поселения располагались на высоте 15–55 м над уровнем моря; высота таких памятников, расположенных на небольших естественных холмах, составляла 0.3–1 м, диаметр 20–45 м.

Начиная со второй четверти IV тыс. до н.э. носители лейлатепинской культуры перешли от оседлого образа жизни к полуоседлому и кочевому. На некоторых памятниках этого времени культурные слои вообще не прослеживаются, в качестве подъемного материала обнаружены лишь фрагменты керамических сосудов. Дальнейшие исследования позволят более подробно

восстановить условия существования и уклад населения этого времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиев Н.Г., Нариманов И.Г. Культура Северного Азербайджана в эпоху позднего энеолита. Баку, 2001. 144 с.
- Алмамедов Х.И. Археологические исследования 2013 года на поселении Фармантепе // Археологические исследования в Азербайджане 2013–2014. Баку: Xezer Universiteti, 2015. С. 90–95. (На азерб. яз.; резюме на рус. яз.)
- Алмамедов Х.И. Свод археологических памятников Гарабаха. Кн. I. Баку: CapArt, 2016. 448 с.
- Ахундов Т.И. Материалы к изучению Переднеазиатской миграции на Кавказ // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Баку: Nurlar, 2005. С. 52–53.
- Ахундов Т.И. Алхантепе — поселение начала бронзового века в Азербайджане // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2014. № 10. С. 78–92.
- Ахундов Т.И., Алмамедов Х.И. Южный Кавказ в эпоху неолита — ранней бронзы (Центральный и Восточный регион) // Археология и этнография Азербайджана. 2016. № 2. С. 19–33.
- Велиев С.С., Тагиева Е.Н., Атакишиев Р.М. Антропогенная трансформация растительного покрова территории Азербайджана в IV–II тысячелетиях до н.э. // География и природные ресурсы. Иркутск, 1996. № 2. С. 169–176.
- Гулиев Ф.Э. Урукская керамика Южного Кавказа // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Баку: Nurlar, 2005. С. 82.
- Информационная система идентификации растительных объектов на основе карпологических, палинологических и анатомических данных [Электронный ресурс]. URL: <https://botany-collection.bio.msu.ru> (дата обращения: 01.03.2021).
- Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность: проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 243 с.
- Курпирянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца и споры растений флоры европейской части СССР. Т. 1. Л.: Наука, 1972. 171 с.
- Мамедов Г.Ш., Халилов М.Ю. Леса Азербайджана. Баку: Элм, 2002. 472 с. (На азерб. яз.)
- Монозон М.Х. Морфология пыльцы семейства Chenopodiaceae // Труды Института географии АН СССР. Вып. 46. М., 1950. С. 271–360.
- Мунчаев Р.М. Урукская культура (Месопотамия) и Кавказ // Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе. Археология, этнология и

- фольклористика Кавказа: Междунар. науч. конф. Махачкала: Эпоха, 2007. С. 8–9.
- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н. Урукская культура Месопотамии и Кавказ // Вестник Института истории, археологии и этнографии / Рос. акад. наук, Дагестанский науч. центр. 2007. № 4 (11). С. 3–15.
- Муσειбли Н.А. Лейлатепенская археологическая культура: Переднеазиатские корни и место в Кавказском энеолите // Археология и этнография Азербайджана. 2011. № 2. С. 5–29. (На азерб. яз.; резюме на рус. яз.)
- Нариманов И.Г. Обейдские племена Месопотамии в Азербайджане // Всесоюзная археологическая конференция: тез. докл. Баку: Элм, 1985. С. 271–272.
- Нариманов И.Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI–IV тыс. до н.э.). Баку: Элм, 1987. 260 с.
- Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Алиев Н.Г. Лейлатепе. Поселение, традиция, этап в этнокультурной истории Южного Кавказа. Баку, 2007. 127 с.
- Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., Велиев С.С., Тагиева Е.Н. Итоги палинологического изучения культурных слоев поселения эпох энеолита и бронзы в Агдамском районе // Материалы научной сессии, посвященной 100-летию видного азербайджанского археолога Салеха Мустафа оглу Казиева. Баку, 1994. С. 105–107.
- Потёмкин А.Д., Софронова Е.В. Печеночники и антоцетовые России. Т. 1. СПб.; Якутск: Бостон-Спектр, 2009. 368 с.
- Сытин А.К. Астрагалы (*Astragalus* L., *Fabaceae*) Восточной Европы и Кавказа: систематика, география, эволюция: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. СПб., 2009. 44 с.
- Тагиева Е.Н., Велиев С.С. Природные условия и первые земледельческо-скотоводческие культуры Азербайджана. Основные этапы взаимодействия // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2014. № 2. С. 95–107.
- Almammadov Kh.I. The new monuments of Leylatapa culture discovered in Garabagh Plain // Problems of Maykop Culture in the Context of Caucasian-Anatolian Relations: Proceedings of the International Archeological Symposium. Tbilisi: Meridiani, 2013. P. 31–34.
- PalDat – Palynological Database: an online publication on recent [Электронный ресурс]. URL: <https://www.paldat.org> (дата обращения: 01.03.2021).

INTERCONNECTION BETWEEN THE DYNAMICS OF NATURAL CONDITIONS AND POPULATING OF THE QARABAG PLAIN OF CENTRAL AZERBAIJAN IN THE 4TH MILLENNIUM BC

Khagani I. Almammadov^{1,*}, Elena N. Tagieva^{2,**}

¹*Institute of Archaeology and Ethnography of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku*

²*G.A. Aliyev Institute of Geography of Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku*

*E-mail: almamedov.2020@gmail.com

**E-mail: tagelena@rambler.ru

Climatic changes that took place in the 4th millennium BC (the second half of the Atlantic period, 6–5 thousand years ago) as revealed with the palynological data from the settlements of the Qarabag (Karabakh) plain of Central Azerbaijan caused direct changes in the lifestyle and economic structure of the Leylatepe culture carriers. Three consecutive changes in humidity were recorded, each of which coincides with a certain type of settlements, differing in their topography, quality of the construction material used, area and density of settlement.

Keywords: Qarabag (Karabakh) plain, the settlement of Leylatepe, the settlement of Farmantepe, the Leylatepe culture, the Neolithic, the Eneolithic, palynology.

REFERENCES

- Akhundov T.I., 2005. Materials for studying the West Asian migration to the Caucasus. *Arkheologiya, etnologiya, fol'kloristika Kavkaza* [Archaeology, ethnology, folklore studies of the Caucasus]. Baku: Nurlar, pp. 52–53. (In Russ.)
- Akhundov T.I., 2014. Alkhan-tepe – a settlement of the Early Bronze Age in Azerbaijan. *Zapiski Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk* [Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS], 10, pp. 78–92. (In Russ.)
- Akhundov T.I., Almamedov Kh.I., 2016. The Southern Caucasus in the Neolithic – early Bronze Age (the Central and Eastern region). *Arkheologiya i etnografiya*

- Azerbaydzhana [Archaeology and ethnology of Azerbaijan]*, 2, pp. 19–33. (In Russ.)
- Aliev N.G., Narimanov I.G., 2001. Kul'tura Severnogo Azerbaydzhana v epokhu pozdnego eneolita [The culture of Northern Azerbaijan in the late Neolithic]. Baku. 144 p.
- Almamedov Kh.I., 2015. Archaeological studies on the Farman-tepe settlement in 2013. *Arkheologicheskie issledovaniya v Azerbaydzhane 2013–2014 [2013–2014 archaeological studies in Azerbaijan]*. Baku: Xezer Universiteti, pp. 90–95. (In Azerbaijani).
- Almamedov Kh.I., 2016. Svod arkheologicheskikh pamyatnikov Garabakha [The register of Qarabag archaeological sites], I. Baku: CapArt. 448 p.
- Almammadov Kh.I., 2013. The new monuments of Leylatapa culture discovered in Garabagh Plain. *Problems of Maykop Culture in the Context of Caucasian-Anatolian Relations: Proceedings of the International Archeological Symposium*. Tbilisi: Meridiani, pp. 31–34.
- Guliev F.E., 2005. The Uruk pottery of the Southern Caucasus. *Arkheologiya, etnologiya, fol'kloristika Kavkaza [Archaeology, ethnology, folklore studies of the Caucasus]*. Baku: Nurlar, p. 82. (In Russ.)
- Korenevskiy S.N., 2004. Drevneyshie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya: Maykopsko-novosvobodnenskaya obshchnost': problemy vnutrenney tipologii [The earliest farmers and pastoralists of the Cis-Caucasus: the Maykop-Novosvobodnaya community: issues of the internal typology]. Moscow: Nauka. 243 p.
- Kupriyanova L.A., Aleshina L.A., 1972. Pyl'tsa i spory rasteniy flory evropeyskoy chasti SSSR [Pollen and spores of the flora of the USSR's European part], 1. Leningrad: Nauka. 171 p.
- Mamedov G.Sh., Khalilov M.Yu., 2002. Lesa Azerbaydzhana [Forests of Azerbaijan]. Baku: Elm. 472 p. (In Azerbaijani).
- Monoszon M.Kh., 1950. Morphology of the Chenopodiaceae subfamily pollen. *Trudy Instituta geografii AN SSSR [Works of the Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences]*, 46. Moscow, pp. 271–360. (In Russ.)
- Munchaev R.M., 2007. The Uruk culture (Mesopotamia) and the Caucasus. *Noveyshie arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya na Kavkaze. Arkheologiya, etnologiya i fol'kloristika Kavkaza: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya [Latest archaeological and ethnological studies of the Caucasus. Archaeology, ethnology and folklore studies of the Caucasus: International scientific conference]*. Makhachkala: Epokha, pp. 8–9. (In Russ.)
- Munchaev R.M., Amirov Sh.N., 2007. The Uruk culture of Mesopotamia and the Caucasus. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii [Institute of History, Archaeology and Ethnology Bulletin]*, 4 (11), pp. 3–15. (In Russ.)
- Museibli N.A., 2011. The Leyla-tepe archaeological culture: West Asian origins and its place in the Caucasian Eneolithic. *Arkheologiya i etnografiya Azerbaydzhana [Archaeology and ethnology of Azerbaijan]*, 2, pp. 5–29. (In Azerbaijani).
- Narimanov I.G., 1985. Ubaid tribes of Mesopotamia in Azerbaijan. *Vsesoyuznaya arkheologicheskaya konferentsiya: tezisy dokladov [The all-Union archaeological conference: Abstracts]*. Baku: Elm, pp. 271–272. (In Russ.)
- Narimanov I.G., 1987. Kul'tura drevneyshego zemledel'chesko-skotovodcheskogo naseleniya Azerbaydzhana (epokha eneolita VI–IV tys. do n.e.) [The culture of earliest farmers and pastoralists of Azerbaijan (The Eneolithic, 6th–4th millennia BC)]. Baku: Elm. 260 p.
- Narimanov I.G., Akhundov T.I., Aliev N.G., 2007. Leylatepe. Poselenie, traditsiya, etap v etnokul'turnoy istorii Yuzhnogo Kavkaza [Leyla-tepe. Settlement, tradition, a stage of the Southern Caucasus ethnocultural history]. Baku. 127 p.
- Narimanov I.G., Akhundov T.I., Veliev S.S., Tagieva E.N., 1994. Results of the palynological studies in cultural layers of Eneolithic and Bronze Age settlements in Agdam district. *Materialy nauchnoy sessii, posvyashchennoy 100-letiyu vidnogo azerbaydzhanskogo arkheologa Salekha Mustafa oglu Kazieva [Proceedings of the academic session to the 100th anniversary of the outstanding Azerbaijani archaeologist Saleh Mustafa oglu Kaziev]*. Baku, pp. 105–107. (In Russ.)
- PalDat – Palynological Database: an online publication on recent (Electronic resource). URL: pollen <https://www.paldat.org/>
- Potemkin A.D., Sofronova E.V., 2009. Pechenochniki i antotserotovy Rossii [Liverworts and hornworts of Russia], 1. St. Petersburg; Yakutsk: Boston-Spektr. 368 p.
- Sytin A.K., 2009. Astragaly (Astragalus L., Fabaceae) Vostochnoy Evropy i Kavkaza: sistematika, geografiya, evolyutsiya: avtoreferat dissertatsii ... doktora biologicheskikh nauk [Astragaluses (Astragalus L., Fabaceae) of Eastern Europe and the Caucasus: systematics, areal, evolution: an author's abstract of the Doctoral thesis in Biology]. St. Petersburg. 44 p.
- Tagieva E.N., Veliev S.S., 2014. Natural conditions and the earliest farming and pastoral cultures of Azerbaijan. Main stages of interaction. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Geography]*, 2, pp. 95–107. (In Russ.)
- Veliev S.S., Tagieva E.N., Atakishiev R.M., 1996. Anthropogenic transformation of the plant formation on the Azerbaijan territory in the 4th–2nd millennia BC. *Geografiya i prirodnye resursy [Geography and natural resources]*, 2. Irkutsk, pp. 169–176. (In Russ.)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ХРОНОЛОГИИ АСБЕСТОВОЙ КЕРАМИКИ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО СТИЛЯ ТИПА ВОЙНАВОЛОК

© 2021 г. А.М. Жульников^{1,*}, А.Ю. Тарасов^{2,**}

¹Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

²Карельский научный центр РАН, Петрозаводск, Россия

*E-mail: rockart@yandex.ru

**E-mail: taleksej@drevlanka.ru

Поступила в редакцию 03.02.2021 г.

Статья представляет результаты исследования хронологии энеолитической асбестовой керамики геометрического стиля (тип Войнаволок) и выявления факторов, которые привели к началу массового использования асбеста в обмене и керамическом производстве в Северо-Восточной Европе. По AMS-датам керамика типа Войнаволок относится к периоду 3500–3300 лет до н.э., по датировкам угля из конструкций жилищ — 3300–3100 лет до н.э. Основным компонентом в формировании традиций типа Войнаволок является ромбоямочная керамика Обонежья. Полученные в ходе исследования данные позволяют предположить, что “спусковым механизмом” для возникновения асбестовой керамики геометрического стиля послужило сложение в Обонежье новой социальной общности, состоящей из производственных коллективов, взаимодействующих в производстве изделий, предназначенных для престижного обмена.

Ключевые слова: Обонежье, асбестовая керамика, стоянка-мастерская, энеолит, престижный обмен.

DOI: 10.31857/S086960630013650-4

Около середины IV тыс. до н. э. на большей части лесной полосы Восточной Европы происходят кардинальные изменения в керамическом производстве, характеризующиеся распространением посуды с примесью раковины и органики, постепенным вытеснением из орнамента глубоких ямок, украшением сосудов преимущественно оттисками гребенчатого штампа. Примерно в это же время в восточной части бассейна Балтийского моря при изготовлении керамической посуды, наряду с органическими примесями, начинается массовое применение волокнистого огнестойкого минерала — асбеста. В этой связи особую актуальность приобретают исследования, направленные на получение данных, позволяющих синхронизировать группы пористой и асбестовой керамики, и рассмотрение этих типов в контексте иных изменений в материальной культуре охотников и рыболовов Восточной Европы. Среди разновидностей нео-энеолитической керамики, получивших распространение в восточной части бассейна Балтийского моря в IV тыс. до н. э., несомненный интерес для решения проблем их происхождения и взаимодействия представляют комплексы асбестовой керамики, украшенной оригинальными геометрическими композициями, находящими некоторые аналогии на неолитической посуде

этого региона. Данное исследование выполнено с целью уточнения данных по хронологии асбестовой керамики геометрического стиля и определения факторов, которые привели к началу массового использования волокнистого минерала в керамическом производстве и обмене.

Специфика керамической традиции типа Войнаволок. Впервые на асбестовую керамику, украшенную гребенчато-ямочным орнаментом, обратила внимание Н.Н. Гурина, отметив, что на территории Карелии, наряду с “классической” керамикой, украшенной преимущественно вертикальным зигзагом из оттисков гребенки, существуют иные группы посуды с примесью асбеста (Гурина, 1961. С. 50). В середине 80-х годов XX в. А.М. Жульниковым был исследован чистый комплекс асбестовой керамики, украшенной узором из геометрических мотивов из поселения с тремя полуземляночными жилищами Войнаволок XXVII. При публикации материалов этого памятника было отмечено, что на территории региона имеется не менее 10 стоянок с асбестовой керамикой геометрического стиля (Жульников, 1993. С. 145).

Энеолитическая асбестовая и пористая керамика, найденная на территории Карелии, в конце XX в. была разделена А.М. Жульниковым

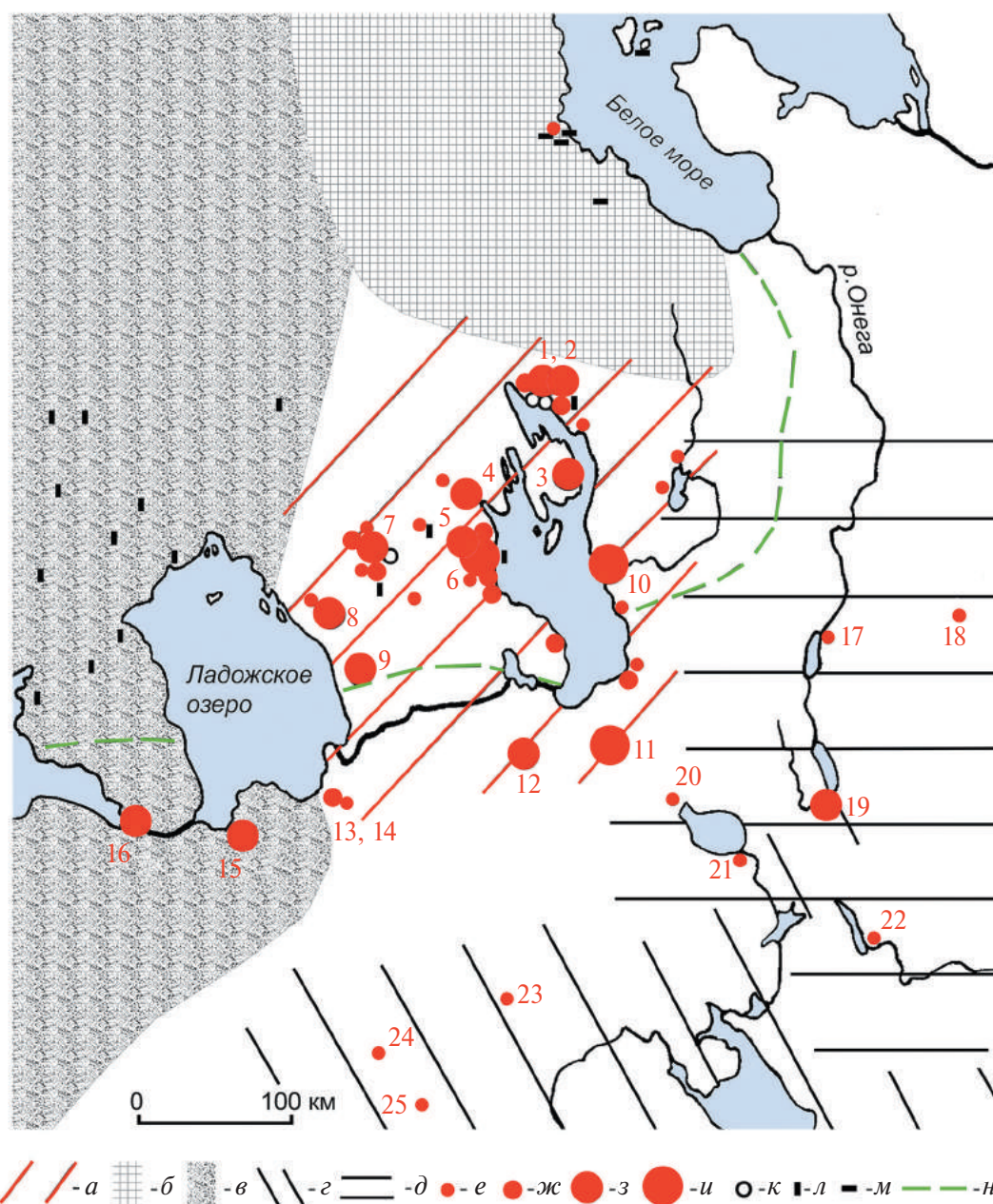

Рис. 1. Карта распространения керамики типа Войнаволок (цифрами обозначены памятники с числом сосудов 10 и более): 1, 2 – Войнаволок XXV, XXVII; 3 – Кузаранда; 4 – Суна I; 5 – Фофаново VI; 6 – Фофаново XIII; 7 – Лахта III; 8 – Новземское I; 9 – Верховье (Олонек); 10 – Первомайская I; 11 – Илекса (на Куштозеро); 12 – Падань I; 13, 14 – Усть-Рыбежна I, II; 15 – Подолье I; 16 – Охта I; 17 – Кубенино; 18 – Ильинский Остров; 19 – Модлона; 20 – Устье Шолы I; 21 – Пески (Каргулино); 22 – Вёкса I; 23 – Приворот; 24 – Кончанское IV; 25 – Репище; 26 – Усть-Вытегра I–IV.

Условные обозначения: *a* – основная территория памятников с керамикой типа Войнаволок; *б* – территория памятников с керамикой типа Залавруга; *в* – территория памятников с поздней типичной гребенчато-ямочной керамикой; *г* – территория памятников с волосовской керамикой; *д* – территория памятников с керамикой типа Модлона 2-Тихманга; *e* – 1–2 сосуда; *ж* – 3–9 сосудов; *з* – 10–49 сосудов; *и* – 50 и более сосудов; *к* – комплексы с керамикой переходного типа (от типа Войнаволок к типу Оровнаволок); *л* – места находок типичной гребенчато-ямочной или ромбоямочной керамики с примесью асбеста (1–2 сосуда); *м* – места находок керамики типа Залавруга с примесью асбеста (1–2 сосуда); *н* – южная и восточная граница распространения асбеста на Севере Европы.

Fig. 1. Map of the distribution of the Voynavolok-type pottery

на четыре группы (типа), получившие названия по опорным опубликованным комплексам: Войнаволок, Оровнаволок, Палайгуба и Залавруга.

Выделение типов керамики проведено с опорой на статистическое сопоставление признаков не отдельных сосудов, а комплексов керамики,

полученных в основном из слоя полужемляночных жилищ, и лишь тип Залавруга был выделен при изучении особенностей его морфологии (Жульников, 1999).

Область распространения керамики типа Войнаволок значительно меньше территории, которую в предыдущий период занимали памятники с типичной гребенчатой и ромбоямочной керамикой. В настоящее время керамика типа Войнаволок найдена на 50 памятниках, где выделено минимум 596 сосудов (рис. 1). На территории Обонежья и восточной части бассейна Ладожского озера исследовано 15 стоянок, где обнаружено от 7 до 36 сосудов типа Войнаволок. Имеется три комплекса с числом сосудов более 50 экз. (Первомайская I, Илекса на Куштозеро, Фофаново XIII). За пределами основной (с сериями сосудов) территории распространения керамики геометрического стиля исследовано три стоянки, где подобная керамика входит в состав синкретических комплексов посуды с пористой структурой, обладающей признаками волосовской (стоянка Модлона) (Ошибкина, 1978) или, видимо, типичной гребенчатой (стоянки Охта 1, Подолье 1) (Гусенцова, Холкина, 2015). От одного до трех асбестовых сосудов типа Войнаволок достаточно уверенно выделяется в материалах поселений, расположенных в бассейнах рек Мста, Онега, северной части верхневолжского бассейна, в верхней части бассейна реки Сухона, а также в Юго-Западном Прибеломорье (рис. 1) и северной части Финляндии (стоянка Вуопая). Примерно четверть от общего числа сосудов типа Войнаволок обнаружена за пределами территории Скандинавского щита, где волокнистый минерал встречается в некоторых видах горных пород. За пределами зоны “асбестоносности”, к югу и востоку от нее, зафиксирована примерно треть от числа известных к настоящему времени памятников, на которых выделена керамика типа Войнаволок. На некоторых из них найдены куски асбеста, что, вероятно, свидетельствует о распространении этого минерала путем обмена (Гусенцова, Холкина, 2015. С. 225). Удаленность находок фрагментов керамики типа Войнаволок от границы распространения асбеста достигает 200–450 км (рис. 1). Севернее и западнее Обонежья, где асбест широко представлен в природе, напротив, сосуды типа Войнаволок единичны. В этой связи отметим, что имеются косвенные факты, свидетельствующие о появлении севернее Обонежья (в Западном Прибеломорье) группового населения (распространение керамики типа Залавруга, не имеющей генетических связей с предшествующей ромбоямочной посудой;

Жульников, 1999. С. 49), контакты с которыми у носителей традиции керамики типа Войнаволок по неясным нам пока причинам оказались затруднены.

подавляющая часть сосудов типа Войнаволок в пределах зоны “асбестоносности” вылеплена из глины с примесью не только асбеста, но и птичьего пуха. Примечательно, что расщепленный на иглы асбест до момента внесения в глину также напоминает пух. К югу от границы Скандинавского щита имеются комплексы, где часть посуды типа Войнаволок изготовлена без асбеста — с примесью раковины и птичьего пуха (стоянки Модлона, Падань I, Подолье 1, Охта 1).

Основной отличительной особенностью керамики типа Войнаволок является ее орнаментация — зигзагообразные полосы, треугольники, иные геометрические фигуры из оттисков гребенки, которые окаймлены бахромой из ямок-лунок, оттисков двух-трехзубого штампа (рис. 2, 1, 4, 7–12; 4, 9–12). Доля таких узоров в орнаментации керамики типа Войнаволок варьирует от 40 до 100%, в среднем составляя более 60%. На стенках некоторых сосудов типа Войнаволок встречаются традиционные для типичной гребенчатой и ромбоямочной керамики геометрические фигуры из оттисков гребенки (без бахромы). Другие варианты мотивов и композиций на посуде типа Войнаволок встречаются редко. Формы венчиков, характерные для керамики типа Войнаволок, можно обнаружить среди посуды иных типов пористой и асбестовой керамики Северной Европы, но их количественное соотношение в имеющихся комплексах достаточно оригинально, в частности, по сравнению с иными типами наблюдается высокая доля (от 12.5 до 41.9%) утолщенных округлых венчиков.

Данные по абсолютной и относительной хронологии керамики типа Войнаволок. При определении абсолютного возраста комплексов с керамикой типа Войнаволок было сопоставлено 157 опубликованных радиоуглеродных определений (Pesonen, 2004; Нордквист, Мёккёнен, 2018; Tarasov et al., 2017), из которых 56 дат получено традиционными методами датирования образцов угля или бересты, в основном, из сгоревших конструкций жилищ или связанных с ними объектов. Остальные даты являются AMS-датированиями остатков органического происхождения на фрагментах керамики. Для комплексов керамики типа Войнаволок имеются три даты из сгоревших конструкций жилищ (два памятника) и 11 AMS-датировок (четыре памятника). Остальные даты привлечены для сравнения и относятся

Рис. 2. Стоянка-мастерская Фофаново XIII. Фрагменты асбестовой керамики типа Войнаволоков.

Fig. 2. The workshop-site of Fofanovo XIII. Fragments of the Voynavolok-type asbestos-ceramic

к другим типам нео-энеолитической керамики Карелии и Финляндии: ромбоямочной, типичной гребенчатой, асбестовой и пористой (рис. 3). Проведенное сопоставление имеющихся серий дат, полученных с использованием различных методов радиоуглеродного анализа, дополнительно подтверждает тезис, высказанный ранее рядом исследователей, о возможном влиянии резервуарного эффекта на результаты датирования пищевого нагара (Кулькова и др., 2016; Zhulnikov et al., 2012). По AMS-датам керамика типа Войнаволоков относится к периоду 3500–3300 лет до н. э., а по датировкам угля из конструкций

жилищ — 3300–3100 лет до н.э. Период существования керамики типа Войнаволоков, установленный как по AMS-датам, так и датировкам по углю, оказался несколько различным, но в обоих случаях непродолжительным — до 200 лет.

Для установления продолжительности бытования керамики типа Войнаволоков могут быть использованы другие показатели, в том числе основанные на сопоставлении количества сосудов с разными типами асбестовой посуды, происходящих из хорошо исследованных микро-регионов Карелии. Общий хронологический

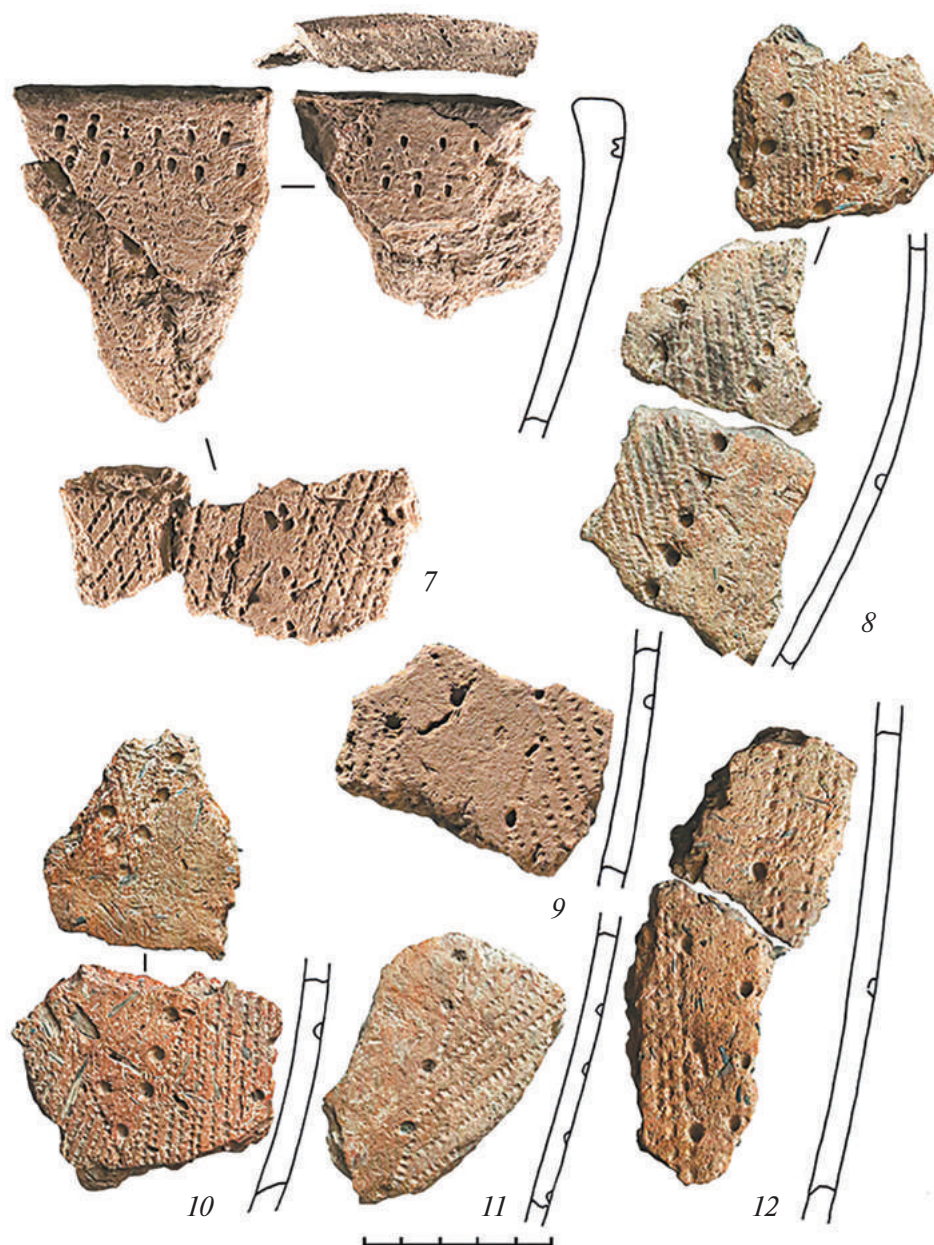

Рис. 2. Продолжение

Fig. 2. Continued

диапазон бытования энеолитических типов керамики на территории Карелии по результатам радиоуглеродного датирования составляет 1400–1500 лет. На северо-восточном побережье Онежского озера и в бассейне оз. Сямозеро количество сосудов и стоянок с керамикой геометрического стиля колеблется от 6.4 до 17.8% от общего числа сосудов и памятников с энеолитической керамикой. Исходя из соотношения этих данных, представленных в таблице, хронологический диапазон бытования керамики типа Войнаволок является довольно кратким – от 100 до 300 лет.

Имеется ряд данных, позволяющих установить относительный возраст типа Войнаволок относительно других разновидностей керамики, представленных на территории региона. В частности, в северной части Онежского озера, где наблюдается заметный послеледниковый подъем берега, комплексы керамики типа Войнаволок располагаются ниже всех известных в этом районе памятников с ромбоямочной посудой (Жульников, 1999. С. 46). На поселении Черная Губа IX ямы с керамикой типа Войнаволок прорезают жилища с ромбоямочной и гребенчато-ямочной

Таблица. Соотношение количества сосудов и стоянок с энеолитической асбестовой керамикой, %**Table.** The ratio of the number of vessels and sites with Eneolithic asbestos-ceramic, %

Объекты	Тип Войнаволок	Тип Оровнаволок	Тип Палайгуба	Тип не установлен (Оровнаволок или Палайгуба)	Число объектов
Северо-восточное побережье Онежского озера					
Сосуды	6.4	82.2	10.7	0.7	816
Стоянки	7.4	68.5	13	11.1	54
Бассейн озера Сямозеро					
Сосуды	17.8	22.8	48	11.4	298
Стоянки	11.1	19	23.8	46.1	63

посудой (Витенкова, 2002. С. 144). На поселении Войнаволок XXV, исследованном раскопками А.М. Жульниковым, два жилища с керамикой переходного от Войнаволока к Оровнаволоку облика перекрыты выбросами из жилищ, содержащих керамику типа Оровнаволок.

Радиоуглеродные датировки, стратиграфические и высотные данные позволяют полагать, что типу Войнаволок в восточной части бассейна Балтийского моря предшествуют комплексы

ромбоямочной и, видимо, типичной гребенчатой керамики.

На Севере Европы хронологически близкими типу Войнаволок являются комплексы с пористой керамикой типа Залавруга, варианты поздней (типичной?) гребенчатой керамики с примесью органики и асбеста, в том числе тип киерикки (Mökkönen, Nordqvist, 2017), памятники с ранней волосовской керамикой, а также стоянки с малоизученной пока пористой керамикой

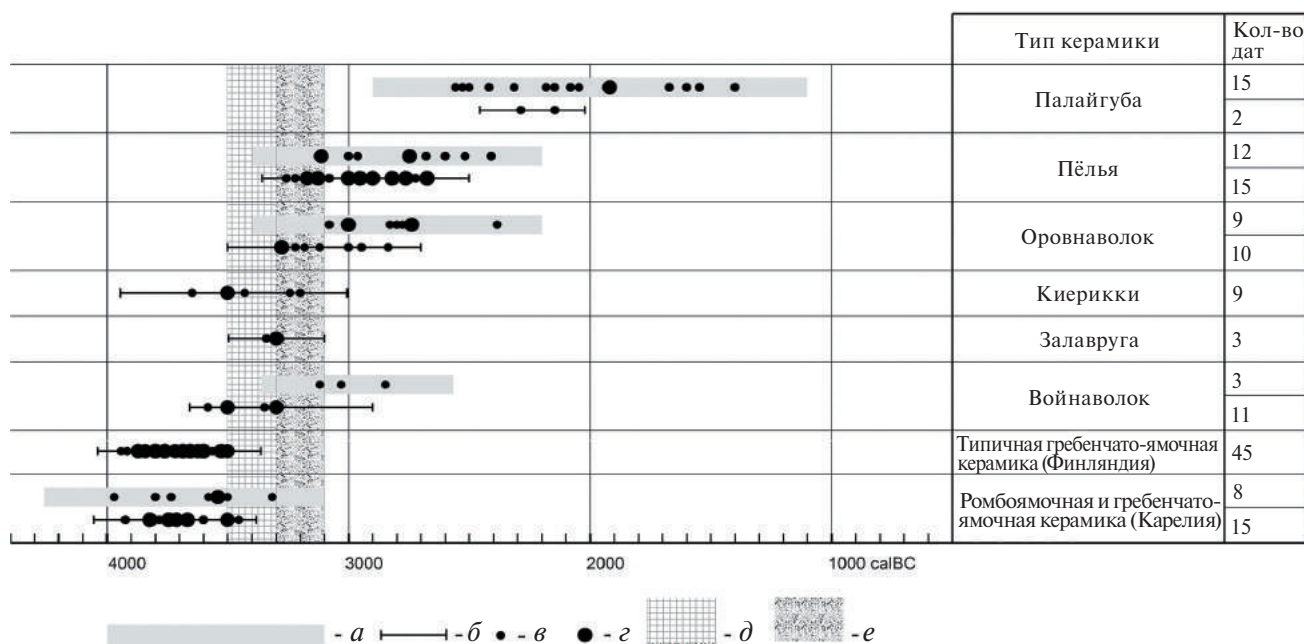

Рис. 3. Хронология памятников с асбестовой керамикой типа Войнаволок. Условные обозначения: *a* – диапазон дат, полученных традиционными методами (уголь из сгоревших конструкций жилищ); *b* – диапазон AMS-датировок (нагар или смола на керамике); *v* – одна усредненная дата; *z* – две и более усредненные даты; *d* – AMS-датировка памятников с керамикой типа Войнаволок; *e* – датировка памятников с керамикой типа Войнаволок на основе традиционных методов датирования.

Fig. 3. Chronology of sites with the Voynavolok-type asbestos-ceramic

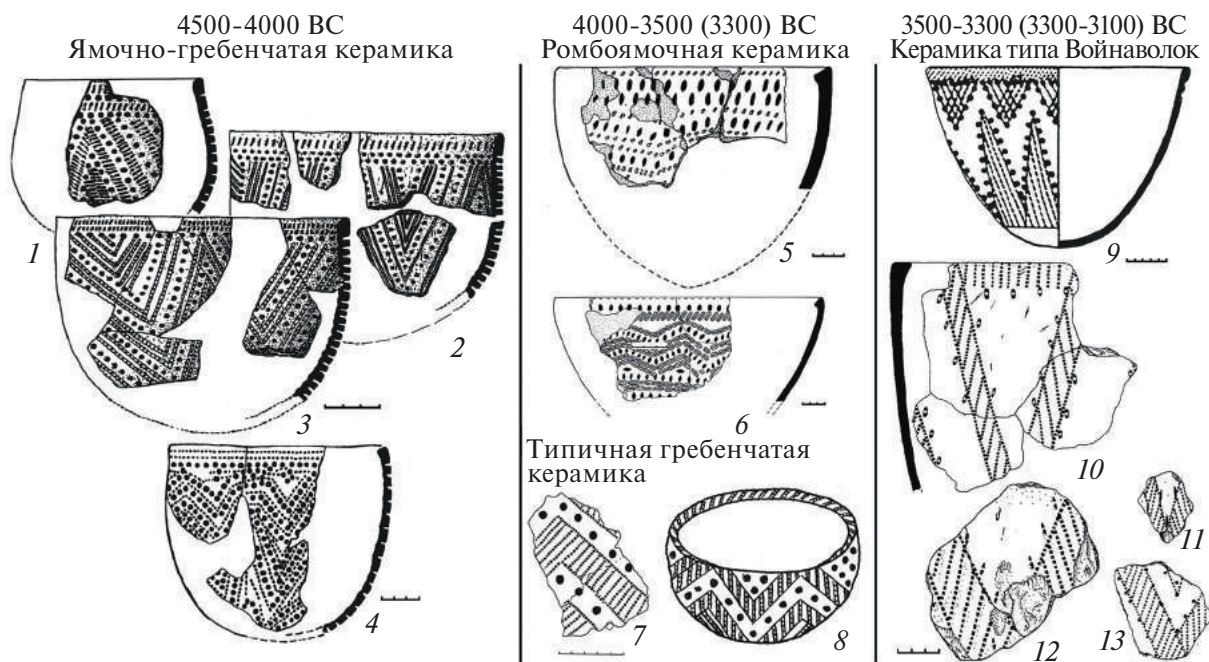

Рис. 4. Схема генезиса основного (наиболее массового) вида орнамента керамики типа Войнаволок. Поселения: 1 – Ерпин Пудас I, 2, 3 – Оровнаволок IV, 4 – Оровнаволок VII, 5 – Золотец XX, 6 – Залавруга IV, 7 – Кулламяги, 8 – Войнаволок XXIX, 9 – Войнаволок XXVII, 10 – Чуйнаволок I, 11, 13 – Первомайская I, 12 – Новземское I.

Fig. 4. Diagram of the genesis of the main (most widespread) pottery ornamentation patterns of the Voynavolok type

бассейна р. Онега (типа Модлона 2 – Тихманга; Ошибкина, 1988) (рис. 1).

Сопоставление характеристик ромбоямочной, типичной гребенчатой и асбестовой геометрического стиля керамики. Для выявления традиций, восходящих в типе Войнаволок к ромбоямочной и типичной гребенчатой керамике, был сопоставлен ряд признаков этих групп нео-энеолитической посуды: форма сосудов, примеси, типы венчиков, виды элементов орнамента и их сочетания, мотивы и композиции. Для сравнительного анализа были привлечены материалы 14 памятников с ромбоямочной и гребенчатой типичной керамикой, исследованных Н.Н. Гуриной, А.М. Жульниковым, А.М. Иванищевым в бассейне Онежского озера и Юго-Западного Прибеломорья (всего 718 сосудов). В результате изучения данных коллекций и опубликованных материалов по нео-энеолитической керамике Карелии было установлено следующее:

- полуяйцевидные горшки с округлым дном, характерные для типа Войнаволок, тождественны по форме ромбоямочной и типичной гребенчатой посуде;

- в комплексах ромбоямочной и типичной гребенчатой керамики Карелии встречаются единичные сосуды с примесью асбеста, которые по всем параметрам (например, наличие

в орнаментации глубоких крупных ямок) относятся к этим типам. Помимо асбестовой ромбоямочной и типичной гребенчатой посуды на территории Карелии встречаются единичные сосуды с примесью асбеста, относящиеся к традиции керамики типа сперрингс (Nordqvist, 2018. Fig. 16), датированные финскими исследователями второй половиной V тыс. до н.э. (Pesonen, 1996. P. 27, 28). Судя по этим данным, до появления керамики типа Войнаволок изготовление посуды с примесью асбеста в бассейне Ладожского и Онежского озера имело спорадический характер, однако велось довольно устойчиво на протяжении весьма значительного периода – с середины V до начала третьей четверти IV тыс. до н.э.;

- в комплексах с керамикой типа Войнаволок нет сосудов с “двухгранными”/“гофрированными” венчиками, которые многочисленны в коллекциях ромбоямочной посуды;

- в большинстве статистически представительных комплексов керамики типа Войнаволок отмечены сосуды, украшенные отрисками гребенки в сочетании с неглубокими ромбическими ямками, которые напоминают по форме ямочные вдавления на ромбоямочной посуде. Судя по этому признаку, основным компонентом в формировании типа Войнаволок была ромбоямочная керамика Обонежья;

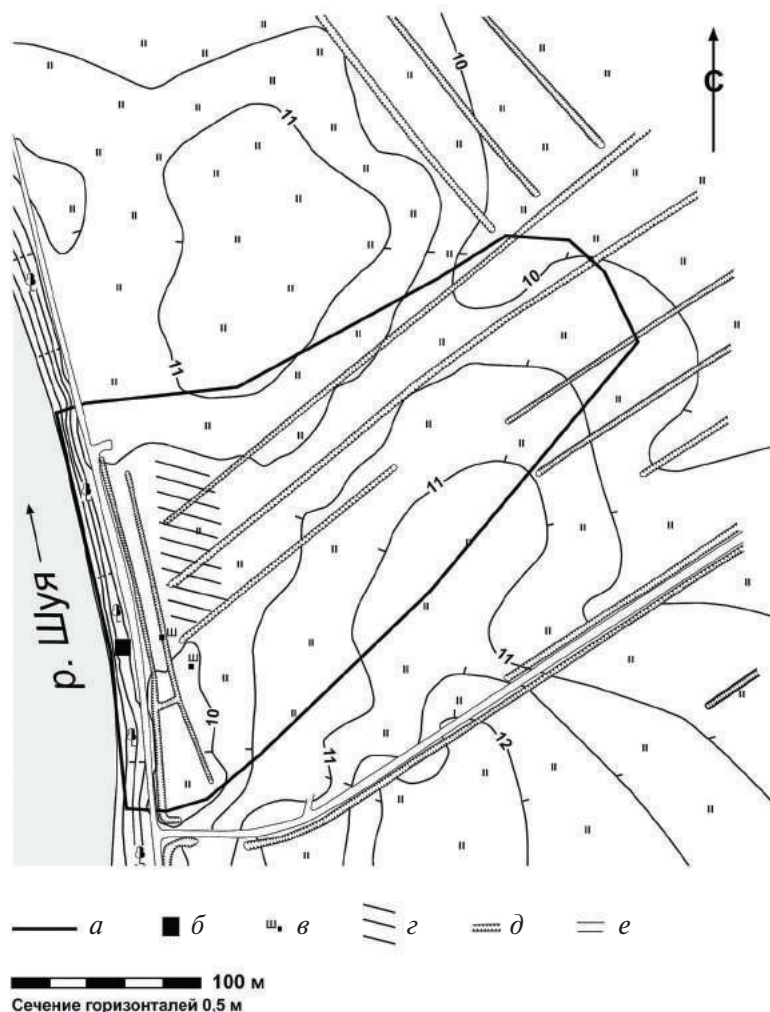

Рис. 5. План стоянки-мастерской Фофаново XIII. Условные обозначения: *a* — граница памятника, *б* — раскоп, *в* — шурф, *г* — места сборов керамики, *д* — канава, *е* — дорога.

Fig. 5. Plan of the workshop-site of Fofanovo XIII

— основной (наиболее многочисленный) орнаментальный образ керамики типа Войнаволок имеет очевидный прототип — зигзагообразные узоры, наблюдаемые на ямочно-гребенчатой керамике Обонежья, ромбоямочной и типичной гребенчатой посуде (рис. 4). До появления керамики типа Войнаволок подобная сложная орнаментальная композиция на протяжении значительного хронологического периода использовалась редко. Показательно, что в орнаментации ямочно-гребенчатой, ромбоямочной и типичной гребенчатой керамики не зафиксировано использования “бахромы” вдоль края геометрических фигур.

Исходя из сопоставления морфологических и иных особенностей типа Войнаволок с предшествующими группами керамики, следует признать, что так называемые “переходные”

комплексы между ними до сих пор не обнаружены, в том числе на достаточно хорошо обследованных участках побережья Онежского озера. Следовательно, можно предположить, что формирование нового типа произошло достаточно быстро и поэтому не оставило заметного следа в имеющихся археологических источниках.

Особенности керамики типа Войнаволок на крупнейшей в Обонежье стоянке-мастерской по производству рубящих орудий. Важные данные для изучения процесса формирования традиций керамики типа Войнаволок получены авторами настоящего исследования при изучении материалов стоянки-мастерской Фофаново XIII, которая расположена в западном Прионежье, на берегу многоводной реки Шуя. Площадь памятника по материалам сборов и шурфовки оценивается в 40 000 м² (рис. 5). На стоянке-мастерской

А.М. Спиридоновым была проведена шурфовка, А.М. Жульниковым осуществлялись сборы, а в 2010 и 2011 гг. А.Ю. Тарасовым проведены раскопки (Тарасов, 2015). Раскоп площадью 30 м², при средней мощности культурного слоя около 60 см, оказался чрезвычайно насыщен находками — было собрано около 340 000 предметов, большую часть которых (ок. 85%) составляют изделия, связанные с массовым производством рубящих орудий русско-карельского типа из метатуфа — отщепы, многочисленная серия заготовок (684 экз.), несколько десятков готовых рубящих орудий, множество обломков шлифовальных плит (951 экз.). При раскопках была обнаружена серия заготовок, наконечников стрел и дротиков из лидита, кремня, сланца, включая отходы их производства. В раскопе, по сравнению со всеми иными памятниками эпохи камня Обонежья, наблюдалась необычно высокая плотность изделий, использовавшихся древними людьми в обмене: украшения из янтаря (29 экз.), медные предметы (58 экз.), куски асбеста (2769 экз.). При раскопках было собрано 10 096 фрагментов асбестовой керамики типов Войнаволок и Оровनावолок минимум от 210 сосудов и 8 фрагментов от одного асбестового сосуда типа Палайгуба. Такая высокая концентрация фрагментов посуды (7 сосудов на 1 м² площади раскопа) впервые встречена на памятниках Обонежья. Высокая плотность находок на единицу исследованной площади наблюдалась на стоянке-мастерской и в шурфах, удаленных на 25–30 м от раскопа. Эти факты дают основание полагать, что в культурном слое на территории памятника залегают десятки тысяч не нашедших применения заготовок рубящих орудий и фрагменты от нескольких тысяч керамических сосудов.

Разделение собранных на стоянке-мастерской Фофаново XIII фрагментов асбестовой керамики по типам было проведено с опорой на характеристики “чистых” комплексов такой посуды. В керамической части коллекции со стоянки-мастерской Фофаново XIII (материалы разведок и раскопок) выделено 119 сосудов типа Войнаволок. На данный момент это наиболее многочисленная серия посуды рассматриваемого типа, обнаруженная на одном памятнике. Тип Оровनावолок представлен на стоянке-мастерской фрагментами от 133 горшков, включая довольно многочисленную серию сосудов переходного облика (от Войнаволока к Оровनावолоку). Среди фрагментов сосудов типа Оровनावолок, собранных на стоянке-мастерской, нет поздних форм с плоскими и уплощенными доньшками, велика доля сосудов, украшенных наклонными или диагональными

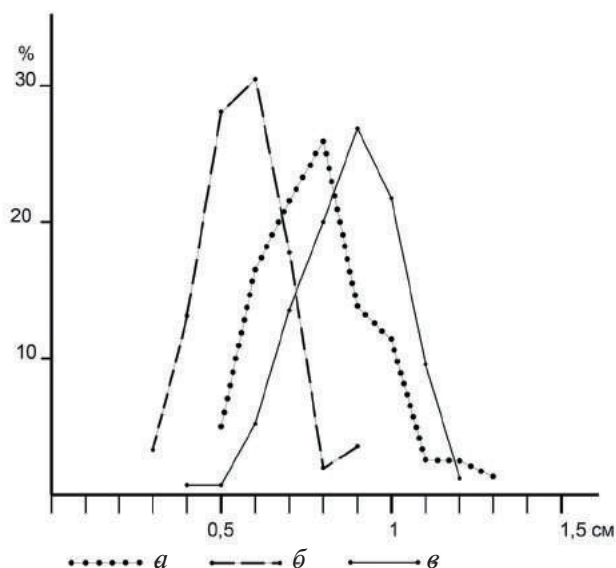

Рис. 6. Различия в толщине стенок сосудов керамики типов Войнаволок (а), Оровनावолок (б) (стоянка-мастерская Фофаново XIII) и ромбоямочной (в) (стоянка Оровनावолок I).

Fig. 6. Differences in the thickness of the walls of Voynavolok- and Orovnavolok-type vessels (а, б) (the workshop-site of Fofanovo XIII) and that of rhombic pit pottery (в) (the Orovnavolok I site)

перекрещивающимися полосами, характерными для раннего варианта этого типа. Это свидетельствует о хронологической близости комплексов керамики типа Войнаволок и Оровनावолок, обнаруженных на памятнике, и об относительно небольшом хронологическом периоде его функционирования, возможно, с небольшими перерывами — около 300, максимум 400 лет. В двух верхних горизонтах раскопа посуда типов Оровनावолок и Войнаволок представлена в примерно одинаковой пропорции, тогда как в нижнем (третьем) горизонте доля сосудов с геометрической орнаментацией превышает 80%. Соотношение иных категорий находок в трех горизонтах раскопа является примерно одинаковым. В материалах сборов, проведенных в 25–30 м восточнее раскопа (рис. 5), как и в шурфах, доля керамики типа Войнаволок, без учета посуды переходного облика, значительно выше — более 60%. Эти данные не только подтверждают хронологическое соотношение типов Войнаволок и Оровनावолок, но и дают основание связать с типом Войнаволок подавляющую часть обнаруженных на памятнике находок.

Наличие на стоянке-мастерской столь значительного числа сосудов типов Войнаволок и Оровनावолок позволило провести статистические сопоставления ряда их параметров с ромбоямочной посудой. По толщине стенок тип Войнаволок оказался близок к ромбоямочной керамике, тогда

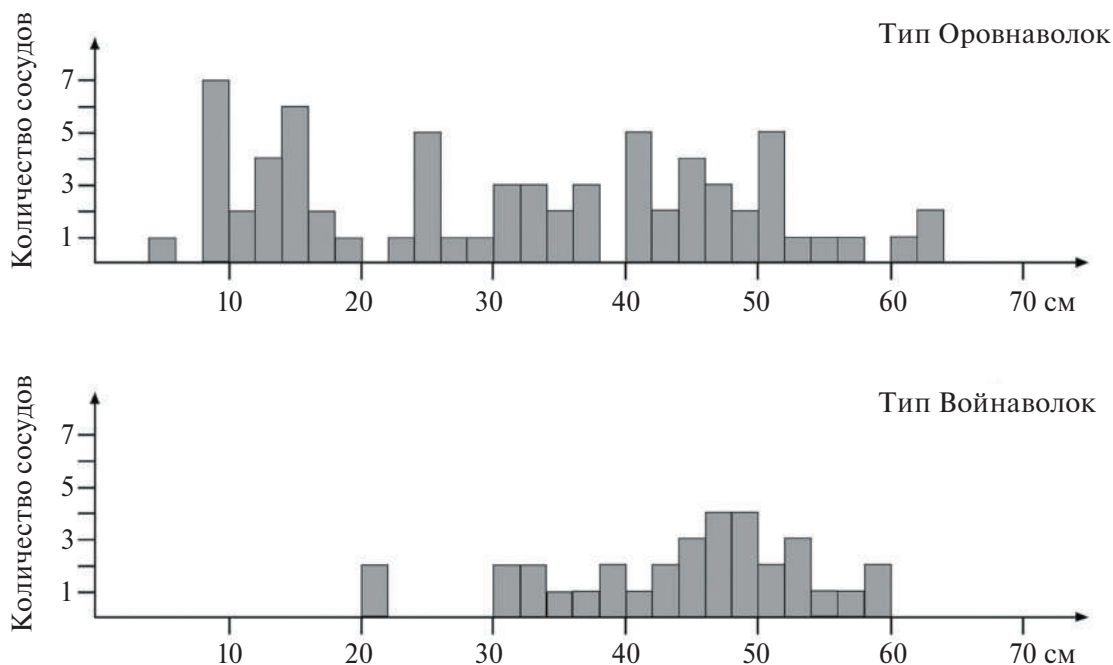

Рис. 7. Соотношение диаметра сосудов типов Войनावолок и Оровनावолок на стоянке-мастерской Фофаново XIII.

Fig. 7. Ratio of the diameter of Voynavolok- and Orovnavolok-type vessels from the workshop-site of Fofanovo XIII

как керамика типа Оровनावолок, напротив, выделяется заметной тонкостенностью (рис. 6). В этой связи, с учетом единичности сосудов с асбестом в эпоху неолита, технологические преимущества новой примеси (позволяющие утончать стенки сосудов и, следовательно, делать керамическую посуду довольно легкой для транспортировки), по крайней мере на начальной стадии ее применения, возможно, не выглядели для древних людей столь очевидными, чтобы стать причиной массового изготовления асбестовой посуды.

В керамической коллекции, полученной со стоянки-мастерской, выявились существенные различия в размерах сосудов (диаметр верхней части) между типами Войनावолок и Оровनावолок, при сходстве их формы. В серии посуды типа Оровनावолок довольно равномерно представлены сосуды с малым, средним и большим диаметром, тогда как подавляющая часть горшков типа Войनावолок имеет крупные размеры (рис. 7), что явно ограничивало возможности для их транспортировки на дальние расстояния. Подобные крупные сосуды, учитывая множество мелких кусочков асбеста, найденных в раскопе, скорее всего, были изготовлены на стоянке-мастерской Фофаново XIII или неподалеку от ее расположения. Возможно, что на стоянке-мастерской в период распространения типа Войनावолок могла лепиться посуда и небольших размеров, которая затем увозилась древними людьми для

использования на местах постоянных поселений. Огромный масштаб производства керамических сосудов на стоянке-мастерской позволяет предполагать, что часть их, как и обнаруженные здесь многочисленные крупные куски асбеста, могли быть предназначены для обмена.

Керамика типа Войनावолок в контексте становления престижного обмена. Сравнение материалов стоянок-мастерских с поселенческими комплексами показало, что одновременно с появлением типа Войनावолок происходят другие существенные перемены в культуре древних охотников и рыболовов восточной части бассейна Балтийского моря. Так, древнее население Обонежья одновременно с началом массового производства посуды с примесью асбеста освоило технологию производства рубящих орудий русско-карельского типа, не представленных на поселениях с ромбоямочной и типичной гребенчатой керамикой. Для изготовления этих орудий использовались вулканогенные породы из скальных массивов западного побережья Онежского озера (обобщенно — метатифф); при этом помимо сбора валунного сырья велась разработка каменоломен в коренных месторождениях (Тарасов, Гоголев, 2017). Технология производства орудий русско-карельского типа предполагает стадийную последовательность расщепления, использование целого набора инструментов и определенные, достаточно долго формируемые навыки (Tarasov, 2015). Сложность

технологии и масштабы производственной деятельности — около 1000 готовых изделий, изготовленных только в пределах раскопанной площади, согласно произведенной оценке (Тарасов, 2015. С. 247), — позволяют говорить о существовании какой-то формы специализированного производства, ориентированного на обмен. В период бытования керамики типа Войнаволок полированные изделия из метатуфа в большом объеме начинают распространяться путем обмена на значительное расстояние от Обонежья — в восточную Прибалтику, на территорию современной Финляндии, в Верхнее и Среднее Поволжье (Тарасов, 2015). В Обонежье с производством рубящих орудий из метатуфа связаны два вида археологических памятников — стоянки-мастерские, расположенные в низовье реки Шуя неподалеку от мест добычи сырья, где наблюдаются все стадии производства изделий русско-карельского типа, и поселения, на которых наряду с иными видами хозяйственной деятельности происходила “доводка” до стадии готового орудия произведенных на стоянках-мастерских заготовок. В эту производственную цепочку, вероятно, были включены жители поселений, расположенных в бассейне Онежского озера на удалении на 80–120 км по прямой от месторождений метатуфа и стоянок-мастерских в низовьях реки Шуя.

Эксплуатация месторождений метатуфа — это один из элементов кардинального изменения стратегии получения каменного сырья в период зарождения традиций керамики типа Войнаволок у охотников-рыболовов Обонежья. Помимо метатуфа, начинается разработка коренных месторождений лидита. Лидит, который можно обозначить как одну из разновидностей кремневых пород (англ. — *chert*), представляет собой породу черного цвета, по своей структуре и твердости близкую к кремню. В Северо-Восточной Европе выходы такого сырья имеются только в северной части побережья Онежского озера. Примечательно, что население с ромбоямочной керамикой, проживая на небольшом удалении от лидитовых залежей, не проявляло к ним интереса, в то время как на поселениях с керамикой типа Войнаволок лидит становится одним из преобладающих видов сырья для изготовления каменных орудий. Массовое использование асбеста в качестве отошителя к глиняному тесту также не могло стать возможным без организации каменоломен в коренных месторождениях (остающихся пока неизвестными).

В рассматриваемый период впервые на территории большей части Обонежья почти прекращается

производство скребущих и режущих орудий из кварца, а большая часть инструментов, относящихся к данной категории, изготавливается из кремня и лидита. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что в момент зарождения типа Войнаволок происходит интенсификация процессов обмена лидитом и кремнем — не только готовыми изделиями и полуфабрикатами, но и сырьем. Добыча лидита из коренных выходов и налаженные каналы получения кремня позволили древним жителям Обонежья начать массовое производство бифасиальных наконечников стрел и дротиков, доля которых в каменном инвентаре возросла в несколько раз. Появилась неизвестная здесь ранее кремневая скульптура. Ранее, вероятно, производство таких изделий сдерживалось сложностями в получении качественного кремневого сырья при относительно слабо развитом обмене.

Наконец, следует отметить, что на памятниках с керамикой типа Войнаволок по сравнению со стоянками с ромбоямочной керамикой более многочисленны украшения из янтаря.

Авторами данного исследования, а также рядом других археологов уже отмечалось, что подобные изменения в хозяйстве и культуре древнего населения Северной и Восточной Европы относятся к проявлениям так называемой престижной экономики, предполагающей существование ориентированного на обмен производства особо ценных (престижных) вещей и связанного с ней усложнения структуры обществ охотников и рыболовов, возникновения устойчивых обменных “сетей” и сопутствующих им механизмов организации социального взаимодействия (Zhulnikov, 2008; Тарасов, 2015; Herva et al., 2017). Стоянки-мастерские в низовьях р. Шуя могли стать своего рода центрами, где происходили регулярные встречи представителей различных общин, обитавших в некоторых частях бассейна Онежского озера. Здесь осуществлялось перераспределение сырья, полуфабрикатов и готовых изделий, предназначенных в том числе для престижного обмена. В районе стоянок-мастерских в низовье р. Шуя могли проходить и особые ритуалы, направленные на укрепление социальных и экономических связей между общинами (Тарасов, 2015. С. 253).

Данные, полученные в ходе исследования, позволяют предположить, что основным стимулом к возникновению и массовому распространению асбестовой керамики геометрического стиля послужило сложение в Обонежье новой социальной

общности, состоящей из, вероятно, близкородственных коллективов (общин), участвующих в производстве изделий для престижного обмена. Подобный обмен в условиях первобытного общества, безусловно, не мог иметь чисто экономическую природу и был направлен в первую очередь на упрочение социальных связей и формирование разного рода альянсов (Малиновский, 2004).

Имеются свидетельства использования в древнем гончарстве некоторых примесей для усиления эстетической привлекательности керамической посуды (например, придание блеска путем использования в формовочной массе кусочков обсидиана, кремня, пирита) (Глушков, 1996. С. 113). Опираясь на эти сведения, можно допустить, что в условиях становления престижной экономики в некоторых регионах Восточной Европы необычный вид сосудов, “мерцающих” волокнами асбеста, обусловил начало их массового производства, в том числе для дарения во время некоторых (брачных?) церемоний. Характерные для типа Войнаволок сложные геометрические узоры, явно требующие при нанесении особого мастерства, стали, вероятно, для древних гончаров своего рода дополнительной изюминкой сосуда, предназначенного для дара или использования в качестве атрибута многолюдных празднеств. Одновременно началась разработка месторождений асбеста и его широкое использование для обмена.

Массовое производство сосудов типа Войнаволок, отмеченное на стоянках-мастерских в низовье р. Шуя, их вероятное распространение в рамках престижного обмена объясняют быстроту становления нового типа керамики, сопровождавшегося высокой гомогенностью формирующихся комплексов посуды на поселениях, расположенных на значительном удалении друг от друга в пределах одного крупного водного бассейна.

Исследование проведено в рамках работы по проекту РНФ № 19-18-00375 “Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов” (А.М. Жульников) и в ходе выполнения госконтракта в рамках плановой научной темы сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН (А.Ю. Тарасов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2002. 183 с.

Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 1996. 328 с.

Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л.: АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 87). 588 с.

Гусенцова Т.М., Холкина М.А. Анализ технологии керамики эпохи неолита — раннего металла в регионе Санкт-Петербурга и Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Кунсткамера, 2015 (Замятнинский сборник; вып. 4). С. 218—227.

Жульников А.М. Энеолитическое поселение Войнаволок XXVII // Российская археология. 1993. № 2. С. 140—153.

Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1999. 224 с.

Кулькова М.А., Синай М.Ю., Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Нестеров Е.М. К оценке резервуарного эффекта на примере анализа “эффекта жесткости воды” в Усвятском и Сертейском микрорегионах Днепро-Двинского междуречья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VIII—III тысячелетия до н.э. / Ред. А.Н. Мазуркевич и др. Смоленск: Свиток, 2016. С. 38—47.

Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004. 549 с.

Нордквист К., Мёккёнен Т. Новые данные по археологической хронологии Северо-Запада России: АМС-датировки неолита — энеолита Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 11. Тверь: Триада, 2018. С. 39—68.

Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 231 с.

Ошибкина С.В. Стоянка Тихманга // Краткие сообщения Института археологии. 1988. Вып. 193. С. 75—81.

Тарасов А.Ю. Фофаново XIII — пример интенсивной производственной деятельности эпохи раннего металла в лесной зоне // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Кунсткамера, 2015 (Замятнинский сборник; вып. 4). С. 307—317.

Тарасов А.Ю., Гоголев М.А. Сырьевая база энеолитической индустрии рубящих орудий региона Онежского озера (опыт геохимического исследования) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 7—13.

Herva V.-P., Nordqvist K., Mökkönen T. A northern Neolithic? Clay work, cultivation and cultural transformations in the boreal zone of north-eastern Europe, c. 5300—3000 bc //

- Oxford Journal of Archaeology. 2017. Vol. 36, iss. 1. P. 25–41.
- Möckönen T., Nordqvist K. Kierikki Ware and the contemporary Neolithic asbestos- and organic-tempered potteries in North-East Europe // *Fennoscandia Archaeologica*. 2017. Vol. XXXIV. P. 83–116.
- Nordqvist K. The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 calBC. Bridging the Gap between the East and the West. Oulu: University of Oulu, 2018 (Acta Universitatis Ouluensis. B; 160). 164 p.
- Pesonen P. Early Asbestos Ware // Pithouses and potmakers in Eastern Finland / Ed. T. Kirkinen. Helsinki: University of Helsinki, 1996 (Helsinki Papers in Archeology; no. 9). P. 9–39.
- Pesonen P. Neolithic pots and ceramics chronology: AMS-dating of middle and late Neolithic ceramics in Finland // *Fenno-Ugri et Slavi* 2002. Dating and Chronology / Ed. P. Uino. Helsinki: National Board of Antiquities, 2004. P. 87–96.
- Tarasov A. Spatial separation between manufacturing and consumption of stone axes as an evidence of craft specialization in prehistoric Russian Karelia // *Estonian Journal of Archaeology*. 2015. Vol. 19, iss. 2. P. 1–27.
- Tarasov A., Nordqvist K., Möckönen T., Khoroshun T. Radiocarbon chronology of the Neolithic-Eneolithic period in the Karelian Republic (Russia) // *Documenta Praehistorica*. 2017. Vol. XLIV. P. 98–121.
- Zhulnikov A. Exchange of Amber in Northern Europe in the III Millennium BC as a Factor of Social Interactions // *Estonian Journal of Archaeology*. 2008. Vol. 12, iss. 1. P. 3–15.
- Zhulnikov A., Tarasov A., Kriiska A. Discrepancies between conventional and AMS dates from complexes with Asbestos and Porous Ware – probable result of “reservoir effect”? // *Fennoscandia Archaeologica*. 2012. Vol. 29. P. 79–86.

ON THE ORIGIN AND CHRONOLOGY OF THE GEOMETRIC STYLE ASBESTOS-CERAMIC OF THE VOYNAVOLOK TYPE

Aleksandr M. Zhulnikov^{1,*}, Alexey Yu. Tarasov^{2,**}

¹Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

²Karelian Research Centre RAS, Petrozavodsk, Russia

*E-mail: rockart@yandex.ru

**E-mail: taleksej@drevlanka.ru

The article presents the results of studying the chronology of the Eneolithic asbestos-ceramic of the geometric style (Voynavolok type) and the factors that caused the widespread use of asbestos in exchange and ceramic production in North-Eastern Europe. According to AMS dates, the Voynavolok pottery dates back from 3500–3300 BC, and according to the dating of coal from the dwelling structures – from 3300–3100 BC. The main component in the formation of ceramic traditions of the Voynavolok type is the rhombic pit pottery of the Onega Lake region. The data obtained in the study suggest that the “trigger” for the emergence of geometric style asbestos-ceramic was the formation of a new social community in the Onega littoral region consisting of groups that interacted in the production of items intended for prestigious exchange.

Keywords: Onega littoral, asbestos-ceramic, workshop site, Eneolithic, prestigious exchange.

REFERENCES

- Glushkov I.G., 1996. *Keramika kak istoricheskiy istochnik* [Ceramics as a historical source]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN. 328 p.
- Gurina N.N., 1961. *Drevnyaya istoriya Severo-Zapada Evropeyskoy chasti SSSR* [Ancient history of the northwest of the USSR's European part]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 588 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 87).
- Gusentsova T.M., Kholkina M.A., 2015. Analysis of the pottery technology of the Neolithic – Early Metal Age in the area of St. Petersburg and the Ladoga southern littoral. *Drevnie kul'tury Vostochnoy Evropy: etalonnye pamyatniki i opornye komplekсы v kontekste sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Ancient cultures of Eastern Europe: sample sites and reference complexes in the context of modern archaeological research]. G.A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: Kunstkamera, pp. 218–227. (Zamyatinskiy sbornik, 4). (In Russ.)
- Herva V.-P., Nordqvist K., Möckönen T., 2017. A northern Neolithic? Clay work, cultivation and cultural transformations in the boreal zone of north-eastern Europe, c. 5300–3000 bc. *Oxford Journal of Archaeology*, vol. 36, iss. 1, pp. 25–41.
- Kul'kova M.A., Sinay M.Yu., Mazurkevich A.N., Dolbunova E.V., Nesterov E.M., 2016. To the assessment of the

- reservoir effect based on the case of analyzing the “water hardness effect” in the Usvyaty and Serteya microregions of the Dnieper-Dvina interfluvium. *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VIII–III tysyacheletiya do n.e. [Radiocarbon chronology of the Neolithic in Eastern Europe of the 8th–3rd millennia BC]*. A.N. Mazurkevich, ed. Smolensk: Svitok, pp. 38–47. (In Russ.)
- Malinovskiy B., 2004. Izbrannoe: Argonavty zapadnoy chasti Tikhogo okeana [Selected works: Argonauts of the Western Pacific]. Moscow: ROSSPEN. 549 p.
- Mökkönen T., Nordqvist K., 2017. Kierikki Ware and the contemporary Neolithic asbestos- and organic-tempered potteries in North-East Europe. *Fennoscandia Archaeologica*, XXXIV, pp. 83–116.
- Nordqvist K., Mekkenen T., 2018. New data on the archaeological chronology of the Northwest of Russia: AMC dating of the Neolithic–Eneolithic of Karelia. *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik [Tver collected papers on archaeology]*, 11. Tver: Triada, pp. 39–68. (In Russ.)
- Nordqvist K., 2018. The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 calBC. Bridging the Gap between the East and the West. Oulu: University of Oulu. 164 p. (Acta Universitatis Ouluensis. B, 160).
- Oshibkina S.V., 1978. Neolit Vostochnogo Prionezh'ya [The Neolithic of the Onega eastern littoral]. Moscow: Nauka. 231 p.
- Oshibkina S.V., 1988. The Tikhmanga site. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 193, pp. 75–81. (In Russ.)
- Pesonen P., 1996. Early Asbestos Ware. *Pithouses and potmakers in Eastern Finland*. T. Kirkinen, ed. Helsinki: University of Helsinki, pp. 9–39. (Helsinki Papers in Archeology, 9).
- Pesonen P., 2004. Neolithic pots and ceramics chronology: AMS-dating of middle and late Neolithic ceramics in Finland. *Fenno-Ugri et Slavi 2002. Dating and Chronology*. P. Uino, ed. Helsinki: National Board of Antiquities, pp. 87–96.
- Tarasov A., 2015. Spatial separation between manufacturing and consumption of stone axes as an evidence of craft specialization in prehistoric Russian Karelia. *Estonian Journal of Archaeology*, vol 19, iss. 2, pp. 1–27.
- Tarasov A., Nordqvist K., Mökkönen T., Khoroshun T., 2017. Radiocarbon chronology of the Neolithic–Eneolithic period in the Karelian Republic (Russia). *Documenta Praehistorica*, XLIV, pp. 98–121.
- Tarasov A.Yu., 2015. Fofanovo XIII – a case of intensive industrial activity of the Early Metal Age in the forest zone. *Drevnie kul'tury Vostochnoy Evropy: etalonnye pamyatniki i opornye komplekсы v kontekste sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy [Ancient cultures of Eastern Europe: sample sites and reference complexes in the context of modern archaeological research]*. G.A. Khlopachev, ed. St. Petersburg: Kunstkamera, pp. 307–317. (Zamyatninskiy sbornik, 4). (In Russ.)
- Tarasov A.Yu., Gogolev M.A., 2017. Raw material base of the Eneolithic industry of chopping tools in the Onega Lake region (experience of geochemical research). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Petrozavodsk State University]*, 3 (164). C. 7–13. (In Russ.)
- Vitenkova I.F., 2002. Pamyatniki pozdnego neolita na territorii Karelii [Late Neolithic sites in Karelia]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN. 183 p.
- Zhulnikov A., 2008. Exchange of Amber in Northern Europe in the III Millennium BC as a Factor of Social Interactions. *Estonian Journal of Archaeology*, vol. 12, iss. 1, pp. 3–15.
- Zhulnikov A., Tarasov A., Kriiska A., 2012. Discrepancies between conventional and AMS dates from complexes with Asbestos and Porous Ware – probable result of “reservoir effect”? *Fennoscandia Archaeologica*, 29, pp. 79–86.
- Zhul'nikov A.M., 1993. The Eneolithic settlement of Voynavolok XXVII. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2, pp. 140–153. (In Russ.)
- Zhul'nikov A.M., 1999. Eneolit Karelii (pamyatniki s poristoy i asbestovoy keramikoy) [The Eneolithic of Karelia (sites with porous and asbestos ware)]. Petrozavodsk: Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN. 224 p.

ПРЕДМЕТЫ КОНСКОЙ УЗДЫ ИЗ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА ДЫШ IV

© 2021 г. В.Е. Маслов*, А.Н. Гей**, М.В. Андреева***

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: maslovlad@mail.ru

**E-mail: donkuban@mail.ru

***E-mail: amvlad11@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.05.2021 г.

В 2011 г. Северокавказской экспедицией ИА РАН были раскопаны три кургана скифской эпохи могильника Дыш IV в Республике Адыгея. Основные погребения курганов, ограбленные в древности, содержали захоронения лошадей, сохранившиеся предметы упряжи и узды которых позволили датировать курган 3 первой третью, а курган 2 – второй половиной VII в. до н.э. Аналогии предметам узды из кургана 1, представленным в настоящей публикации, указывают на дату этого комплекса в пределах первой половины – середины V в. до н.э. В рассмотренном наборе присутствуют вещи, относящиеся как к западному, так и восточному кругу культур кочевого мира, а в образцах “звериного стиля” имеются ахеменидские и греческие цитаты. Такой яркий культурный синкретизм, возможно, связан с особым, сохранявшимся на протяжении не менее двух столетий, культовым значением Дышского могильника для пришлых подвижных военизированных групп.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Адыгея, скифы, конская узда, конская упряжь, “звериный стиль”.

DOI: 10.31857/S086960630015272-8

В 2011 г. Северокавказская экспедиция ИА РАН провела охранно-спасательные исследования курганного могильника Дыш IV в Теучежском районе Республики Адыгея (Андреева, Гей, 2015). Кургана 1, некоторым материалам которого посвящена данная публикация, был самым большим (диаметр от 40 (З–В) до 50 (С–Ю), высота от 1.8 (Ю) до 2.5 (С) м) и самым поздним из трех раскопанных¹. Он замыкал с В цепочку из пяти курганов, вытянутую вдоль высокого берега р. Четук в широтном направлении, и располагался на мысу у слияния р. Четук с р. Дыш (рис. 1, А). Все насыпи несли следы грабительских вторжений, по-видимому, неоднократных.

Под насыпью кургана 1, к СВ от R0, на древнем горизонте был расчищен круглый в плане двухслойный настил из дерева и камыша диаметром ок. 14 м (рис. 1, Б), сохранившихся главным образом в виде тонких прослоек, отпечатков и следов тлена (северная часть настила была разрушена практически полностью). В центре настила находилась могильная конструкция (гробница) основного и единственного погребения. Грабительский ход, шедший с края северной насыпи,

прорезал настил и дно гробницы, находившееся всего на 0.3 м ниже настила. Гробница размерами 4.0 × 2.8–3.0 была ориентирована по линии ЗСЗ–ВЮВ. По ее периметру с внешней стороны имелись 10 столбовых ям², в 7 из которых сохранились остатки дерева. К сожалению, плохая сохранность не позволила установить первоначальную высоту столбов, которые могли служить опорой перекрытия.

Комплексы и отдельные находки в положении *in situ* (не перемещенные в процессе ограбления) встречены главным образом на уровне настила и в небольшом количестве – в столбовых ямах; перемещенные предметы были сосредоточены, в основном, в заполнении грабительского хода внутри (южная часть) и за пределами гробницы (северная часть)³.

На настиле были расчищены *костяки пяти лошадей* разной степени сохранности.

Одна невзнузданная лошадь (№ 1) была положена на расстоянии 4–4.5 м к ЮЗ от погребальной

¹ Материалы кургана 3 новочеркасско-жаботинского и кургана 2 келермесского времени опубликованы (Маслов, Гей, Андреева, 2020; Маслов, Андреева, Гей, 2020а).

² Нумерация ям велась с восточного угла гробницы по часовой стрелке.

³ Коллекция находок из курганов могильника Дыш IV передана на хранение в Национальный музей Республики Адыгея (г. Майкоп).

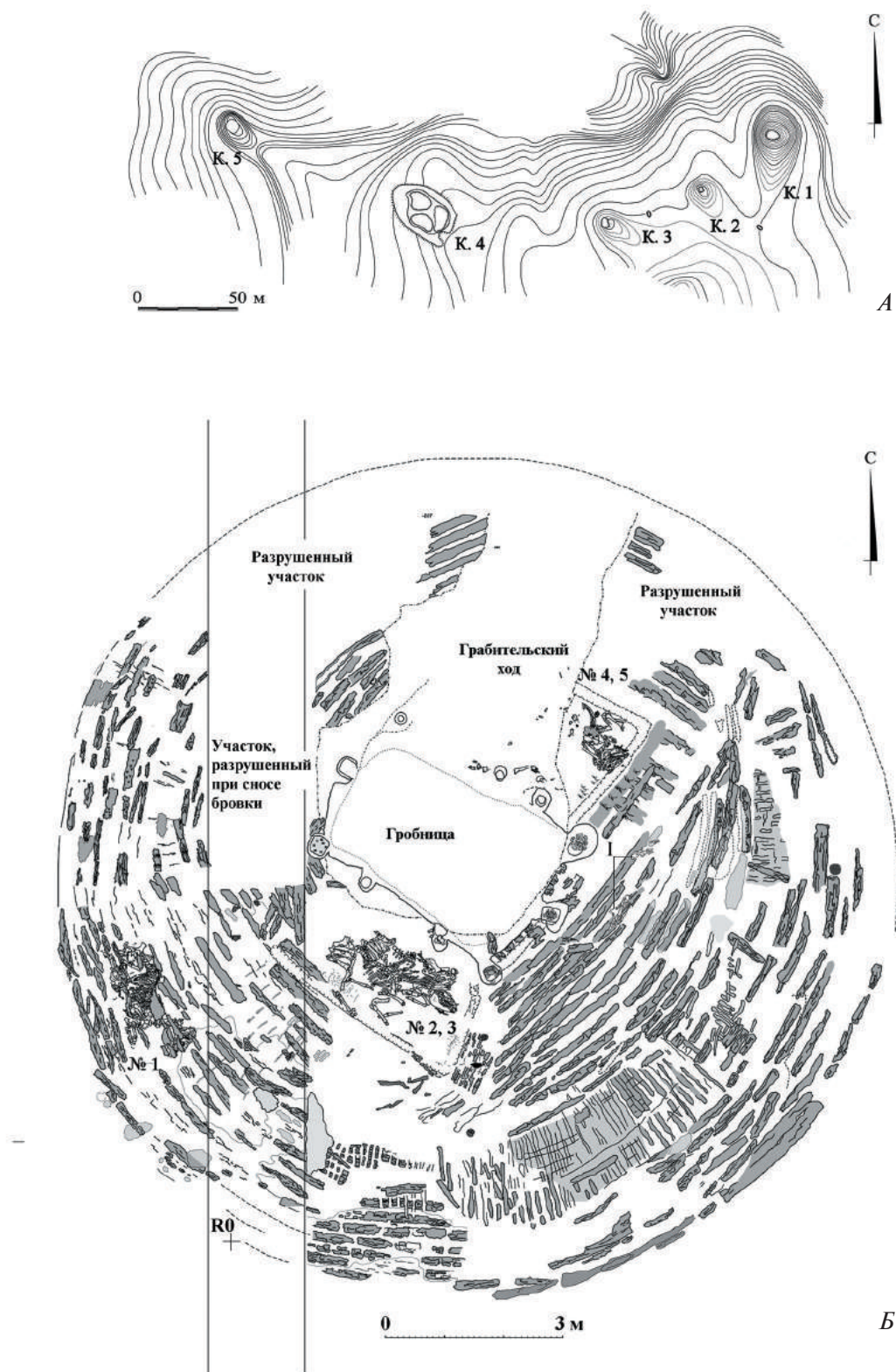

Рис. 1. Дыш IV. План могильника (А) и конструкции в кургане 1 (Б) с погребениями лошадей № 1–5 (I – рога оленя).
 Fig. 1. Dysh IV. Cemetery plan (A) and structures with horse burials in mound 1 (B) (I – antlers)

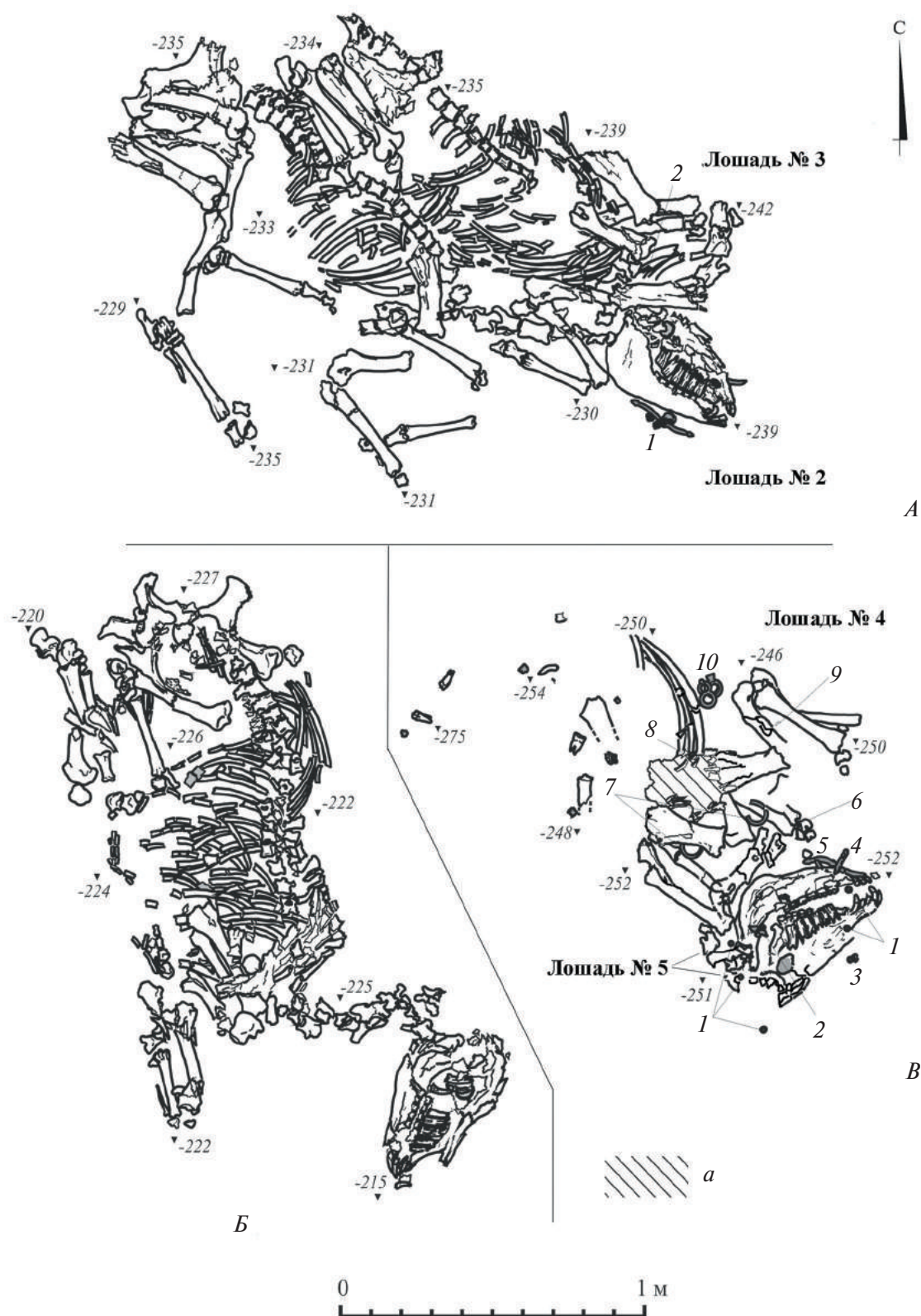

Рис. 2. Дыш IV, курган 1. Погребения лошадей № 2 и 3 (А: 1 – уздечный набор, 2 – уздечная бляшка), лошади № 1 (Б) и лошадей № 4 и 5 (В: 1 – пронизи, 2 – бляха, 3 – распределитель ремней, 4 – звено удил, 5 – псалий, 6 – ворворка, 7 – кольца, 8, 9 – бляшки, 10 – подпружная застёжка).

Fig. 2. Dysh IV, mound 1. Burials of horses No. 2 and No. 3 (A), horse No. 1 (B) and horse No. 4 (B)

камеры на настил; сверху костяк был покрыт слоем древесного тлена (направление бревен перекрытия костяка совпадало с концентрической укладкой бревен верхнего слоя настила под лошадь). При расчистке среди костей обнаружено несколько фрагментов лепной посуды⁴.

Лошади рядом с камерой лежали вдоль длинных стен гробницы с внешней стороны, парами, параллельно, тесно соприкасаясь друг с другом. Обе пары — юго-западная (лошади № 2 и 3) и северо-восточная (лошади № 4 и 5) — помещались на древнем горизонте на особых прямоугольных площадках, примыкающих к могильной камере и выделенных с внешней стороны уложенными горизонтально толстыми бревнами, от которых сохранились отпечатки в виде незначительно углубленных канавок. Следы настила под костяками, как и их перекрытие деревом, не отмечены.

Первая пара ориентирована головами на ЮВ; лошадь № 2 (правая) — на левом боку со слабо подогнутыми ногами, лошадь № 3 (левая) лежала более компактно на животе с небольшим наклоном влево, ноги максимально согнуты и поджаты (сохранность этого костяка значительно хуже, чем у лошади № 2, передняя часть разрушена, череп отсутствовал — фрагменты этих костей встречены в столбовой яме 4 и в грабительском перекопе внутри гробницы) (рис. 2, А).

Во второй паре костяки были еще сильнее разрушены грабителями. От лошади № 4 (левой) уцелел только череп с частью шеи и передними конечностями; она была ориентирована головой на ЮВ, положена на правый бок или на живот с сильным отклонением на правый бок, с подогнутыми ногами. От лошади № 5 (правой) *in situ* осталась одна правая передняя нога (локтевая кость и подогнутые под нее бабки/фаланги, частично заходившие под шейные позвонки и затылочную часть черепа лошади № 4). Прочие ее кости и, вероятно, связанный с ней инвентарь обнаружены в заполнении грабительского хода. Предположительно лошадь № 5 первоначально лежала параллельно лошади № 4, в аналогичной позе (рис. 2, В).

Судя по расположению тазовых костей наиболее хорошо сохранившихся скелетов лошадей № 1 и 2, туши животных, очевидно, были убиты на живот с подогнутыми ногами и лишь с разложением мягких тканей завалились на бок.

⁴ На настиле в целом, и в том числе в юго-западной его части, рядом с лошадь № 1, было обнаружено около 400 мелких фрагментов лепной посуды.

Не исключено, что они были закреплены и некоторое время находились на обозрении.

На верхнем слое настила, на расстоянии 1 м от торцевой юго-восточной стенки гробницы, параллельно ей, в одну линию были уложены *два рога оленя*, обращенные основаниями друг к другу. На основаниях рогов по кругу отмечены следы порубки топором, окончания же рогов сохранили следы стачивания и/или использования. Традиция размещения рогов оленя рядом с могильным комплексом (в который входили останки взнузданных лошадей) восходит в могильнике Дыш IV к новочеркасско-жаботинскому периоду (Маслов, Гей, Андреева, 2020. С. 304. Рис. 7, 1). Культурный смысл сочетания оленьих рогов с конскими костяками в одном археологическом контексте в целом очевиден (олень и лошадь — небесные животные).

Рассмотрим принадлежности узды, которые во многом являются определяющими для культурно-хронологической атрибуции данного комплекса.

In situ был расчищен лишь один *узdechный комплект*, находившийся под черепом лошади № 2 (рис. 2, А, 1). Он включал железные двусоставные удила с надетыми на них под внешними петлями железными округлыми насадками, у которых с внутренней стороны имелось по четыре заостренных выступа-шипа, образующих квадрат вокруг стержня удил. Судя по их положению, удила или не были вставлены в рот лошади, или вывалились на землю в процессе разложения туши. Во внешние петли удил были вставлены бронзовые S-видные двудырчатые псалии; непосредственно близ грызла были найдены бронзовые обоймы (рис. 3, 1, 4, 7; 4, 5).

Сходная ситуация частично была зафиксирована при расчистке поврежденного в ходе древнего ограбления скелета лошади № 4. Здесь возле нижней челюсти, с заходом под нее, были обнаружены обломки железных удил и аналогичные поврежденные бронзовые псалии и пронизи (рис. 2, В, 1, 4, 5; 3, 8; 4, 6).

Железные петельчатые удила (разворот звеньев ок. 25 см) и *железные дисковидные строгие насадки с шипами* (диаметр насадок — 4,3 см) (рис. 3, 1, 4). Единственной аналогией данной находке являются насадки на удила лошади № 9 в кургане 10/1982 г. Ульского могильника (Эрлих, 2015. С. 46. Табл. 15, кат. 254), которые рассматривают как древнейший пример использования железных строгих удил, предвосхищающих появление квадратных насадок с загнутыми углами (Лесков,

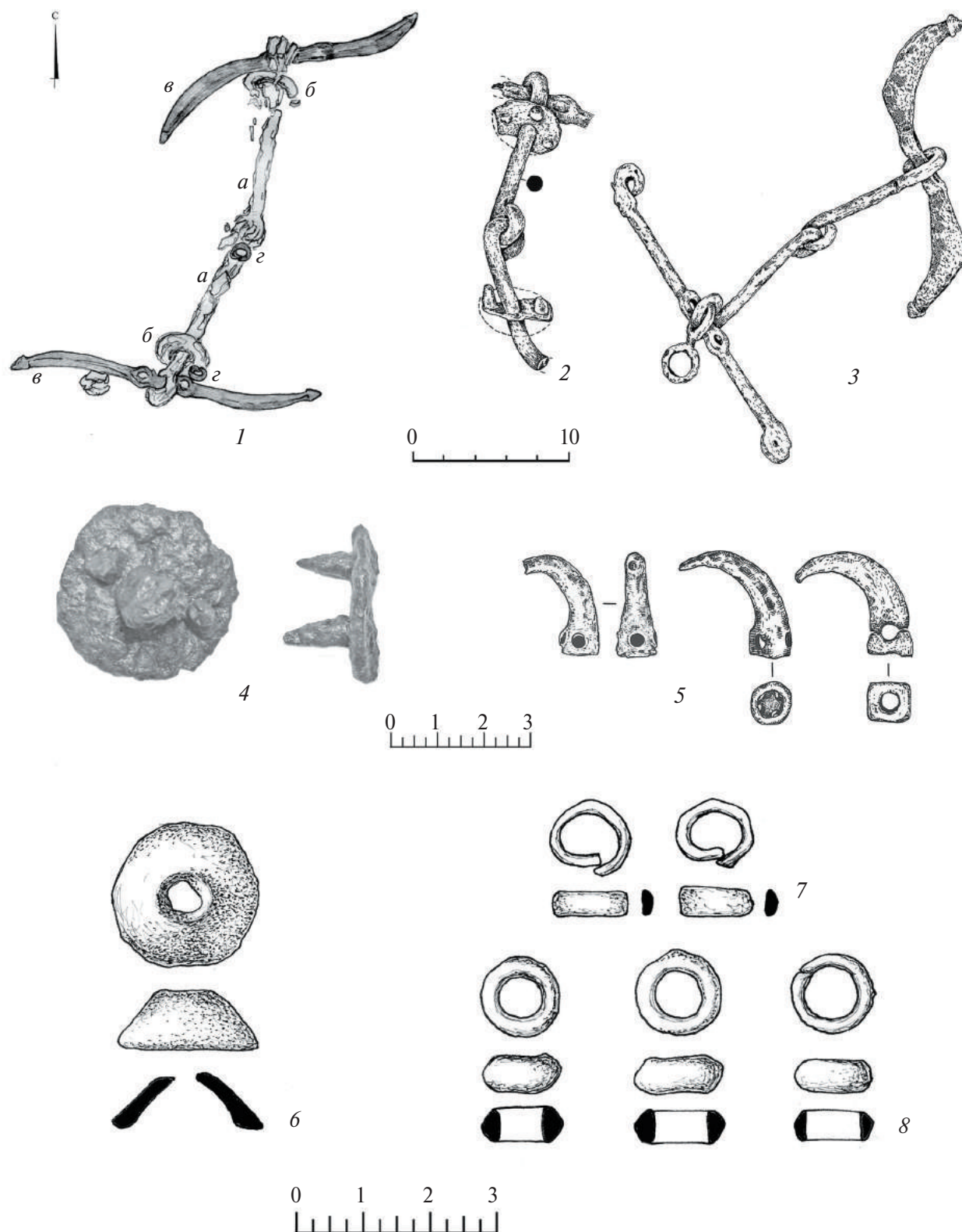

Рис. 3. Предметы узды из памятников: Дыш IV, курган 1 (1, 4, 7 – лошадь № 2; 6, 8 – лошадь № 4) (1 – полевой рисунок А.Н. Гея: а – удила, б – насадки, в – псалии, г – обоймы) и Уляп, курган 10/1982 г. (2, 3, 5) (по: Эрлих, 2015).

Fig. 3. Bridle items from the sites: Dysh IV, mound 1 (1, 4, 7 – horse No. 2; 6, 8 – horse No. 4) and Ulyap, mound 10/1982 (2, 3, 5) (after Erlikh, 2015)

Рис. 4. Дыш IV, курган 1. Предметы узды и упряжи: 1, 2, 4, 6 – лошадь № 4; 3 – лошадь № 5?; 5 – лошадь № 2.
Fig. 4. Dysh IV, mound 1. Items of bridle and harness

2015. С. 97) (рис. 3, 2). Но очевидно, что два названных типа насадок появляются практически синхронно. Так, в конском захоронении в каменном ящике 3 горного могильника Уллу в Кабардино-Балкарии удила с крестообразными насадками были найдены вместе с железными псалиями и крупной подпругной пряжкой с окончаниями в виде птичьих голов с закрученным клювом (Белинский и др., 2017. С. 120). Комплекс узды из Уллу датируется благодаря бронзовым уздечным бляшкам, декорированным в “зверином стиле”, имеющим прямые аналогии в погр. близ с. Хошеутово в Нижнем Поволжье (Канторович, 2014. С. 107. Рис. 1, 1; Белинский и др., 2017. С. 115–121), которое относят ко второй четверти — середине V в. до н.э. (Очир-Горяева, 2012. С. 187).

В кург. 1 Дышского могильника *окончанием железного псалия*, украшенного зооморфным навершием, возможно, является сильно корродированный предмет, найденный в придонном заполнении северной части грабительской ямы (рис. 7, 5). Изображение угадывается по абрису: овальный в сечении стержень переходит в скульптурную головку птицы, расположенную почти горизонтально, с закрученным клювом и выступающим над контуром головы округлым глазом. Размеры фрагмента: 3 × 2 × 0,6 см.

Псалии с таким завершением, кроме погр. 3 могильника Уллу, известны по материалам Ульского и Нартанского могильников (Эрлих, 2015. С. 47) (рис. 3, 3).

Две лошади в разных парах — № 2 и № 4 — имели сходные комплекты литых S-видных *бронзовых двудырчатых псалиев* с округлыми отверстиями в центральных уплощенных ромбовидных выступах со сглаженными наружными углами (рис. 4, 5, 6). Их изогнутые заостренные лопасти с четко выраженной гранью имеют ромбовидное сечение. На концах лопастей расположены конусовидные шишечки. Размеры псалиев: длина — 18,5–20 см, наибольшая ширина — 1,5–1,7 см.

Нужно отметить, что найденные *in situ* псалии лошади № 2 различались размерно и, возможно, первоначально принадлежали к разным уздечным наборам. Такие случаи известны. Так, в кург. 10/1982 г. Ульского могильника встречен уздечный комплект с разнотипными псалиями — лошадь № 22 (Эрлих, 2015. С. 160, 161. Табл. 19, 281) (рис. 3, 3).

S-видные псалии с уплощенными окончаниями появляются на востоке Евразии еще в раннескифское время (Шульга, 2008. Рис. 45, 6), но в памятниках Поднепровья и Северного

Кавказа широкое распространение получают лишь с конца VI—V в. до н.э. (Ильинская, 1968. С. 117; Эрлих, 2015. С. 48). Ближайшей аналогией нашим находкам являются железные псалии, очевидно, воспроизводящие бронзовые образцы, из кург. 2/1898 г. и 10/1982 г. Ульского могильника (Эрлих, 2015. С. 47, 48. Табл. 3, 17; 14, 211; 16, 219; 17, 242, 247, 248, 250; 19, 281). Однако вследствие изготовления из железа они имеют раскованные уплощенные лопасти.

Для определения хронологии всего комплекса большее значение имеет несомненная морфологическая близость дышских псалиев и серии S-видных бронзовых псалиев с равномерно изогнутыми ромбовидными в сечении лопастями с прямыми окончаниями, которые А.Ю. Алексеев поместил во 2 группу своей дробной классификации скифских древностей V в. до н.э., по находкам античных импортов датированную второй четвертью этого столетия (Алексеев, 1991. С. 51. Рис. 2, 17–19).

Определенное сходство дышские псалии имеют также с псалиями из погр. у с. Хошеутово (Очир-Горяева, 2012. С. 200, 201. Илл. 206; 207), изогнутые остролистные лопасти которых, с завершением в виде пирамидки из шариков, оформлены в “зверином стиле”.

При расчистке скелета лошади № 4 были обнаружены *два крупных бронзовых кольца*: разломанный экземпляр лежал на шейных позвонках, целый — у костей подогнутой правой ноги (рис. 2, В, 7; 4, 5). Одно кольцо цельнолитое, второе — свернуто из дрота, концы которого были сомкнуты вплотную. Наружный диаметр колец — 7 см, округлое сечение — 0,5 см. Аналогичные предметы появляются в финале предскифского времени в составе колесничных комплектов, что позволяет интерпретировать их как детали упряжи повозки (Эрлих, 2007. С. 143, 144. Рис. 208, 1, 5). Об этом свидетельствует также их расположение. Кольца могли использоваться для крепления лошадей к ярму или вальку. Сама повозка отсутствовала, но, возможно, были использованы ее детали.

Кольца на ярме, через которые пропущены поводья, можно различить на золотой модели двухдышловой колесницы, запряженной четверкой лошадей, из Амударьинского клада (Амударьинский клад, 1979. С. 37, 38. Кат. 7; цв. илл.). У крайней лошади заметна пряжка в месте пересечения подпруги и нагрудного ремня.

Два больших железных кольца были найдены на лопатках скелета лошади в парном конском

погр. 3 в кург. 15 у аула Уляп (Лесков и др., 2005. С. 64, 65. Рис. 222, 4, а, б).

Два крупных разомкнутых железных кольца были найдены в конском захоронении в каменном ящике 3 горного могильника Уллу (Белинский и др., 2017. С. 121).

В скифских наборах узды известны многочисленные бронзовые и железные кольца, сильно варьирующие размерно, но они рассматриваются исключительно как пряжки различного назначения (Могилов, 2008. С. 62–64. Рис. 120; 122).

Бронзовые подпружные пряжка и блок, лежащие, очевидно, *in situ*, были найдены с левой стороны корпуса лошади № 4, близ ребер за лопаткой. Оба предмета находились основанием вверх: восьмерковидный блок лежал поверх пряжки, частично перекрывая ее (рис. 2, В, 10).

Литая *подпружная пряжка* с трапециевидной рамкой с боковыми выступами-фиксаторами и овальным поперечным отверстием (рис. 4, 2). Пряжка примыкает к арочной приемной петле, расположенной перпендикулярно к оси пряжки. В передней части петли имеется вертикальный грибовидный шпенок. Размеры пряжки 2.0 × 2.2 см, приемной петли – 7.0 × 6.2 см, общая длина – 7.4 см.

Подобные пряжки появляются на востоке Евразии не позднее начала VII в. до н.э. и широко бытуют до V в. до н.э. (Шульга, 2015. Рис. 81). Технологические следы – выемка внутри рамки с краями различной толщины, также характерны для большой группы восточных изделий (Шульга, 2008. Рис. 35, 12, 13), изготовленных в закрытых формах с использованием утрачиваемой модели (Тишкин, 1998. С. 88. Рис. 1, 2). Едва ли пряжка попала на Кубань в результате торговли или обмена, вероятнее – вместе с лошадью и ее хозяином.

В комплекте с подобными пряжками обычно встречаются блоки аналогичной формы, не имеющие шпенька (Шульга, 2008. С. 95, 96. Рис. 62, 1–16). Однако в нашем случае это не так.

Блок имеет восьмерковидную форму с перехватом и кольцами различного диаметра (рис. 4, 1). Рамка блока уплощенная, со скругленными торцами. В передней части меньшего кольца находится уплощенный треугольный выступ – язычок. С внутренней стороны основания большего кольца имеется врезка, утончающая рамку. Размеры предмета: диаметр колец – 3.8 и 4.5 см, общая длина – 8.4 см.

Несмотря на внешнюю простоту, среди подпружных блоков на огромной территории востока

Евразии аналогии данной находке нам не известны. Можно только отметить беспаспортный бронзовый восьмерковидный блок(?) из собрания Минусинского музея (Шульга, 2013. Рис. 43, 17)⁵.

Ближайшей параллелью дышскому подпружному комплексу является находка в погр. 16 кург. 5 могильника Кривая Лука III в Нижнем Поволжье набора, состоящего из трех предметов: пряжки и двух разнотипных блоков (Очир-Горяева, 2012. С. 221. Илл. 268, 7, а–с). Пряжка восточного типа, близкая к дышской, со шпеньком, декорированным изображением копыта, здесь была дополнена восьмерковидным блоком с округлым выступающим приемником и трапециевидной рамкой со скругленными углами.

Дата набора предметов из Кривой Луки – ок. середины V в. до н.э. – устанавливается по набору образов “звериного стиля” на уздечных бляшках, имеющих широкий круг аналогий в скифских памятниках (Канторович, 2015. С. 375, 376, 633, 634).

Под черепом лошади № 4 вместе с пронизиями был обнаружен бронзовый уздечный распределитель; местоположение второго такого же распределителя также локализуется в области черепа; третий аналогичный предмет был найден рядом с носовыми костями лошади № 4 (рис. 2, В, 3). Это *бронзовые литые распределители с выпуклой полусферической шляпкой*, к которой снизу примыкают крестообразно сходящиеся высокие арочные дужки, уплощенные снаружи. Их общая высота – 1.8, диаметр шляпки – 1.8 см (рис. 5).

На поверхности шляпок находятся барельефные изображения кошачьих хищников. Две профильные фигуры в позе “припавших к земле” животных расположены центрально-симметрично. Центром композиции является точка, где соприкасаются кончики разнонаправленных ушей двух зверей. Пасть животных открыта, в ней угадываются сомкнутые клыки. Глаз прорисован, миндалевидный. Ухо, треугольное с выемкой в основании и углублением в раковине, вытянуто назад. Изогнутой насечкой обозначен нос. Утяжеленные лапы поджаты под туловище и примыкают друг к другу. Они расширяются к стопам, на которые полукруглыми насечками нанесены пальцы. В одном случае треугольным углублением подчеркнут локоть. Плечо выделено рельефно. Хвост С-образно изогнут и проходит под лапой через бок к спине. В одном случае

⁵ Выражаем искреннюю признательность с.н.с. Института археологии и этнографии СО РАН П.И. Шульге за консультацию и ценные советы.

Рис. 5. Дыш IV, курган 1, лошадь № 4. Уздечные распределители (1 — изображения хищника; 2 — рисунок, 3 — фото; а–в — три экземпляра). Рисунки К. Окоркова.

Fig. 5. Dysh IV, mound 1, horse No. 4. Strap separators (a–в — 3 items). Drawings by K. Okorokov

обозначена кисточка хвоста, что позволяет предположить, что это стилизованные изображения льва или их цитата. На спине за ушами нанесены парные насечки в виде скобок. Снизу изображение окаймлено валиком с косым поперечным рифлением. Детали изображений варьируют, что

свидетельствует о том, что они были изготовлены с использованием индивидуальных восковых моделей.

Комплект из четырех сходных распределителей с гладкой полусферической шляпкой происходит из комплекса кург. 2/1909 г. Ульского

могильника (Эрлих, 2015. С. 50. Табл. 8, 160). Три распределителя с полусферическим щитком в виде рельефной розетки входят в состав Хошеутовского комплекса (Очир-Горяева, 2012. С. 208. Илл. 226, 45–48).

Рифленые валики на краях плоских и полусферических уздечных блях в скифских памятниках имеют широкое распространение и встречаются в комплексах от рубежа VI/V до рубежа IV/III вв. до н.э. (Могилов, 2008. С. 54, 55. Рис. 107, 49–64; 108, 1–34; 193). Известны они и на уздечных бляшках из памятников Нижнего Поволжья V в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 93. Рис. 51, 11, 12).

Но композиция на округлой поверхности не имеет аналогий среди изделий, выполненных в собственно скифском “зверином стиле”. Ближайшей параллелью ей является композиция на золотой полусферической нашивной бляхе из состава Амударьинского клада с изображением двух разнонаправленных лежащих кабанов с подогнутыми ногами и двух голов козлов (Амударьинский клад, 1979. С. 50. Кат. 43).

Такие детали дышских изображений, как парные насечки на спине и, особенно, петля хвоста, закинутого на бок из-под ноги, указывают на передневносточное или, более определенно, ахеменидское влияние. Подобные хвосты, например, имеет пара львов, терзающих быков, на рельефах лестницы Трипилон в Персеполе (Schmidt, 1953. Pl. 66; 69). Эта сцена интерпретируется как символ равноденствия, связанный с весенним праздником Новруза (Луконин, 1977. С. 67, 68).

В скифском искусстве “звериного стиля” С-образно изогнутый хвост, выходящий через паховую складку и облегающий бедро, имеет лежащая пантера на золотой накладке на колчан из кург. 5 у с. Архангельская слобода (Лесков, 1981. С. 137–143). В данном образе, датированном рубежом V/IV вв. до н.э., видят фракийское или ахеменидо-фракийское влияние (Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009. С. 50, 51, 60).

Вопрос о месте изготовления дышских распределителей остается открытым. Общий вектор культурных параллелей как будто указывает на Нижнее Поволжье или Южное Приуралье, но нельзя полностью исключить того, что данные распределители были изготовлены в одной из греческих колоний на Черноморском побережье. Возможно, прояснить ситуацию поможет анализ металла.

Обратимся к *бронзовым литым распределителям условно зооморфной формы* (рис. 4, 3), которую обычно именуют “клювовидной” или, реже,

“когтевидной”, хотя первоначально они могли имитировать пронизи из клыков кабана, о чем свидетельствует огранка на ряде ранних экземпляров (Могилов, 2008. Рис. 134, 19–22; Рябкова, 2012. С. 375; Махортых, 2017. Рис. 9, 1–7, 13, 14). Часть таких пронизей получает законченное оформление в виде головки хищной птицы, однако эту особенность нельзя экстраполировать на всю группу (Махортых, 2018. Рис. 8, 2–6).

В заполнении грабительского хода, рядом со столбовой ямой 10 центральной гробницы, к ЮЗ от сохранившихся *in situ* останков лошади № 4 (возможно, эти распределители входили в уздечный набор лошади № 5, костяк которой был разрушен практически полностью) были обнаружены три распределителя, несколько различающиеся размерами: длина — 6–7, диаметр стержня — 1.5, диаметр отверстий — 0.7–0.9 см. Верхний стержень, округлый в сечении, сильно изогнут и имеет сужающееся коническое окончание. Полное основание пронизей скругленное, усечено-конической формы. Сверху оно ограничено рельефным кантом, снизу — выступающим пластинчатым бордюром. С четырех боковых сторон и снизу у пронизей имеются округлые отверстия. Высота основания составляет примерно 23–25% от общей высоты предметов.

На Северном Кавказе “клювовидные” пронизи-распределители появляются в раннескифский период (Махортых, 2017. С. 177. Рис. 9). Вопрос о месте происхождения данной группы пронизей пока далек от окончательного решения. Наиболее поздние образцы — кованые железные “клювовидные” пронизи были найдены в кург. 10/1982 г. Ульского могильника в Адыгее (Эрлих, 2010. С. 89; 2015. С. 50. Табл. 16, 220; 18, 264, 267, 269) (рис. 3, 5). Хронологическая оценка этого памятника его исследователями различается: он относится к интервалу от сер. VI до сер. V в. до н.э. (Эрлих, 2010. С. 89; 2015. С. 56; Лесков, 2015. С. 96, 97).

Как и акинаки, и многие другие элементы скифской культуры, “клювовидные” пронизи имеют самое широкое распространение в Ахеменидской империи в конце VI–V вв. до н.э. Кроме находок, они представлены на рельефах ападаны в Персеполе на изображениях уздечек лошадей, которых ведут представители различных народов (Calmeyer, 1985. S. 126–135. Taf. 38–50), расписной чаше из Машат Хуюка (Иванчик, 2001. С. 84. Рис. 36), серебряных ритонах из Эребуни (Calmeyer, 1985. Abb. 4; Золото древней Армении, 2007. Табл. CI; CII). Судя по этим изображениям, полный уздечный комплект должен был состоять

из четырех пронизей, хотя В.Р. Эрлих допускает использование вместе с двудырчатыми псалями трех пронизей (2015. С. 50).

Очевидно, под ахеменидским влиянием варианты “клювовидных” пронизей в конце VI—V в. до н.э. получают распространение в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье (Очир-Горяева, 2012. С. 174, 262, 263. Илл. 184, 51, 52; 287). Импульс их распространения в этот период достигает Алтая и Тувы (Шульга, 2015. С. 102, 103). Следует подчеркнуть, что здесь они сохраняют архаичные морфологические черты.

“Клювовидные” пронизи из Дышского могильника по своим морфологическим параметрам не имеют точных аналогий. Наличие канта между основанием и изогнутым стержнем — редкая черта. Она представлена на четырех ромбовидных в сечении пронизях в погр. 6 могильника Абано в Шида-Картли (Bill, 2003. Taf. 3, 21–31; Махортых, 2018. Рис. 7, 1). Пронизи входили в уздечный комплект с железными трехпетельчатыми псалями, дата которых по скифским аналогиям не должна быть позднее первой половины VI в. до н.э. Кроме того, экземпляр с “клювовидным” окончанием и окантовкой кубического основания сверху и снизу представлен в собрании Британского музея (Махортых, 2018. Рис. 7, 2).

На крупных золотых “клювовидных” пронизях-распределителях из богатого погр. 5 некрополя Саирхе в Колхиде, датированного серединой — второй половиной V в. до н.э., верхняя граница основания обозначена низкорельефными парными поясками (Maxaradze, Tseretely, 2009. P. 115. Phot. 72; 75; 79; Эрлих, 2010. С. 89).

Можно отметить, что размерные характеристики, очевидно, относятся к хронологическим признакам: крупные размеры характерны для более поздних образцов “клювовидных” пронизей, выполненных из различных материалов и связанных уже с ахеменидским кругом древностей — Саирхе, Персеполь, Истрия, Гордион, Сузы (Calmeyer, 1985. Abb. 2, 4, 5; Махортых, 2018. С. 42. Рис. 4, 6–8).

Но форма стержня дышских пронизей — вытянутых, нависающих над сводчатым основанием, указывает на вероятное эволюционное развитие одной из разновидностей архаичных пронизей, представленных находками в Кармир-Блуре, кургане у хут. Шумейко и погр. 70 Старшего Ахмыловского могильника (Рябкова, 2012. С. 376. Табл. 1, 2; Рис. 4, 12–14; Махортых, 2018. С. 42). Крупные размеры дышских пронизей — очевидно,

результат ахеменидского влияния. Вопрос о месте их изготовления остается открытым.

У лошадей № 2 — 4 имелись *бронзовые, роговые/костяные и железные уздечные бляшки*.

Бронзовая литая бляха в виде скульптурного, с односторонним рельефом, изображения хищной птицы с распростертыми крыльями и повернутой вправо вверх головой (рис. 6) была обнаружена на левой ветви нижней челюсти лошади № 4 (рис. 2, В, 2). Лежала тыльной стороной вверх. Общие размеры предмета $5.5 \times 3.0 \times 0.4$ –1.3 см.

Крылья и хвост птицы покрыты гравировкой, прорезанной еще на модели, до отливки. На гладкой оборотной поверхности бляхи имеется арочная петля, немного смещенная и отогнутая вправо. Расположение петли позволяет допускать различное использование бляхи в уздечном наборе: как нащечное, нахрапное или налобное украшение.

Образ хищной птицы, представленный на бляхе, можно лишь условно включить в круг образов скифского “звериного стиля”, благодаря трактовке головы с восковицей, и лапы с подчеркнутым бедром. Но клюв орла поднят вверх, что отличает его от других полнофигурных скифских изображений хищных птиц. Все остальные компоненты иконографической схемы имеют передневносточные и греческие истоки.

Следует отметить, что сходный образ, очевидно, представлен на золотых бляшках с изображениями птиц из курганов 1/1909 г. и 2/1909 г. Ульсского могильника (Лесков, 2015. С. 96. Кат. 68, 113). К сожалению, их изображения остались неопубликованными.

Весьма вероятно, что данная бляшка была изготовлена в греческой бронзолитейной мастерской для варваров где-то на Черноморском побережье.

Между костей левой передней ноги лошади № 4 была найдена фрагментированная *роговая (костяная?) бляшка* с остатками шпенька (очевидно, шинки петли) на обороте (рис. 2, В, 9). Ее щиток вырезан *в форме скульптурной головы лося* с односторонним рельефом (рис. 7, 2). Поверхности заполированы. Общие размеры: $2.5 \times 1.8 \times 0.3$ см.

На ребрах лошади № 4 (рис. 2, В, 8) была обнаружена литая *бронзовая уздечная бляшка с аналогичным зооморфным изображением* на щитке и

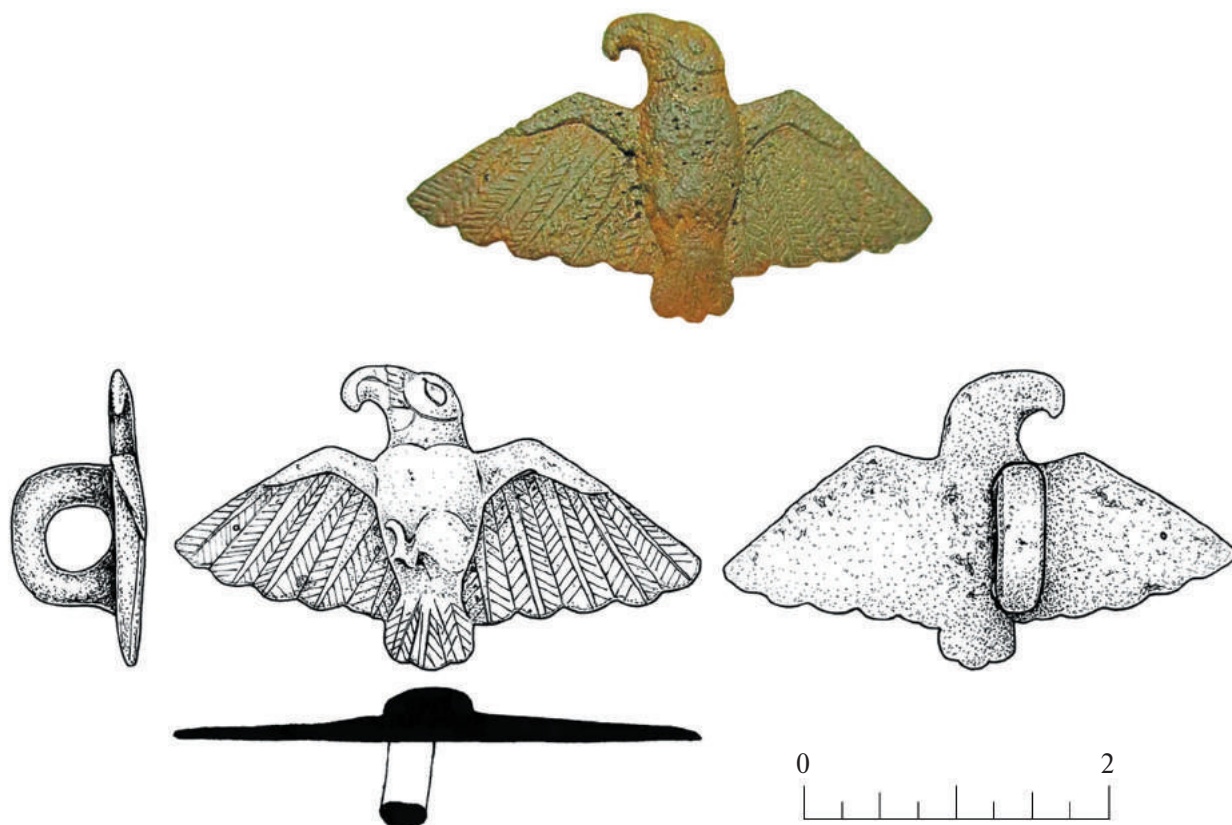

Рис. 6. Дыш IV, курган 1, лошадь № 4. Бляшка в виде птицы. Рисунок К. Окоорокова.

Fig. 6. Dysh IV, mound 1, horse No. 4. Bird-shaped plaque. Drawing by K. Okorokov

вертикальной арочной петлей на обороте (7, 1)⁶. Ее размеры: 3.0 × 2.5 × 0.3–1.3 см.

Образ на обеих бляшках один и тот же, но бляшки разнонаправленные: очевидно, они крепились с разных сторон уздечки. Вероятно, роговая бляшка воспроизводила утерянную бронзовую. Об этом свидетельствуют обрамление глаза, повторяющее спиральный валик литой модели, и сходное размещение дополнительной птичьей головки, от которой сохранились лишь клюв и часть округлого глаза.

На щитках бляшек представлено изображение головы взрослого лося с подчеркнутыми видовыми чертами — тупой горбоносой мордой и нависающей верхней губой. Округлый преувеличенный глаз обрамлен рельефным спиралевидным завитком. Овальное ухо с углубленной ушной раковиной направлено наискось вверх. Над глазом

расположен передний и единственный отросток рога, который опирается на носовой выступ, где трансформируется в перевернутую голову хищной птицы, с округлым глазом и восковицей. На основание головки птицы снизу нанесен спиралевидный завиток — возможно, дополнительный зооморфный мотив.

На месте лосиной шейно-подбородочной складки-серьги помещено дополнительное изображение головы хищной птицы с выделенным округлым глазом, изогнутым клювом с намеченной восковицей, также дополненное завитком в основании.

Подобные изображения относятся к типу 3 редуцированных изображений лося — “нимфейско-семибратненскому”, по классификации А.Р. Канторовича (2013. С. 451, 452. Рис. 5). Датировка этого типа не выходит за пределы V в. до н.э., не ранее второй четверти этого столетия. Необходимо отметить, что этот, не самый распространенный, образ лося имеет соответствия в хошеутовском комплексе (Очир-Горяева, 2012.

⁶ Выражаем искреннюю признательность за разностороннюю помощь в работе с дышской коллекцией директору Национального музея Республики Адыгея Ф.К. Джигуновой и хранителю коллекций А. Недомолкину.

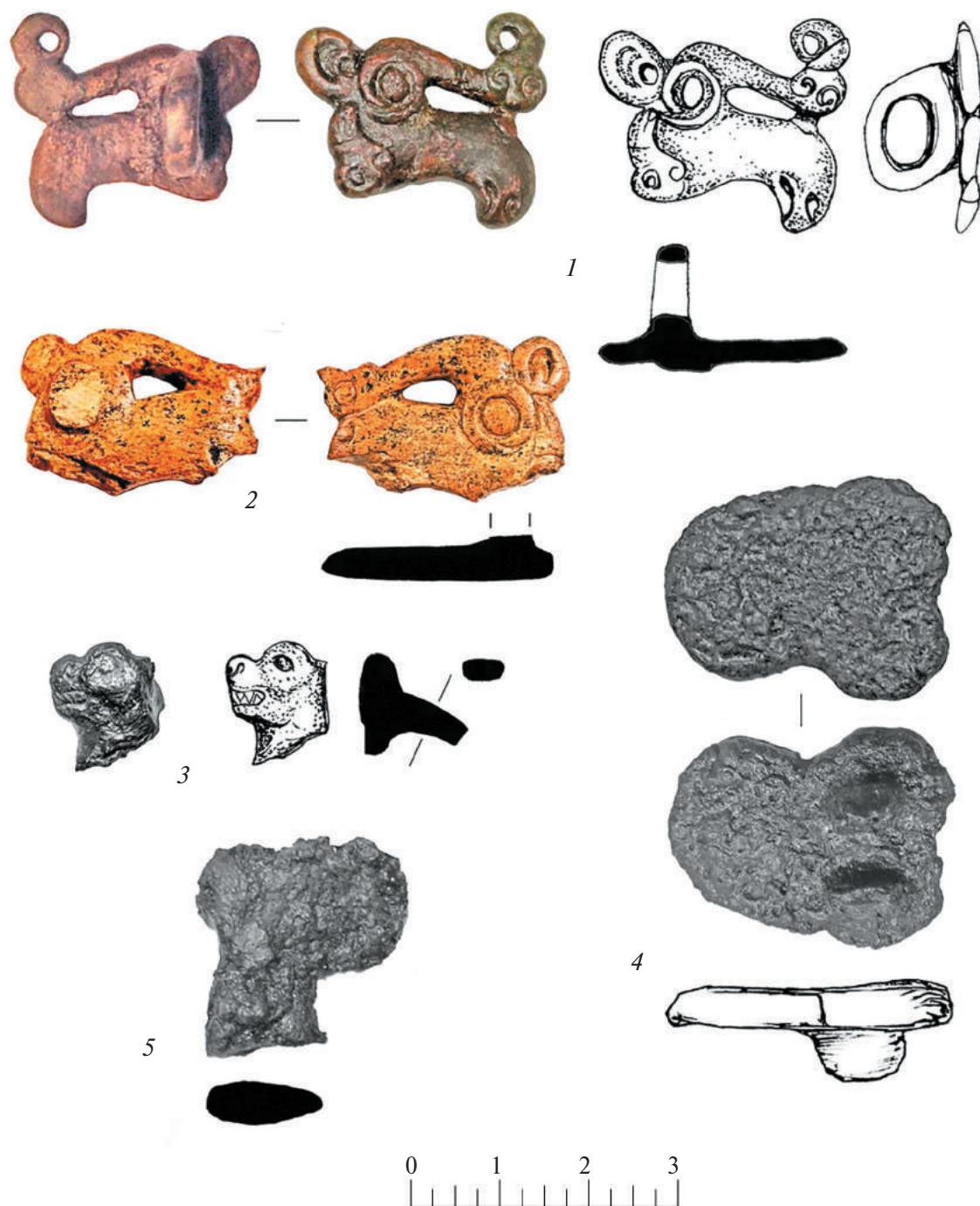

Рис. 7. Дыш IV, курган 1. Уздечные бляшки (1–4) и обломок псаля (5): 1, 2 – лошадь № 4; 3, 5 – грабительский ход (северная часть), 4 – лошадь № 3. Рисунки И. Рукавишниковой.

Fig. 7. Dysh IV, mound 1. Bridle plaques (1–4) and a cheekpiece fragment (5). Drawings by I. Rukavishnikova

С. 205. Илл. 215, 25, 26; 219), только две хошеутовские бляхи в форме лосиной головы дополнены изображениями птичьей головы у основания нижней челюсти, на месте серьги.

В грабительском перекопе к ЮЗ от останков лошади № 4 был найден *фрагмент бронзовой литой бляшки*, на котором четко просматривается

изображение головы хищника с углубленным миндалевидным глазом, обозначенным ноздрями, раскрытой подковообразной пастью с выделенной губой и треугольными зубами (рис. 7, 3). Ухо утрачено. Общие размеры: 1.4 × 1.2 × 1.1 см.

Это изображение входит в широкий круг образов ощерившихся хищников, которые

встречаются в разных вариантах как в европейском, так и в азиатском ареале “звериного стиля” (Королькова, 2006. Табл. 40). Выделенная губа — черта, характерная для восточного круга образов (Королькова, 2006. С. 70). Голова резко выступает над поверхностью пластины, что позволяет предположить, что это часть имитации кабаньего клыка, где голова хищника была помещена на верхнем окончании.

Щиток железной бляшки, найденной под лопаткой лошади № 3 (рис. 2, А, 2), сохранился полностью, но он настолько корродирован, что образ угадывается только по абрису (рис. 7, 4). Это голова хищной птицы с закрученным клювом, в нижней части, вероятно, дополненным меньшей птичьей головой. Данное изображение соответствует широко представленному в ареале скифской культуры, начиная примерно с середины VI в. до н.э., “ольвийско-завадскому”, по А.Р. Канторовичу, типу изображений птичьих голов (2015. С. 648–656). Подобный тип встречается и в памятниках Нижнего Поволжья (Королькова, 2006. Табл. 21). Размеры предмета: $3.0 \times 2.0 \times 0.5$ м. Сам факт использования железа для уздечных украшений очень необычен.

В состав уздечных наборов входили *бронзовые пронизи* и аналогичные им по назначению *бронзовые обоймы*. Семь крупных цельнолитых бронзовых колец-пронизей со сглаженным ребром были найдены при расчистке лошади № 4 (рис. 3, 8). Три из них залегали в одну линию в области затылочной и теменной частей черепа, одна — на носовых костях, еще одна — между зубами, а две — под черепом в непосредственной близости от псалиев. Размеры пронизей: диаметр — 1.2, высота — 0.5 см.

Непосредственно к грызлу удила лошади № 2 примыкали две небольшие бронзовые скобкообразные обоймы (рис. 3, 7). Три обоймы найдены при расчистке костяка перемещенными. Все обоймы изготовлены из согнутых пластин. Размеры: 1.4×1.2 , высота — 0.4 см.

С разрушенными костяками взнузданных лошадей ассоциируются четыре находки таких же предметов (одна целая пронизь и фрагменты пронизей и/или обойм), найденных в грабительском перекопе в пределах гробницы и вне нее, в столбовой яме 7 и на площадке перед мордой лошади № 2.

Судя по сравнительно небольшому количеству и расположению, частично зафиксированному *in situ*, пронизи в дышских уздечках использовались для фиксации свернутых ремней в местах

их соединения с псалиями и на затылке, в районе соединения ремней оголовья. Наборы пронизей/обойм в уздечных комплектах, по-видимому, были унифицированы.

В раннескифских материалах Казахстана и Саяно-Алтая уздечные пронизки/обоймы получили очень широкое распространение уже в VII — начале VI в. до н.э. (Шульга, 2008. С. 87). Отсюда они попадают в скифскую архаическую культуру (Маслов, Гей, Андреева, 2020. С. 310, 311. Рис. 6, 11).

В Ульском могильнике в материалах первой половины V в. до н.э. в кург. 2/1898 г. и 2/1909 г. представлены пронизи и обоймы, аналогичные дышским (Эрлих, 2015. С. 52. Табл. 2, 25–27; 8, 176; Лесков, 2015. С. 94–96).

Бронзовая литая ворворка усеченно-конической формы была найдена рядом с костями левой ноги лошади № 4 (рис. 2, В, 6; 3, 6). Ее размеры: диаметр — 2.4, высота — 0.8 см. Такие ворворки широко использовались в ряде культур степного пояса на территории Евразии в VII–III вв. до н.э. в качестве застежки ремней оголовья (Шульга, 2008. С. 84, 85. Рис. 64, 1). По наблюдениям В.Р. Эрлиха на территории Кубани они встречаются почти исключительно в материалах V–IV вв. до н.э. (Эрлих, 2015. С. 52).

Кратко подводя итоги, следует отметить, что весь широкий круг аналогий предметам узды из кург. 1 могильника Дыш IV позволяет отнести этот памятник к первой половине — середине V в. до н.э. Данная датировка подтверждается находкой в грабительском перекопе фрагментов аттической чернолаковой кружки (тип 197 по Б. Спарксу). Это достаточно редкий тип сосудов, который изготовлялся во второй четверти — середине V в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970. P. 71, 72)⁷.

Среди памятников Кубани наибольшую группу параллелей для нашего комплекса содержат материалы кургана 10/1982 г. Ульского могильника, что подтверждает точку зрения А.М. Лескова на его датировку (2015. С. 96, 97). Вместе с тем следует подчеркнуть, что материалы из Дыша содержат предметы, относящиеся как к западному, так и восточному кругу культур кочевого мира. Кроме того, в образах “звериного стиля” имеются ахеменидские и греческие цитаты. Такой яркий культурный синкретизм, возможно, связан с особым культовым значением Дышского могильника для пришлых подвижных военизированных

⁷ Выражаем искреннюю благодарность н.с. кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова Т.В. Егоровой за помощь в атрибуции данной находки.

групп, сохранявшемся на протяжении не менее двух столетий. При этом в составе уздечных наборов нет ничего, что можно было бы уверенно соотнести с меотскими древностями. Эти наборы ясно указывают на иноэтничное происхождение военизированной элиты.

Работа выполнена в рамках плановой темы «Археологические культуры Евразийских степей и античный мир — контакты и взаимовлияния» (номер темы: АААА-А18-118011790093-2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А.Ю.* Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 31. Л.: Искусство, 1991. С. 43–56.
- Амударьинский клад: каталог выставки / Гос. Эрмитаж, Британский музей / Авт. вступ. ст. и сост. Е.В. Зеймаль. Л.: Искусство, 1979. 96 с.
- Андреева М.В., Гей А.Н.* Дыш IV — новый культово-погребальный памятник раннего железного века в Предкавказье // Археологические открытия 2010–2013 гг. / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 316–318.
- Белинский А.Б., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Райнхольд С.* Раскопки горного могильника Уллу // Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействия и преемственность культур: сб. материалов IV абхазской междунар. археолог. конф., посвящ. памяти видного археолога-кавказоведа Л.Н. Соловьёва (26–30 ноября 2013 г., г. Сухум) / Гл. ред. А.И. Джопуа. Сухум: Абхазский ин-т гуманитар. исслед., 2017. С. 103–109.
- Золото древней Армении (III тысячелетие до н.э. — XIV век н.э.) / Ред. А. Калантарян. Ереван: Гитутюн, 2007. 418 с., 146 табл. (На арм. яз., рез. на англ. и рус. яз.)
- Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф, 2001 (Степные народы Евразии; т. II). 324 с.
- Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 268 с.
- Канторович А.Р.* Изображения лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология // Scripta antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 3. К 70-летию Э.В. Ртвеладзе / Гл. ред. М.Д. Бухарин. М.: Собрание, 2013. С. 423–480.
- Канторович А.Р.* Вариации на тему верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле // Археологические вести. Вып. 20. 2014. СПб. С. 105–112.
- Канторович А.Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: дис. ... д-ра ист. наук. 2015 // Архив ИА РАН. Р-2. № 2844–2846.
- Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
- Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В.* Братолюбровский курган. Киев: Ин-т археологии Нац. акад. наук Украины, 2009. 192 с.
- Лесков А.М.* Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981. 168 с.
- Лесков А.М.* Вопросы относительной и абсолютной хронологии // Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе / Ред. А.И. Иванчик, А.М. Лесков. Москва, Берлин, Бордо: Палеограф, 2015 (Степные народы Евразии; 6) (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum; 2). С. 87–100.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтowa И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья в середине VI — начале III вв. до н.э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лордкипанидзе О.Д.* Ванское городище (Раскопки. История. Проблемы) // Вани. Археологические раскопки 1947–1969 гг. Т. I / Ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 43–80.
- Лукин В.Г.* Искусство древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 232 с.
- Маслов В.Е., Гей А.Н., Андреева М.В.* Курган раннескифского времени в Адыгее (могильник Дыш IV) // Stratum plus. 2020. № 3. С. 293–330.
- Маслов В.Е., Андреева М.В., Гей А.Н.* Курган келермеского времени могильника Дыш IV (Республика Адыгея) // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 261. С. 182–202.
- Махортых С.В.* Пронизи для перекрестных ремней конской упряжи на юге Восточной Европы в VII–VI вв. до н.э. // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (23). Старожитності раннього залізного віку. Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2017. С. 166–184.
- Махортых С.В.* Распределители ремней конской упряжи VII–VI вв. до н.э. в Закавказье и Передней Азии // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (27). Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2018. С. 35–50.
- Могилов О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: Інститут археології Національної академії наук України, 2008. 439 с.
- Очир-Горяева М.А.* Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 472 с.

- Рябкова Т.В. Уздечные принадлежности скифского типа из Тейшебаини // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб., 2012. С. 360–382.
- Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 380 с.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 101). 162 с.
- Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1998. С. 78–90.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
- Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии Сибирского отд. РАН, 2013. 149 с.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2015. 322 с.
- Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука, 2007. 430 с.: ил.
- Эрлих В.Р. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010 (Материалы и исследования по археологии России; № 13). С. 73–106.
- Эрлих В.Р. Конское снаряжение и предметы вооружения // Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе / Ред. А.И. Иванчик, А.М. Лесков. Москва, Берлин, Бордо: Палеограф, 2015 (Степные народы Евразии; 6) (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum; 2). С. 44–57.
- Bill A. Studien zu den Gräbern des 6. bis 1 Jahrhunderts v. Chr. in Georgien: unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. Bonn: Habelt, 2003 (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie; 96). 269 S.
- Calmeyer P. Zur Genese altiranischer Motive. IX. Die Verbreitung des westiranischen Zaumzeugs im Achaemenidenreich // Archäologische Mitteilungen aus Iran. 18. Berlin: Reimer, 1985. S. 125–144.
- Maxaradze G., Tseretely M. Sairkhe. Tbilisi, 2009. 122 p. (На груз. яз., рез. на англ. яз.)
- Schmidt E.F. Persepolis I. Structures, Reliefs, Inscriptions. Chicago: University of Chicago Press, 1953 (The University of Chicago Oriental Institute publications; 68). 289 p.
- Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1970 (The Athenian Agora; 12). 472 p.

OBJECTS OF THE HORSE BRIDLE FROM MOUND 1 OF THE DYSH IV CEMETERY

Vladimir E. Maslov*, Alexandr N. Gey**, Marina V. Andreeva***

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: maslovlad@mail.ru

**E-mail: donkuban@mail.ru

***E-mail: amvlad11@yandex.ru

In 2011, the North Caucasian expedition of the Institute of Archaeology RAS excavated three mounds at the Dysh IV cemetery of the Scythian period in the Republic of Adygea. The main burials of the mounds, robbed in antiquity, contained burials of horses. Preserved items of harness and bridles from the latter made it possible to date mound 3 to the first third, and mound 2 to the second half of the 7th century BC. The analogies to the objects of the bridle from mound 1 presented in this paper suggest dating this complex within the first half – middle of the 5th century BC. The set under consideration contains objects related to both the Western and Eastern circles of the nomadic cultures, the samples of the “animal style” reveal Achaemenid and Greek features. Such a vivid cultural syncretism is possibly associated with the special cult significance of the Dysh cemetery, remaining relevant for at least two centuries for the newcomer mobile military groups.

Keywords: North Caucasus, Adygea, Scythians, horse bridle, horse harness, “animal style”.

REFERENCES

- Alekseev A.Yu., 1991. Chronology and chronography of the Pontic Scythia of the 5th century BC. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological papers of the State Hermitage Museum]*, 31. Leningrad: Iskustvo, pp. 43–56. (In Russ.)
- Amudar'inskiy klad: katalog vystavki. Gosudarstvennyy Ermitazh, Britanskiy muzey [The Amudarya hoard: exhibition catalog. The State Hermitage Museum, British Museum]. E.V. Zeymal', comp. Leningrad: Iskustvo, 1979. 96 p., ill.
- Andreeva M.V., Gey A.N., 2015. Dysh IV – a new cult and burial site of the Early Iron Age in the Ciscaucasia. *Arkheologicheskie otkrytiya 2010–2013 gg. [Archaeological discoveries of 2010–2013]*. N.V. Lopatin, ed. Moscow: IARAN, pp. 316–318. (In Russ.)
- Belinskiy A.B., Kantorovich A.R., Maslov V.E., Raynkhol'd S., 2017. Excavations of the Ulyap mountain cemetery. *Kavkaz i Abkhaziya v drevnosti i v Srednevekov'e: vzaimodeystvie i preemstvennost' kul'tur: sbornik materialov IV abkhazskoy mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii [Caucasus and Abkhazia in the ancient time and in the Middle Ages: interaction and continuity of cultures: Proceedings of the IV Abkhaz international archaeological conference]*. A.I. Dzhopua, ed. Sukhum: Abkhazskiy institut gumanitarnykh issledovaniy, pp. 103–109. (In Russ.)
- Bill A., 2003. Studien zu den Gräbern des 6. bis 1 Jahrhunderts v. Chr. in Georgien: unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. Bonn: Habelt. 269 p. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, 96).
- Calmeyer P., 1985. Zur Genese altiranischer Motive. IX. Die Verbreitung des westiranischen Zaumzeugs im Achaimenidenreich. *Archäologische Mitteilungen aus Iran*, 18. Berlin: Reimer, pp. 125–144.
- Erlikh V.R., 2007. Severo-Zapadnyy Kavkaz v nachale zheleznogo veka [Northwest Caucasus at the beginning of the Iron Age]. Moscow: Nauka. 430 p., ill.
- Erlikh V.R., 2010. The bridle of Colchis and Central Georgia during the classical antiquity period: to the problem of identifying traditions. *Arkheologiya i paleoantropologiya Evraziyskikh stepey i sopredel'nykh territoriy [Archaeology and palaeoanthropology of the Eurasian steppes and adjacent territories]*. M.M. Gerasimova, V.Yu. Malashev, M.G. Moshkova, eds. Moscow: Taus, pp. 73–106. (Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, 13). (In Russ.)
- Erlikh V.R., 2015. Horse gear and weapons. *Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyy kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze [The Ulyap mounds. The cult and burial complex of the Scythian period in the North Caucasus]*. A.I. Ivanchik, A.M. Leskov, eds. Moscow, Berlin, Bordo: Paleograf, pp. 44–57. (Stepnye narody Evrazii, 6) (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum, 2). (In Russ.)
- Il'inskaya V.A., 1968. Skify Dneprovskogo lesostepnogo Levoberezh'ya (kurgany Posul'ya) [Scythians of the Dnieper forest-steppe Left Bank (mounds of the Sula region)]. Kiev: Naukova dumka. 268 p.
- Ivanchik A.I., 2001. Kimmeriytsy i skify. Kul'turno-istoricheskie i khronologicheskie problemy arkheologii vostochnoevropeyskikh stepey i Kavkaza pred- i ranneskifskogo vremeni [Cimmerians and Scythians. Cultural-historical and chronological issues of the archaeology of the East European steppes and the Caucasus in the pre- and early Scythian period]. Moscow: Paleograf. 324 p. (Stepnye narody Evrazii, II).
- Kantorovich A.R., 2013. Images of moose in the East European Scythian animal style: classification, typology, chronology. *Scripta antiqua: Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury [Scripta antiqua: Issues of ancient history, philology, art and material culture]*, 3. K 70-letiyu E.V. Rtveladze. M.D. Bukharin, ed. Moscow: Sobranie, pp. 423–480. (In Russ.)
- Kantorovich A.R., 2014. Variations on the theme of camel in the East European Scythian animal style. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 20. St. Petersburg, pp. 105–112. (In Russ.)
- Kantorovich A.R., 2015. Skifskiy zverinyy stil' Vostochnoy Evropy: klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [Scythian animal style of Eastern Europe: classification, typology, chronology, evolution: a Doctoral Thesis in History]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-2, № 2844–2846.
- Korol'kova E.F., 2006. Zverinyy stil' Evrazii. Iskustvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epokhu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i etnokul'turnoy prinaladzhnosti [Animal style of Eurasia. The art of the Lower Volga and Southern Ural tribes in the Scythian period (the 7th–4th centuries BC). Issues of style and ethnic and cultural attribution]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 272 p.
- Kubyshev A.I., Bessonova S.S., Kovalev N.V., 2009. Bratolyubovskiy kurgan [The Bratolyubovka mound]. Kiev: Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy. 192 p., ill.
- Leskov A.M., 1981. Kurgany: nakhodka, problemy [Mounds: finds and problems]. Leningrad: Nauka. 168 p., ill.
- Leskov A.M., 2015. Issues of relative and absolute chronology. *Ul'skie kurgany. Kul'tovo-pogrebal'nyy kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze [The Ulyap mounds. The cult and burial complex of the Scythian period in the North Caucasus]*. A.I. Ivanchik, A.M. Leskov, eds. Moscow, Berlin, Bordo: Paleograf, pp. 87–100. (Stepnye narody Evrazii, 6) (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum, 2). (In Russ.)
- Leskov A.M., Beglova E.A., Ksenofontova I.V., Erlikh V.R., 2005. Meoty Zakuban'ya v seredine VI – nachale III vv. do n.e. [Maeotians of the Trans-Kuban region in the middle of the 6th – early 3rd century BC. A necropolis

- near the Ulyap village: burial complexes]. Nekropoli u aula Ulyap: pogrebal'nye komplekсы. Moscow: Nauka. 192 p.
- Lordkipanidze O.D., 1972. The Vani fortified settlement (Excavations. History. Problems). *Vani. Arkheologicheskie raskopki 1947–1969 gg. [Vani. Archaeological excavations of 1947–1969]*, I. O.D. Lordkipanidze, ed. Tbilisi: Metsniereba, pp. 43–80. (In Russ.)
- Lukonin V.G., 1977. *Iskusstvo drevnego Irana [Art of ancient Iran]*. Moscow: Iskusstvo. 232 p.
- Makhortykh S.V., 2017. Piercing for cross straps in horse harness in the south of Eastern Europe in the 7th–6th centuries BC. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni [Archaeology and early history of Ukraine]*, 2 (23). *Starozhitnosti rann'ogo zaliznogo viku [Antiquities of the Early Iron Age]*. Kiïv: Institut arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukraïni, pp. 166–184. (In Russ.)
- Makhortykh S.V., 2018. Horse harness strap separators of the 7th–6th centuries BC in Transcaucasia and Western Asia. *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni [Archaeology and early history of Ukraine]*, 2 (27). Kiïv: Institut arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukraïni, pp. 35–50. (In Russ.)
- Maslov V.E., Andreeva M.V., Gey A.N., 2020. A kurgan of the Kelermes period at the Dysh IV cemetery (Republic of Adygea). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 261, pp. 182–202. (In Russ.)
- Maslov V.E., Gey A.N., Andreeva M.V., 2020. Early Scythian mound in Adygea (the Dysh IV cemetery). *Stratum plus*, 3, pp. 293–330. (In Russ.)
- Maxaradze G., Tseretely M., 2009. Sairkhe. Tbilisi. 122 p. (In Georgian).
- Mogilov O.D., 2008. Sporyadzhennyya konya skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoi Evropi [Scythian horse equipment in the forest-steppe of Eastern Europe]. Kiïv; Kam'yanets'-Podil's'kiy: Institut arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukraïni. 439 p.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2012. *Drevnie vsadniki stepey Evrazii [Ancient horsemen of the steppes of Eurasia]*. Moscow: Taus. 472 p.
- Ryabkova T.V., 2012. Scythian-type bridle equipment from Teishebaini. *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik [Russian archaeological yearbook]*, 2. St. Petersburg, pp. 360–382. (In Russ.)
- Schmidt E.F., 1953. *Persepolis I. Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago: University of Chicago Press. 289 p. (The University of Chicago Oriental Institute publications, 68).
- Shul'ga P.I., 2008. Snaryazhenie verkhovoy lozhadi i voïnskie poyasa na Altae [Riding horse gear and military belts in the Altai], I. Ranneskifskoe vremya [Early Scythian period]. Barnaul: Azbuka. 276 p.
- Shul'ga P.I., 2013. Konskoe snaryazhenie rannikh kochevnikov Minusinskoy kotloviny (po materialam Minusinskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova) [Horse gear of the early nomads in the Minusinsk Basin (based on materials from the N.M. Martyanov Minusinsk Museum)]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN. 149 p.
- Shul'ga P.I., 2015. Snaryazhenie verkhovoy lozhadi v Gornom Altae i Verkhnem Priob'e [Riding horse gear in Mountain Altai and the Upper Ob region], II (the 6th–3rd centuries BC). Novosibirsk: Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet. 322 p.
- Smirnov K.F., 1961. Vooruzhenie savromatov [Weaponry of Savromats]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 162 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 101).
- Smirnov K.F., 1964. Savromaty (rannyya istoriya i kul'tura sarmatov) [Savromats (early history and culture of the Sarmatians)]. Moscow: Nauka. 380 p.
- Sparkes B.A., Talcott L., 1970. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B.C.* Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 472 p. (The Athenian Agora, 12).
- Tishkin A.A., 1998. Finds of some horse gear elements of the Scythian period in the piedmont Altai. *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e [Riding horse gear in Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages]*. Yu.F. Kiryushin, A.A. Tishkin, eds. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 78–90. (In Russ.)
- Zoloto drevney Armenii (III tysyacheletie do n.e. – XIV vek n.e.) [Gold of ancient Armenia (the 3rd millennium BC – 14th century AD)]. A. Kalantaryan, ed. Erevan: Gitutyun, 2007. 418 p., 146 il. (In Armenian).

АМФОРЫ VI в. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МЕНОРЫ ИЗ ФАНАГОРИИ

© 2021 г. Л.А. Голофаст

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: larisa_golofast@mail.ru

Поступила в редакцию 26.05.2021 г.

В ходе раскопок 2019 г. в Фанагории на участке Нижний город в слое пожара, датирующемся временем около середины VI в., найдены две амфоры с *dipinto* красной краской в форме семирожковой меноры. Изображения семисвечников на амфорах и вообще на таре были знаком того, что в них содержится кошерный продукт, т.е. пригодный для потребления с точки зрения Галахи — совокупности законов, по которым иудей должен себя вести. Таким образом, публикуемые амфоры удостоверяют наличие иудейской общины в городе в ранневизантийское время и восполняют хронологический пробел в небольшом списке археологических и письменных свидетельств об иудейской общине Фанагории, а их обнаружение на довольно близком расстоянии друг от друга в узко-датированном закрытом комплексе, возможно, указывает на наличие здесь еврейского квартала. Особую важность находкам придает и тот факт, что количество известных к настоящему моменту амфор и других сосудов с *dipinti* в форме меноры довольно незначительно. Их находки известны только по раскопкам в нескольких центрах Северного Причерноморья и Палестины.

Ключевые слова: Фанагория, ранневизантийский период, амфоры, менора, иудейская община.

DOI: 10.31857/S086960630015242-5

В ходе раскопок 2019 г. в Фанагории на участке Нижний город были найдены две амфоры с *dipinto* в форме семирожковой меноры. Оба сосуда, от которых сохранились верхние части тулова, довольно тонкостенные, очень аккуратно сформованные, имеют желобчатое тулово, высокое стройное цилиндрическое горло с западиной на внутренней стороне венчика и овальные в сечении ручки с двухскатной внешней поверхностью. У одной амфоры (рисунок, 1)¹ — подтреугольный в сечении венчик с ребром вдоль внешнего края, у второй (рисунок, 2)² — валикообразный венчик. На внутренней поверхности обеих амфор — черное покрытие, местами с блеском; на внешней — его подтеки.

Глина амфор идентична: первая сделана из плотной, очень хорошо отмученной красновато-желтой глины с тонким темно-бежевым слоем у внешней поверхности и мелкими коричневыми и светлыми включениями; вторая — из плотной, очень хорошо отмученной красновато-бежевой глины с темно-серовато-коричневым слоем у внутренней поверхности и редкими мелкими коричневыми и светлыми включениями.

Оба сосуда найдены в слое пожара, в котором была керамика³, аналогичная материалу из слоя пожара, открытого в 1982–1985 гг. на Береговом стратиграфическом раскопе (Атавин, 1993), и из раскопок фундамента причального сооружения в акватории Фанагории (Голофаст, Ольховский, 2016). Сгоревший “в огне большого пожара, связанного с боевыми действиями”, комплекс из двух зданий, открытый на Береговом стратиграфическом раскопе, содержал керамику, которая, как отмечает автор раскопок, датируется началом—серединой VI в. (тип F, H формы 3 Фокейской краснолаковой посуды, тип 16 по классификации А.Г. Атавина). В слое также отмечены амфоры типа LRA1 и красноглиняные корчажки со светлым ангобом, которые, скорее всего, соответствуют амфорам типа АДСВ-5, и др. (Атавин, 1993. С. 170). Одновременно с пожаром в городе, по-видимому, были разрушены и прекратили функционировать портовые сооружения: набор самой поздней связанной с молом керамики совпадает с таковым из слоя пожара, открытого на Береговом стратиграфическом раскопе и раскопе Нижний город (Голофаст, Ольховский, 2016).

Традиционно исследователи связывают пожар и соответственно прекращение использования

¹ Государственный музей-заповедник “Фанагория”, ФМ-КП-71/8 А2131 ГК 20431181.

² Государственный музей-заповедник “Фанагория”, ФМ-КП-71/9 А2132 ГК 20431178.

³ Готовится подробная публикация материала из слоя пожара.

Амфоры из слоя пожара середины VI в. в Фанагории. 1 — амфора (из пифоса 1): а — прорисовка профиля; б, в — фото разных сторон; г — дипинто в форме меноры; д — надпись, нанесенная красной краской, и ее прорисовка; 2 — амфора (кв. В2, штык 21): а — прорисовка профиля; б—г — фото разных сторон и прорисовка (б) дипинто в форме меноры.

Amphorae (1, 2) from a fire layer of the middle of the 6th century in Phanagoria

причальных сооружений с описанным Прокопием Кесарийским разрушением Фанагории и Кеп варварскими племенами, которое, по мнению исследователей, произошло в ходе восстания против вассала Византии варварского князя Горда (или Грода) и ответных действий против варваров византийских войск и флота, датирующихся по письменным источникам (Прокопий Кесарийский, Феофан и др.) 528 или 534 гг. (Сазанов, 1989. С. 58; Атавин, 1993. С. 170; Гавритухин, 2008. С. 365; Строков, 2009. С. 316; Чхаидзе, 2012. С. 122, сл.).

Однако в слое пожара, открытом в 2019 г. на раскопе Нижний город, был найден золотой солид со следами пребывания в огне, отчеканенный в 6-й оффicine Константинопольского монетного двора в 542–565 гг. н.э.⁴ (Абрамзон, Остапенко, 2019), что дает *terminus post quem* пожара. *Terminus ante quem* пожары дает

⁴ Отметим, что это вторая находка золотых монет Юстиниана I в Фанагории: в 2006 г. на раскопе Верхний город при расчистке траншеи XIX в. был найден солид, отчеканенный в 9-й оффicine монетного двора Константинополя в 538–542 гг. (Абрамзон, Остапенко, 2019).

упоминание разрушения Фанагории и Кеп Прокопием Кесарийским в книге VIII Истории войн, законченной в 554 г. (“Два других небольших городка, называемые Кепы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания” (Прокоп. BG VIII. 5, 28–29)). Таким образом, Фанагория и Кепы были разрушены не ранее 542 г. (солид, отчеканенный в 542–565 гг.), но не позднее 554 г., т.е. времени завершения работы над 8-й книгой Истории войн.

Дата пожара соответствует датировке рассматриваемых амфор с менорами, которые по силуэту и ряду морфологических признаков схожи с круглодонными желобчатыми амфорами типа Ораіт В-Id (Ораіт, 2004. Р. 28, 29) (тип 5 по херсонесской классификации 1971 г. (Антонова и др., 1971. С. 85)), которые А. Опайт считает поздним вариантом постепенно меняющегося морфологического типа В-I, бытовавшего с III до VII в. включительно (Ораіт, 2004. Р. 27). Поздний вариант (тип Ораіт В-Id), отличающийся от более ранних, в том числе и значительно меньшими

размерами, в Западном Причерноморье был особенно распространен во второй половине VI в. (Oraït, 2004. P. 29), но появились они раньше — уже к концу V в. (Swan, 2009. P. 112).

Предполагается существование в Причерноморье нескольких центров их производства. В Северном Причерноморье распространены, главным образом, амфоры восточно-понтийского производства, для которых характерны венчики в виде валика или полувалика, довольно небрежная желобчатость, небольшие ручки с одним, двумя или даже тремя валиками на внешней стороне, а также небрежно нанесенный светлый плотный ангоб на внешней поверхности. Глина большей части таких амфор красная с желтоватым оттенком (часто почти оранжевая), с примесью красновато-коричневых железистых (?) включений и карбонатов (Fedoseev et al., 2010. P. 83. Fig. 25, 27).

Фанагорийские экземпляры отличаются от восточно-понтийских амфор тонкостенностью, очень аккуратной и тщательной формовкой, формой венчика, сечением ручек и глиной, что свидетельствует об их изготовлении в каком-то центре, продукция которого довольно редко попадала в центры Северного Причерноморья. Мне известна только одна точная аналогия, найденная в центре Керчи, к сожалению, вне археологического контекста — пересечение 1 Босфорского пер. и ул. Свердлова (Могаричев, 2009. С. 266, 267. Рис. 1, 2; Зинько, Пономарев, 2016. С. 116. Рис. 7, 2). На керченской амфоре, как и на рассматриваемых фанагорийских, имеется дипинто красной краской в форме семирожковой меноры, отличающейся несколько более крупными размерами (она занимает все пространство между ручками амфоры) и формой: у нее две верхние пары ветвей имеют резкий перегиб кверху, а верхушки находятся на разном уровне. Меноры на фанагорийских амфорах (рисунок, 1г, 2в) имеют плавно поднимающиеся от центрального стержня боковые ветви, вершины которых расположены на одном уровне и объединены горизонтальной линией. Нижняя часть меноры на амфоре из пифоса не сохранилась, но слабые следы красной краски в нижней части меноры второй амфоры позволяют предположить, что она имела либо треугольное основание, либо основание в форме треноги. На одной из амфор (из пифоса) имеется пока нерасшифрованная надпись из трех букв (αλγ), нанесенных той же красной краской (рисунок, 1в, д).

Изображения менор с дуговидными боковыми ветвями с расположенными на одном уровне вершинами, аналогичные фанагорийским, восходят к реальной меноре, захваченной римлянами

в Иерусалимском храме после его разрушения в 70 г. н.э. и изображенной, как предполагается, на арке Тита в Риме (Nachlili, 2018. P. 17, 18)⁵. Горизонтальная линия в верхней части меноры, скорее всего, соответствует перекладине для установки светильников, которая имеется на некоторых типах менор, характерных для позднеантичного времени (Meyers C., Meyers E., 2016. P. 386). Например, такую перекладину с поставленными на нее светильниками имеют семисвечники, изображенные на мозаике VI—начала VII в. из синагоги в Иерихоне и на мозаике начала VI в. в синагоге в Бейт Альфе (Fine, 2016. Fig. 6.1).

Статус главного символа иудаизма семирожковая менора приобретает с III в. (Meyers, 2008. P. 187; Nachlili, 2018. P. 18, 20) или даже после 325 г. (Levine, 2008. P. 550), когда ее изображения начинают использовать для маркировки синагог и еврейских погребений как в Палестине, так и за ее пределами, и их количество резко увеличивается (Nachlili, 2018. P. 18). На территории Израиля и в регионах диаспоры выявлено более тысячи изображений менор, помещенных на самых разных предметах, архитектурных деталях и надгробиях и датирующихся временем от позднего Второго храма (I в. н.э.) до VIII в. включительно (Meyers C., Meyers E., 2016. P. 384).

Изображения семисвечников на амфорах и вообще на таре были знаком того, что в них содержится кошерный продукт, т.е. продукт, пригодный для потребления с точки зрения Галахи — совокупности законов, по которым иудей должен себя вести (Arthur, 1989. P. 135, 138; Cesteros et al., 2016. P. 218), и произведенный иудеями в соответствии с иудейскими законами ритуальной чистоты и предписаниями, связанными с пищей (Meyers C., Meyers E., 2016. P. 390; Meyers, 2018. P. 637, 638). Предполагают, что и сами сосуды также могли производиться по особым правилам, скорее всего, иудейскими общинами специально для транспортировки таких продуктов и снабжения ими других общин иудеев (Arthur, 1989. P. 138, 139; Cesteros et al., 2016. P. 222).

Таким образом, фанагорийские амфоры, датирующиеся временем около середины VI в., — пока единственное материальное свидетельство присутствия иудеев в Фанагории ранневизантийского времени. Эти находки

⁵ Хотя сведения о меноре содержатся уже в ветхозаветных текстах (Исх. 25:31–40 и др.), символом иудейского культа она предположительно становится только в период Хасмонеев (140–37 гг. до н.э.), когда был сделан новый семисвечник для Второго иерусалимского храма, обновленного Иудой Маккавеем (Nachlili, 2018. P. 18).

заполняют хронологическую лакуну в сведениях об иудейской общине города, существование которой с I в. н.э. засвидетельствовано обнаружением семи манумиссий⁶. Самая ранняя датируется 16 г. н.э. (Корпус..., 1965 (далее КБН) 985) и является самым ранним свидетельством присутствия иудейской общины и молельного дома не только в Фанагории, но и вообще на Боспоре (Даньшин, 1993. С. 63)⁷. Остальные относятся ко времени от середины I до, предположительно, конца II – первой половины III в. (КБН 986; Белова, 1977. С. 109; Даньшин, 1991. С. 98, 99. Рис. 1, I; 1993; Яйленко, 2003. С. 351–375; Завойкина, 2008) и, несомненно, выполнены евреями, членами общины (Кошеленко, 2010. С. 403).

Следующая по времени информация об иудейской общине Фанагории относится уже к VII в.: византийский историк Феофан Исповедник в “Хронографии” под 679/680 г. сообщает: “В [землях] прилегающих к восточным частям озера, у Фанагории и живущих там евреев, обитает множество народов” (Чичуров, 1980. С. 60). Наконец, к концу IX – началу X в. относится недавно найденная амфора со свинцовой пломбой с древнееврейской надписью (Голофаст, 2020).

Остальные находки, обычно интерпретируемые как следы пребывания иудеев в Фанагории, либо должным образом не изучены, либо их причисление к иудейским древностям требует проверки. К таковым относятся 33 типологически близкие грунтовые могилы, открытые на территории некрополя у Северного подножия Майской горы, использовавшегося, как показывают

стратиграфические наблюдения, с I в. до н.э. вплоть до средневековья. По особенностям погребального обряда (ингумация в простых неглубоких ямах, ориентация костяков черепом на север иногда с небольшими сезонными отклонениями, отсутствие погребального инвентаря и др.) исследователи считают участок принадлежащим иудейской общине (Блаватский, 1951; Кобылина, 1951a, б; Даньшин, 1993. С. 67; Кошеленко, 2010. С. 402, 403).

Однако полное отсутствие погребального инвентаря не позволяет ни уточнить датировку погребений, ни с уверенностью говорить о принадлежности этого участка некрополя иудейской общине. Ориентация костяков на Иерусалим действительно стала характерным признаком иудейских погребений в диаспоре, но когда это произошло сказать трудно. Кроме того, отсутствие инвентаря не является характерным признаком иудейских погребений, которые, как правило, содержат самые разнообразные предметы, включая личные вещи, украшения, керамику и стеклянные сосуды (Nachlili, 2005. Р. 375–446, 480, 484–486, 526; Weiss, 2010. Р. 227, 228). Вывод о принадлежности того или иного захоронения иудею по отсутствию погребального инвентаря противоречит тому, что известно об иудейских погребениях римского времени. Кроме того, по наблюдениям исследователей, и в период разгара христианизации, и как минимум до VIII в. включительно христиане, язычники и иудеи хоронили своих умерших на одном кладбище, и иудейские погребения не отличались от погребений их современников-неиудеев (Rutgers, 1992. Р. 109, 110, 112–114).

Находка в “катакомбе”, открытой в 1866 г. на одном из холмов у хут. Семеняки и датированной автором раскопок А.Е. Люценко VI–VII вв., четырех или пяти медных позолоченных колокольчиков, которые, судя по остаткам кожаных ремней, были пришиты к одежде, послужила основанием для предположения о принадлежности катакомбы еврейскому первосвященнику (Отчет..., 1868. С. XII–XIV; Даньшин, 1993. С. 67; Чхаидзе, 2012. С. 205). Однако колокольчики, которые действительно были характерны для одевания еврейских первосвященников, пришивали не к кожаным ремням, а к подолу эфода, а сами первосвященники, которые были священнослужителями Первого и Второго храмов в Иерусалиме, после разрушения последнего более нигде не упоминались. Сами же колокольчики относятся к числу частых находок на северо-причерноморских памятниках

⁶ Манумиссия фиксировала юридический акт совершения в молельне отпуска на волю рабов-язычников при условии их перехода под опеку иудейской общины и посещения молельни. Установка надписи означала публичное оглашение воли манумиттора и служила правовым обеспечением безопасности вольноотпущенника (Блаватская, 1958. С. 95; Левинская, 1992; 2000. С. 124–126, 204).

⁷ Здесь следует отметить, что иудеи в Северном Причерноморье появляются, скорее всего, несколько раньше, еще в период царствования Митридата VI Евпатора (109–63 гг. до н.э.), о чем говорят семитские имена, выявленные в надписях из греческих городов Боспора (Rostovtzeff, 1922. Р. 150; Левинская, Тохтасев, 1988, 1991; Соломоник, 1997. С. 9, 10). Однако реальные изменения религиозной ситуации в Боспорском царстве произошли после войн Митридата VI, когда оно стало вассальным государством Рима, что вызвало быстрый рост числа иммигрантов, в частности большого количества евреев, из Малой Азии и Фракии. Именно в это время особую популярность в Боспорском царстве приобретает культ Бога Высочайшего, который появился под сильным иудейским влиянием, о чем, в частности, свидетельствует совпадение ареалов еврейских имен и посвящений Богу Высочайшему (Levinskaya, Tokhtas'ev, 1996. Р. 56, 57, 72).

и встречаются как в погребениях, так и в городских слоях⁸.

Сомнению подвергается и подлинность приписок об иудеях Таманского полуострова и, в частности, Фанагории в рукописях священных текстов из коллекции А. Фирковича (подробно см. Даньшин, 1993. С. 70, 71).

Следует отдельно сказать о значительном количестве надгробий с иудейской символикой (изображения меноры, шофара, лулаба), в том числе с древнееврейскими надписями, которые находят в ходе раскопок Фанагории. Так, большое количество таких надгробий обнаружено в процессе раскопок на холме археологами XIX в. (Люценко, 1876; Даньшин, 1993. С. 65). Например, И.Е. Забелин только в 1872 г. нашел 77 целых и 55 фрагментированных иудейских надгробий (Отчет..., 1875. С. VII). Большая их часть была оставлена в отвалах, некоторые заново найдены при работах на раскопе Верхний город в течение последних 15 лет (Кошеленко, 2010. С. 402; Кузнецов, Голофаст, 2010. С. 397). Д.А. Хвольсон, исследовавший надписи на надгробиях из раскопок Фанагории второй половины XIX в., относил их к IV–IX вв. (Хвольсон, 1884). Однако его датировкам не доверяют большинство исследователей. Что же касается надгробий из раскопок последних десятилетий, то их подавляющее большинство происходит из кладок домов VIII–IX вв., обкладки могил, часть находок сделана вне археологического контекста (Даньшин, 1993. С. 65, 66; Чхаидзе, 2006. С. 58, 59, 60. Рис. 11, 1, 3, 4–6; 2012. С. 203, 204 (там полный список публикаций иудейских надгробий, найденных в Фанагории и других центрах Северного Причерноморья); Кузнецов, Голофаст, 2010). К большому сожалению, пока не нашлось специалистов, желающих каталогизировать, изучить и опубликовать иудейские надгробия Фанагории, которые могли бы не только расширить наши представления об этой стороне жизни города, но и значительно увеличить число известных исследователям надгробий с изображением менор. Следует отметить, что в каталоге, составленном Хакхили в 2001 г., на территории Палестины зафиксировано лишь 92 таких надгробия и всего 358 в диаспоре (Hachlili, 2001. Р. 317–336, 365–429).

Необходимо отметить, что Фанагория располагалась в регионе со значительным количеством приверженцев иудаизма, о чем свидетельствует эпиграфика, зафиксировавшая присутствие

евреев в регионе в период между I и началом V в. (Levinskaya, Tokhtas'ev, 1996. Р. 55). С I в. н.э. большие еврейские общины существовали во многих городах и поселениях Северного Причерноморья (Гайдукевич, 1949. С. 364; Шелов, 1978. С. 49; Даньшин, 1993. С. 62, 63, 68, 69; Levinskaya, Tokhtas'ev, 1996; Кашовская, Кашаев, 2004; Кашаев, Кашовская, 2008; Кошеленко, 2010. С. 402; Золотарев и др., 2013; Айбабин, 2016). В Пантикапее найдено семь манумиссий, датирующихся от середины I в. н.э. (Блаватская, 1958. С. 95; КБН 69; Айбабин, 1999. С. 45, 46; Айбабин, Сидоренко, 2007. С. 125) до II в. включительно (КБН 69, 70, 71, 72, 73, 74; Яйленко, 2003. С. 355), светильник с изображением меноры, шофара и лулаба (Айбабин, 2019. С. 8. Рис. 7), фрагменты амфор с изображениями менор (Айбабин, 2016. С. 14), а также фрагмент мраморного блюда с процарапанным семисвечником (Могаричев, 2009. Рис. 4, 5). Известны расположенные на окраинах Пантикапея два еврейских кладбища III–IV вв. с надгробиями с изображениями меноры, шофара и лулаба, а также вырезанными на некоторых из них эпитафиями на греческом языке или аналогичными по содержанию двуязычными (на греческом и иврите) (Айбабин, 1999. С. 45, 46; 2003. С. 12). Разрозненные находки иудейских надгробий, по характеру шрифта датирующиеся временем с III до IV–V вв., происходят и из других районов Керчи (Даньшин, 1993. С. 68). Еврей Ананий из Боспора упомянут в граффити из раскопанной в Херсонесе синагоги V в. (Золотарев и др., 2013. С. 29, 30, 270; Айбабин, 2016. С. 14).

В Тиритакке в одной из городских усадеб в хозяйственной яме с заполнением середины IV–первой половины V в. найдено два фрагмента стенок светло- и оранжевоглиняной амфор с изображениями семирожковых менор, нанесенных красной краской (Зинько, 2011; 2013. С. 252).

В Тамани во вторичном использовании найдено девять надгробий с иудейской символикой, в том числе одно — с надписью (Даньшин, 1993. С. 67, 68; Чхаидзе, 2006. С. 61; 2008. С. 102, 229. Рис. 132; Кошеленко, 2010. С. 403).

С территории Горгиппии происходит несколько манумиссий 41 г. — первой половины II в. (КБН 1123–1128; Яйленко, 2003. С. 355; Кошеленко, 2010. С. 403).

Необходимо отметить, что еврейское население присутствовало не только в городах. Два фрагмента амфор с дипинти в виде меноры известны по раскопкам на сельскохозяйственной хоре Боспора, на Азовском побережье Керченского полуострова. Первый найден на поселении Зеленый мыс в слое середины–третьей четверти VI в. и

⁸ Большое количество таких колокольчиков на памятниках Северного Причерноморья делает лишним перечисление их находок на конкретных памятниках.

представляет собой крупный фрагмент горла амфоры типа LRA1, на котором сохранилась часть дипинто в форме девятисвечника (ханукальной меноры) (Могаричев, 2003. С. 294. Рис. 3, 1; Сазанов, Мокроусов, 1999). Вторая находка, также фрагмент стенки амфоры типа LRA1, на котором сохранилась часть дипинто в форме семисвечника, сделана на поселении “Золотое Восточное в бухте” в слое конца третьей четверти VI в. (Сазанов, Мокроусов, 1996. С. 89, 100; Могаричев, 2003. С. 294. Рис. 3, 2). Целая амфора позднеантичного времени с дипинто красной краской в форме меноры происходит из недавних раскопок в Ильичевке⁹. Известна находка в 10 км к югу от Тамани плиты с древнееврейской надписью (Люценко, 1876. С. 575; Даньшин, 1993. С. 68; Чхаидзе, 2006. С. 61). Плита с вырезанным изображением меноры обнаружена во вторичном использовании в обкладке восточного борта каменного ящика погребения 9 на поселении Виноградный 7 (Свиридов и др., 2019. С. 265. Рис. 22, 8). В обкладке каменного ящика, выявленного в кургане близ пос. Веселовка, открыт блок с изображениями тамги, солярного знака, семирожковой меноры, лулаба и шофара (Чхаидзе, 2006. С. 60). Манумиссия 105 г. н.э. найдена на поселении у ст. Запорожская (Яйленко, 2003. С. 355). Более 20 целых или фрагментированных надгробий обнаружено возле ст. Вышестеблиевская в 15 км от Фанагории (Кашаев, Кашовская, 1999; 2001. С. 164; 2006. С. 59; 2008. С. 350; Кошеленко, 2010. С. 403), где выявлено сооружение, при строительстве которого были использованы снятые с кладбища надгробия с иудейской символикой. Авторы раскопок датируют постройку IV–VI вв. и интерпретируют как культовую, оставленную местным иудаизированным населением (Кашаев, Кашовская, 2008. С. 349). Перечисленные находки делают поселение Вышестеблиевская II наряду с Фанагорией и Гермонассой местом длительного компактного проживания иудеев с античных времен (Кашаев, Кашовская, 2008. С. 350).

В заключение следует отметить, что количество известных к настоящему моменту амфор и других сосудов с разного рода изображениями менор (клеймами, граффити¹⁰, *dipinti*) незначительно (Meyers C., Meyers E., 2016. P. 384, 388). Находки амфор с клеймом в форме меноры известны по раскопкам в Калабрии, Риме (Arthur,

1989. P. 135, 138; Colafemmina, 2012. P. 3; Cesteros et al., 2016. P. 221. Fig. 12), в порту Равенны, Класце (Cirelli, 2014. P. 543. Fig. 8), Испании (Cesteros et al., 2016). Известно, что амфоры со штампами с изображением меноры производили на юге Италии и/или на северо-востоке Сицилии (Cesteros et al., 2016. P. 221). Что же касается тарных сосудов с дипинти в форме семисвечника, то, помимо нескольких перечисленных выше фрагментов из Северного Причерноморья, их находки известны только по раскопкам в Хорват‘Узе, Хирбет Айядии (около Тель Кейсана), Джаламе, Сумаке, Сепфорисе и Капернауке, где они происходят из слоев IV в. (Nachlilil, 2001. P. 110, 339–340, цит. по: Meyers C., Meyers E., 2016. P. 389; Meyers, 2018. P. 630–643).

Особую важность публикуемым находкам придает также тот факт, что они восполняют хронологический пробел в небольшом списке археологических и письменных свидетельств об иудейской общине Фанагории и являются пока единственной находкой, удостоверяющей наличие в городе ранневизантийского времени приверженцев иудаизма. Их обнаружение на довольно близком расстоянии друг от друга в узкодатируемом закрытом комплексе, возможно, указывает на наличие здесь еврейского квартала.

Автор признателен В.Д. Кузнецову за возможность опубликовать материал из его раскопок, а также Я. Чехановец (Университет Бен Гуриона, Беер Шева, Израиль) за помощь в работе.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41021.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г., Остапенко С.Н. Солид Юстиниана I из слоя пожара 6 века в Фанагории // *Hypanis. Труды отдела классической археологии ИА РАН*. 1 / Отв. ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М.: ИА РАН, 2019. С. 28–32.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 351 с.
- Айбабин А.И. Крым в середине III – начале VI в. (период миграций) // *Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья*. IV–XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003 (Археология). С. 10–26.
- Айбабин А.И. Еврейская община в позднеантичном Пантикапее и раннесредневековом Боспоре // *XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и*

⁹ Автор признателен автору раскопок А.В. Бонину за предоставленную информацию.

¹⁰ Исследователи отмечают, что граффити в форме менор встречаются довольно редко как в Палестине, так и в диаспоре (Meyers C., Meyers E., 2016. P. 389).

- средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 12–16.
- Айбабин А.И. Усадьба рыбака в ранневизантийском Боспоре // Проблемы истории и археологии средневекового Крыма: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию А.И. Айбабина / Ред.-сост. Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиквa, 2019. С. 7–16.
- Айбабин А.И., Сидоренко В.А. Новая иудейская манаумиссия из Пантикапея // Боспорские исследования. XVII. Симферополь; Керчь, 2007. С. 121–127.
- Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. 7. Свердловск, 1971. С. 81–101.
- Атавин А.Г. Краснолаковая керамика IV–VI вв. из Фанагории // Боспорский сборник. 2. М.: Архэ, 1993. С. 149–171.
- Белова Н.С. Эпиграфические материалы Фанагорийской экспедиции // Вестник древней истории. 1977. 3 (141). С. 105–117.
- Блаватская Т.В. Горгиппийская манаумиссия 67 г. н.э. // Советская археология. 1958. XXVIII. С. 91–96.
- Блаватский В.Д. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 1 / Под ред. В.Д. Блаватского, Б.Н. Гракова. М.: Изд-во АН СССР, 1951 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 19). С. 189–226.
- Гавритухин И.О. Фибула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Древности Юга России / Отв. ред. Г.Е. Афанасьев. М.: ИА РАН, 2008. С. 362–367.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 662 с.
- Голофаст Л.А. Раннесредневековая амфора с древнееврейской надписью на свинцовой пломбе из Фанагории // Российская археология. 2020. № 3. С. 159–172.
- Голофаст Л.А., Ольховский С.В. Комплекс керамики из подводного фундамента в акватории Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 4. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2 / Ред. В.Д. Кузнецов, А.А. Завойкин. М.: ИА РАН, 2016. С. 46–82.
- Даньшин Д.И. Три новые надписи из Фанагории // Краткие сообщения Института археологии. 1991. Вып. 204. С. 98–102.
- Даньшин Д.И. Фанагорийская община иудеев // Вестник древней истории. 1993. № 1 (204). С. 59–72.
- Завойкина Н.В. Фрагмент манаумиссии из Фанагории // Древности Боспора. Т. 12, ч. 1. М., 2008. С. 226–229.
- Зинько А.В. Амфоры с менаорами из раскопок ранневизантийской Тиритаки // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Керчь, 2011. С. 131–133.
- Зинько А.В. Этноконфессиональный состав населения боспорского города Тиритаки в V–VI вв. // Боспорский феномен: население, языки, контакты: материалы междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 250–254.
- Зинько А.В., Пономарев Л.Ю. К топографии ранневизантийского города Боспора и его плитово-грунтовых некрополей // Боспорские исследования. XXXII. Симферополь, 2016. С. 107–148.
- Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г., Оленина Е.Ф. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. М.; Севастополь: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 508 с.
- Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Две надгробные плиты из станицы Вышестеблиевской близ Тамани // Боспорский феномен. Греческая культура на периферии античного мира: материалы междунар. науч. конф. СПб., 1999. С. 332–337.
- Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Новые боспорские надгробия // Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: материалы междунар. науч. конф. Ч. 1. СПб., 2001. С. 164–174.
- Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Камни и надписи Боспора // Восточная коллекция. 2006. 2 (25). С. 55–60.
- Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Культовый комплекс (СК-6) и эпиграфические материалы с поселения Вышестеблиевская-11 // Древности Боспора. Т. 12, ч. 1. М., 2008. С. 340–362.
- Кашовская Н., Кашаев С. Иудаизм на Боспоре — археологический контекст // Материалы XI ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М.: Пробел-2000, 2004. С. 13–23.
- Кобылина М.М. Раскопки “Восточного” некрополя Фанагории в 1948 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 1 / Под ред. В.Д. Блаватского, Б.Н. Гракова. М.: Изд-во АН СССР, 1951a (Материалы и исследования по археологии СССР; № 19). С. 241–249.
- Кобылина М.М. Раскопки “Южного” некрополя Фанагории в 1947 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 1 / Под ред. В.Д. Блаватского, Б.Н. Гракова. М.: Изд-во АН СССР, 1951b (Материалы и исследования по археологии СССР; № 19). С. 236–240.
- Корпус боспорских надписей / Ред. В.В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.
- Кошеленко Г.А. Религия и культы // Античное наследие Кубани. Т. II / Ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. С. 354–416.

- Кузнецов В.Д., Голофаст Л.А. Дома хазарского времени в Фанагории // Проблемы истории, филологии и культуры. 2010. № 1. С. 393–429.
- Левинская И.А. Чтущие Бога высочайшего в надписях из Танаиса // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья / Отв. ред. А.К. Гаврилов. СПб.: Глагол, 1992. С. 129–145.
- Левинская И.А. Деяния апостолов. СПб.: Логос, 2000. 351 с.
- Левинская И.А., Тохтасьев С.Р. Древнееврейские имена на Боспоре // Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны: тез. докл. междунар. симп. “Античная балканистика 6”. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1988. С. 28–29.
- Левинская И.А., Тохтасьев С.Р. Древнееврейские имена на Боспоре // Acta Associationis Internationalis. Terra Antiqua Balcanica. VI. София, 1991. С. 118–128.
- Люценко А.Е. Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях фанагорийского городища // Труды III Международного съезда ориенталистов. Т. I. СПб., 1876. С. 577–580.
- Могаричев Ю.М. К вопросу о раннесредневековых иудейских общинах в Крыму // Херсонесский сборник. XII. Севастополь, 2003. С. 287–300.
- Могаричев Ю.М. Новые материалы по истории еврейской диаспоры позднеантичного–раннесредневекового Боспора // Хазарский альманах. 8. Харьков, 2009. С. 265–276.
- Отчет Археологической Комиссии за 1866 год. СПб., 1868. XXVI, 190 с.: ил.
- Отчет Археологической Комиссии за 1872 год. СПб., 1875. XXVIII, 339 с., 18 л. ил.
- Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // Советская археология. 1989. № 4. С. 41–60.
- Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Поселение Золотое Восточное в бухте: опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // Проблемы истории, филологии и культуры. 1996. Вып. III, ч. 1. С. 88–107.
- Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные хронологии поселения Зеленый Мыс // Проблемы истории, филологии и культуры. 1999. Вып. VII. С. 168–172.
- Свиридов А.Н., Язиков С.В., Суханов Е.В. Новые средневековые погребения с Таманского полуострова // Боспорские исследования. XXXVIII. Симферополь, 2019. С. 256–298.
- Соломоник Э.И. Древнейшие еврейские поселения и общины в Крыму // Евреи Крыма: Очерки истории. Симферополь: Мосты, 1997. С. 9–22.
- Строков А.А. Ременные гарнитуры гуннской эпохи Азиатского Боспора // Боспорские исследования. Вып. XXI. Симферополь, 2009. С. 303–319.
- Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма и надгробные и другие надписи из иных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте, также и образцы шрифтов из рукописей от IX–XV столетия. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1884. 528 с.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. 216 с.
- Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3. М.; Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2006. С. 53–86.
- Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: Таус, 2008. 328 с.
- Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф принт, 2012. 590 с.
- Шелов Д.Б. Личные имена на амфорах из Танаиса // Нумизматика и эпиграфика. XII. М., 1978. С. 47–55.
- Яйленко В.П. Фанагорийские манумиссии и списки имен из находок 1970-х гг. // Древности Боспора. 6. М., 2003. С. 351–375.
- Arthur P. Some observations on the economy of Bruttium under the later Roman Empire // Journal of Roman Archaeology. 1989. Vol. 2. P. 133–142.
- Cesteros H.G., Almeida R.R. de, Costello J.C. Special Fish Products for the Jewish Community? A Painted Inscription on a Beltran 72 Amphora from Augusta Emerita (Mérida, Spain) // Herom. Journal on Hellenistic and Roman Material Culture. 2016. Vol. 5, iss. 2. P. 196–236.
- Cirelli E. Typology and diffusion of Amphorae in Ravenna and Classe between the 5th and the 8th centuries AD // LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers: Proceedings of the Conference, Thessaloniki, 7–10 april 2011. Vol. I / Eds. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou. Oxford: Archaeopress, 2014 (British Archaeological Reports. International Series; 2616 (I)). P. 541–552.
- Colaframma C. The Jews in Calabria. Leiden; Boston: Brill, 2012 (Studia Post Biblica; book 49). 699 p.
- Fedoseev F., Domžalski K., Opař A., Kulikov A.V. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion–Bosporos: Rescue Excavations at 12, Teatral’naja St. in Kerch, 2006 // Archeologia. 2010. LXI. P. 63–94.
- Fine S. The Open Torah Ark. The Jewish Iconographic Type in Late Antique Rome and Sardis // Viewing Ancient Jewish Art and Archaeology: VeHinnei Rachel – Essays in Honor of Rachel Hachlili / Eds. A.E. Killebrew, G. Fasbeck. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 121–143.

- Hachlili R.* The Menorah – The Ancient Seven-Armed Candelabrum: Origin, Form, and Significance. Leiden, 2001 (Journal for the Study of Judaism; 68). 664 p.
- Hachlili R.* Jewish Funerary Customs, Practices and Rites in the Second Temple Period. Leiden, 2005 (Journal for the Study of Judaism; 94). 588 p.
- Hachlili R.* The Menorah: Evolving into the Most Important Jewish Symbol. Leiden, Boston: Brill, 2018. 294 p.
- Levine I.L.* Jewish Archaeology in Late Antiquity Art, Architecture, and Inscriptions // The Cambridge History of Judaism. Vol. 4 / Ed. S.T. Katz. Cambridge, 2008. P. 519–555.
- Levinskaya I.A., Tokhtas'eyev S.R.* Jews and Jewish Names in the Bosphoran Kingdom // Studies on the Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman Periods. Tel-Aviv: Tel-Aviv University, 1996 (Te'uda; XII). P. 55–73.
- Meyers E.M.* Jewish Art and Architecture in the Land of Israel, 70–C. 235 // The Cambridge History of Judaism. Vol. 4 / Ed. S.T. Katz. Cambridge, 2008. P. 173–190.
- Meyers C.L.* Menorahs Incised or Painted on Ceramic Vessels // The Architecture, Stratigraphy, and Artifacts of the Western Summit of Sepphoris / Eds. E.M. Meyers, C.L. Meyers, B.D. Gordon. Eisenbrauns: University Park, 2018 (Duke Sepphoris Excavation Reports; III). P. 630–643.
- Meyers C.L., Meyers E.M.* Images and Identity. Menorah Representation at Sepphoris // Viewing Ancient Jewish Art and Archaeology. VeHinnei Rachel – Essays in Honor of Rachel Hachlili / Eds. A.E. Killebrew, G. Fasbeck. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 384–400.
- Opait A.* Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th–6th centuries AD). Oxford: Archaeopress, 2004 (British Archaeological Reports. International Series; 1274). 180 p.
- Rostovtzeff M.I.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. 358 p.
- Rutgers L.V.* Archaeological Evidence for the Interaction of Jews and Non-Jews in Late Antiquity // American Journal of Archaeology. 1992. Vol. 96, no. 1. P. 101–118.
- Swan V.* Dichin (Bulgaria): the Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the 5th and 6th centuries A.D. // PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea / Eds. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili. Paris: Institut français d'études anatoliennes Georges Dumezil, 2009 (Varia Anatolica; XXI). P. 107–119.
- Weiss Z.* Burial Practices in Beth She'arim and the Question of Dating the Patriarchal Necropolis // Follow the Wise: Studies in Jewish History and Culture in Honor of Lee I. Levine / Eds. Z. Weiss, O. Irshai, J. Magness, S. Schwartz. Winona Lake, 2010. P. 207–231.

SIXTH CENTURY AMPHORAE WITH REPRESENTATIONS OF MENORAH FROM PHANAGORIA

Larisa A. Golofast

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: larisa_golofast@mail.ru

During excavations in 2019 in Phanagoria at the Lower City site, two amphorae with red paint *dipinto* representing a seven-lamp menorah were found in a fire layer dating from around the middle of the 6th century. Representations of seven-armed candelabrum on amphorae and generally on containers were a sign that they contained a kosher food, i.e. suitable for consumption according to Halakha – a corpus of laws guiding activities of a Jew. Thus, the published amphorae attest to the presence of a Jewish community in the city in the early Byzantine period and fill a chronological gap in a short list of archaeological and written evidence about the Jewish community of Phanagoria, moreover, the fact that the vessels were found at a fairly close distance from each other in a narrowly dated gated complex may indicate the presence of a Jewish quarter there. The finds are of particular importance due to the fact that the number of amphorae and other vessels with *dipinti* representing a menorah known to date is rather insignificant. Their findings are known only from excavations in several centres of the Northern Pontic and Palestine.

Keywords: Phanagoria, early Byzantine period, amphorae, menorah, Jewish community.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Ostapenko S.N.*, 2019. Solidus of Justinian I from the 6th century fire layer in Phanagoria. *Hypanis. Trudy otdela klassicheskoy arkheologii IA RAN [Hypanis. Proceedings of the Department of Classical Archaeology, IA RAS]*, 1. V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 28–32. (In Russ.)
- Antonova I.A., Danilenko V.N., Ivashuta L.P., Kadeev V.I., Romanchuk A.I.*, 1971. Medieval amphorae of Chersonesos.

- Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Classical antiquity and the Middle Ages], 7. Sverdlovsk, pp. 81–101. (In Russ.)
- Arthur P., 1989. Some observations on the economy of Bruttium under the later Roman Empire. *Journal of Roman Archaeology*, 2, pp. 133–142.
- Atavin A.G., 1993. Red-gloss ware of the 4th–6th centuries from Phanagoria. *Bosporskiy sbornik* [Bosporan collection of articles], 2. Moscow: Arkhe, pp. 149–171. (In Russ.)
- Aybabin A.I., 1999. Etnicheskaya istoriya rannevizantiyskogo Kryma [Ethnic history of the early Byzantine Crimea]. Simferopol': Dar. 351 p.
- Aybabin A.I., 2003. The Crimea in the middle of the 3rd – early 6th century (Migration period). *Krym, Severo-vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya. IV–XIII vv.* [The Crimea, North-Eastern Pontic and Transcaucasia in the Middle Ages. 4th–13th centuries]. T. I. Makarova, S.A. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, pp. 10–26. (Arkheologiya). (In Russ.)
- Aybabin A.I., 2016. Jewish community in Panticapaeum of the late antiquity and in the early medieval Bosporus. *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Issledovateli i issledovaniya* [XVII Bosporan readings. The Cimmerian Bosporus and barbaric world in the period of antiquity and the Middle Ages. Researchers and research]. Kerch', pp. 12–16. (In Russ.)
- Aybabin A.I., 2019. Fisherman's homestead in the early Byzantine Bosporus. *Problemy istorii i arkheologii srednevekovogo Kryma: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu A.I. Aybabina* [Issues of history and archaeology of the medieval Crimea: Proceedings of the International scientific conference to the 70th anniversary of A.I. Aybabin]. E.A. Khayredinova, ed., comp. Simferopol': Antikva, pp. 7–16. (In Russ.)
- Aybabin A.I., Sidorenko V.A., 2007. A new Jewish manumission from Panticapaeum. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporus studies], XVII. Simferopol'; Kerch', pp. 121–127. (In Russ.)
- Belova N.S., 1977. Epigraphic materials of the Phanagoria expedition. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history], 3 (141), pp. 105–117. (In Russ.)
- Blavatskaya T.V., 1958. Gorgippian manumission of 67 AD. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], XXVIII, pp. 91–96. (In Russ.)
- Blavatskiy V.D., 1951. Excavations of the Phanagoria necropolis in 1938, 1939 and 1940. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu* [Materials on the archaeology of the Northern Pontic in the antiquity period], 1. V.D. Blavatskiy, B.N. Grakov. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 189–226. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 19). (In Russ.)
- Cesteros H.G., Almeida R.R. de, Costello J.C., 2016. Special Fish Products for the Jewish Community? A Painted Inscription on a Beltran 72 Amphora from Augusta Emerita (Mérida, Spain). *Herom. Journal on Hellenistic and Roman Material Culture*, vol. 5, iss. 2, pp. 196–236.
- Chichurov I.S., 1980. Vizantiyskie istoricheskie sochineniya: "Khronografiya" Feofana, "Breviariy" Nikifora: Teksty, perevod, kommentariy [Byzantine historical works: the Chronography by Theophanes and the Breviary by Nicephorus: texts, translation, commentary]. Moscow: Nauka. 216 p.
- Chkhaidze V.N., 2006. Medieval burials in stone cists on the Taman Peninsula. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya* [Materials and studies on the archaeology of the Volga River region], 3. Moscow; Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 53–86. (In Russ.)
- Chkhaidze V.N., 2008. Tamatarkha. Rannesrednevekovyy gorod na Tamanskom poluostrove [Tamatarcha. An early medieval town on the Taman Peninsula]. Moscow: Taus. 328 p.
- Chkhaidze V.N., 2012. Fanagoriya v VI–X vekakh [Phanagoria in the 6th–10th centuries]. Moscow: Triumf print. 590 p.
- Cirelli E., 2014. Typology and diffusion of Amphorae in Ravenna and Classe between the 5th and the 8th centuries AD. *LRCW 4. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry. The Mediterranean: a Market without Frontiers: Proceedings of the Conference*, I. N. Poulou-Papadimitriou, E. Nodarou, V. Kilikoglou, eds. Oxford: Archaeopress, pp. 541–552. (British Archaeological Reports. International Series, 2616).
- Colafemmina C., 2012. The Jews in Calabria. Leiden; Boston: Brill. 699 p. (Studia Post Biblica, 49).
- Dan'shin D.I., 1991. Three new inscriptions from Phanagoria. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 204, pp. 98–102. (In Russ.)
- Dan'shin D.I., 1993. Phanagorian Jewish community. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history], 1 (204), pp. 59–72.
- Fedoseev F., Domžalski K., Opař A., Kulikov A.V., 2010. Post-Justinian Pottery Deposit from Pantikapaion–Bosporos: Rescue Excavations at 12, Teatral'naja St. in Kerch, 2006. *Archeologia*, LXI, pp. 63–94.
- Fine S., 2016. The Open Torah Ark. The Jewish Iconographic Type in Late Antique Rome and Sardis. *Viewing Ancient Jewish Art and Archaeology: VeHinnei Rachel – Essays in Honor of Rachel Hachlili*. A.E. Killebrew, G. Fasbeck, eds. Leiden; Boston: Brill, pp. 121–143.
- Gavritukhin I.O., 2008. Fibula from the excavations of A.G. Atavin in Phanagoria in 1989. *Drevnosti Yuga Rossii* [Antiquities of the South of Russia]. G.E. Afanas'ev, ed. Moscow: IA RAN, pp. 362–367. (In Russ.)
- Gaydukevich V.F., 1949. Bosporskoe tsarstvo [The Bosporan Kingdom]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 662 p.
- Golofast L.A., 2020. An early medieval amphora with a Hebrew inscription on a lead seal from Phanagoria.

- Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology], 3, pp. 159–172. (In Russ.)
- Golofast L.A., Ol'khovskiy S.V., 2016. A pottery complex from an underwater basement in the offshore Phanagoria. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Archaeological research results]*, vol. 4. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii, iss. 2 [Materials on the archaeology and history of Phanagoria]*. V.D. Kuznetsov, A.A. Zavoykin, eds. Moscow: IARAN, pp. 46–82. (In Russ.)
- Hachlili R., 2001. The Menorah – The Ancient Seven-Armed Candelabrum: Origin, Form, and Significance. Leiden. 664 p. (Journal for the Study of Judaism, 68).
- Hachlili R., 2005. Jewish Funerary Customs, Practices and Rites in the Second Temple Period. Leiden. 588 p. (Journal for the Study of Judaism, 94).
- Hachlili R., 2018. The Menorah: Evolving into the Most Important Jewish Symbol. Leiden, Boston: Brill. 294 p.
- Kashaev S.V., Kashovskaya N.V., 1999. Two tombstones from the village of Vyshestebliyevskaya near Taman. *Bosporskiy fenomen. Grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan phenomenon. Greek culture at the periphery of the ancient world: Proceedings of the International scientific conference]*. St. Petersburg, pp. 332–337. (In Russ.)
- Kashaev S.V., Kashovskaya N.V., 2001. New Bosporan gravestones. *Bosporskiy fenomen. Kolonizatsiya regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Bosporan phenomenon. Colonization of the region, the emergence of poleis, the formation of the state: Proceedings of the International scientific conference]*, 1. St. Petersburg, pp. 164–174. (In Russ.)
- Kashaev S.V., Kashovskaya N.V., 2006. Stones and inscriptions of the Bosporus. *Vostochnaya kollektsiya [Oriental collection]*, 2 (25), pp. 55–60. (In Russ.)
- Kashaev S.V., Kashovskaya N.V., 2008. The cult complex (SK-6) and epigraphic materials from the settlement of Vyshestebliyevskaya-11. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosporus]*, vol. 12, part 1. Moscow, pp. 340–362. (In Russ.)
- Kashovskaya N., Kashaev S., 2004. Judaism in the Bosporus – an archaeological context. *Materialy XI ezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaizmu [Proceedings of the XI Annual international interdisciplinary conference on Jewish studies]*, 1. Moscow: Probel-2000, pp. 13–23. (In Russ.)
- Khvol'son D.A., 1884. Sbornik "evreyskikh" nadpisey, soderzhashchiy nadgrobnyya nadpisi iz "Kryma i nadgrobnyya i drugiye nadpisi iz" inykh "mest", v drevnem "evreyskom" kvadratnom "shrift", takzhe i obraztsy shriftov" iz "rukopisey ot" IX–XV stol"tiya [A collection of Jewish inscriptions including gravestone inscriptions from the Crimea and gravestone and other inscriptions from other places, in Hebrew square script, as well as samples of scripts from manuscripts of the 9th–15th centuries]. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 528 p.
- Kobylyina M.M., 1951a. Excavations of the "Eastern" necropolis of Phanagoria in 1948. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu [Materials on the archaeology of the Northern Pontic in the period of antiquity]*, 1. V.D. Blavatskiy, B.N. Grakov. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 241–249. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 19). (In Russ.)
- Kobylyina M.M., 1951b. Excavations of the "Southern" necropolis of Phanagoria in 1947. *Materialy po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnyuyu epokhu [Materials on the archaeology of the Northern Pontic in the period of antiquity]*, 1. V.D. Blavatskiy, B.N. Grakov. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 236–240. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 19). (In Russ.)
- Korpus bosporskikh nadpisey [Corpus of Bosporan inscriptions]. V.V. Struve, ed. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 951 p.
- Koshelenko G.A., 2010. Religion and cults. *Antichnoe nasledie Kubani [Ancient heritage of the Kuban region]*, II. G.M. Bongard-Levin, V.D. Kuznetsov, eds. Moscow: Nauka, pp. 354–416. (In Russ.)
- Kuznetsov V.D., Golofast L.A., 2010. Houses of the Khazar period in Phanagoria. *Problemy istorii, filologii i kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 1, pp. 393–429. (In Russ.)
- Levine I.L., 2008. Jewish Archaeology in Late Antiquity Art, Architecture, and Inscriptions. *The Cambridge History of Judaism*, 4. S.T. Katz, ed. Cambridge, pp. 519–555.
- Levinskaya I.A., Tokhtas'ev S.R., 1988. Hebrew names in the Bosporus. *Etnogenez narodov Yugo-Vostochnoy Evropy. Etnolingvisticheskie i kul'turno-istoricheskie vzaimodeystviya Balkan i Tsirkumpontiyaskoy zony: tezisy dokladov mezhdunarodnogo simpoziuma "Antichnaya balkanistika 6" [Ethnic genesis of the peoples of Southeast Europe. Ethnolinguistic and cultural-historical interactions between the Balkans and the Circumpontic: Abstracts of the International symposium "Ancient Balkan Studies 6"]*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki, pp. 28–29. (In Russ.)
- Levinskaya I.A., 1992. Those who worship the Most High God in the inscriptions from Tanais. *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya [Studies on the ancient history and culture of the Northern Pontic]*. A.K. Gavrillov, ed. St. Petersburg: Glagol, pp. 129–145. (In Russ.)
- Levinskaya I.A., 2000. Deyaniya apostolov [The Acts of the Apostles]. St. Petersburg: Logos. 351 p.
- Levinskaya I.A., Tokhtas'ev S.R., 1996. Jews and Jewish Names in the Bosporan Kingdom. *Studies on the Jewish Diaspora in the Hellenistic and Roman Periods*. Tel-Aviv: Tel-Aviv University, pp. 55–73. (Te'uda, XII).
- Levinskaya I.A., Tokhtas'ev S.R., 1991. Hebrew names in the Bosporus. *Acta Associationis Internationalis. Terra Antiqua Balcanica*, VI. Sofiya, pp. 118–128. (In Russ.)
- Lyutsenko A.E., 1876. Ancient Jewish gravestones found in the embankments of the Phanagoria fortified settlement. *Trudy III Mezhdunarodnogo s'ezda orientalistov*

- [*Proceedings of the III International congress of Oriental studies*], I. St. Petersburg, pp. 577–580. (In Russ.)
- Meyers C.L., 2018. Menorahs Incised or Painted on Ceramic Vessels. *The Architecture, Stratigraphy, and Artifacts of the Western Summit of Sepphoris*. E.M. Meyers, C.L. Meyers, B.D. Gordon, eds. Eisenbrauns: University Park, pp. 630–643. (Duke Sepphoris Excavation Reports, III).
- Meyers C.L., Meyers E.M., 2016. Images and Identity. Menorah Representation at Sepphoris. *Viewing Ancient Jewish Art and Archaeology. VeHinnei Rachel – Essays in Honor of Rachel Hachlili*. A.E. Killebrew, G. Fasbeck, eds. Leiden; Boston: Brill, pp. 384–400.
- Meyers E.M., 2008. Jewish Art and Architecture in the Land of Israel, 70–C. 235. *The Cambridge History of Judaism*, 4. S.T. Katz, ed. Cambridge, pp. 173–190.
- Mogarichev Yu.M., 2003. On the early medieval Jewish communities in the Crimea. *Khersonesskiy sbornik [Chersonesos collected papers]*, XII. Sevastopol', pp. 287–300. (In Russ.)
- Mogarichev Yu.M., 2009. New materials on the history of the Jewish diaspora in the Bosphorus of the late antiquity and Early Middle Ages. *Khazarskiy al'manakh [Khazar almanac]*, 8. Khar'kov, pp. 265–276. (In Russ.)
- Opait A., 2004. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th–6th centuries AD). Oxford: Archaeopress. 180 p. (British Archaeological Reports. International Series, 1274).
- Otchet Arkheologicheskoy Komissii za 1866 god [Report of the Archaeological Commission for 1866]. St. Petersburg, 1868. XXVI, 190 p., ill.
- Otchet Arkheologicheskoy Komissii za 1872 god [Report of the Archaeological Commission for 1872]. St. Petersburg, 1975. XXVIII, 339 p., 18 ill.
- Rostovtzeff M.I., 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford: Clarendon Press. 358 p.
- Rutgers L.V., 1992. Archaeological Evidence for the Interaction of Jews and Non-Jews in Late Antiquity. *American Journal of Archaeology*, vol. 96, no. 1, pp. 101–118.
- Sazanov A.V., 1989. On the chronology of the Bosphorus in the early Byzantine period. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, № 4, pp. 41–60. (In Russ.)
- Sazanov A.V., Mokrousov S.V., 1996. The settlement of Zolotoye Vostochnoye in the bay: an experience of studying the stratigraphy of the early Byzantine period. *Problemy istorii, filologii i kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, iss. III, part 1, pp. 88–107. (In Russ.)
- Sazanov A.V., Mokrousov S.V., 1999. Some preliminary data on the chronology of the Zeleny Mys settlement. *Problemy istorii, filologii i kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, VII, pp. 168–172. (In Russ.)
- Shelov D.B., 1978. Personal names on amphorae from Tanais. *Numizmatika i epigrafika [Numismatics and epigraphy]*, XII. Moscow. C. 47–55. (In Russ.)
- Solomonik E.I., 1997. The earliest Jewish settlements and communities in the Crimea. *Evrei Kryma: Ocherki istorii [Jews of the Crimea: Essays on history]*. Simferopol': Mosty, pp. 9–22. (In Russ.)
- Strokov A.A., 2009. Belt sets of the Hunnic period in the Asian Bosphorus. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos studies]*, XXI. Simferopol', pp. 303–319. (In Russ.)
- Sviridov A.N., Yazikov S.V., Sukhanov E.V., 2019. New medieval burials from the Taman Peninsula. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos studies]*, XXXVIII. Simferopol', pp. 256–298. (In Russ.)
- Swan V., 2009. Dichin (Bulgaria): the Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the 5th and 6th centuries A.D. *PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*. D. Kassab Tezgör, N. Inaishvili, eds. Paris: Institut français d'études anatoliennes Georges Dumezil, pp. 107–119. (Varia Anatolica, XXI).
- Weiss Z., 2010. Burial Practices in Beth She'arim and the Question of Dating the Patriarchal Necropolis. *Follow the Wise: Studies in Jewish History and Culture in Honor of Lee I. Levine*. Z. Weiss, O. Irshai, J. Magness, S. Schwartz, eds. Winona Lake, pp. 207–231.
- Yaylenko V.P., 2003. Phanagorian manumissions and lists of names from finds of the 1970s. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]*, 6. Moscow, pp. 351–375. (In Russ.)
- Zavoykina N.V., 2008. A fragment of a manumission from Phanagoria. *Drevnosti Bospora [Antiquities of the Bosphorus]*, vol. 12, part 1. Moscow, pp. 226–229. (In Russ.)
- Zin'ko A.V., 2011. Amphorae with menorah from excavations of the early Byzantine Tyritake. *XII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyanie kul'tur [XII Bosporan readings. The Cimmerian Bosphorus and barbaric world in the period of antiquity and the Middle Ages. Mutual influence of cultures]*. Kerch', pp. 131–133. (In Russ.)
- Zin'ko A.V., 2013. Ethnic and confessional composition of the population of the Bosporan city of Tyritake in the 5th–6th centuries. *Bosporskiy fenomen: naselenie, yazyki, kontakty: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [The Bosporan phenomenon: population, languages, contacts: Proceedings of the International scientific conference]*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 250–254. (In Russ.)
- Zin'ko A.V., Ponomarev L.Yu., 2016. To the topography of the early Byzantine city of the Bosphorus and its slab-grave necropolises. *Bosporskie issledovaniya [Bosporos studies]*, XXXII. Simferopol', pp. 107–148. (In Russ.)
- Zolotarev M.I., Korobkov D.Yu., Ushakov C.V., Maklennan R., Overman A., Oliv'e Dz., Edvards D., Linstrom G., Ole-nina E.F., 2013. Drevnyaya sinagoga v Khersonese Tavricheskom: materialy i issledovaniya Prichernomorskogo Proekta 1994–1998 gg. [Ancient synagogue in Tauric Chersonesos: materials and research of the Pontic Project in 1994–1998]. Moscow; Sevastopol': Russkiy fond so-deystviya obrazovaniyu i nauke. 508 p.

ДЕТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ VII в. ИЗ РАСКОПОК БЕСЛАНСКОГО МОГИЛЬНИКА В ФОКУСЕ КОМПЛЕКСНОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2021 г. Д.С. Коробов*, О.Ю. Чечеткина**, М.Б. Медникова***

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: dkorobov@mail.ru

**E-mail: chechyotkina91@bk.ru

***E-mail: medma_pa@mail.ru

Поступила в редакцию 31.03.2021 г.

Комплексное изучение детских захоронений в последние десятилетия становятся одним из наиболее актуальных направлений археологических исследований. Особенности погребального обряда ювенильных индивидуумов, их болезни, параметры физического развития служат важным индикатором состояния социума, как в зеркале отражая исторический момент и особые культурные традиции. Настоящая работа представляет результаты изучения детского погребения, необычного по археологическому контексту и по данным антропологии. Оно было совершено в подбое на периферии кургана 876 в захоронении 2 Бесланского курганного катакомбного могильника (Республика Северная Осетия — Алания), относящегося к середине VII в. н.э. Мультидисциплинарный анализ костных останков дает основание предположить, что этот индивид 4–5 лет с бронзовой цепью на шее на момент похорон на протяжении своей короткой жизни испытывал неоднократные физиологические стрессы и подвергался значительным физическим нагрузкам, причем отставал от современных стандартов по темпам роста почти в 2 раза. Но голова этого ребенка подверглась преднамеренной деформации, и на его лобной кости есть следы обширной трепанации без признаков заживления, что не исключает высокого прижизненного социального статуса этого погребенного и/или его родителей.

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланы, раннее средневековье, биоархеология детства, палеопатология, искусственная деформация головы, трепанация.

DOI: 10.31857/S086960630014443-6

Осенью 2020 г. во время археологических исследований Бесланского курганного катакомбного могильника (Республика Северная Осетия — Алания) было обнаружено необычное погребение ребенка, устроенное в подбое на периферии кургана 876. Основное захоронение данного кургана было совершено в классической для аланской культуры Северного Кавказа Т-образной катакомбе и, несмотря на произошедшее в древности ограбление, содержало ряд предметов, относящихся к середине VII в. н.э. (Коробов и др., в печати; Korobov et al., in press). Очевидно, что подбойное погребение ребенка было устроено одновременно с основным захоронением и должно относиться к тому же времени.

Бесланский курганный катакомбный могильник — один из крупнейших некрополей раннего этапа аланской культуры II–IV вв. н.э. на Северном Кавказе. История его изучения насчитывает уже более 30 лет. К моменту начала наших полевых работ на данном некрополе было исследовано

более 870 погребальных комплексов аланской культуры III — конца IV в. н.э., а также более 20 захоронений позднекатакомбной культуры, комплекс раннескифского времени и около 10 погребений II в. до н.э. — I в. н.э. (Дзугев, Малашев, 2015. С. 10). Большая часть исследованных захоронений некрополя происходят с одного участка и датируются в узких пределах около середины III в. н.э., поэтому раскопки 2020 г. ставили своей целью установление пространственных границ некрополя и уточнение хронологических рамок его бытования. Описываемый в данной работе комплекс происходит с участка могильника, расположенного в 230 м к востоку от внешнего рва Зильгинского городища, на окраине его неукрепленного посада. Здесь в ходе анализа космического снимка и проведения магнитометрического обследования были зафиксированы квадратные и кольцевые ровики вокруг подкурганных погребений, три из которых были раскопаны (Коробов и др., в печати; Korobov et al., in press).

Рис. 1. Погребение 2 кургана 876 Бесланского курганного катакомбного могильника: 1 – план и разрез погребения (1 – керамический сосуд, 2 – бронзовая цепочка); 2 – вид на погребение с ЮЮВ; 3 – керамический сосуд; 4 – бронзовая цепочка. Условные обозначения: а – глиняная забутовка входа в камеру.

Fig. 1. Grave 2, mound 876 of the Beslan mound catacomb cemetery

Погребение 2 (рис. 1, 1, 2) находилось в западной части кург. 876, ограниченного квадратным ровиком размерами 15.5 × 16.5 м с двумя

неширокими перемычками с северной и южной стороны. Размеры входной ямы трапециевидной формы на уровне зачистки – 1.4 × 0.5–0.6 м,

глубина — 0,5 м. В западной стенке находился вход в подбойную нишу шириной 0,9 м и высотой 12 см; ниша овальной формы размерами 1,2 × 0,4 м и высотой 0,3 м. Вход был заложен крупными кусками глины. На дне ниши в вытянутом положении на спине, головой на ССВ, лежал скелет ребенка. Голова его была повернута на правую сторону. С левой стороны у головы находился небольшой горшочек (рис. 1, 3), на шее — крупная бронзовая цепь (рис. 1, 4), очевидно, связанная крайними звеньями с помощью кожного шнура, который истлел.

Комплексное изучение детских захоронений в последние десятилетия становятся одним из наиболее актуальных направлений археологических исследований (Mays et al., 2017). Особенности погребального обряда ювенильных индивидуумов, их болезни, особенности физического развития служат важным индикатором состояния социума, как в зеркале отражая исторический момент и особые культурные традиции (Медникова, 2017). Настоящая работа представляет результаты междисциплинарного исследования указанного детского погребения, имевшего весьма интересные археологические и антропологические особенности, которые могут быть важны для понимания образа жизни аланского населения в период упадка некогда крупного поселения.

Методы исследования

Производились определения диафизарных длин, наибольшего и наименьшего диаметров, окружностей диафизов плечевых и бедренных костей в середине, наименьших периметров диафиза на костях предплечья и голени.

Длина тела была определена по методам Ж. Оливье, А. Палкама и соавторов (Forensic Anthropology, 1978. P. 90; Palkama et al., 1965).

Регистрировались маркеры физиологического стресса на костях и зубах, оценивалось присутствие палеопатологий. В рамках дифференциальной диагностики использовались диагностические таблицы, составленные для разграничения наиболее распространенных заболеваний детского возраста (Медникова, 2017. С. 84–89). Костные и зубные останки были исследованы с использованием цифровой микрофокусной рентгенографии на стационарном аппарате ПРДУ-02. Считывание изображения производилось с фосфорных пластин при помощи рентгеновского сканера CR-35 SEC №X000241.

Идентификация биологического возраста погребенного выполнялась на основании оценки

критериев развития зубной системы по рентгенограммам верхней и нижней челюсти. Регистрация маркеров физиологического стресса (линий Гарриса) производилась на рентгенограммах плечевых, лучевых, локтевых, бедренных, больше- и малоберцовых костей, выполненных в двух проекциях.

Результаты

Оценка степени сохранности скелетных останков. Свод черепа представлен комплементарными фрагментами лобной кости, фрагментом теменной. Имеются верхняя челюсть и фрагмент нижней, парные ключицы, позвонки всех отделов, рукоятка грудины, разрушенные лопатки, несросшиеся элементы тазовых костей (подвздошные, седалищные, лобковые кости), кости кисти, плечевые, лучевые, локтевые, бедренные, большеберцовые, малоберцовые, кости стопы (рис. 2).

На правой ключице, лопатке, рукоятке грудины и позвонках шейного отдела видны следы окислов металла зеленого цвета, скорее всего, способствовавших хорошей сохранности скелетных останков индивидуума в целом. Так, правая ключица сохранилась лучше левой, благодаря длительному контакту с медной цепочкой на шее погребенного. Медь проникла в верхний, перистальтный слой костной ткани, что было хорошо видно на рентгенограмме с увеличением.

Определение биологического возраста индивидуума. На фрагментах верхней челюсти в альвеолярном сочленении присутствуют молочные зубы. На верхней челюсти справа сохранились первый и второй молочные моляры, слева второй молочный моляр. На фрагменте нижней челюсти в альвеолярном сочленении зубы не сохранились. Остальные зубы находятся отдельно от челюсти.

На микрофокусных рентгенограммах можно наблюдать закладки постоянных зубов. На снимках фрагментов верхней и нижней челюстей видны закладки передних резцов, клыков и премоляров (рис. 3). При определении стадии их формирования (Ubelaker, 1978) резец и клык находятся на начальном этапе образования корней. На стенках пульповой камеры видны прямые линии в односторонних зубах. У премоляра наблюдается стадия осаднения дентина и видна камера пульпы. На верхней челюсти справа можно увидеть в закладке первый постоянный моляр (прорезается у детей в возрасте 6 лет). При оценке стадии зубообразования первого моляра можно сказать, что начато формирование корня. Таким

Рис. 2. Степень сохранности скелетных останков.
Fig. 2. The degree of preservation of skeletal remains

образом, опираясь на радиологическое исследование, можно заключить, что ребенку было от 4 до 5 лет.

Особенности физического развития ребенка. На поверхности плечевых костей акцентированы элементы рельефа в месте прикрепления некоторых мышц (межбугорковая борозда и область дельтовидной бугристости) (Медникова, 1998). Это не слишком обычно для столь юного возраста, что может свидетельствовать о раннем приобщении к физическим нагрузкам. На рентгенограммах плечевых костей в области метафизов видны оформленные балки костного вещества, которые также можно интерпретировать как следствие стабильной нагрузки на пояс верхних конечностей (рис. 4).

На левой лучевой кости выявлена энтесопатия в виде костного разрастания в верхней трети межкостного края. На правой кости такой энтесопатии нет, но присутствуют очевидные изменения бугристости лучевой кости.

Правая ключица имеет плоский и одновременно скрученный по продольной оси диафиз. Рассмотрение контрольных средневековых образцов — ключиц детей сходного возраста из раскопок в Ярославле — показывает, что такая уплощенность диафиза ключицы была для них нетипична. На нижней части стернального конца имеется небольшое костное разрастание, определяемое при пальпации. Хорошо обозначена трапециевидная линия. Акцентированный рельеф говорит о тренированности дельтовидной и большой грудной мышц.

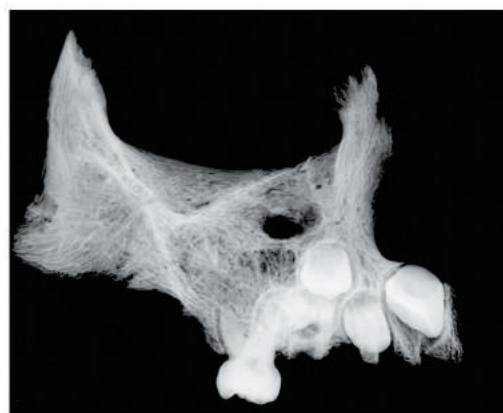
Одновременно обращает на себя внимание асимметрия в развитии правой и левой (хуже сохранившейся) ключиц, что может отражать разную специфику нагрузок на правую и левую руку, возможно, превышающих обычную диспропорцию при выраженной праворукости. Кости отличаются по степени скрученности диафизов, сечение левой ключицы несколько меньше (максимальный и минимальный диаметры в середине диафиза 5×4 мм справа и 5×3 мм слева).

Все вместе дает основания для реконструкции типа постоянных биомеханических воздействий, как считается, не типичных для 4-5-летнего возраста. Эти нагрузки задействовали двуглавую мышцу плеча (сгибание плеча и поворот предплечья в локтевом суставе на левой руке, сгибание кисти в лучезапястном суставе и дистальных фаланг II–V пальцев на правой руке).

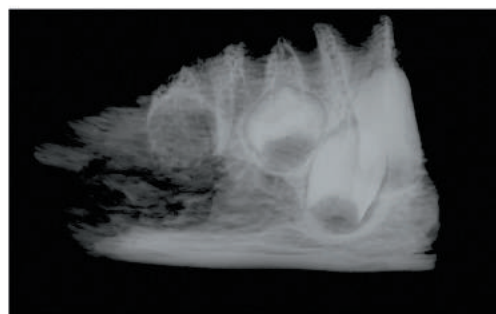
Кроме того, симметричное развитие дельтовидной бугристости указывает на характерные

А

Б

В

Рис. 3. Микрофокусные рентгенограммы фрагментов верхней (А, Б) и нижней (В) челюсти.

Fig. 3. Microfocus radiographs of fragments of the upper (A, B) and lower (B) jaws

движения, связанные с активностью дельтовидной мышцы, которая отвечает за отведение руки до горизонтального уровня, сгибание и разгибание плеча.

Результаты измерения диафизарных длин трубчатых костей представлены в табл. 1.

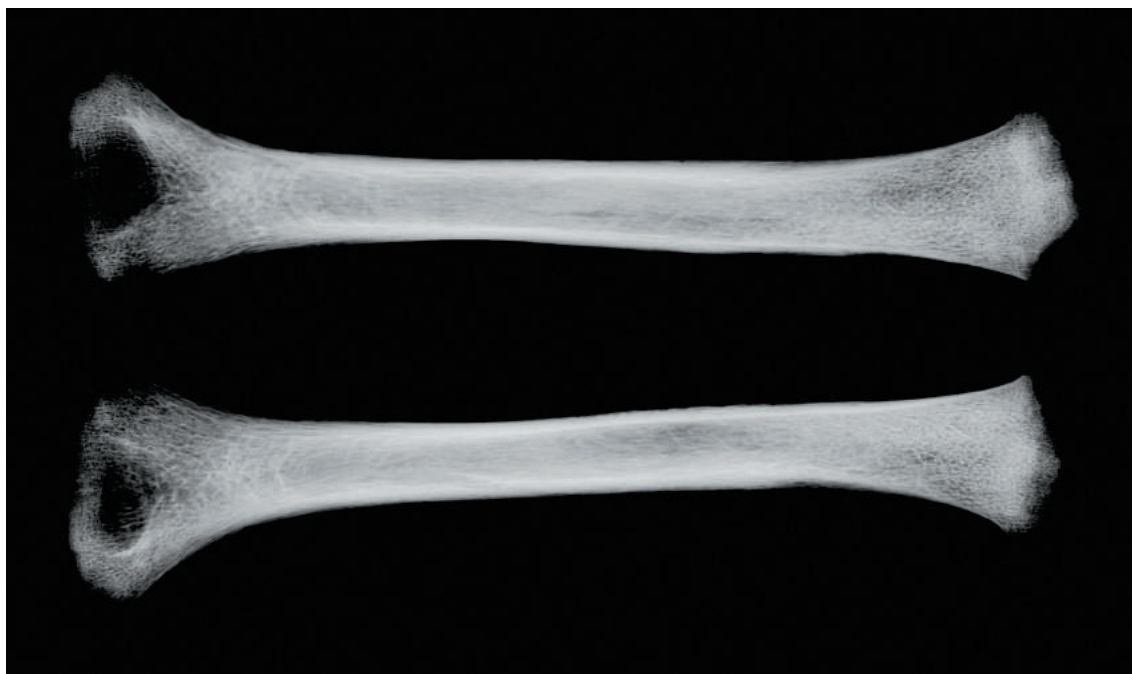

Рис. 4. Микрофокусные рентгенограммы плечевых костей.

Fig. 4. Microfocus radiographs of the humeri

Длина тела ребенка, определенная по методу Ж. Оливье, составила 106.5 см. Длина тела, определенная по методу Палкама и соавторов, в основу которого положены измерения диаметров на рентгенограммах бедренных костей, существенно отличается и вряд ли может быть признана достоверной — 83.8 ± 7.5 см. Данный результат важен, поскольку косвенно свидетельствует о грацильности диафизов трубчатых костей при соотношении с размерами детей XX в.

Для понимания особенностей физического развития ребенка из Бесланского могильника были привлечены сравнительные синхронные и диахронные материалы. Как можно видеть из табл. 1, сравнение с современными стандартами, полученными путем изучения американских детей известного пола и возраста в XX в., показывает, что продольные размеры тела аланского ребенка соответствуют размерам тела детей 2.5 лет, и только развитие ключицы соответствует параметрам, характерным сегодня для возраста 4-5 лет.

Более информативным для оценки физического развития ребенка из Бесланского могильника может стать рассмотрение длин трубчатых костей на фоне материалов эпохи раннего средневековья (табл. 2). Это выборка погребений VI–VII вв. из Альтенэрдинга (могильник эпохи миграций, Верхняя Бавария, Sundick, 1978), выборка VII–IX вв. из Южной Моравии (Stloukal, Hanakova,

1978), две англосакские группы из Беринсфилда и Экзетера в Британии (Норра, 1992), а также данные, полученные при обследовании ювенильных останков из аланских погребений элитного участка могильника Клинь-Яр III и потомков алан из погребений Новохарьковского могильника (измерения М.Б. Медниковой; Buzhilova et al., 2018; Медникова, 2002). Как можно видеть, дети из Альтенэрдинга в том же возрасте были в среднем миниатюрнее бесланского ребенка. Славянские дети из Моравии были самыми крупными. Четырехлетние дети англосаксов могли уступать размерами ребенку из Бесланского могильника, прежде всего, за счет редукции размеров нижней конечности. Дети Клинь-Яра уже в 2-3 года обладали сходными размерами голени при сравнении с 4-5-летним ребенком из кургана 876. Наконец, потомки алан, жившие в XIV в. на территории Воронежской области, демонстрируют близкие размеры тела в 2-3 года, то есть в 4-5 лет они были также значительно выше бесланского ребенка.

Индикаторы физиологического стресса и палеопатологии. Зубы рассматриваемого индивида без аномалий в развитии, в том числе на коронках молочных зубов отсутствует эмалевая гипоплазия, что свидетельствует о хорошем здоровье матери этого ребенка во время беременности.

На рентгенограммах трубчатых костей обнаружены линии Гарриса — индикаторы задержек роста под влиянием физиологического стресса.

Таблица 1. Морфометрическая характеристика трубчатых костей ребенка из раскопок Бесланского могильника (курган 876, погребение 2), мм**Table 1.** Morphometric characteristics of the tubular bones of the child from the excavations at the Beslan cemetery (mound 876, grave 2)

Кости (правая/левая)	L _{max}	Окружность	D _{max}	D _{min}	Зубной возраст	Скелетный возраст
Плечевая	135/136	38/39	12/12	9/9	4-5 лет	2.5 года (Maresh, 1970)
Лучевая	100/101	24/25	—/—	—/—	—	
Локтевая	111/114	22/23	—/—	—/—	—	
Бедренная	182/182	44/44	13/13	12/12	—	
Большеберцовая	145/145	44/44	15/15	12/12	—	
Малоберцовая	—/143	—/26	—/8	—/5	—	
Ключица	81/—	19/—	—/—	—/—	—	5 лет (Black, Scheuer, 1996)

Больше всего линий Гарриса присутствует в нижнем метафизе бедренной кости (пять негативных эпизодов), причем самая ранняя ЛГ отражает прерывание роста ребенка на первом году жизни. На рентгенограммах бедренных и большеберцовых костей в боковой проекции также хорошо видны последствия искривления диафизов (рис. 5, А, Б).

При осмотре верхних клыков двух резцов верхней челюсти и резца нижней челюсти наблюдаются пришеечные дефекты дентина, локализованные на лингвальной и на внешней поверхности зуба. Особенно выражены патологические изменения на внешней поверхности нижнего резца, эти проявления предположительно можно соотносить с так называемым клиновидным дефектом (рис. 6, А). На жевательной поверхности клыка верхней челюсти наблюдается незначительное кариозное поражение (рис. 6, Б). На поверхности зубов механических повреждений не выявлено.

На задних стенках глазницы локализованы слабые проявления *cribra orbitalia* — признака, сопутствующего анемии. В области шейки бедренных костей нами отмечен признак сходной этиологии — *cribra femoris*.

При осмотре лобной кости наблюдаются последствия искусственной модификации черепа по типу высокой кольцевой деформации. Поэтому некоторые выявленные аномалии на краниальном своде могут быть признаками, сопутствовавшими тугому пеленанию головы этого ребенка в рамках этой культурной традиции.

Так, правая и левая части лобной кости не срослись, т.е. при жизни ребенка метопический шов

был полностью не облитерирован. При осмотре эндокрана на лобной кости выявлено большое количество пальцевидных вдавлений, последствий повышенного внутричерепного давления, в целом, характерного для детей этого возраста. Впрочем, возможно, параметры интракраниального давления были усугублены преднамеренной деформацией головы, которой подвергся ребенок. На фрагменте теменной кости наблюдаются отпечатки сосудов венозного синуса и пальцевидные вдавления, что подтверждает высокое внутричерепное давление у ребенка.

В верхней части фрагментов лобной кости наблюдается сквозное отверстие подокруглой формы, с поперечным диаметром 28 мм. Судя по ровному контуру этой перфорации, она искусственного происхождения. Прилегающая часть теменных костей, на которую могло распространиться это отверстие, не сохранилась. Наружные края перфорации ровные и гладкие. И, хотя нижний слой свода со стороны эндокрана посмертно разрушен, на ограниченном участке можно видеть следы инструментального воздействия (рис. 7, А–Б). Скорее всего, отверстие было вырезано острым ножом. На рентгенограмме лобной кости область сквозного дефекта не несет следов воспаления или заживления, следовательно, трепанация была сделана перед смертью ребенка или даже посмертно.

Кроме того, области прикрепления мышц и связок сочетаются с распространением на костных поверхностях множества поротических изменений, возможно, вследствие генерализованной патологии. Диафизы бедренных костей сильно скручены.

Таблица 2. Диафизарные длины трубчатых костей ребенка из Бесланского могильника на фоне измерений средневековых детей сходного возраста, мм

Table 2. Diaphyseal lengths of the tubular bones of the child from the Beslan cemetery compared to those of medieval children of a similar age, mm

Кости	Беслан, кург. 876 погр. 2, аланы	Альтенэрдинг, эпоха Великого переселения народов	Микульчице, Новый замок, Вирт, славяне	Беринсфилд, англосаксы	Экзетер, англосаксы	Клин-Яр III, аланы	Новохарьковский, потомки алан, XIV в.
Плечевая	136	130.7 (5 лет)	139.5 (4 года) 152.1 (5 лет)	188 (5.4 года)	137 (4 года)	—	131.5 (2-3 года) 130 (3-4 года)
Лучевая	101	95–98 (4-5 лет)	110 (4 года) 115 (5 лет)	—	—	—	100 (2-3 года)
Локтевая	114	103–108 (4-5 лет)	119.6 (4 года) 123.3 (5 лет)	—	—	—	111 (2-3 года)
Бедренная	182	162–165 (4-5 лет)	184.8 (4 года) 203.3 (5 лет)	253 (5.4 года)	174 (4 года)	173 (2-3 года)	179 (2-3 года) 209 (4-5 лет)
Большеберцовая	145	—	155.2 (4 года) 164.4 (5 лет)	—	—	147 (2-3 года)	169 (4-5 лет)
Малоберцовая	143	—	150.8 (4 года) 158.0 (5 лет)	—	—	—	—

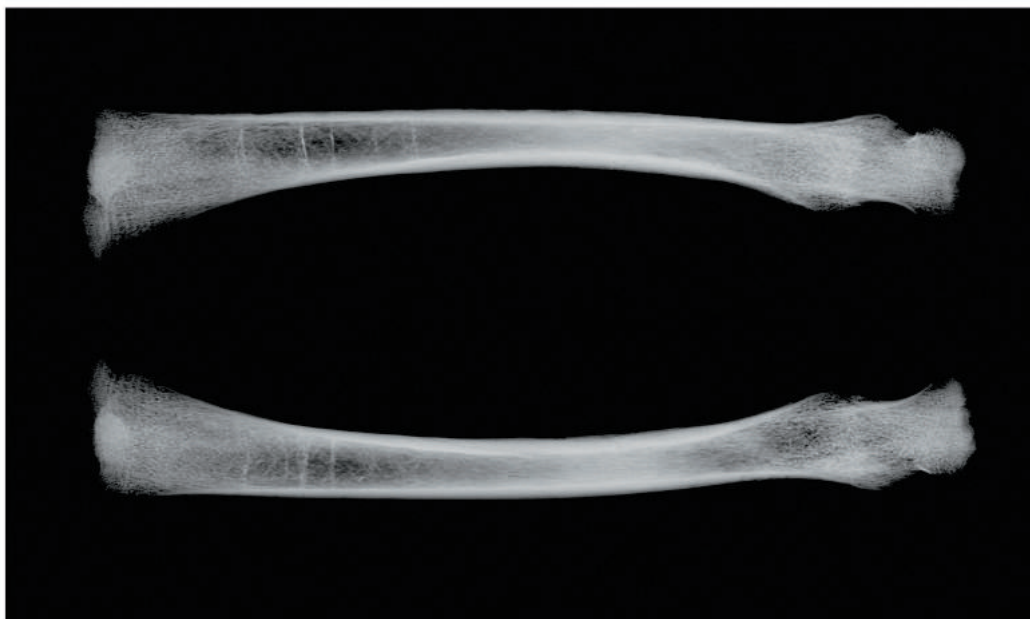
В рамках дифференциальной диагностики были рассмотрены варианты различных хронических заболеваний ребенка из Бесланского могильника: туберкулеза и бруцеллеза, рахита, цинги, анемии.

Из совокупности признаков, сопутствующих туберкулезу, были встречены только наиболее неспецифические — периостит в метафизах бедренных, большеберцовых, плечевых костей, *Cribra femoris*, множественные линии Гарриса. Специально проведенное обследование элементов позвоночного столба, рентгенографическое обследование суставов и мелких трубчатых костей не выявило очагов деструкции. Впрочем, на передней поверхности тел позвонков наблюдаются слабые периостальные реакции (возможные последствия гиперваскуляризации вследствие молодого возраста или патологии, на

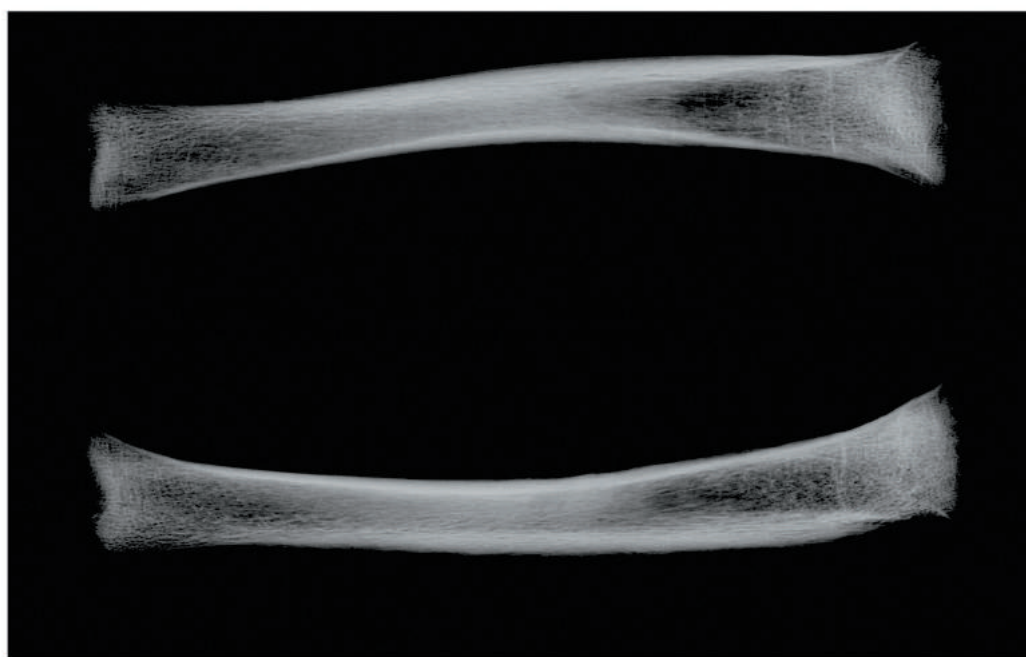
проявления которых накладываются тафономические изменения).

Больше всего манифестаций рахита: порозность стенки глазницы, поротические изменения в местах костно-хрящевого перехода, бедренные кости изогнуты в передне-заднем направлении, большеберцовые диафизы изогнуты и развернуты в нижней трети, изогнуты диафизы костей предплечья, нижний метафиз правой плечевой кости изогнут в переднем направлении. В метафизарной зоне трубчатых костей видны пороз и “огрубление”, эпифизы имеют “вельветовую” поверхность. Метафизы трубчатых костей расширены, на рентгене обнаруживаются слоистые структуры.

Наличие цинги не подтверждается. Из признаков анемии (малокровия, которое может иметь различную этиологию), как отмечалось, встречены *Cribra orbitalia* и *Cribra femoris*.

А

Б

Рис. 5. Микрофокусные рентгенограммы бедренных (А) и большеберцовых (Б) костей. Боковая проекция.

Fig. 5. Microfocus radiographs of the femoral (A) and tibial (B) bones. Side projection

Обсуждение

Наиболее представительная выборка ранне-средневековых детских захоронений (304 погребения), используемая для сравнения с рассматриваемым погребением Бесланского могильника,

происходит с древнеславянского кладбища Миккульнице в Южной Моравии и датируется IX в. К этой выборке исследователями были добавлены не столь многочисленные материалы (32 скелета) из раскопок в Новом Замке и Вирте, которые датируются VII–VIII вв. (Stloukal, Hanakova, 1978).

Рис. 6. Зубные патологии: *А* — клиновидный дефект на буккальной поверхности корня нижнего молочного резца; *Б* — начальный кариес на жевательной поверхности верхнего клыка.

Fig. 6. Dental pathology

М. Стлоукал и Х. Ханаква сравнивали реконструированную длину тела детей из этих раскопок с длиной тела чешских детей, обследованных в 1961 г. (Stloukal, Hanakova, 1978. Р. 63). Оказалось, что при сходных параметрах при рождении раннесредневековые дети в возрасте 4 и 5 лет на 4-5 см были выше чешских детей в этом возрасте (после 8 лет эти отличия полностью сглаживались, а после 10 лет дети XX в. демонстрировали резкие прибавки длины тела в отличие от детей из археологической выборки). Длина тела раннесредневековых детей в Южной Моравии в 4 года соответствовала 109 см, а в 5 — 114 см, в то время как их ровесники на той же территории в 1961 году имели длину тела 103 и 109 см соответственно. Напомним, что для ребенка из Бесланского могильника по той же формуле Ж. Оливье реконструирована длина тела 106.5 см, что отличает его от, в целом, более миниатюрных раннесредневековых детей из Альтенэрдинга, Беринсфилда и Экзетера. Если же сравнивать продольные размеры костей ребенка из Бесланского могильника с соответствующими длинами, известными для раннесредневековых алан и их потомков, то есть основания думать, что в 4-5 лет дети с элитного участка Клин-Яра III и из Новохарьковской группы были намного крупнее. Поскольку, даже

с учетом воздействия генетических факторов, рост ребенка является в определенном смысле зеркалом качества его жизни, можно заключить, что короткая жизнь ребенка из Бесланского могильника протекала не в столь благоприятных условиях.

Независимым доказательством этого тезиса может служить наличие дефектов дентина и кариеса на молочных зубах, а также множественных линий Гарриса на рентгенограммах трубчатых костей ребенка, запечатлевших неоднократные физиологические стрессы, самый ранний из которых, очевидно, отражает негативный эпизод в конце первого года жизни.

Вместе с тем, похоже, что физиологические стрессы в раннем детстве были характерны для алан. Например, по сравнению с представителями кобанской культуры и населения сарматского времени, аланская выборка Клин-Яра обнаруживает самый высокий процент физиологических стрессов раннего детства, запечатленных в эмали гипоплазии (55.6%) и линиях Гарриса (71.4%), в равной мере характерных для мужчин и женщин. У мужчин и женщин различных возрастных категорий были встречены последствия рахита, но анемия и цинга наблюдались лишь

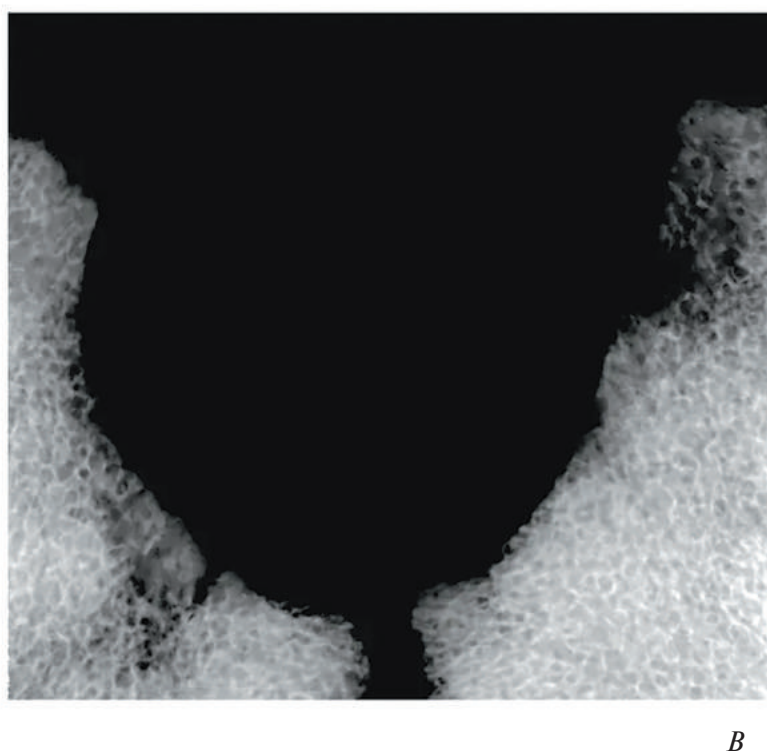
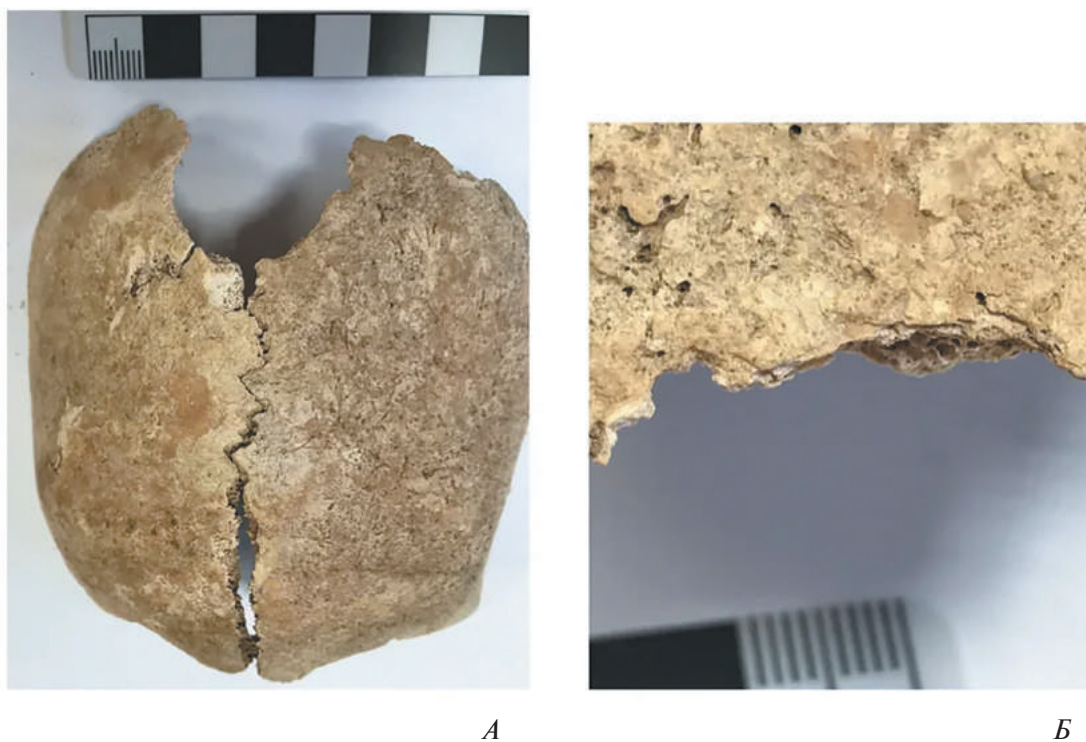

Рис. 7. Возможная трепанация в верхней части чешуи лобной кости: *А* — общий вид; *Б* — возможные следы инструментального воздействия; *В* — микрофокусная рентгенограмма краниального дефекта без признаков заживления или воспалительного процесса.

Fig. 7. Possible trepanation in the upper part of the frontal bone scales

Рис. 8. Лобные кости детей 4-5 лет: 1 — из средневекового Ярославля (недеформированы); 2 — из Бесланского могильника (со следами искусственной деформации).

Fig. 8. Frontal bones of 4-5-year-old children: 1 — from medieval Yaroslavl (undeformed); 2 — from the Beslan cemetery (with traces of artificial deformation)

в одном случае, у ребенка (Buzhilova et al., 2018. P. 175).

При подготовке данной публикации нами был заново осмотрен скелет ребенка из погребения 371 (2) могильника Клин-Яр III, на котором выражен целый комплекс патологических проявлений — последствия геморрагий на экзо- и эндокарне, в метафизах плечевой, бедренной и большеберцовой костей, возможные следы воспалительного процесса в области слухового прохода. Большеберцовая кость этого ребенка изогнута в передне-заднем направлении, что может указывать на рахит. На верхней и нижней челюсти не сформированы закладки коронок молочных зубов (подтверждено рентгенографически), что означает отставание в физическом развитии. Итак, аланский младенец, страдавший от авитаминоза С, D и сопутствующей инфекции, умер до года, т.е. в возрасте, когда в жизни бесланского ребенка появились первые физиологические стрессы и также возник рахит. Еще один ребенок из могильника Клин-Яр III (погребение 382 (3)), по нашим данным, за свою короткую трехлетнюю жизнь успел пережить несколько серьезных негативных эпизодов, запечатленных в линиях Гарриса на рентгеновских снимках трубчатых костей.

Другим фактором, осложнявшим реализацию генетического потенциала в процессе роста, могла стать хроническая витаминная недостаточность. На скелете ребенка из Бесланского могильника зафиксированы множественные проявления авитаминоза D, что, помимо манифестаций рахита, означает ослабление иммунной системы. Также он страдал от анемии, этиология которой в данном случае не вполне ясна и могла включать широкий спектр причин.

Особого внимания заслуживают последствия прижизненных и, возможно, посмертных манипуляций, обнаруженных при обследовании черепа ребенка. Прежде всего, стоит отметить, что, начиная с младенчества, его голова подверглась процедуре преднамеренной деформации, и к моменту смерти череп уже имел характерную конусовидную форму, что можно видеть по трансформации лобной кости. По мнению С.Ю. Фризена, также проводившего изучение черепа рассматриваемого ребенка, данная деформация, с валиком в области *bregma* и постбрегматическим вдавливанием, является типичной для раннеаланских краниологических серий, происходящих из подкурганных катакомбных могильников Центрального Предкавказья III — первой половины V в. н.э. (Малашев, Фризен, 2020. С. 461, 465). У ребенка

из Бесланского могильника область брегмы была затронута оперативным вмешательством при трепанации, прилегающие теменные кости не сохранились, но в верхней части чешуи лобной кости наблюдается отчетливая уплощенность, возникшая в процессе преднамеренной деформации, особенно заметная при сопоставлении с недеформированным черепом ребенка такого же возраста из раскопок средневекового города Ярославля (рис. 8).

Искусственная деформация головы — феномен, широко распространенный в раннем средневековье. Степень его изученности у алан до сих пор нельзя признать доскональной. Бинтованию головы подвергали маленьких детей обоих полов, но не всех. Так, в аланской выборке Клинь-Яра III этому обряду подверглись 54% обследованных (14 из 26), среди них было 7 женщин, 5 мужчин и 3 ребенка (Buzhilova et al., 2018. Р. 156). Есть основания предполагать, что эта модификация тела человека часто сопровождала лиц высокого социального статуса (Коробов, 2016). И, очевидно, она выполнялась женщинами, сведущими в этом обряде, т.е. в каком-то смысле передача этого культурного кода может быть уподоблена наследованию митохондриальной ДНК (Медникова, 2006).

Во-вторых, на лобной кости в области брегмы было вырезано отверстие округлой формы. Эта трепанация не имеет следов заживления, то есть была сделана совсем незадолго до смерти или посмертно.

Символические и реальные трепанации — широко распространенная практика эпохи раннего средневековья, неоднократно встреченная у болгар, древних венгров, носителей салтово-маяцкой культуры и франков меровингского времени и становившаяся предметом обсуждения специалистов (Anda, 1951; Bartucz, 1966; Nemeskeri et al., 1965; Yordanov, Dmitrova, 1991; Боев, 1965; Медникова, 2001; 2018; Решетова, 2012; и др.). Несмотря на непрекращающиеся дебаты о медицинской или ритуальной подоплеке этих действий косвенным доказательством религиозной составляющей трепанирования можно рассматривать его запрет в Венгрии в правление короля Стефана Святого, совпавший с принятием христианства (Медникова, 2001. С. 245).

В качестве ближайшего аналога новому случаю можно предложить предсмертную или посмертную трепанацию, обнаруженную на черепе подростка 12 лет из погребения № 5 Таганского могильника, отнесенного авторами раскопок Ю.П. Матвеевым и М.В. Цыбиным к VII в.

В могиле помимо скелета хорошей сохранности находились останки взнузданного и оседланного коня, в области головы умершего справа — раковины каури и серебряное кольцо. При обследовании этого скелета нами были отмечены малые длины и периметры трубчатых костей, резко контрастировавшие с зубным возрастом. Это означало, что ребенок еще не вступил в фазу пубертатного ростового скачка и заметно отставал по темпам развития, особенно от современных стандартов. При этом он был тренирован, и испытанные им физические нагрузки преимущественно приходились на пояс верхних конечностей. Примечательно, что на его лобной кости примерно в 3 см от верхнего края левой глазницы было расположено сквозное отверстие правильной овальной формы, размером 31 × 19 мм, вырезанное острым ножом (Медникова, 2001. С. 254, 255. Рис. 10.2). У этого же ребенка были обнаружены патологические изменения костной ткани, предположительно, типичные для бруцеллеза (Бужилова, 2005. С. 194, 195).

Ребенок из Бесланского могильника относится к другой возрастной категории (периоду первого детства), но тоже отличается задержкой роста. Трепанация у него была выполнена в аналогичной технике и, возможно, сходным инструментом. Признаков, соответствующих хронической инфекции наподобие бруцеллеза или туберкулеза, в данном случае не выявлено. Но очевидно, что у ребенка был рахит, анемия, и он пережил серию неблагоприятных эпизодов, связанных с голодом или лихорадочными состояниями, в самом раннем детстве. В свете данных концепции “остеологического парадокса” (Wood et al., 1992) наличие палеопатологических проявлений на скелетных останках индивидуумов из археологических раскопок иногда означает повышенную сопротивляемость организма в ответ на стрессирующее воздействие и, рассуждая логически, не самый низкий социальный статус.

Присутствие предсмертной трепанации уникально — возможно, это один из самых юных индивидуумов этой эпохи, подвергнутых подобной операции. Тщательно выполненная искусственная деформация головы и следы сложной, хотя и неуспешной, операции не подтверждают гипотезу о низком социальном статусе.

Медная цепь на шее в момент погребения этого маленького человека — очень необычная находка. Ее вес (26 г) мог быть весьма ощутим, если этот атрибут носился постоянно и задолго до смерти. К сожалению, химический анализ из-за очевидной посмертной контаминации металлом

не может дать ответ о длительности ношения цепи. Позвонки шейного отдела представлены отдельными элементами, поскольку для этого возраста еще не закончено синостозирование, поэтому оценить возможную деформацию костных структур из-за внешнего воздействия в данном случае не представляется возможным.

Вовлеченность ребенка в постоянную физическую активность, приходившуюся преимущественно на верхний пояс конечностей, не обязательно отражает его низкое социальное положение. Мы не можем исключить, что встреченные нами особенности скелетной гипертрофии и костных перестроек могут отражать ранние тренировки, связанные с приобщением к оружию, например к луку (если это был мальчик), или вовлечение в хозяйственную деятельность (если это была девочка).

Проведенный мультидисциплинарный анализ костных останков погребения ребенка из подбойного захоронения 2 кургана 876 Бесланского курганного катакомбного могильника дает основание предположить, что на протяжении короткой жизни 4–5 лет этот индивид испытывал неоднократные физиологические стрессы и имел значительные физические нагрузки. Сочетание этих факторов с периферийностью погребения и особенностями погребального инвентаря — присутствием на шее у погребенного массивной бронзовой цепи, не очень напоминающей украшение, — делает соблазнительной версию о зависимом статусе этого ребенка. Однако такие признаки, как искусственная деформация черепа и наличие следов трепанации (сложной и рискованной операции), которые могут рассматриваться как свидетельства высокого прижизненного социального статуса этого погребенного и/или его родителей, не позволяют однозначно отнести обладателя данного захоронения к представителям низкого слоя населения Зильгинского городища в период финального этапа его существования. Представленное здесь погребение вместе с другими захоронениями кург. 876 и 877 на исследованном в 2020 г. участке Бесланского курганного катакомбного могильника, очевидно, относится к последним могилам, устроенным возле окраины городища, которое прекращает свое существование в VII в. (Arzhantseva et al., 2000. Р. 244; Гавритухин, 2007; Коробов и др., в печати). Не исключено, что выпавшие на долю ребенка из погр. 2 кург. 876 нелегкие жизненные испытания отражают общую ситуацию затухания жизни на этом когда-то крупнейшем поселенческом памятнике алан Центрального Предкавказья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боев Я. Символические трепанации от СССР // Известия на Института по Морфология. 1965. XI. С. 113–127.
- Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
- Гавритухин И.О. К вопросу о верхней дате городища Зилиги // Три четверти века. Д.В. Деопику — друзья и ученики / Отв. ред. Н.Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 482–486.
- Дзуцев Ф.С., Малашев В.Ю. Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи (некоторые итоги исследований 1988–2014 гг.). Владикавказ: Проект-Пресс, 2015 (Алано-Кавказская библиотека). 112 с.: ил.
- Коробов Д.С. Социальная стратификация населения Кисловодской котловины V–VIII вв. по материалам могильника Клинь-Яр 3 // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 244. С. 48–64.
- Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й. Работы на Зильгинском городище и Бесланском могильнике: новые методы обследования // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской. М.: ИА РАН. (В печати)
- Малашев В.Ю., Фризен С.Ю. Краниологические материалы из могильников аланской культуры Северного Кавказа III — первой половины V в. н.э. // Краткие сообщения Института археологии. 2020. Вып. 260. С. 459–481.
- Медникова М.Б. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований / Ред. Е.З. Година. М.: Старый Сад, 1998. С. 151–169.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир, 2001. 304 с.
- Медникова М.Б. Особенности скелетной конституции погребенных // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж: Межрегион. ин-т обществ. наук, 2002. С. 129–145.
- Медникова М.Б. Феномен искусственной деформации головы: евразийский контекст // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5. Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии / Отв. ред. М.Б. Медникова. М.: ИА РАН, 2006. С. 206–229.
- Медникова М.Б. Биоархеология детства в контексте раннеземледельческих культур Балкан, Кавказа и Ближнего Востока. М.: ИА РАН, 2017. 223 с.
- Медникова М.Б. После Брока. Трепанации эпохи неолита из коллекции Прюньера в Музее Человека. М.: ИА РАН, 2018. 208 с.
- Решетова И.К. Описание индивидов с трепанированными черепами среди носителей салтово-маяцкой

- культуры: медицинская практика или культ? // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 151–157.
- Anda T.* Recherches archéologiques sur la pratique médicale des Hongrois à l'époque de la conquête du pays // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1951. T. 1. P. 7–316.
- Arzhantseva I.A., Deopik D.V., Malashev V.Y.* Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the boundary between Steppe and Hill Country // *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age* / Eds. M. Kazanski, V. Soupault. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000 (*Colloquia Pontica*; № 5). P. 211–250.
- Bartucz L.* A praehistorikus trepanáció és orvostörténeti vonatkozású sírleletek. Budapest, 1966 (*Palaeopathologia*; III). 610 p.
- Black S.V., Scheuer J.L.* Age changes in the clavicle: from the early neonatal period to skeletal maturity // *International Journal of Osteoarchaeology*. 1996. Vol. 6, iss. 5. P. 425–434.
- Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V.* The human bones from Klin-Yar III and IV // *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus) Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery* / Eds. A.B. Belinskij, H. Härke. Berlin: Habelt, 2018 (*Archäologie in Eurasien*; 36). P. 134–183.
- Forensic Anthropology. The Structure, Morphology and Variation of Human Bone and Dentition* / Eds. M.Y. El-Najar, R. McWilliams. Springfield, Ill.: C.C. Thomas, 1978. 190 p.
- Hoppa R.* Evaluating human skeletal growth: an Anglo-Saxon example // *International Journal of Osteoarchaeology*. 1992. Vol. 2, iss. 4. P. 275–288.
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Fassbinder J.* Geophysical and archaeological survey of the hillfort of Zilgi and the barrow cemetery of Beslan (North Ossetia) // *Theory and practice in archaeology*. (In press).
- Maresh M.M.* Measurements from roentgenograms // *Human growth and development* / Ed. R.W. McCammon. Springfield, Ill.: C.C. Thomas, 1970. P. 157–200.
- Mays S., Gowland R., Halcrow S., Murphy E.* Child Bioarchaeology: Perspectives on the Past 10 Years // *Childhood in the Past, An International Journal*. 2017. Vol. 10, iss. 1. P. 38–56.
- Nemeskeri J., Kralovansky A., Harsanyi L.* Trephined skulls from the tenth century // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1965. T. XVII. P. 343–367.
- Palkama A., Hopsu V., Takki S., Talkki K.* Children's age and stature estimated from femur diameter // *Annales Medecine Experimentalis et Biologiae Fenniae*. 1965. Vol. 44. P. 186, 187.
- Stloukal M., Hanakova H.* Die Länge der Längsknochen altslawischer Bevölkerungen – unter besonderer Berücksichtigung von Wachstumsfragen // *Homo*. 1978. Vol. 29. P. 53–69.
- Sundick R.I.* Human Skeletal Growth and Age Determination // *Homo*. 1978. Vol. 29. P. 228–249.
- Ubelaker D.H.* Human skeletal remains: excavation, analysis and interpretation. Chicago, 1978. 180 p.
- Wood J.W., Milner G.R., Harpending H.C., Weiss K.M.* The Osteological Paradox: Problems of inferring prehistoric health from skeletal samples // *Current Anthropology*. 1992. Vol. 33, no. 4. P. 343–370.
- Yordanov A., Dimitrova A.* Symbolic trephinations in Medieval Bulgaria // *Homo*. 1991. Vol. 41 (3). P. 266–273.

THE 7TH CENTURY CHILD BURIAL FROM THE BESLAN MOUND CEMETERY IN THE FOCUS OF COMPLEX INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Dmitry S. Korobov*, Olga Yu. Chechetkina**, Maria B. Mednikova***

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: dkorobov@mail.ru

**E-mail: chechyotkina91@bk.ru

***E-mail: medma_pa@mail.ru

The comprehensive study of child burials has become one of the most topical areas of archaeological research in recent decades. Peculiarities of the burial rites of juvenile individuals, their diseases and physical development parameters serve as an important indicator of the social situation capturing the specific historical period and its cultural traditions. The article presents the results of a study of an unusual child burial in terms of archaeological context and anthropological data. The burial was made in an undercut on the periphery of barrow 876 in grave 2 of the Beslan mound catacomb cemetery (Republic of North Ossetia–Alania) dating from the middle of

the 7th century AD. Multidisciplinary analysis of the bone remains suggests that this 4–5-year-old individual with a bronze chain around his neck at the time of burial had experienced repeated physiological stresses and significant physical exertion during his short life, being almost two times behind modern standards in terms of growth rate. Moreover, this child's head was intentionally deformed, his frontal bone shows traces of extensive trepanation with no signs of healing, which may suggest a high lifetime social status of this buried child and/or his parents.

Keywords: North Caucasus, Alans, Early Middle Ages, childhood bioarchaeology, palaeopathology, artificial cranial deformation, trephination.

REFERENCES

- Anda T., 1951. Recherches archéologiques sur la pratique médicale des Hongrois à l'époque de la conquête du pays. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1, pp. 7–316.
- Arzhantseva I.A., Deopik D.V., Malashev V.Y., 2000. Zilgi – Early Alan Proto-City of the First Millennium AD on the boundary between Steppe and Hill Country. *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Âge*. M. Kazanski, V. Soupault, eds. Leiden; Boston; Köln: Brill, pp. 211–250. (Colloquia Pontica, 5).
- Bartucz L., 1966. A praehistorikus trepanáció és orvostörténeti vonatkozású sírletek. Budapest. 610 p. (Palaeopathologia, III).
- Black S.V., Scheuer J.L., 1996. Age changes in the clavicle: from the early neonatal period to skeletal maturity. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 6, iss. 5, pp. 425–434.
- Boev Ya., 1965. Symbolic trephinations from the territory of the USSR. *Izvestiya na Instituta po Morfologiya [Bulletin of the Institute of Morphology]*, XI, pp. 113–127. (In Bulgarian).
- Buzhilova A.P., 2005. Homo sapiens: istoriya bolezni [Homo sapiens: medical record]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 320 p.
- Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V., 2018. The human bones from Klin-Yar III and IV. *Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery*. A.B. Belinskij, H. Härke, eds. Berlin: Habelt, pp. 134–183. (Archäologie in Eurasien, 36).
- Dzutshev F.S., Malashev V.Yu., 2015. Beslanskiy arkheologicheskiy kompleks rannealanskoy epokhi (nekotorye itogi issledovaniy 1988–2014 gg.) [The Beslan archaeological complex of the Early Alan period (some results of the research in 1988–2014)]. Vladikavkaz: Proekt-Press. 112 p., ill. (Alano-Kavkazskaya biblioteka).
- Forensic Anthropology. The Structure, Morphology and Variation of Human Bone and Dentition. M.Y. El-Najjar, R. McWilliams, eds. Springfield, Ill.: C.C. Thomas, 1978. 190 p.
- Gavritukhin I.O., 2007. To the upper date of the settlement of Zilgi. *Tri chetverti veka. D.V. Deopiku – druz'ya i ucheniki [Three quarters of a century. Friends and students to D.V. Deopik]*. N.N. Bektimirova, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 482–486. (In Russ.)
- Hoppa R., 1992. Evaluating human skeletal growth: an Anglo-Saxon example. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 2, iss. 4, pp. 275–288.
- Korobov D.S., 2016. Social stratification of the Kislovodsk Depression population of the 5th–8th centuries based on the materials from the Klin-Yar cemetery 3. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 244, pp. 48–64. (In Russ.)
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Fassbinder J., 2021. Geophysical and archaeological survey of the hillfort of Zilgi and the barrow cemetery of Beslan (North Ossetia). *Theory and practice in archaeology*. (In press).
- Korobov D.S., Malashev V.Yu., Fassbinder Y., 2021. Works on the Zilgi hillfort and the Beslan cemetery: new methods of exploration. *Epokha vsadnikov na Severnom Kavkaze: k 90-letiyu Very Borisovny Kovalevskoy [The Age of Horsemen in North Caucasus: On the 90th anniversary of Vera Borisovna Kovalevskaya]*. Moscow: IA RAN. (In print). (In Russ.)
- Malashev V.Yu., Frizen S.Yu., 2020. Craniological materials from the Alan cemeteries in the North Caucasus of the 3rd – first half of the 5th century AD. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 260, pp. 459–481. (In Russ.)
- Maresh M.M., 1970. Measurements from roentgenograms. *Human growth and development*. R.W. McCammon, ed. Springfield, Ill.: C.C. Thomas, pp. 157–200.
- Mays S., Gowland R., Halcrow S., Murphy E., 2017. Child Bioarchaeology: Perspectives on the Past 10 Years. *Childhood in the Past, An International Journal*, vol. 10, iss. 1, pp. 38–56.
- Mednikova M.B., 1998. A descriptive software program for scoring the degree of the relief development of long bones. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy [Historical ecology of man. Methods of biological research]*. E.Z. Godina, ed. Moscow: Staryy sad, pp. 151–169. (In Russ.)
- Mednikova M.B., 2001. Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii [Trephination among the ancient peoples of Eurasia]. Moscow: Nauchnyy mir. 304 p.
- Mednikova M.B., 2002. Features of the skeletal constitution of the buried. *Novokhar'kovskiy mogil'nik epokhi Zolotoy Ordyy [The Novokharkiv cemetery of the Golden Horde]*

- period]. A.D. Pryakhin, ed. Voronezh: Mezhrregional'nyy institut obshchestvennykh nauk, pp. 129–145. (In Russ.)
- Mednikova M.B., 2006. The phenomenon of artificial cranial deformation: the Eurasian context. *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary research in archaeology], 5. *Iskusstvennaya deformatsiya golovy cheloveka v proshlom Evrazii* [Artificial cranial deformation of the human in the past of Eurasia]. M.B. Mednikova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 206–229. (In Russ.)
- Mednikova M.B., 2017. Bioarkheologiya detstva v kontekste rannezemledel'cheskikh kul'tur Balkan, Kavkaza i Blizhnego Vostoka [Bioarchaeology of childhood in the context of early agricultural cultures of the Balkans, the Caucasus and the Middle East]. Moscow: IA RAN. 223 p.
- Mednikova M.B., 2018. Posle Broka. Trepanatsii epokhi neolita iz kollektsii Pryun'era v Muzee Cheloveka [After Broca. Neolithic trephinations from the Prunieres collection in the Museum of Man]. Moscow: IA RAN. 208 p.
- Nemeskeri J., Kralovansky A., Harsanyi L., 1965. Trephined skulls from the tenth century. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XVII, pp. 343–367.
- Palkama A., Hopsu V., Takki S., Talkki K., 1965. Children's age and stature estimated from femur diameter. *Annales Medecine Experimentalis et Biologiae Fenniae*, 44, pp. 186, 187.
- Reshetova I.K., 2012. Description of individuals with trepanated skulls among the carriers of the Saltovo-Mayaki culture: medical practice or a cult? *Etnograficheskoe obozrenie* [Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic review)], 5, pp. 151–157. (In Russ.)
- Stloukal M., Hanakova H., 1978. Die Länge der Längsknochen altslawischer Bevölkerungen – unter besonderer Berücksichtigung von Wachstumsfragen. *Homo*, 29, pp. 53–69.
- Sundick R.I., 1978. Human Skeletal Growth and Age Determination. *Homo*, 29, pp. 228–249.
- Ubelaker D.H., 1978. Human skeletal remains: excavation, analysis and interpretation. Chicago. 180 p.
- Wood J.W., Milner G.R., Harpending H.C., Weiss K.M., 1992. The Osteological Paradox: Problems of inferring prehistoric health from skeletal samples. *Current Anthropology*, vol. 33, no. 4, pp. 343–370.
- Yordanov A., Dimitrova A., 1991. Symbolic trephinations in Medieval Bulgaria. *Homo*, 41 (3), pp. 266–273.

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА ВОСТОЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ И ИСТОЧНИКИ ПРОИЗВОДСТВА

© 2021 г. Е.М. Болдырева

Государственный исторический музей, Москва, Россия

E-mail: embold@mail.ru

Поступила в редакцию 31.05.2021 г.

Статья посвящена анализу глазурованной посуды, импортировавшейся в южные регионы России, начиная с эпохи раннего средневековья и до золотоордынского периода. Изучены самые распространенные типы глазурованной посуды и источники их поступления. В сравнении представлены группы посуды, привезенные в Причерноморье и в Поволжье. С VII в. в Северном Причерноморье появляются сосуды константинопольского производства. Разные группы византийской керамики фиксируются здесь до начала золотоордынского периода. В Прикаспийском регионе поливная посуда появляется не ранее середины—конца IX — начала X в. с территорий Средней Азии и Среднего Востока. В XI в. в Причерноморье не происходит значительных изменений в источниках и объемах привезенной продукции, а Поволжье попадает под влияние Северо-Восточного Кавказа, Закавказья и Среднего Востока (преимущественно Ирана). Во второй половине—конце XII в. Поволжье становится одним из ключевых пунктов в торговле кашинной посудой ближневосточного происхождения. В XIV в. здесь же впервые появляется византийская посуда. В это же время отмечается расцвет собственного керамического производства в Причерноморье и Приазовье, что способствует распространению этой продукции по всей Восточной Европе.

Ключевые слова: поливная керамика, кашин, импорт, торговля, Византия, Хазарский каганат, Древняя Русь, Золотая Орда.

DOI: 10.31857/S086960630015281-8

Бытовая или парадная столовая посуда, покрытая слоем стекловидной массы — глазурью или поливой (эти термины равнозначны в историографии), в средневековье была предметом доступного импорта и производилась в гораздо больших объемах по сравнению с предметами из металла. Также она была более транспортабельным товаром для перевозок на большие расстояния в сравнении с предметами из стекла или из других хрупких материалов. Эти факторы способствовали значительному расширению географии ее распространения из стран Востока, в том числе и на территорию Восточной Европы. Наибольшая концентрация таких предметов в силу географической близости к Черному и Каспийскому морям наблюдается именно в южных регионах Восточной Европы. В эти районы входят Северное Причерноморье, Приазовье, Тамань, Северный Кавказ и Нижнее Поволжье. Безусловно, в исторических границах Древней Руси эти территории и сами относились к условно “восточным” (географически к южным) землям. Именно здесь с X в. поливная керамика аккумулировалась, а затем по ключевым водным артериям — Волге,

Дону и Днепру — распространялась непосредственно на территорию Древней Руси. “Страны Востока” — широкое понятие в отечественной и зарубежной историографии. В данном исследовании приняты следующие условные географические рамки: в категорию стран Востока включены территории Ближнего и Среднего Востока, Северного Кавказа и Закавказья. Именно эти регионы были ключевыми импортерами, а иногда и производителями поливной посуды в рассматриваемый хронологический отрезок (с VII до XIII в.), определенный изученными комплексами.

В историографии известны и более ранние примеры глазурованной посуды, которые относятся к концу эллинистического периода и датируются примерно с I в. до н.э. не менее чем до IV в. н.э. Это двуручные кувшины и чаши (*skyphos*), покрытые густой поливой, часто с глубоким прорезным и рельефным декором, имитировавшим сосуды из металла (Walton, Tite, 2010. P. 733) (рис. 1, 1–4). Их датировка, происхождение и культурная атрибуция вызывают значительные разногласия среди исследователей.

Рис. 1. Скифос (1) и кувшины “парфянского типа” (2–4). 1 – Турция, I в. до н.э. – I в. н.э. (по: The British Museum..., № 1931,0514.1, см. https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1931,0514.1); 2, 3 – Ирак, II в. до н.э. – II в. н.э. или позже (по: Watson, 2005. Cat. Ba.1); 4 – Северная Сирия, II–III вв. н.э. (по: The British Museum..., № E62679, см. https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1915-1218-1).

Fig. 1. Skyphos (1) and jugs of the “Parthian type” (2–4)

С VII в. на смену обозначенным выше сосудам приходит группа византийской (константинопольской) глазурованной посуды (Walton, Tite, 2010. P. 733, 734), именуемая “Glazed White Ware” (GWW). В целом в историографии выделяется не менее пяти групп посуды (GWW I–V) с хронологическим диапазоном с VII до начала XIII в. и широким ареалом от Константинополя и Эгейского бассейна до юга Восточной Европы, далее на север – до Новгорода и Швеции (Vroom, 2006. P. 63, 76, 77). Исследователи считают местом производства данной группы посуды Константинополь, где в комплексах со второй половины VII в. она представлена в большом объеме (Hayes, 1968. P. 203, 216; Смокотина, 2003; Голофаст, 2013; 2017. С. 195, 196). Отсюда ее импортировали практически во все районы как Византии, так и территорий, находившихся под ее влиянием. Эта группа посуды и ряд других довольно широко освещены в историографии в отличие от керамики, попадавшей в тот же хронологический период в Нижнее Поволжье. Земли Северного и Западного Прикаспия изучены гораздо хуже в сравнении с причерноморскими территориями, но они также входили в зону влияния ближневосточных традиций.

Территории Нижнего Поволжья и Северного Кавказа по наличию видов поливной посуды

отличаются от районов Северного Причерноморья, так как находились под большим влиянием других производственных центров – Средней Азии, Ближнего и Среднего Востока и Закавказья. В Нижнем Поволжье на поселениях и в погребениях хазарского и постхазарского времени на данный момент не зафиксирован ни один фрагмент ранней византийской поливной посуды (GWW I–V и др.). При этом на многих памятниках Северного Причерноморья с VII до XIII в. присутствуют разные типы глазурованной византийской посуды.

Керамическое производство поливной посуды в Средней Азии, согласно историографической традиции, начинает формироваться на постоянной основе не ранее конца VIII в. под влиянием ближневосточной гончарной традиции. В этот процесс постепенно включаются все земли Мавераннахра (Вишневская, 2018. С. 8, 9). К IX в. к ним присоединяются на постоянной основе территории Среднего Востока (Ирана), Закавказья, Северо-Восточного Кавказа и начинается активный импорт этих товаров по водным маршрутам, преимущественно вдоль прибрежных центров Каспийского моря.

Одна из ранних групп хорошо датированной глазурованной керамики, импортируемой в Нижнее Поволжье, происходит с территории Средней

Рис. 2. Изделия “сари”, Северо-Восточный Иран, X–XI вв. (1–3) и кашинные сосуды с росписью в технике “рисового зерна”, Иран, XII–XIII вв. (4, 5). 1 – по: *Islamic pottery...*, 1956. Pl.7; 2 – по: *Классическое искусство...*, 2013. С. 100; 3 – по: Watson, 2005. P. 243; 4, 5 – по: *Persian Ceramics...*, 2006. P. 79, 88).

Fig. 2. “Sari” products, North-Eastern Iran, 10th–11th centuries (1–3) and kashi vessels painted in the “rice grain” technique, Iran, 12th–13th centuries (4, 5)

Азии. Это сосуды с бесцветной или зеленой поливой и с подглазурной росписью широкими полосами белого ангоба. Они появились в землях Мавераннахра в середине–конце IX в. и не получили широкого распространения далеко за их пределами. Этот тип сосудов изготавливался там в короткий отрезок времени и был быстро вытеснен другим типом керамики с росписью по ангобированной поверхности (Брусенко, 1986. С. 47; Шишкина, 1986. С. 46). Однако роспись ангобом использовалась и в Закавказье, в частности в Кабале и Мингечауре она была обнаружена в слоях до начала X в. На территории Армении керамика с росписью ангобом характерна для слоев IX–X вв. и происходит из раскопок цитадели города-крепости Двин (Кафадарян, 1982. С. 156. Табл. II). Известна она и в Средиземноморье, Причерноморье, и в Сиро-Палестинском регионе, где появляется не ранее конца XI в. и существует в Греции вплоть до нового времени, но наибольшую популярность там она получила именно в мамлюкский период (Беляев, 2016. С. 454, 455; Голофаст, 2020. С. 138). В золотоордынское время такая керамика начинает изготавливаться и в Нижнем Поволжье

в больших масштабах, ее легко отличить по качеству глазури и характеру росписи. Ранняя “местная” посуда покрыта тонким слоем глазури, а орнамент состоит из широких хаотичных мазков, окружностей и линий. Сосуды монгольского времени покрыты более толстым слоем поливы, а орнамент, наоборот, выполнен с большей проработкой деталей.

Еще одна широко известная группа ранней импортной поливной керамики – так называемые изделия сари (рис. 2, 1–3). Такая керамика получила свое название по названию г. Сари в провинции Мазандеран в Северном Иране. Чаши сари датируются в пределах X–XI вв. (*Persian Ceramics...*, 2006. P. 65, 173; Ильясов, Ильясова, 2013. С. 100, 101). Признаки следов производства этой керамики обнаружены среди материалов раскопок 1970-х годов в г. Гурган (Wilkinson, 1973. P. 160; Watson, 2005. P. 243; Pancaroglu, 2007. P. 73), однако они до сих пор не опубликованы. Обязательный элемент декора керамики сари – центральная фигура птицы, обычно с пышным хвостом и хохолком, контур ее фигуры подчеркнут

точками белого ангоба на фоне остальной менее яркой поверхности. Еще один важный элемент декора такой керамики — круглые медальоны с сердцевинкой в центре, контур которых тоже подчеркнут точками белого ангоба. В зарубежной литературе такие медальоны называются “леденцами” из-за характерных формы и расцветки (Watson, 2005. Р. 243). Чаши с центральной фигурой птицы и медальонами есть в коллекции Кувейтского национального музея (Watson, 2005. Р. 243), в опубликованной коллекции Х. Плотника (Pancaroglu, 2007. Р. 72, 73. Cat. 30, 31), в частных коллекциях Милана (Persian Ceramics..., 2006. Р. 65, 173) и в коллекции фонда Марджани (Ильясов, Ильясова, 2013. С. 100, 101).

В литературе, посвященной керамике Средней Азии, декор, выполненный в том же стиле при помощи точек ангоба, часто называется “крапчатым орнаментом”. Точки в таком орнаменте тоже группировались по 3–4, но не всегда были белого цвета — иногда темно-коричневыми или оливково-зелеными на черном фоне. Композиция такого декора не всегда была сюжетной, в основном представляла собой простейшие группировки элементов, широко разбросанные по поверхности сосуда. Такая роспись характерна для керамики Согда и Чача в X в. (Вишневская, 2001. С. 69). Наибольшая концентрация этого типа глазурованной керамики в границах современной России обнаружена в слоях X–XI вв. на городище Самосделка в дельте Нижнего Поволжья, причем широкого распространения за пределы региона эта керамика не получила. Так, в ранних слоях Дербента при раскопках квартала с мечетью в слоях X–XII вв. найдено несколько таких чаш, сохранившихся практически полностью (Зиливинская и др., 2016. С. 220–222). Подобный фрагмент керамики обнаружен в материалах Муромского городка (совр. Самарская область), южного форпоста границ Волжской Булгарии.

Еще одна группа находок раннего времени, обнаруженных в Нижнем Поволжье, — поливные светильники-чиряги. Такие сосуды разных форм и размеров были распространены в Средней Азии и на Ближнем Востоке с конца VIII — первой половины IX в. (Wilkinson, 1973. Р. 233, 234. Cat. 14–22, 24; Брусенко, 1986. С. 46; Watson, 2005. Р. 231. Cat. Gb16). Часть из них имеет среднеазиатское происхождение и датируется в пределах конца IX — конца X в., а часть по ряду морфологических признаков может быть отнесена к ближневосточному производству.

На рубеже X–XI вв. в разных керамических центрах Средней Азии, на Среднем Востоке и

в Закавказье одновременно разворачивается масштабное производство красноглиняной керамики, покрытой слоем белого ангоба и украшенной декором в технике сграффито под зеленой, желтой или бесцветной поливой. В Византии такой прием оформления поверхности встречается в GWW I, т.е. на керамике VII в., но там он не носит повсеместного характера — лишь часть керамики этой группы была украшена подобным образом. В целом, красноглиняная керамика, украшенная в технике сграффито по светлому ангобу под зеленой, желтой или бесцветной глазурью, обнаруживается практически повсеместно вплоть до XIV в. По одной из версий ученых этот прием украшения сосудов пришел из Египта, где зародился в V–VII вв., а затем распространился на все Восточное Средиземноморье (Голофаст, 2020. С. 140). Одни из самых ранних случаев использования данной техники в керамике Ирана датируются X–XI вв. (Watson, 2005. Р. 253). Однако ее истоки на этой территории исследователи связывают с распространенной еще в сасанидский период гравировкой по металлу (Pore, 1939. Р. 1505), в подражание которой и стала развиваться эта технология декорирования. Начиная с XI в. данная техника быстро распространилась почти на всей территории Ближнего и Среднего Востока и в более отдаленные регионы, приобретая в каждом из них свои стилистические особенности (Якобсон, 1979. С. 120). С середины XII в. такая посуда стала производиться в Сиро-Палестинском регионе, а использовать здесь привозную посуду, украшенную таким образом, начали гораздо раньше (Голофаст, 2020. С. 140). С XII в. такая керамика появляется в городах средневековой Руси.

Ко второй половине XII в. одновременно в разных керамических центрах Ближнего и Среднего Востока начинают изготавливаться изделия и посуда из кашина. Разные изделия на кашинной основе известны и ранее на территории Северной Месопотамии, где датируются II тыс. до н.э. (Сайко, 1982. С. 123), некоторые исследователи относят первое появление “фаянсов” (изделий, в основе которых лежит кашинное тесто) к середине III или даже V тыс. до н.э. (Галибин, 2001. С. 8). Несмотря на эти факты, говорить о преднамеренном изготовлении кашинной керамики раньше XII в. не следует. Одной из главных причин возникновения традиции изготовления керамики из белой силикатной массы, в основе которой лежит перемолотый кварцевый песок, была экономическая. Кашинная посуда имитировала дорогой китайский фарфор и служила более дешевой его заменой. Появившись в домонгольское

Рис. 3. Сосуды с росписью люстром. 1 – стеклянный стакан, Египет или Сирия, VIII–IX вв.; 2 – чаша, полихромный люстр, Ирак, IX в. (по: Watson, 2005. Cat. E5); 3 – чаша, монохромный люстр, Ирак, X в. (по: Watson, 2005. Cat. E11); 4 – кашинная “ваза”, люстр по синей глазури. Сирия (Дамаск), XIII в. (по: Watson, 2005. Cat. R.1); 5 – кашинное альбарелло, люстр с синей подцветкой, Иран (Кашан), XIII–XIV вв. (по: Watson, 2005. Cat. Q3).

Fig. 3. Vessels painted with lustre (1–5)

время в разных керамических центрах Ближнего и Среднего Востока, кашинная керамика благодаря относительной дешевизне быстро распространилась на огромные территории. В XIV в. эта технология продолжила активно развиваться и в золотоордынских городах Нижнего Поволжья,

а через них кашинная посуда оседала практически в каждом городе средневековой Руси.

Варианты украшения поверхности кашинной посуды довольно разнообразны. Известны как ординарная посуда с голубой, белой, синей или зеленой поверхностью, так и умело выполненные

художественные изделия, украшенные в техниках люстра, минаи, ладжвардина, рисового зерна, силуэтного декора и др. Необходимо остановиться на наиболее распространенных типах кашинной посуды. В первую очередь это искусно украшенные росписью, имитирующей золото, изделия, получившие в историографии название сосудов с росписью люстром.

История создания таких изделий (рис. 3) берет начало с VIII в., когда их сложно-компонентный состав, основные ингредиенты в котором оксиды меди и серебра, стал использоваться в Египте и Сирии для украшения сосудов из стекла, а с IX в. — на территории Ирака. Стекланные сосуды, украшенные люстром, по мнению ряда исследователей, служили имитацией посуды из драгоценных металлов (Lane, 1958. P.14; Caiger-Smith, 1985, P. 24, 25; Watson, 2005. P. 38). Керамика же с росписью люстром впервые появилась в конце IX в., в период правления династии Аббасидов в Багдаде и в Самарре. Ранние люстровые сосуды изготавливались из теста на глиняной основе и украшались полихромным люстром.

На рубеже IX–X вв. полихромный вариант уступает место монохромному (Caiger-Smith, 1985. P. 31; Watson, 2005. P. 183), который продолжает производиться на территории Египта. Активное производство люстровых сосудов там существовало до конца XII в. (Hobson, 1932. P. 4; Caiger-Smith, 1985. P. 25–27, 29; Watson, 2005. P. 282). После падения династии Фатимидов изготовление люстра в Египте приходит в упадок, постепенно уступая место мастерским средневекового Ирана; отдельные производственные очаги продолжают сохраняться и в Сирии (Watson, 2005. P. 282).

В это же время среди люстровой керамики начинают доминировать сосуды уже не на глиняной, а на кашинной основе. Люстровое производство керамики на кашине продолжает существовать в Иране вплоть до XVIII в. (Caiger-Smith, 1985. P. 56), а с XV в. на территории средневековой Испании начинает развиваться производство люстровой керамики, но уже вновь на глиняной основе. В период с XII в. главным импортером кашинной керамики с росписью люстром на территорию Восточной Европы становятся персидские земли. Иранская люстровая керамика по Волго-Каспийскому торговому пути через Нижнее и Среднее Поволжье попадает с конца XII в. во Владимир, Старую Рязань, Ярославль, Тверь, Смоленск и другие средневековые города (Коваль, 2019. С. 108). В меньшем объеме, но все же присутствуют на территории Восточной

Европы и сирийские люстры как домонгольского, так и ордынского времени.

Другой не менее известный тип кашинной посуды, а именно керамика с росписью в технике минаи — очень редкий элемент в археологических комплексах средневековья. Ввиду своей яркости и своеобразия она более всего привлекала внимание коллекционеров XIX–XX вв., поэтому большая часть находок такой посуды приходится на частные коллекции, лишь малая доля которых пока введена в научный оборот и поддается датировке. Относительно известных коллекций — наибольшее число публикаций приходится на искусствоведческие работы, а в среде археологов ввиду немногочисленности таких находок, имеющих археологический контекст, публикации керамики минаи очень редки.

Термин “минаи” появился в кругах коллекционеров XIX в. применительно к посуде с заглазированной поливой и надглазурной росписью многоцветными эмалевыми красками и золотой фольгой. Э.К. Кверфельдт ставил в один ряд кашинную посуду с росписью минаи и сирийскую и египетскую стеклянную посуду с росписью разноцветными эмалями и позолотой (Кверфельдт, 1947. С. 69, 70). Этим термином называется своеобразная техника росписи сосудов, которая (подобно люстровой росписи “миниатюрного стиля”) применялась для нанесения на глазурованные сосуды сюжетных изображений, связанных с книжными миниатюрами, искусство которых процветало в то время в Персии. Начало производства сосудов с росписью в технике минаи исследователи относят к домонгольскому Ирану. Самый ранний сосуд минаи с написанной на нем датой изготовления расшифровывается 576 г.х. или 1180 г. (Watson, 2005. P. 363). С территории Древней Руси известно 23 обломка керамики минаи домонгольского и ордынского времени (Коваль, 2010. С. 51). Из раскопок Биляра — лишь четыре фрагмента сосудов минаи (Валиулина, 1998. С. 190–194). В домонгольском Нижнем Поволжье найдено всего два обломка сосудов, украшенных в подобной технике (Болдырева, 2016. С. 132). В золотоордынских городах Нижнего Поволжья такая керамика единична. Вариация минаи — ладжвардина, она имеет схожую колористическую гамму росписи, выполненную также поверх глазурного покрытия, но фон всегда темного ультрамариново-синего оттенка.

Еще одна известная группа кашинных сосудов, существовавшая и в домонгольское, и в ордынское время, — сосуды и открытого, и закрытого типов, украшенные в технике “рисового

зерна” или “grain de riz”, “rice grain technique” (рис. 2, 3, 4). Согласно историографической традиции своеобразная технология нанесения этого декора зародилась в Китае, где отверстия формировались при помощи зерен риса, которые выгорали при обжиге и оставляли отверстия в стенках сосудов. После обжига отверстия “затягивались” поливой и представляли собой тонкую пленку из глазури, сквозь которую был виден дневной свет. При заполнении сосуда жидкостью просверленные отверстия приобретали цвет жидкости и дополнительно оконтуривали рисунок на поверхности. Сосуды, украшенные в такой технике, изготовлены на высочайшем технологическом уровне, с мельчайшей проработкой деталей. Известно всего несколько экземпляров этой керамики в домонгольском Нижнем Поволжье (Болдырева, 2016. С. 137). На территории Руси они зафиксированы в Киеве, Суздале и Старой Рязани, где им приписывается иранское или сирийское происхождение (Коваль, 2010. С. 67). В целом можно предполагать, что сосуды такого типа производились одновременно в разных центрах Ближнего Востока с конца XII или начала XIII в. (Watson, 2005. Cat. L. 19–22; Persian Ceramics..., 2006. P. 84, 88–91, 175). Технология продолжила существовать и в золотоордынских городах Нижнего Поволжья.

Самой массовой группой кашинной керамики, пик изготовления которой приходится на конец XII–XIV в., была посуда с подглазурной росписью синим, черным, зеленым красителем под бесцветной или голубовато-синей глазурью и ординарная посуда без дополнительного декора. Разные типы такой посуды производились на территории Среднего (Иран) и Ближнего (Сирия) Востока (Коваль, 2010. С. 192; Голофаст, 2020. С. 148, 149). Керамика иранского происхождения распространялась в Восточной Европе в основном по Волжскому торговому пути и через Волжскую Булгарию попадала на территорию Древней Руси. Ареал сирийской продукции был сосредоточен преимущественно на территории как самой Сирии, так и Израиля, Иордании, Ливана и Египта (Голофаст, 2020. С. 148). Нередко сложно разделить сирийские и иранские кашины.

В золотоордынское время в столичных городах Нижнего Поволжья развивается собственное производство такой керамики, но она имеет ряд важных технологических отличий от доордынской. Сосуды домонгольского времени отличаются лучшим качеством, они более тонкостенны, кашин имеет плотную твердую структуру, рисунок выполнен с мельчайшей проработкой деталей. Кашинные сосуды и изделия, изготовленные

в золотоордынское время худшего качества, несмотря на большее разнообразие в декоративном оформлении поверхности. В декоре, преобладавшем в Золотой Орде в совершенно иной, свой стиль, прослеживаются в разной степени влияния Средней Азии, Ирана, Ближнего Востока, Китая. Причем на начальном этапе, когда в золотоордынских городах Нижнего Поволжья еще не было развито собственное производство кашинной керамики, да и сами города находились еще на стадии строительства, еще известны импорты кашинных сосудов. Их можно отнести к концу айюбидского периода и приписывать им сирийское происхождение на основе близких аналогий в керамике Ракки (Jenkins-Madina, 2006. P. 84–86, W88–93; 159–161, MMA44–46). Впоследствии ближневосточная кашинная керамика практически полностью исчезает в восточноевропейской части современной России, уступая место золотоордынскому керамическому производству на Нижней Волге. Там кашинная керамика была настолько популярна, что ее концентрация по отношению к поливной красноглиняной или белоглиняной порой достигала 70%. Она известна во многих средневековых русских городах и поступала туда как экономическим, так и неэкономическим путем.

Географический и хронологический диапазоны источников импортов поливной посуды, попадавшей в регионы Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья, значительны, выделяют определенные хронологические этапы. На первом этапе появляется светлоглиняная константинопольская посуда (GWW I), существовавшая с VII до начала IX в. Несмотря на ее широкое распространение на византийских землях, в границах территории исследования она известна только в прибрежных городах Северного Причерноморья. Более поздние типы этой группы посуды (GWW II–V, начало IX – начало XIII в.) выходят за границы Северного Причерноморья и достигают Новгорода и Швеции в единичных экземплярах. Также в небольшом количестве на памятниках Русской равнины представлена полихромная белоглиняная византийская керамика. Небольшое количество этой посуды именно византийского происхождения скорее связано с христианскими паломниками, которые привозили ее в качестве сувениров или церковной утвари. Одно из косвенных подтверждений – обнаружение ее в древнерусских слоях ключевых торговых и военно-политических центров того времени (Великий Новгород, Гнездово, Киев и др.), расположенных на Днепровском торговом пути.

В Нижнем Поволжье глазурованная посуда появляется не ранее середины—конца IX — начала X в. Здесь на настоящий момент в домонгольских памятниках ранняя византийская посуда не выявлена. Основным источником импорта в Нижнее Поволжье выступают земли Мавераннахра и Среднего Востока. Причем на начальном этапе эта привозная посуда также не выходит за границы Нижнего Поволжья.

В XI в. объем и типы византийской поливной посуды в Северном Причерноморье увеличиваются незначительно (Коваль, 2010. С. 188, 189). В Нижнем Поволжье ситуация меняется — регион оказывается под большим влиянием Северо-Восточного Кавказа, Закавказья и Среднего Востока (преимущественно Ирана). С этих территорий на Нижнюю Волгу попадают изделия сари и красноглиняная керамика с росписью сграффито по белому ангобу под зеленой, желтой или бесцветной глазурью. Затем они по Волжскому пути достигают южных границ Волжской Булгарии. Схожая по технологии исполнения декора посуда известна в это время и во многих центрах производства Восточного Средиземноморья. Границ Древней Руси она достигает к XII в.

Во второй половине — конце XII в. во многих керамических центрах Ближнего и Среднего Востока развивается производство кашинной глазурованной посуды. Главным источником импорта такой керамики выступают персидские земли, причем преобладали сосуды с территории домонгольского Ирана. В меньшем объеме привозилась восточная кашинная посуда сирийского или египетского производства. Основным торговым каналом для этой разнообразной группы посуды выступает Нижнее Поволжье как ключевой торгово-перевалочный маршрут на Волжском пути.

С наступлением золотоордынской эпохи (конец XIII—XIV в.) меняется политическая и экономическая обстановка в южных регионах Восточной Европы. В Нижнем Поволжье впервые появляется византийская поливная посуда (Болдырева, 2016. С. 53). В Северном Причерноморье происходит расцвет производства поливной керамики и ее активное распространение в лесную зону Восточной Европы (Коваль, 2010. С. 193). В Нижнем Поволжье сохраняются импорты из Закавказья, Ирана и Сирии, которые также фиксируются в Причерноморье и Приазовье, но в гораздо меньшем объеме. Затем, с развитием золотоордынского керамического производства, поливная посуда из Золотой Орды проникает практически на все территории средневековой Руси и используется

как в церковном обиходе, так и в быту зажиточного населения того времени.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40075.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Византийский Иерихон. Раскопки спустя столетие. М.: Индрик, 2016. 500 с.
- Болдырева Е.М. Поливная керамика Нижнего Поволжья в X — 1-й пол. XIV в. (по материалам Самосдельского городища): дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 250 с.
- Брусенко Л.Г. Глазурованная керамика Чача IX—XII вв. Ташкент: Фан, 1986. 89 с.
- Валиулина С.И. “Минаи” Билярского городища // Аспекты гуманитарных исследований. Казань: Татарский гос. гуманитар. ин-т, 1998. С. 190—194.
- Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. — начало XIII в. н.э.). М.: Восточная литература, 2001. 175 с.
- Вишневская Н.Ю. Глазурованная керамика Средней Азии конца VIII — начала XIII века в собрании Государственного музея Востока. М.: Гос. музей Востока, 2018. 155 с.
- Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001 (Archaeologica Petropolitana; XI). 216 с.
- Голофаст Л.А. Новые находки посуды группы Glazed White Ware I в Херсонесе // Stratum plus. 2013. № 4. С. 269—274.
- Голофаст Л.А. Поливная керамика из слоев хазарского времени в Фанагории // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4 (58). С. 195—206.
- Голофаст Л.А. Керамика Иерихона позднеантичного и средневекового периодов (V—XV вв.): справочник-определитель. М.: Индрик, 2020. 158 с.
- Зиливинская Э.Д., Селезнев А.Б., Таймазов А.И. Раскопки общественного здания в припортовой части Дербента в 2014 г. // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Грозный: Чеченский гос. университет, 2016. С. 220—222.
- Ильясов Дж.Я., Ильясова С.Р. Чаша, ИМ/К-99 // Классическое искусство исламского мира IX—XIX веков. Деяносто девять имен Всевышнего: каталог выставки / Сост. Г. Ласикова; науч. ред. Т. Анисеева, О. Ястребова. М.: Изд. дом Марджани, 2013. С. 100—101.
- Кафадарян К.Г. Город Двин и его раскопки. Т. II. Ереван: Изд-во Акад. наук Армянской ССР, 1982. 163 с.
- Кверфельдт Э.К. Керамика Ближнего Востока. Л.: Гос. Эрмитаж, 1947. 145 с.

- Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Деяносто девять имен Всевышнего: каталог выставки / Сост. Г. Ласикова; науч. ред. Т. Аникеева, О. Ястребова. М.: Изд. дом Марджани, 2013. 432 с.
- Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 270 с.
- Коваль В.Ю. Персидская художественная керамика в Восточной Европе // Азак и мир вокруг него: материалы Междунар. науч. конф. Азов: Азовский музей-заповедник, 2019 (Донские древности; 12). С. 107–109.
- Сайко Э.В. Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982. 212 с.
- Смокотина А.В. Византийская поливная керамика VII – первой половины IX в. из раскопок Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. X. Симферополь, 2003. С. 172–181.
- Шишкина Г.В. Ремесленная продукция средневекового Согда. Ташкент: Фан, 1986. 144 с.
- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 164 с.
- Caiger-Smith A. Lustre pottery: technique, tradition and innovation in Islam and the Western world. London; Boston: Faber & Faber, 1985. 246 p.
- Hayes J.W. A Seventh-century Pottery Group // *Dumbarton Oaks Papers*. 1968. 22. P. 203–216.
- Hobson R.L. A Guide to the Islamic pottery of the Near East. London: British museum, 1932. 104 p.
- Islamic pottery from the ninth to the fourteenth centuries A.D. (third to eighth centuries A.H.) in the collection of Sir Eldred Hitchcock / With introduction by Arthur Lane. London: Faber & Faber, 1956. 36 p.
- Jenkins-Madina M. Raqqa revisited: ceramics of Ayyubid Syria. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2006. 247 p.
- Lane A. Early Islamic pottery. London: Faber & Faber, 1958. 64 p.
- Pancaroglu O. Perpetual Glory: Medieval Islamic Ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection. Chicago: The Art Institute of Chicago, 2007. 160 p.
- Persian Ceramics. From the 9th to the 14th century / Ed. G. Curatola. Milano: Skira Editore, 2006. 183 p.
- Pope A.U. A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Vol. II. London: Oxford University Press, 1939. С. 897–1807.
- The British Museum. Collection [Электронный ресурс]. URL: <https://www.britishmuseum.org/collection> (дата обращения: 25.05.2021).
- Vroom J. Byzantine to modern pottery in the Aegean. Brepols: Brepols Publishers, 2006. 224 p.
- Walton M.S., Tite M.S. Production technology of Roman lead-glazed pottery and its continuance into late Antiquity // *Archaeometry*. 2010. Vol. 52, iss. 5. P. 733–759.
- Watson O. Ceramic from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-saban collection. London: Thames & Hudson, 2005. 512 p.
- Wilkinson C.K. Nishapur: Pottery of the early Islamic period. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1973. 374 p.

GLAZED POTTERY OF ORIENTAL ORIGIN IN THE SOUTH OF EASTERN EUROPE. MAIN TYPES AND SOURCES OF SUPPLY

Ekaterina M. Boldyreva

The State Historical Museum, Moscow, Russia

E-mail: embold@mail.ru

The article focuses on the analysis of glazed ware imported into the southern regions of Russia from the Early Middle Ages to the Golden Horde period. The author studied most common types of glazed ware and their sources. In order to compare, the paper considers the groups of ware brought to the Pontic and the Volga River regions. From the 7th century, vessels produced in Constantinople appeared in the northern Pontic region. Various groups of Byzantine pottery were recorded there till the beginning of the Golden Horde period. In the Caspian region, glazed ware appeared not earlier than the middle-late 9th – early 10th century coming there from Central Asia and the Middle East. In the 11th century, there were no significant changes in the sources and number of imported products in the Pontic, while the Volga River region falls under the influence of the North-Eastern Caucasus, Transcaucasia and the Middle East (mainly Iran). In the second half – end of the 12th century, the Volga region was becoming one of the key areas in the trade of kashi ware of Middle Eastern origin. In the 14th century, Byzantine ware first appeared there. The same period was marked with the rise in local pottery production in the Pontic and Azov littoral which contributed to the spread of these products throughout Eastern Europe.

Keywords: glazed pottery, kashi, import, trade, Byzantium, Khazar Khaganate, Rus, Golden Horde.

REFERENCES

- Belyaev L.A., 2016. Vizantiyskiy Ierikhon. Raskopki spustya stoletie [Byzantine Jericho. Excavations one century later]. Moscow: Indrik. 500 p.
- Boldyreva E.M., 2016. Polivnaya keramika Nizhnego Povolzh'ya v X–I-y pol. XIV v. (po materialam Samosdel'skogo gorodishcha): dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Glazed pottery of the Lower Volga region in the 10th – first half of the 14th century (based on materials from the Samosdelka fortified settlement): a Thesis for a Candidate Degree in History]. Moscow. 250 p.
- Brusenko L.G., 1986. Glazurovannaya keramika Chacha IX–XII vv. [Glazed pottery of Chach of the 9th–12th centuries]. Tashkent: Fan. 89 p.
- Caiger-Smith A., 1985. Lustre pottery: technique, tradition and innovation in Islam and the Western world. London; Boston: Faber & Faber. 246 p.
- Galibin V.A., 2001. Sostav stekla kak arkheologicheskii istochnik [Glass composition as an archaeological source]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 216 p. (Archaeologica Petropolitana, XI).
- Golofast L.A., 2013. New finds of Glazed White Ware I from Chersonesos. *Stratum plus*, 4, pp. 269–274. (In Russ.)
- Golofast L.A., 2017. Glazed pottery from the Khazar layers at Phanagoria. *Problemy istorii, filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]*, 4 (58), pp. 195–206. (In Russ.)
- Golofast L.A., 2020. Keramika Ierikhona pozdneantichnogo i srednevekovogo periodov (V–XV vv.): spravochnik-opredelitel' [Jericho pottery of the late antiquity and medieval periods (5th–15th centuries): identification guide]. Moscow: Indrik. 158 p.
- Hayes J.W., 1968. A Seventh-century Pottery Group. *Dumbarton Oaks Papers*, 22, pp. 203–216.
- Hobson R.L., 1932. A Guide to the Islamic pottery of the Near East. London: British museum. 104 p.
- Il'yasov Dzh.Ya., Il'yasova S.R., 2013. Bowl, IM/K-99. *Klassicheskoe iskusstvo islamskogo mira IX–XIX vekov. Devyanosto devyat' imen Vsevyshnego: katalog vystavki [Classical art of the Islamic world of the 9th–19th centuries. Ninety-nine names of the Most High: exhibition catalogue]*. G. Lasikova, comp., T. Anikeeva, O. Yastrebova, eds. Moscow: Izdatel'skiy dom Mardzhani, pp. 100–101. (In Russ.)
- Islamic pottery from the ninth to the fourteenth centuries A.D. (third to eighth centuries A.H.) in the collection of Sir Eldred Hitchcock. Arthur Lane, ed. London: Faber & Faber, 1956. 36 p.
- Jenkins-Madina M., 2006. Raqqa revisited: ceramics of Ayyubid Syria. New York: The Metropolitan Museum of Art. 247 p.
- Kafadaryan K.G., 1982. Gorod Dvin i ego raskopki [The city of Dvin and its excavations], II. Erevan: Izdatel'stvo Akademiiyay nauk Armyanskoy SSR. 163 p.
- Klassicheskoe iskusstvo islamskogo mira IX–XIX vekov. Devyanosto devyat' imen Vsevyshnego: katalog vystavki [Classical art of the Islamic world of the 9th–19th centuries. Ninety-nine names of the Most High: exhibition catalogue]. G. Lasikova, comp., T. Anikeeva, O. Yastrebova, eds. Moscow: Izdatel'skiy dom Mardzhani, 2013. 432 p.
- Koval V.Yu., 2010. Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII vv. [Ceramics from the Orient in Russia. 9th–17th centuries]. Moscow: Nauka. 270 p.
- Koval V.Yu., 2019. Persian artware in Eastern Europe. *Azak i mir vokrug nego: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. [Azak and the world around it: Proceedings of the International scientific conference]*. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, pp. 107–109. (Donskie drevnosti, 12). (In Russ.)
- Kverfel'dt E.K., 1947. Keramika Blizhnego Vostoka [Pottery of the Middle East]. Leningrad: Gosudarstvennyy Ermitazh. 145 p.
- Lane A., 1958. Early Islamic pottery. London: Faber & Faber. 64 p.
- Pancaroglu O., 2007. Perpetual Glory: Medieval Islamic Ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection. Chicago: The Art Institute of Chicago. 160 p.
- Persian Ceramics. From the 9th to the 14th century. G. Curatola, ed. Milano: Skira Editore, 2006. 183 p.
- Pope A.U., 1939. A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present, II. London: Oxford University Press, pp. 897–1807.
- Sayko E.V., 1982. Tekhnika i tekhnologiya keramicheskogo proizvodstva Sredney Azii v istoricheskom razvitiy [Methods and technology of ceramic production in Central Asia in development]. Moscow: Nauka. 212 p.
- Shishkina G.V., 1986. Remeslennaya produktsiya srednevekovogo Sogda [Handicraft products of the medieval Sogd]. Tashkent: Fan. 144 p.
- Smokotina A.V., 2003. Byzantine glazed ceramics of the 7th – first half of the 9th century from the excavations of Mangup. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on the archaeology, history and ethnography of Taurida]*, X. Simferopol', pp. 172–181. (In Russ.)
- The British Museum. Collection (Electronic resource). URL: <https://www.britishmuseum.org/collection>
- Valiulina S.I., 1998. "Minai" ware of the Bilyar fortified settlement. *Aspekty gumanitarnykh issledovaniy [Aspects of research in humanities]*. Kazan': Tatarskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy institut, pp. 190–194. (In Russ.)
- Vishnevskaya N.Yu., 2001. Remeslennye izdeliya Dzhiherbenta (IV v. do n.e. – nachalo XIII v. n.e.) [Handicraft products of Jigarband (the 4th century BC – early 13th century AD)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 175 p.

- Vishnevskaya N.Yu.*, 2018. Glazurovannaya keramika Sredney Azii kontsa VIII — nachala XIII veka v sobranii Gosudarstvennogo muzeya Vostoka [Glazed pottery from Central Asia of the late 8th — early 13th century in the collection of the State Museum of Oriental Art]. Moscow: Gosudarstvennyy muzey Vostoka. 155 p.
- Vroom J.*, 2006. Byzantine to modern pottery in the Aegean. Brepols: Brepols Publishers. 224 p.
- Walton M.S., Tite M.S.*, 2010. Production technology of Roman lead-glazed pottery and its continuance into late Antiquity. *Archaeometry*, vol. 52, iss. 5, pp. 733–759.
- Watson O.*, 2005. Ceramic from the Islamic lands. Kuwait national museum. The al-saban collection. London: Thames & Hudson. 512 p.
- Wilkinson C.K.*, 1973. Nishapur: Pottery of the early Islamic period. New York: The Metropolitan Museum of Art. 374 p.
- Yakobson A.L.*, 1979. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoy Tavriki [Ceramics and ceramic industry of the medieval Taurica]. Leningrad: Nauka. 164 p.
- Zilivinskaya E.D., Seleznev A.B., Taymazov A.I.*, 2016. Excavations of a public structure in the port area of Derbent in 2014. *Izucheniye i sokhraneniye arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Study and preservation of the archaeological heritage of the peoples of the Caucasus. XXIX Krupnov Readings: Proceedings of the International scientific conference]. Groznyy: Chechenskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 220–222. (In Russ.)

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

© 2021 г. В.И. Завьялов*, Н.Н. Терехова**

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: v_zavyalov@list.ru

**E-mail: nnterekhova33@mail.ru

Поступила в редакцию 12.02.2021 г.

Полноценную характеристику производственной культуры Древней Руси невозможно получить без исследования роли сельского ремесла. Большой интерес представляет изучение вектора развития сельского кузнечного ремесла, в частности, насколько этот вектор отражает динамику развития ремесла городского. Установлено, что сельские мастера не только поставляли сырье в городские ремесленные центры и производили простую в технологическом отношении продукцию, но и воспринимали технологические инновации. Накопленные аналитические данные позволяют говорить о совпадении динамики развития городского и сельского ремесла. Сравнительный анализ проводится по такой категории предметов, как ножи, представляющей одну из наиболее многочисленных групп железного инвентаря. В статье показана сложная картина хронологического распределения технологических схем изготовления ножей на сельских памятниках. Делается вывод о том, что древнерусское сельское кузнечное ремесло находилось в постоянном развитии.

Ключевые слова: сельское кузнечное ремесло, археометаллография, технологическая схема, хронологический период.

DOI: 10.31857/S086960630013828-9

Многолетние исследования древнерусского кузнечного ремесла позволили обосновать вывод о высоком технологическом уровне и поступательном развитии производства на протяжении длительного времени. Древнерусская модель технологического развития оказалась настолько устойчивой, что даже такие негативные факторы, как татаро-монгольское нашествие и княжеские междоусобицы, не оказали на эту модель существенного воздействия (Завьялов, Терехова, 2017а).

Этот вывод сделан в результате археометаллографического исследования кузнечной продукции из городских ремесленных центров — Новгорода, Пскова, Ростова, Суздаля, Твери (Вознесенская, 1996; Колчин, 1959; Завьялов, Розанова, 1990, 1992; Завьялов и др., 2007, 2012; Розанова, 1997; Розанова, Терехова, 2001). Однако, как известно, основную часть народонаселения феодального государства составляло сельское население. Исходя из этого, получить полноценную характеристику производственной культуры Древней Руси невозможно без изучения роли сельского ремесла.

Изучая историю сельского кузнечного ремесла, нельзя не остановиться на проблеме вектора его развития, в частности, насколько это развитие отражает динамику ремесла городского. Благодаря

работам Б.А. Колчина (1959; 1985) в истории развития древнерусского городского кузнечного производства выделяется несколько хронологических этапов, в каждый из которых преобладала определенная технологическая схема. Так, до середины XII в. характерной особенностью железообработки городских ремесленных центров было доминирование технологии трехслойного пакета, а со второй половины этого столетия лидирующее положение заняла технология наварки стального лезвия (Колчин, 1959. С. 53, 54; Завьялов, Терехова, 2017б. С. 138).

Накопленные к настоящему времени аналитические данные позволяют говорить о совпадении динамики развития городского и сельского ремесла.

В предыдущих работах нами был сделан важный вывод о том, что сельское ремесленное производство представляло собой гораздо более сложное явление, чем виделось ранее. Сельские мастера не только поставляли сырье в городские ремесленные центры и производили простую в технологическом отношении продукцию, но и воспринимали технологические инновации (Завьялов, Терехова, 2020, 2021). В связи с этим значительную часть кузнечной продукции, особенно на памятниках, где документировано наличие

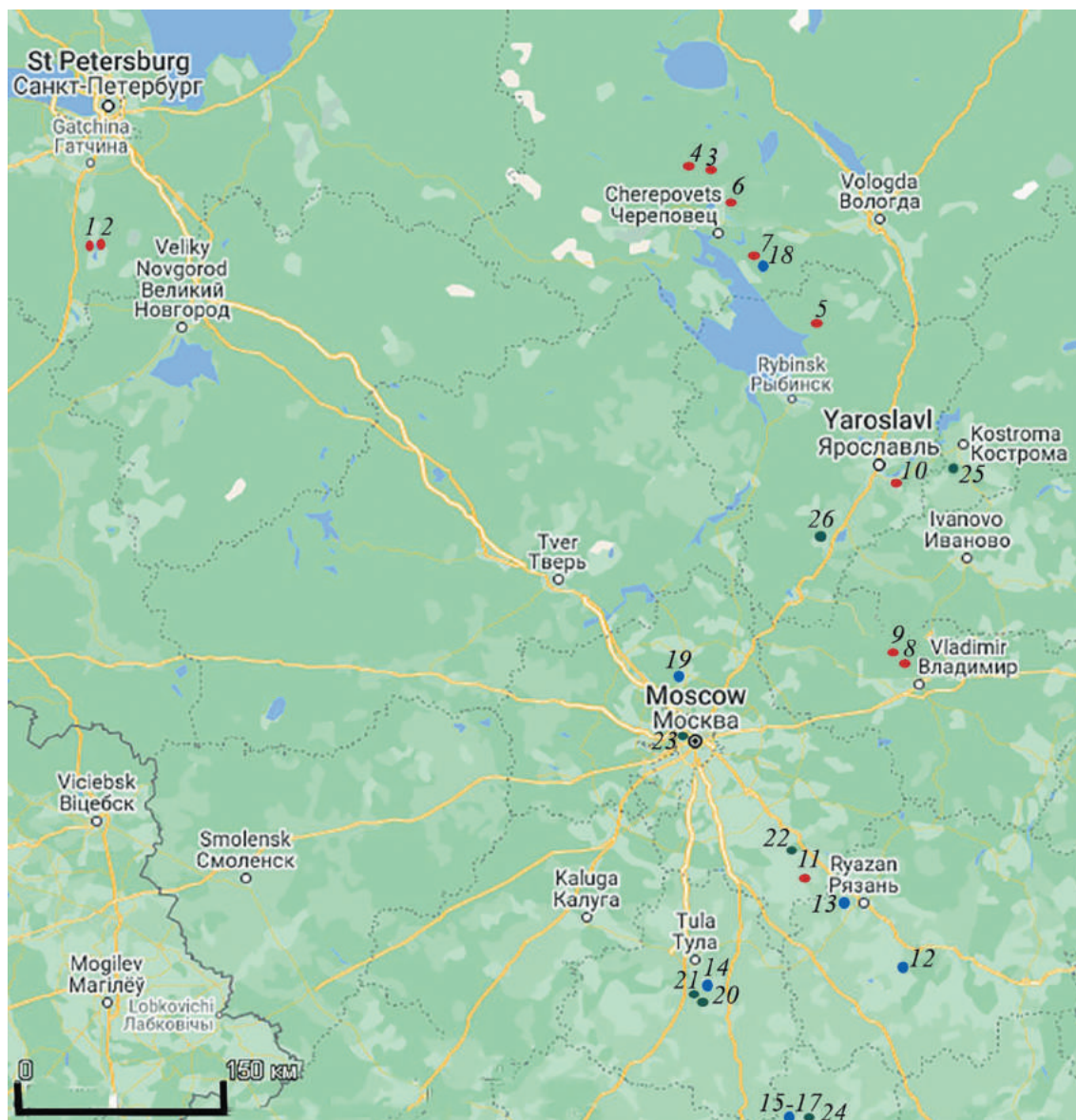

Рис. 1. Карта расположения селищ, металлографические анализы кузнечных изделий которых использованы в статье. Селища X–XII вв. (1–11, красные точки); XII–XIII вв. (12–19, синие точки); XIII–XV вв. (20–26, темно-зеленые точки). 1 – Удрай; 2 – Передольский погост; 3 – Луковец; 4 – Кривец; 5 – Телешово; 6 – Андриюшино-Ирма; 7 – Минино 5; 8 – Васильковское; 9 – Гнездилово; 10 – Введенское; 11 – Сосновка IV; 12 – Истье 2; 13 – Дураково; 14 – Куликовка 4; 15 – Казинка; 16 – Замятино 10; 17 – Крутогорье; 18 – Минино 4; 19 – Степаново 2; 20 – Грязново 2; 21 – Бучалки; 22 – Настасьино; 23 – Мякинино II; 24 – Каменное; 25 – Тетеринское; 26 – Троицкое.

Fig. 1. Map of the location of settlements where forged products under metallographic analysis in the article were found. Settlements of the 10th–12th centuries (1–11, red dots); 12th–13th centuries (12–19, blue dots); 13th–15th centuries (20–26, dark green dots)

металлургических мастерских, можно считать продукцией сельских мастеров. В вопросе определения местного производства артефактов в ранний период (X–XII вв.) большое значение имеет разработанная нами концепция “двух вариантов” технологии трехслойного пакета: “североевропейский” и “восточноевропейский” (Завьялов и др., 2012. С. 18). Напомним, что первый вариант подразумевает стандартизированный подход к производству кузнечных изделий и свидетельствует

или о попадании таких предметов вместе с владельцем, или об изготовлении на месте носителем производственных традиций, или об импорте. Второй вариант трехслойной технологии характеризуется отступлением от стандарта (Завьялов и др., 2012. С. 37–53). Этот вариант отражает процесс освоения местными кузнецами технологической инновации.

В настоящее время накоплена значительная база аналитических данных по кузнечным

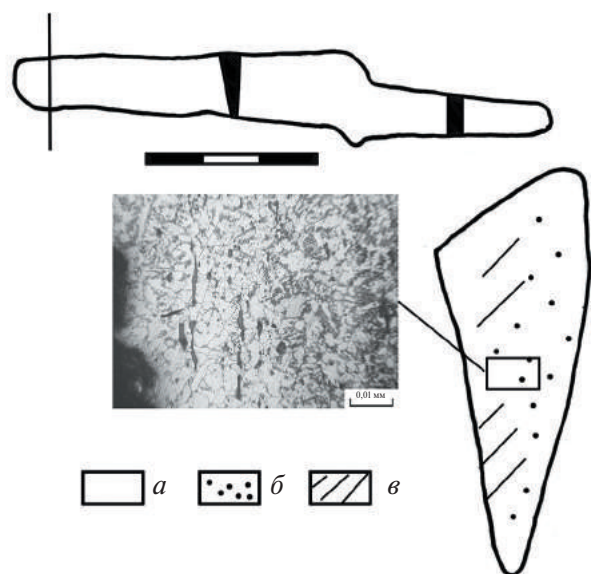

Рис. 2. Нож, откованный из сырцової стали: технологическая схема и фотография микроструктуры. Степаново 2, ан. 11663. Условные обозначения (рис. 2–6): а – железо; б – сталь; в – термообработанная сталь.

Fig. 2. A knife forged from weld-steel: technological scheme and a photograph of the microstructure. Stepanovo 2, exam. No. 11663

изделиям из сельских памятников Древней Руси. В целом она составляет около 2000 анализов. К сожалению, далеко не все коллекции, которые исследованы с применением металлографического метода, имеют узкую датировку. В связи с этим материалы памятников с широкой датировкой не могут быть использованы для анализа динамики развития кузнечного производства.

В статье приводятся результаты исследования аналитических данных из памятников Шекснинского, Окского и Москворецкого бассейнов, Новгородской земли, Суздальского Ополя, Верхнего Дона, обработанные по единой методике (Завьялов, Терехова, 2013. С. 31–34). Сравнительный анализ проводится по такой категории, как ножи, представляющей одну из наиболее многочисленных групп железного инвентаря, при изготовлении которой применялся весь известный набор технологических схем.

Рассмотрим имеющиеся в нашем распоряжении материалы по условным хронологическим периодам: “раннегосударственный” – X–XII вв., “домонгольский” – XII–XIII вв., “золотоордынский” – XIII–XV вв. (рис. 1).

Раннегосударственный период представлен такими памятниками, как Удрай, Передольский погост, Луковец, Кривец, Телешово, Андрюшино-Ирма, Минино 5, Васильковское селище, Гнездилово, Введенское, Сосновка IV. Для этого периода отобрано 263 анализа.

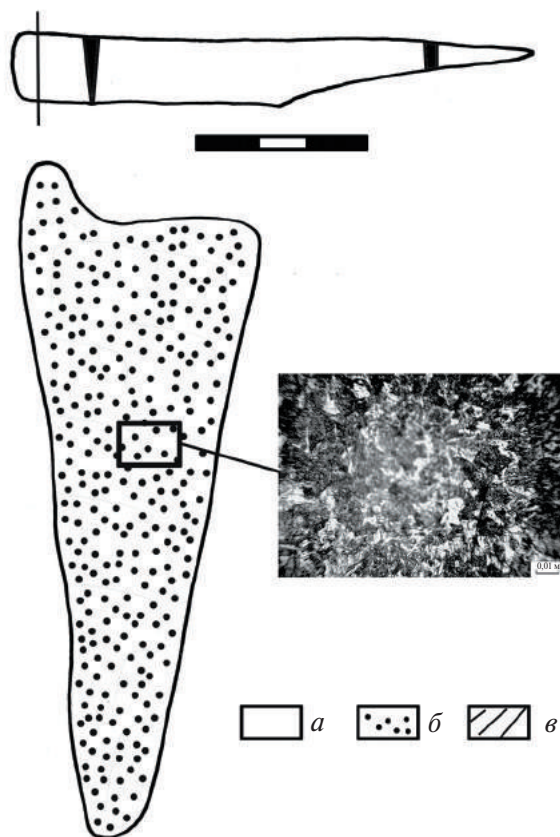

Рис. 3. Нож, откованный из специально полученной (цементованной) стали: технологическая схема и фотография микроструктуры. Сосновка IV, ан. 12051.

Fig. 3. Knife forged from specially processed (case-hardened) steel: technological scheme and a photograph of the microstructure. Sosnovka IV, exam. No. 12051

Домонгольский период представлен селищами Истье 2, Дураково, Куликовка 4, Казинка, Замятино 10, Крутогорье, Минино 4, Степаново 2. Всего использовано 190 анализов.

Золотоордынский – Грязново 2, Бучалки, Настасьино, Мякинино 2, Каменное, Тетеринское, Троицкое. Коллекция из этих памятников составляет 173 анализа.

Для выявления динамики развития древнерусского сельского кузнечного ремесла нами проведен сравнительный анализ по следующим технологическим группам. 1. Цельнометаллические ножи. В эту группу включены изделия, откованные из железа или сырцової неравномерно науглероженной стали – непосредственного продукта металлургического процесса (рис. 2). Из операций по улучшению рабочих качеств орудия в тех случаях, когда содержание углерода в стали было сравнительно высоким (выше 0.2%), использовалась термообработка (как правило, резкая закалка). 2. Ножи, откованные

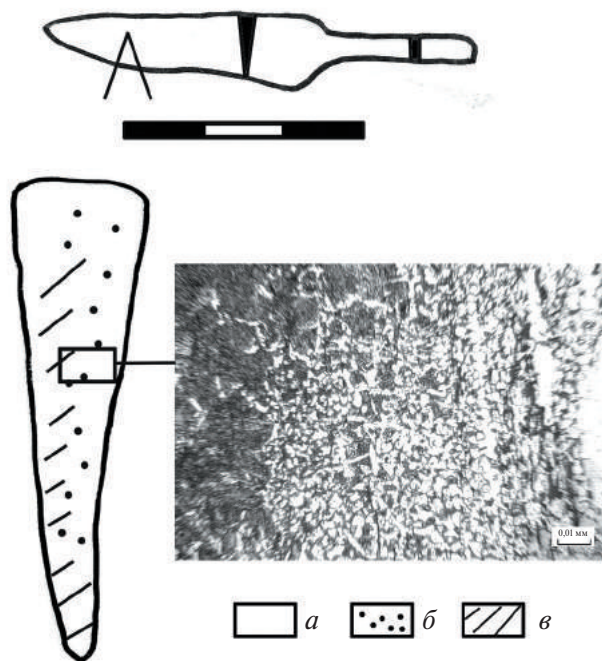

Рис. 4. Нож с цементованным лезвием: технологическая схема и фотография микроструктуры. Истье 2, ан. 12191.

Fig. 4. Knife with a cemented blade: technological scheme and a photograph of the microstructure. Istye 2, exam. No. 12191

из цементованной (специально полученной) стали (рис. 3). Эти орудия обладали более высокими качествами, чем цельнометаллические. Но цементованная сталь была сравнительно дорога, поскольку ее производство требовало ряда дополнительных операций. 3. Цементация (науглероживание) готового изделия (рис. 4). Эта технологическая схема позволяла получать твердое стальное лезвие при сохранении вязкой железной основы. Существенным недостатком цементации было то, что она требовала значительных временных затрат (на получение 1 мм стали требуется несколько часов выдерживать заготовку в углеродосодержащей среде при высокой температуре) и большого расхода топлива. Именно поэтому цементация не получила распространения в древнерусском городском кузнечном ремесле (в Новгороде зафиксировано 2% цементированных изделий, в Пскове — 1.3%, в Белоозере — 6%, в Старой Рязани — 5%).

4. К сложным схемам, связанным с технологической сваркой, относится трехслойный пакет (рис. 5). Такая технология предполагает сварку заготовки из трех полос: стальной в центре и двух железных по краям. По мнению Б.А. Колчина, с технической точки зрения это наиболее целесообразная технология при производстве клинков, придававшая орудия наибольшую вязкость,

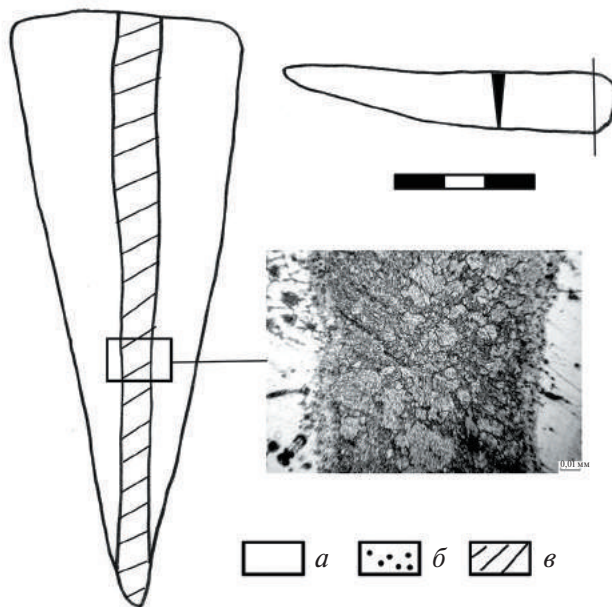

Рис. 5. Нож, изготовленный по схеме трехслойного пакета: технологическая схема и фотография микроструктуры. Сосновка IV, ан. 11612.

Fig. 5. Knife made with three-fold welding technology: technological scheme and a photograph of the microstructure. Sosnovka IV, exam. No. 11612

упругость и высокую твердость стального закаленного лезвия (1953. С. 75). В эту же группу включены и артефакты, изготовленные по схемам варки и пятислойного пакета, поскольку они являются разновидностями трехслойного пакета. 5. Другую группу схем, основанных на технологической сварке, представляет группа наварных технологий (торцовая, косая и V-образная наварки). Наварка в отличие от трехслойного пакета представляет принципиально иной конструктивный подход. По этой схеме стальное лезвие изделия накладывается на железную основу, т.е. сварной шов проходит не вдоль, а поперек клинка (рис. 6).

Рассмотрим изменение соотношения этих групп во времени (рис. 7). Цельнометаллические ножи представляют наиболее многочисленную группу во втором и третьем хронологических периодах. В X–XII вв. такие орудия заметно уступают ножам с трехслойными клинками. В этом можно видеть сильное влияние, которое оказывала инновационная технология в период становления древнерусского ремесла. Следует отметить, что в группе цельнометаллических ножей основную долю составляли ножи, откованные из сырцово́й (неравномерно науглероженной) стали: в X–XII вв. их доля среди цельнометаллических предметов составляла 62%, а в последующее время

достигала 75%. Если же учесть, что среди железных ножей могли находиться ножи, утратившие наваренное лезвие, то доля изделий из сырцово-й стали будет еще значительней. Таким образом, абсолютное большинство цельнометаллических ножей было отковано именно из сырцово-й стали, а железные ножи — редкое исключение. Это наблюдение свидетельствует о высоком мастерстве древнерусских металлургов (а металлургическое производство было сосредоточено именно на сельских поселениях), умевших в зависимости от необходимости получать и чистое железо (например, товарные крицы из Новгорода продемонстрировали структуру феррита), и сырцовую сталь. Около половины ножей из сырцово-й стали (49%) были термообработаны — в основном подверглись резкой закалке.

Ножи, откованные из специально полученной цементованной стали, редки во всех хронологических группах. Подобная сталь отличалась равномерным распределением и сравнительно высоким содержанием углерода и имела высокие технические качества. Но, как уже отмечалось, была дорогим сырьем и применялась главным образом для изготовления наварных лезвий или как средняя полоса в трехслойных орудиях. Операцией, повышавшей технические качества орудий этой группы, была термообработка, которая обнаружена на 85% ножей из сельских памятников.

Также немногочисленны ножи, рабочие качества которых улучшены дополнительной цементацией (науглероживанием) лезвия. Доля этой операции возрастает в XII—XIII вв. по сравнению с предыдущим периодом. Поскольку городскими кузнецами технология цементации практически не применялась, а на сельских памятниках такие ножи хотя и малочисленны, но все же в XII—XV вв. составляют 12–15% от всех ножей (против 1–5% в городах), то эту технологическую операцию можно считать характерной именно для сельского кузнечного ремесла. Как и среди ножей, откованных из стальных заготовок, доля термообработанных орудий с цементированными лезвиями высока — 75%.

Особое место в истории древнерусского кузнечного ремесла принадлежит технологии трехслойного пакета. По археологическим и аналитическим материалам, изделия, выполненные в трехслойной технологии, появляются и распространяются на территории Восточной Европы в IX–XI вв. Это было обусловлено активизацией торговли по Балтийско-Волжскому пути. Существенная роль в этом процессе принадлежала скандинавским купцам (Завьялов и др., 2008).

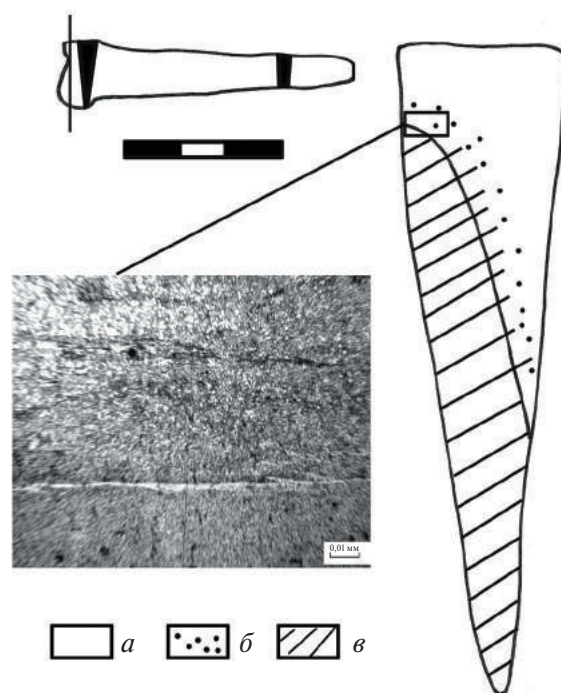

Рис. 6. Нож, изготовленный по схеме косой наварки: технологическая схема и фотография микроструктуры. Истье 2, ан. 12174.

Fig. 6. Knife made with scarf-welding technology: technological scheme and a photograph of the microstructure. Istye 2, exam. No. 12174

Трехслойные ножи зафиксированы на всех сельских поселениях, которые датируются X–XII вв. Как и среди городских материалов, в это время трехслойные орудия из сельских памятников преобладают (их доля доходит на некоторых поселениях до 60%). Интересно отметить, что в Англии в IX–X вв. трехслойные ножи значительно преобладают в городских центрах (Blakelock, McDonnell, 2011; Blackelock, 2016. P. 90).

Есть все основания полагать, что, находясь в контакте с пришлыми мастерами, древнерусские кузнецы воспринимают инновационную технологию. Об этом свидетельствует тот факт, что на территории Древней Руси, наряду с “классическими” трехслойными орудиями, присутствуют ножи, при изготовлении которых наблюдаются отступления от стандарта (“восточноевропейский” вариант) (Завьялов и др., 2012. С. 18). Следует подчеркнуть, что на памятниках, непосредственно вовлеченных в торговлю по Балтийско-Волжскому пути (Кривец, Луковец, Гнездилово), преобладают ножи, изготовленные именно по “классическому” варианту технологии. В этих предметах можно видеть продукцию городских кузнецов и кузнецов из крупных

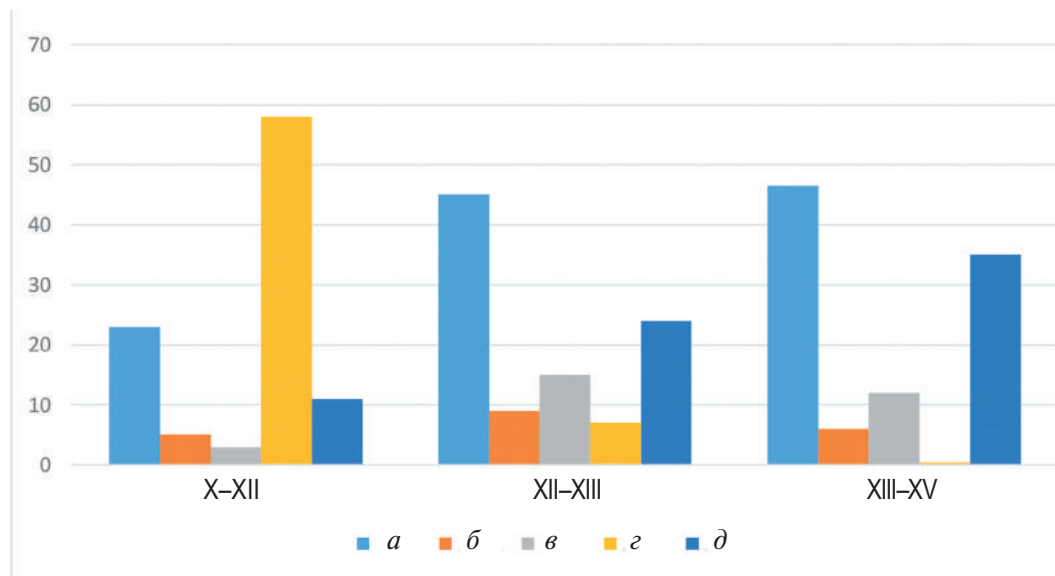

Рис. 7. Диаграмма распределения технологических схем изготовления ножей по хронологическим периодам. Обозначения: *а* — цельнометаллические ножи; *б* — ножи из цементованной стали; *в* — цементация лезвия; *г* — трехслойный пакет; *д* — наварка стального лезвия на железную основу. Вертикальная ось — % от общего количества ножей в хронологическом периоде (века, горизонтальная ось).

Fig. 7. Diagram of the distribution of technological schemes for knives manufacturing by chronological periods

торгово-ремесленных центров. На поселениях, удаленных от основной торговой магистрали, велика доля орудий, изготовленных по “восточно-европейскому” варианту (Сосновка IV). Присутствие на сельских памятниках таких трехслойных орудий — косвенное доказательство возможности их местного производства. Прямое же доказательство использования технологии трехслойного пакета деревенскими кузнецами демонстрирует тот факт, что подобные изделия присутствуют в коллекциях некоторых сельских поселений, датирующихся второй половиной XII—XIV в. (Кидекша, Весь 5, Яковлевское), т.е. временем, когда трехслойная технология исчезает из практики городских кузнецов (Щербаков, 2014. С. 37).

В последующий период (XII—XIII вв.) трехслойные орудия на сельских памятниках встречаются, хотя и значительно реже (их доля составляет 7%). Учитывая присутствие таких предметов на памятниках XII—XIV вв., этот факт указывает на запаздывание в смене технологических приоритетов в среде сельских мастеров.

Технология наварки стального лезвия на железную основу, как неоднократно отмечалось, имеет славянские корни (Завьялов, Терехова, 2017б. С. 135). Уже в предшествующее рассматриваемому периоду время орудия с наварными лезвиями на раннеславянских памятниках представляли заметную часть железного инвентаря. Так, например, на памятниках боршевской археологической

культуры (VIII—X вв.) их доля достигала 18% (Терехова и др., 1997. С. 207). На древнерусских селищах ножи с наварными лезвиями в X—XII вв. составляют немногим более 10%. Но необходимо отметить, что среди городских материалов этого времени они единичны. Можно полагать, что древнеславянскую кузнечную традицию сохраняют именно сельские кузнецы. В последующие периоды количество изделий с наварными лезвиями заметно возрастает: в XII—XIII вв. наварные лезвия имели четверть ножей, происходящих из селищ, а в XIII—XV вв. — уже более трети. Именно технология наварки со второй половины XII в. становится основой древнерусского городского кузнечного ремесла.

Естественно, может возникнуть вопрос, не поступали ли артефакты, выполненные в технологии наварки, из городских центров. Возможность производства подобных изделий именно сельскими мастерами убедительно доказывается находками на селищах кузнечных полуфабрикатов, выполненных в технологии наварки. Они представляют прямоугольные в сечении бруски с наваренной стальной пластиной на железную основу. Подобные полуфабрикаты зафиксированы на поселениях Грязново 2 (Куликово поле) (Завьялов и др., 2007. С. 116, 117), Весь 5, Вишенки 3 (Суздальское Ополье) (Щербаков, 2013).

В группе орудий с наварными стальными лезвиями выделяется три основных варианта:

торцовая, косая и V-образная наварка. Последний вариант во все хронологические периоды представлен единичными экземплярами. Изделия, выполненные в схемах торцовой и косой наварки, в XII–XIII вв. составляют сопоставимые по количеству группы. Но уже в следующем хронологическом периоде (XIII–XV вв.) артефакты с косой наваркой более чем вдвое превышают группу ножей, изготовленных по схеме торцовой наварки. Тенденция перехода от торцовой к косой наварке была отмечена еще Б.А. Колчиным на материалах Новгорода (1959). Таким образом, сделанное нами заключение подтверждает предположение о развитии сельской железообработки в общем русле древнерусского кузнечного ремесла.

Итак, приведенные данные демонстрируют сложную картину хронологического распределения технологических схем изготовления ножей на сельских памятниках. На раннем этапе (X–XII вв.) среди исследованных материалов абсолютно доминируют изделия, изготовленные по инновационной технологии трехслойного пакета. Во многом это объясняется тем, что металлографическому изучению подвергались коллекции из поселений, вовлеченных в трансевропейскую торговлю по Балтийско-Волжскому пути. Но именно эти памятники оказалось возможным датировать в относительно узком хронологическом диапазоне. Трехслойные изделия широко представлены и среди сельских материалов Южной Руси (Автуничи) (Вознесенская, 1999). Однако широкий хронологический диапазон этих поселений (материалы из Автуничей датируются X–XIII вв., т.е. охватывают две выделяемые нами хронологические группы) не позволяет привлекать полученные анализы для статистических сопоставлений.

Отличительная черта сельского кузнечного ремесла в ранний период (наряду с широким распространением изделий в инновационной трехслойной технологии) – сохранение древнеславянских кузнечных традиций, а именно технологии наварки стального лезвия.

В последующий период (XII–XIII вв.) формируются основные черты сельского железообрабатывающего ремесла. Для него характерно преимущественное изготовление изделий из сырьевой стали с их последующей закалкой, существенная доля орудий с наварными стальными лезвиями и относительно широкое применение цементации готового изделия. Эти же черты прослежены и для последующего периода (XIII–XV вв.).

Таким образом, можно констатировать, что древнерусское сельское кузнечное ремесло

находилось в постоянном развитии. Во многом это развитие повторяло тренд городского ремесла, но и имело некоторые особенности, заключавшиеся в преобладании изделий, откованных из металлургического сырья.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 19-18-00144.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вознесенская Г.А. Технология изготовления кузнечных изделий в древнем Пскове // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков: Псковский гос. науч.-исслед. археолог. центр, 1996. С. 219–228.
- Вознесенская Г.А. Технология кузнечного производства на южнорусских сельских поселениях // Археологія. 1999. № 2. С. 117–126.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С. К вопросу о производственной технологии производства ножей в древнем Новгороде // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М.: Новгородская археологическая экспедиция, 1990. С. 154–186.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С. Технологическая характеристика ножей Нутного раскопа // Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992. С. 122–129, 188–190.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак, 2007. 280 с.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Роль Балтийско-Волжского пути в распространении технологических инноваций // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 329–331.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил, 2012. 376 с.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН, 2013. 272 с.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Особенности древнерусской модели кузнечного производства // Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Київ: Laurus, 2017а. С. 129–133.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Взаимодействие славянских и скандинавских традиций в кузнечном ремесле Древней Руси // Stratum plus. 2017б. № 5. С. 133–140.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Ремесленное производство на сельских памятниках Древней Руси в свете новых археометаллографических данных // Сибирские исторические исследования. 2020. Вып. 2. С. 91–110.

- Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Сельское железообрабатывающее ремесло в производственной системе Древней Руси // Краткие сообщения Института археологии. 2021. Вып. 262. С. 369–383.
- Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1953 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 32). 280 с.
- Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 65). С. 7–120.
- Колчин Б.А. Ремесло // Древняя Русь. Город, замок, село / Ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1985 (Археология СССР). С. 243–297.
- Розанова Л.С. К вопросу о технологии изготовления железных изделий в средневековом Пскове (по материалам Довмонтова города) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2 / Сост. С.В. Белецкий; отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН; Псков: Псковский гос. объедин. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник, 1997. С. 206–213.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н. Производственные традиции в кузнечном ремесле Твери // Тверской кремль. Комплексное археологическое источниковедение / Ред. В.А. Лапшин. СПб.: Европейский дом, 2001. С. 109–137.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. 318 с.
- Щербаков В.Л. Технологические особенности изделий из черного металла из коллекции селища Весь-5 в Суздальском Ополье // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы II междунар. конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2013. С. 198–200.
- Щербаков В.Л. О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополья) // Российская археология. 2014. № 1. С. 32–39.
- Blakelock E.S. Metallographic examination of early medieval knives from the UK // *Historical Metallurgy*. 2016. Vol. 50, part 2. P. 85–94.
- Blakelock E.S., McDonnell G. Early medieval knife manufacture in Britain: a comparison between rural and urban settlements (AD 400–1000) // *The archaeometallurgy of iron: recent developments in archaeological and scientific research* / Eds. J. Hošek, H. Cleere, L. Mihok. Prague: Archeologickí Ústav AV ČR, 2011. P. 123–136.

DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF RURAL BLACKSMITH CRAFT IN RUS

Vladimir I. Zavyalov*, Nataliya N. Terekhova**

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

*E-mail: v_zavyalov@list.ru

**E-mail: nnterekhova33@mail.ru

It is impossible to obtain a full-fledged description of the industrial culture of Rus without studying the role of rural handicrafts. The research on the vector of development of rural blacksmith craft is of great interest, in particular, the extent to which this vector reflects the dynamics of urban craft. It was established that rural craftsmen did not only supply raw materials to urban craft centres and produce technologically simple products, but also embraced technological innovations. The accumulated analytical data made it possible to suggest the coinciding dynamics of the development of urban and rural handicrafts. The authors conducted a comparative analysis for such a category of objects as knives, which is one of the most numerous groups of iron tools. The article shows a complex picture of the chronological distribution of technological patterns for making knives on rural sites. It is concluded that the rural blacksmith craft in Rus was in constant development.

Keywords: rural blacksmith craft, archeometallurgy, technological pattern, chronological period.

REFERENCES

- Blakelock E.S., 2016. Metallographic examination of early medieval knives from the UK. *Historical Metallurgy*, vol. 50, part 2, pp. 85–94.
- Blakelock E.S., McDonnell G., 2011. Early medieval knife manufacture in Britain: a comparison between rural and urban settlements (AD 400–1000). *The archaeometallurgy of iron: recent developments in archaeological and scientific research*. J. Hošek, H. Cleere, L. Mihok, eds. Prague: Archeologickí Ústav AV ČR, pp. 123–136.
- Kolchin B.A., 1953. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v Drevney Rusi [Ferrous metallurgy and metalworking in Rus]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 280 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 32).

- Kolchin B.A., 1959. Ironworking craft of Veliky Novgorod. *Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Novgorod archaeological expedition]*. A.V. Artsikhovskiy, B.A. Kolchin, eds. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 7–120. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 65). (In Russ.)
- Kolchin B.A., 1985. Craft. *Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo [Rus. Town, castle, village]*. B.A. Kolchin, eds. Moscow: Nauka, pp. 243–297. (Arkheologiya SSSR). (In Russ.)
- Rozanova L.S., 1997. On the technology of manufacturing iron products in the medieval Pskov (based on materials from Dovmont's town). *Pamyatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiya. Versii [Monuments of antiquity. Concepts. Discoveries. Versions]*, 2. S.V. Beletskiy, comp., A.N. Kirpichnikov, ed. St. Petersburg: IIMK RAN; Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy ob'edinennyi istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey-zapovednik, pp. 206–213. (In Russ.)
- Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2001. Production traditions in the blacksmith craft of Tver. *Tverskoy kreml'. Kompleksnoe arkheologicheskoe istochnikovedenie [Tver Kremlin. Comprehensive archaeological source studies]*. V.A. Lapshin, ed. St. Petersburg: Evropeyskiy dom, pp. 109–137. (In Russ.)
- Shcherbakov V.L., 2013. Technological features of ferrous metal products from the collection of the Ves-5 settlement in Suzdal Opolye. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: materialy II mezhdunarodnoy konferentsii molodykh uchenykh [New materials and methods of archaeological research: Proceedings of the II International conference of young researchers]*. Moscow: IA RAN, pp. 198–200. (In Russ.)
- Shcherbakov V.L., 2014. On the technology of the Ancient Rus forged pices (based on the materials from the ancient settlements of Suzdal Opolye). *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1, pp. 32–39. (In Russ.)
- Terekhova N.N., Rozanova L.S., Zav'yalov V.I., Tolmacheva M.M., 1997. Ocherki po istorii drevney zhelezoobrabotki v Vostochnoy Evrope [Studies in the history of ancient ironworking in Eastern Europe]. Moscow: Metallurgiya. 318 p.
- Voznesenskaya G.A., 1996. The technology for the manufacturing of forged products in old Pskov. *Arkheologicheskoe izuchenie Pskova [Archaeological study of Pskov]*, 3. Pskov: Pskovskiy gosudarstvennyy nauchno-issledovatel'skiy arkheologicheskii tsentr, pp. 219–228. (In Russ.)
- Voznesenskaya G.A., 1999. The technology of blacksmith production in the South Rus rural settlements. *Arkheologiya [Archaeology]*, 2, pp. 117–126. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Rozanova L.S., 1990. On the knife manufacturing technology in ancient Novgorod. *Materialy po arkheologii Novgoroda [Materials on Novgorod archaeology]*, 1988. Moscow: Novgorodskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya, pp. 154–186. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Rozanova L.S., 1992. Technological characteristics of the knives from the Nutny excavation site. *Gaydukov P.G. Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop [Slavenskiy district of the medieval Novgorod. Nutny excavation site]*. Moscow, pp. 122–129, 188–190. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2007. Russkoe kuznechnoe remeslo v zolotoordynskiy period i epokhu Moskovskogo gosudarstva [Russian blacksmith craft during the Golden Horde and the Moscow state periods]. Moscow: Znak. 280 p.
- Zav'yalov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2008. The role of the Baltic-Volga route in the spread of technological innovations. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda v Suzdale [Works of the II (XVIII) All-Russian Archaeological congress in Suzdal]*, II. A.P. Derevyanko, N.A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 329–331. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Rozanova L.S., Terekhova N.N., 2012. Traditsii i innovatsii v proizvodstvennoy kul'ture Severnoy Rusi [Traditions and innovations in the production culture of Northern Rus]. Moscow: Ankil. 376 p.
- Zav'yalov V.I., Terekhova N.N., 2013. Kuznechnoe remeslo Velikogo knyazhestva Ryazanskogo [Blacksmith craft of the Grand Duchy of Ryazan]. Moscow: IA RAN. 272 p.
- Zav'yalov V.I., Terekhova N.N., 2017a. Features of the Rus model of blacksmithing. *Kul'turniy shar. Statti na poshanu Gliba Yuriyovicha Ivakina [Cultural layer. Articles for Gleb Yurievych Ivakin]*. Kiiv: Laurus, pp. 129–133. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Terekhova N.N., 2017b. Interaction of Slavic and Scandinavian traditions in the blacksmith craft of Rus. *Stratum plus*, 5, pp. 133–140. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Terekhova N.N., 2020. Handicraft production at rural sites of Rus in the light of new archeometallographic data. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya [Siberian historical studies]*, 2, pp. 91–110. (In Russ.)
- Zav'yalov V.I., Terekhova N.N., 2021. Rural ironworking craft in the Medieval Russia production system. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 262, pp. 369–383. (In Russ.)

КОСТЯНЫЕ КОНЬКИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ НОВГОРОДЕ (по материалам археологических исследований ИА РАН 2008–2019 гг.)

© 2021 г. О.М. Олейников

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: Olejnikov1960@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.02.2021 г.

В статье обобщены сведения о костяных коньках, представлены результаты исследования и классификация коллекции коньков XI–XV вв., обнаруженных Новгородской экспедицией Института археологии РАН. Средневековые коньки представляют собой небольшие костяные полозья, изготовленные из трубчатых костей крупных домашних животных. Все предметы несут следы характерной обработки исходной кости: срезанные эпифизы и выровненную плантарную сторону (скользящую поверхность). Объем накопленного археологического материала, инструментальное изучение следов износа рабочей поверхности, эксперименты по использованию и изготовлению коньков, многочисленные этнографические параллели в использовании костяных коньков в ряде стран практически до настоящего времени, а также факт катания на костяных колодочках, засвидетельствованный в источнике XII в., позволяют уверенно говорить, что в функциональном плане катание на коньках представляло одну из форм зимнего досуга и было частью повседневной жизни горожан.

Ключевые слова: костяные коньки XI–XV вв., зимние развлечения, Великий Новгород, способы катания, типология.

DOI: 10.31857/S086960630013891-9

Костяные коньки представляют собой небольшие полозья, изготовленные из целых трубчатых костей крупных домашних животных. Находки, отнесенные к этой категории, несут на себе характерные следы обработки исходной кости: срезанные эпифизы и выровненную плантарную (скользящую) поверхность. Это монофункциональные предметы, которые использовались для катания по ледяным и утрамбованным снежным поверхностям.

В научной литературе термин “коньки” применительно к костяным полозьям употребляется с начала XX в. Н.И. Репников, описывая находки из раскопок 1911–1912 гг. в Старой Ладоге, отмечал, что в слое X–XI вв. начинают встречаться изделия из плюсневых костей лошади и других крупных костей, “обычно называемые коньками для катания на льду, хотя их назначение точно не установлено” (Гроздилов, Третьяков, 1948. С. 80, 81). Определение “bone skates” появляется с конца XIX в. (Smith, 1842; Munro, 1894; Balfour, 1898).

За прошедшее столетие обработанным трубчатым костям с выровненной поверхностью посвящен ряд публикаций, однако до настоящего времени единой точки зрения на их функциональное

назначение нет. Основные тезисы дискуссии следующие¹.

1. Артефакты использовались для катания на льду или как индивидуальное средство передвижения (Кривцова-Гракова, 1951; Кларк, 1953. С. 297, 298; Давидан, 1966. С. 113; Berg, 1971; MacGregor, 1975, 1976; West, 1982; Хорошев, 1997. С. 129; Manojlović-Nikolić, 1997, 2010; Choyke, 1999; Luik, 2000; Choyke, Bartosiewicz, 2005; Васильев, 2009; Иванова И.В., Иванова Н.Ю., 2012. С. 140; Гайдуков, Олейников, 2013. С. 23; Thurber, 2013; Waszczuk et al., 2014; Косинцева, 2016; Edberg, Karlsson, 2016; Фазуллин, Усачук, 2018; Schietzel, 2018. Р. 218, 219).

2. Предметы следует атрибутировать как ложила или гладильники для обработки кож и шерстяных тканей и “полностью отвергнуть гипотезу об использовании этих костяных предметов в качестве коньков для катания на льду” (Семенов, 1959. С. 353–358).

3. Изделия без отверстий для крепления “служили гладильниками, линейками-правилками для контроля при обработке горизонтальных поверхностей, некоторые же могли быть коньками

¹ Проблематика этих вопросов изложена в статье В.Б. Панковского (2013. С. 463–467).

или полозьями, служащими для перевозки небольших грузов по льду водоемов” (Петерс, 1986. С. 43).

4. Полифункциональные предметы: инструмент, который осенью применяли для выделки сукна или обработки шкур, зимой мог приспособиваться для передвижения или перевозки грузов (Флерова, 1996. С. 284).

Компромиссный подход в описании одной и той же категории находок привел к тому, что в научной литературе при атрибуции этих артефактов используются различные определения: коньки; так называемые коньки; ложила; предметы, преимущественно использующиеся в кожевенном деле; рапили; гладилки (Вальков, Федорчук, 2017. С. 62, 63; Голофаст, Добровольская, 2018. С. 82, 83; Вальков, 2019. С. 575; Янин и др., 2020. С. 15; 2021. С. 35).

Объем накопленного археологического материала, инструментальное изучение следов износа рабочей поверхности (Панковский, 2013; Waszczuk et al., 2014; Вальков, 2019), эксперименты по использованию и изготовлению коньков (Kuchelmann, Zidarov, 2005; Formenti, Minetti, 2007; Косинцева, 2016. С. 197–199), многочисленные данные и этнографические параллели об использовании костяных коньков (с креплениями и без) до XX в. в Швеции, Югославии, Венгрии, Румынии, Германии, Исландии (Hrubý, 1957. Р. 176; MacGregor, 1976. Р. 58, 59, 61; Choyke, 1999. Р. 150, 152), Польше (Cnotliwy, 1958. Табл. V, 6–17), на Украине (Давидан, 1966. С. 113), в Казахстане и Причерноморье (Кривцова-Гракова, 1951. С. 163), а также факт катания на костяных колодочках, засвидетельствованный в источнике XII в., позволяют уверенно говорить, что кости с выравненной плантарной поверхностью использовались как коньки.

В письменных источниках первое упоминание о катании “на костях” относится ко второй половине XII в. и связано с литературным трудом монаха Уильяма Фиц-Стефена (Фитц-Стивена) (— 1191 г.), составившего жизнеописание знаменитого архиепископа Кентерберийского Фомы Бекета (св. Фомы) — Житие Фомы Бекета (*Vita Sancti Thomae...*, 1877)². Общепринято, что Житие было

написано в 1173–1174 гг. (Матузова, 1979. С. 43; см. также: Уильям Фиц-Стефен, 1987. С. 154).

В вводной части Жития — “A Description of the most noble city of London” (Gourde, 1943. Р. 2–18) очень красочно представлено описание “благороднейшего города Лондона” — места рождения св. Фомы. Среди зимних забав упоминается катание на костях (Gourde, 1943. Р. 15, 16).

Приведем особенно важный отрывок текста по изданию 1987 г. “Когда река, омывающая городские стены с севера, основательно замерзнет, толпы молодежи выходят играть на лед. Некоторые, желая увеличить скорость движения, соединяют ноги и долго скользят боком; другие делают себе сиденье из глыб льда, тогда одного всадника, взявшись за руки, тянут многие. Если при таком движении по льду поскользнется один, падают и остальные. Другие, более искусные в играх на льду, укрепляют ноги и привязывают к ним кости голеней животных и берут в руки палки с железным наконечником, которыми иногда ударяют по льду и достигают такой скорости, словно летящая птица или копье из баллисты. Иногда по договору двое бегущих расходятся далеко друг от друга и приближаются с разных сторон, они встречаются, поднимают палки, ударяют друг друга, и один или оба падают...; после падения они скользят друг от друга, подхваченные силой движения, царапая и обдирая голову об лед. Часто при падении у упавшего бывает сломана нога или рука, но юность жаждет славы и победы, как обретая себя в настоящих сражениях, так и упражняясь в потешных” (Уильям Фиц-Стефен, 1987. С. 154).

Таким образом, уже во второй половине XII в. катание на костяных колодочках представляло одну из форм разнообразного зимнего досуга и было частью повседневной жизни горожан.

Изучение представительной коллекции костяных коньков XI–XV вв., обнаруженных в Новгороде, подтверждает их назначение исключительно для катаний на ледяных и утрамбованных заснеженных поверхностях.

За период 2008–2019 гг. Новгородской экспедицией ИА РАН найдено более 50 коньков³ (рис. 1, 2; табл. 1). Все они имеют выровненную гладкую, отполированную, слегка процарапанную нижнюю поверхность и представляют собой либо небольшой лыжеобразный полоз или “лодочку” с приподнятыми носовой и пяточной частями.

³ Коньки обнаружены на 10 раскопах, общая площадь которых составила более 5 тыс. м².

² Аннотированный перевод Жития был выполнен в 1943 г. Лео Т. Гурдом (Gourde, 1943), перевод на русский язык, комментарии, а также наиболее полная библиография изданий и переводов Жития на английский язык представлены в работе В.И. Матузовой (1979. С. 43–48) и комментариях Н.А. Богодаровой (см. Уильям Фиц-Стефен, 1987).

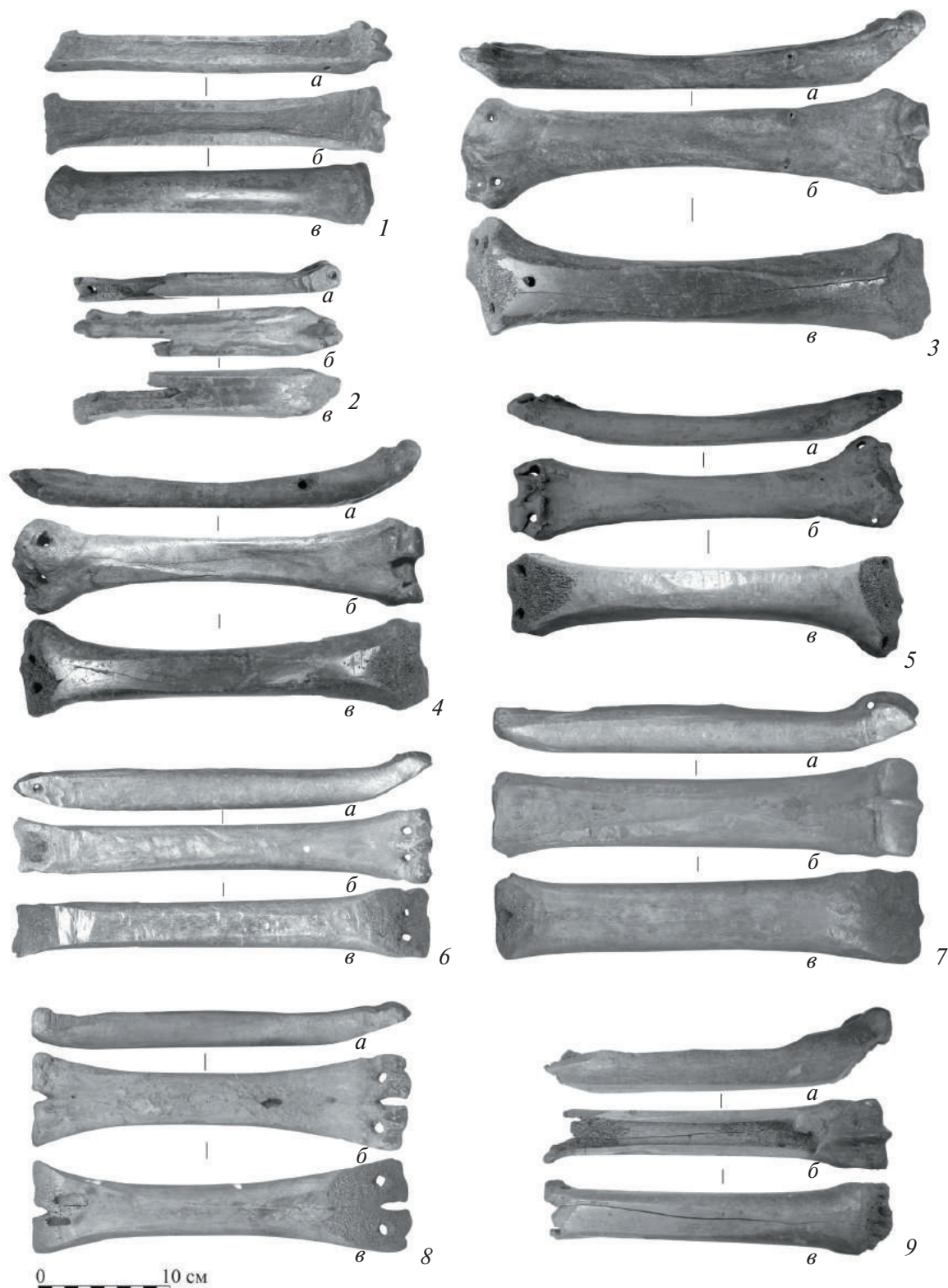

Рис. 1. Костяные коньки I типа с разными видами крепежных отверстий. 1 – подтип А, вид 1 (Лук-2/5-180); 2 – подтип Б, вид 2 (Никит. пер., 7/1-457); 3 – подтип Б, вид 3 (Андр-3/3-58); 4 – подтип Б, вид 4 (Б. Мос., 30/2-851); 5 – заготовка, подтип Б, вид 5 (Б. Мос., 30/2-1167); 6 – подтип Б, вид 6 (Никит. пер., 7/1-532); 7 – подтип Б, вид 7 (Никит. пер., 7/1-469); 8 – подтип Б, вид 8 (Никит. пер., 7/1-501); 9 – подтип А, вид 9 (Воздв-3/1-242а). 1, 6 – плюсневая кость лошади; 2, 7, 9 – пястная кость лошади; 3–5 – лучевая кость лошади; 8 – пястная кость КРС; а – вид сбоку (латеральная сторона кости); б – вид сверху (дорсальная сторона кости); в – вид снизу (плантарная сторона кости).

Fig. 1. Bone skates of type I with different types of mounting holes

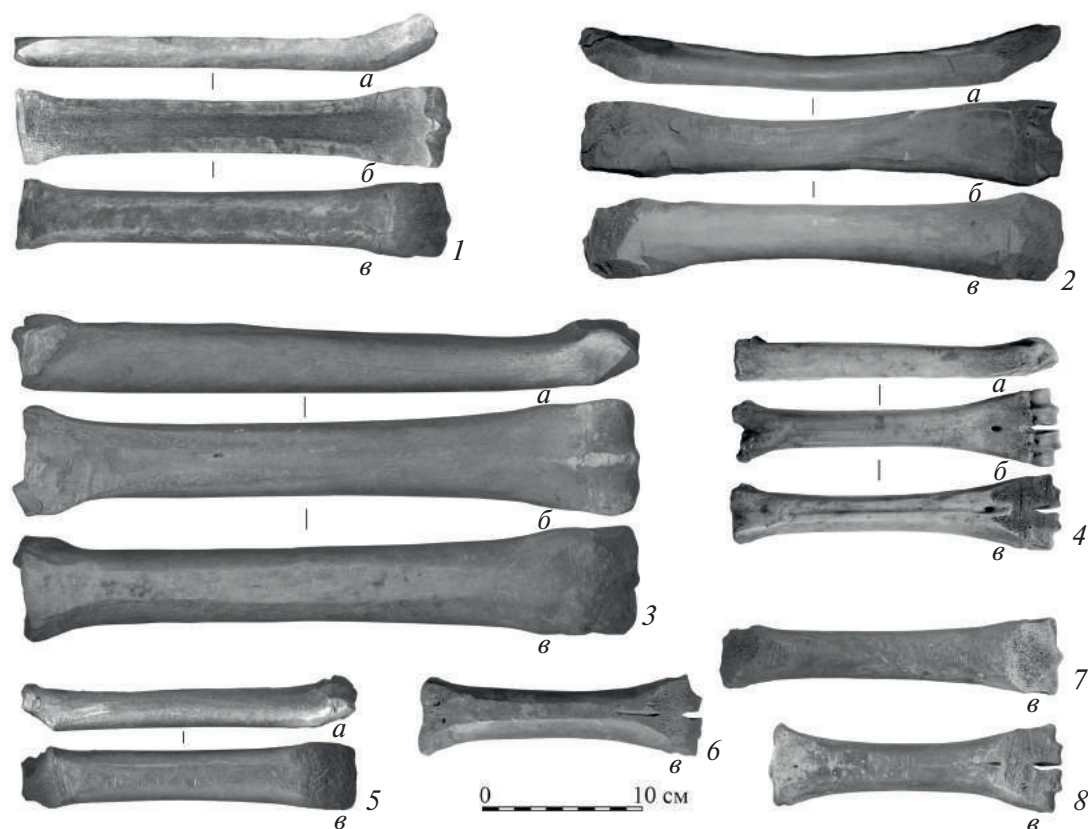

Рис. 2. Костяные коньки II типа и заготовки. 1 – подтип А (Лук-2/7-69); 2 – подтип Б (Знам-Пос, шурф № 3/-5); 3 – подтип Б (Никит. пер., 7/1-510); 4 – подтип Б (Б. Мос., 30/1-1574); 5 – подтип Б (Никит. пер., 7/1-392); 6 – подтип Б (Дес-1/5-81); 7 – заготовка Влас-2/1-152); 8 – заготовка (Влас-2/1-153). 1, 3 – плюсневая кость лошади; 2 – лучевая кость лошади; 4 – плюсневая кость КРС; 5, 7 – пястная кость лошади; 6, 8 – пястная кость КРС; а – вид сбоку; б – вид сверху; в – вид снизу.

Fig. 2. Bone skates of type II and blanks

Конструктивно древнерусские коньки схожи со средневековыми костяными коньками ряда прибалтийско-финских и североевропейских народов (Arbran, 1943. Taf. 157, 6, 7; Manojlović-Nikolić, 2010; Edberg, Karlsson, 2016. P. 8, 9; Kunst et al., 2018. P. 946, 947. Fig. 8). Аналогичные коньки обнаружены на поселениях бронзового века на западе Венгрии (Choyke, Bartosiewicz, 2005. P. 319), позднебронзового и раннего железного веков на территории современной Одесской области и Юго-Западной Польши (Добровольский, 1952. С. 86, 87. Табл. III, 2; Baron et al., 2016. P. 39).

В истории развития коньков на территории европейского континента, несомненно, существовала определенная преемственность. Однако прибалтийская и североевропейская традиция отличалась от русской более длительным периодом использования и более широким назначением коньков, которые служили и развлечением, и средством индивидуального передвижения охотников и рыболовов (Luik, 2000. P. 150; Formenti, Minetti, 2007. P. 1825; Васильев, 2009. С. 18), а

также изготовлением коньков с клиновидной носовой частью⁴.

М.И. Васильев, отмечая незначительное использование на Руси коньков как индивидуального средства передвижения, связывал этот факт со спецификой климатических особенностей России. “Высокий снежный покров, быстро заносивший лед толстым и твердым слоем, приводил к тому, что катание на льду могли использовать только в течение очень короткого периода, что не способствовало популярности этого вида транспорта” (Васильев, 2009. С. 18), но вполне подходило для зимних развлечений.

Практически все новгородские коньки обнаружены на территории усадебных комплексов XI–XV вв.: 30 экз. – на Торговой стороне,

⁴ Коньки такого типа известны в Западной Сибири на Садчиковском поселении андроновской археологической культуры эпохи бронзы (Кривцова-Гракова, 1951. Рис. 15; Петерс, 1986. С. 43). Серия аналогичных изделий выделена В.Д. Панковским в “садчиковский” тип (Панковский, 2006. С. 76).

Таблица 1. Общая характеристика костяных коньков. Великий Новгород, раскопки ИА РАН 2008–2019 гг.**Table 1.** General characteristics of bone skates. Veliky Novgorod, excavations of the Institute of Archaeology RAS, 2008–2019

Шифр находки (раскоп/участок-номер)	Размеры, см	Вид кости	Типология	Датировка	Рис.
Никит. пер., 7/1-26	21.6×3	Пястная лошади	П.Б.	Нач. XV в.	
Никит. пер., 7/1-218	18.5×2	Плюсневая КРС	П.Б.	Вт. пол. XII в.	
Никит. пер., 7/1-250	[25.8]×3	Плюсневая лошади	П.Б.	Сер. XII в.	
Никит. пер., 7/1-257	[20.3]×3.8	Пястная (?) лошади	Подтип А	Вт. пол. XII в.	
Никит. пер., 7/1-276	[20.1]×3.4	Плюсневая лошади	Подтип Б	Вт. пол. XII в.	
Никит. пер., 7/1-371	16.4×3.2	Пястная лошади	П.Б.	Вт. пол. XI в.	
Никит. пер., 7/1-392	20.9×3.1	—“—	П.Б.	Кон. XI в.	2, 5
Никит. пер., 7/1-394	20.2×3	—“—	П.Б.	Кон. XI в.	
Никит. пер., 7/1-457	20.5×3.5	—“—	І.Б.2.	Вт. пол. XI в.	1, 2
Никит. пер., 7/1-469	32.5×4.8	—“—	І.Б.7.	Вт. пол. XI в.	1, 7
Никит. пер., 7/1-478	38×3.5	Плюсневая лошади	Заготовка	Вт. пол. XI в.	
Никит. пер., 7/1-501	28.5×3.8	Пястная КРС	І.Б.8.	Кон. XI в.	1, 8
Никит. пер., 7/1-510	39×4.8	Плюсневая лошади	П.Б.	Кон. XI в.	2, 3
Никит. пер., 7/1-532	31.7×3.5	Плюсневая лошади	І.Б.6.	Кон. XI в.	1, 6
Никит. пер., 7/1-543	[29.8]×4.8	Лучевая лошади	Подтип Б	Вт. пол. XI в.	
Никит. пер., 7/2-88	[22.4]×4.4	Плюсневая лошади	Подтип Б	Сер. XII в.	
Никит. пер., 7/2-89	[21.8]×4.6	Плюсневая лошади	Заготовка, подтип А	Сер. XII в.	
Никит. пер., 7/5-210	[20]	Плюсневая лошади	Подтип Б	Кон. XII в.	
ул. Б. Мос., 30/1-1574	20×2.2	Плюсневая КРС	П.Б.	Сер. XII в.	2, 4
ул. Б. Мос., 30/2-791	18×2.5	Пястная КРС	І.Б.8.	Вт. пол. XII в.	
ул. Б. Мос., 30/2-851	31.2×3.2	Лучевая лошади	І.Б.4.	Вт. пол. XII в.	1, 4
ул. Б. Мос., 30/2-1167	31×3.5	Лучевая лошади	Заготовка, І.Б.5.	Сер. XII в.	1, 5
ул. Б. Мос., 30/2-1275	20.5	Пястная лошади	Заготовка	Нач. XII в.	
Лук-2/3-139	25.5×3	Плюсневая лошади	І.А.1.	Перв. пол. XII в.	
Лук-2/5-77	28.4×3.6	Лучевая лошади	П.Б.	Вт. пол. XII в.	
Лук-2/5-111	30.1×3.7	Лучевая лошади	П.Б.	Сер. XII в.	
Лук-2/5-180	25.8×3.3	Плюсневая лошади	І.А.1.	Перв. пол. XII в.	1, 1
Лук-2/6-139	[16.8]×3	Плюсневая лошади	Подтип Б	Перв. пол. XII в.	
Лук-2/7-696	26.6×3.2	Плюсневая лошади	П.А.	Перв. пол. XII в.	2, 1
ул. Знаменская-2017/ шурф 3-5	29.8×3.2	Лучевая лошади	П.Б.	XIV в.	2, 2
Андр-3/3-58	33×3.7	Лучевая лошади	І.Б.3.	Перв. пол. XII в.	1, 3
Влас-2/1-61	[18.4]×2.5	Плюсневая КРС	П.Б.	Вт. пол. XII в.	
Влас-2/1-152	21×3	Пястная лошади	Заготовка	Вт. пол. XII в.	2, 7
Влас-2/1-153	18.4×3	Пястная кость КРС	Заготовка	Вт. пол. XII в.	2, 8
Влас-2/2-29	25×3.1	Пястная лошади	П.Б.	Кон. XII в.	
Воздв-3/1-242a	25×2.7	Пястная лошади	І.А.9.	Сер. XII в.	1, 9
Воздв-3/1-2426	23.6×2.7	Плюсневая лошади	І.Б.1.	Сер. XII в.	

Продолжение табл. 1.

ул. Литв-Лук.,5/2-43	31×4	Лучевая лошади	П.Б.	Кон. XII в.	
ул. Литв-Лук.,5/2-132	32×3.9	—“—	Заготовка	Сер. XII в.	
ул. Литв-Лук.,5/3-81a	31×4.5	—“—	П.Б.	Кон. XII в.	
ул. Литв-Лук.,5/3-81б	29×4.5	—“—	П.Б.	Кон. XII в.	
ул. Литв-Лук.,5/4-126	[26.3]×3.6	—“—	Подтип Б	Нач. XIII в.	
ул.Литв-Лук.,5/4-413	30.5×3.6	—“—	П.Б.	Нач. XIII в.	
ул. Литв-Лук.,5/4-442	[29]×3.4	—“—	Подтип Б	Кон. XII в.	
ул. Литв-Лук.,5/4-443	27×3.3	—“—	П.Б.	Кон. XII в.	
ул. Литв-Лук.,5/4-443a	32.5	—“—	П.Б.	Кон. XII в.	
Дес-1/5-81	17.45×3	Пястная КРС	П.Б.	Перв. пол. XII в.	2, 6
Дес-1/12-23	17.4×3.2	Пястная КРС	П.Б.	Кон. XII в.	
Дес-4/3-39	[14.6]	Лучевая лошади	Подтип Б	Вт. пол. XIV в.	
Дес-4/8-253	21×2.5	Пястная лошади	П.Б.	Перв. пол. XII в.	
Дес-4/10-96	[15.6]	Лучевая (?) лошади	Подтип Б	Нач. XIII в.	

20 экз. — на Софийской. Исключение составляет единственный костяной конек XIV в., “потерянный” на берегу р. Волхов на Торговой стороне средневекового Новгорода (рис. 2, 2).

Длина коньков колеблется от 17 до 39 см. Преобладают полозья среднего размера (21–30 см). Несомненная связь этого параметра со стопой “фигуриста” позволяет говорить, что коньки длиной 17–20 см принадлежали детям.

Некоторые предметы обнаружены “парами”, но не имеют сходства, характерного для парных изделий, хотя для их изготовления, возможно, использовались кости одной особи.

Классификация костяных коньков. Хорошая сохранность находок позволила выявить характерные типологические черты и составить классификацию костяных коньков (табл. 1).

По наличию или отсутствию приспособлений для крепления все коньки разделены на типы (табл. 2): тип I — коньки с крепежными отверстиями (рис. 1); тип II — коньки без креплений (рис. 2). В каждом типе по степени обработки верхней поверхности конька выделены два подтипа: подтип А — верхняя поверхность конька срезана до середины (дорсальная сторона кости срезана до костномозговой полости) (рис. 1, 1, 9; 2, 1); подтип Б — верхняя поверхность конька слегка выровнена (рис. 1, 2–8; 2, 2–8). Среди коньков I типа по расположению и направлению крепежных отверстий выделено 10 видов.

В новгородской коллекции 44 конька и 7 заготовок. Преобладают экземпляры без креплений

(тип II) — 23 экз. Коньков с креплениями (тип I) вполтину меньше — 11 экз. Еще 10 коньков представлены фрагментами: утрачены краевые части (дистальный и проксимальный эпифизы костей), в результате чего невозможно судить о наличии или отсутствии креплений. Для этих коньков можно установить только подтип (одна находка относится к подтипу А, девять — к подтипу Б). Обламывание носка и пяточной части (эпифизы кости) — наиболее частая причина поломки коньков. Верхняя и нижняя поверхности конька (тело кости) сохраняются практически во всех случаях.

Среди коньков существенно преобладают экземпляры, верхняя поверхность которых слегка выровнена (подтип Б); коньки со срезанной верхней поверхностью (подтип А) представлены четырьмя находками (3 экз. с креплением (тип I) и 1 экз. без крепления (тип II)).

Коньки I типа крепились к ноге с помощью ремней/шнурков. Как показывает расположение отверстий, закреплялись либо одновременно носок и пятка, либо только носок обуви или пятка. Во всех случаях отверстия были сквозными, и их диаметр не превышал 0.5–0.7 см.

Отверстия в пяточной части конька просверлены по внутреннему каналу в горизонтальной плоскости (рис. 1, 1, 2, 6, 9) или вертикально на приподнятом завершении задника (рис. 1, 3–5). В обоих вариантах ремешок не мешал скольжению.

Реконструкция крепления костяного конька к обуви с помощью шнурков предложена

Таблица 2. Классификация костяных коньков

Table 2. Classification of bone skates

Тип I. С крепежными отверстиями			Рис.
Подтип А. Верхняя поверхность конька срезана до середины (рис. 1, 1, 9)		Подтип Б. Верхняя поверхность конька выровнена (рис. 1, 2–8)	
Виды	Расположение и направление крепежных отверстий		
	носовая часть	пяточная часть	
1	Горизонтальные на “шейке”	Горизонтальные	1, 1
2	Горизонтальные на завершении носка	Горизонтальные	1, 2
3	Наклонные боковые на “шейке”	Вертикальные	1, 3
4	Горизонтальные по внутреннему каналу на шейке	Вертикальные	1, 4
5	Вертикальные на завершении	Вертикальные	1, 5
6	Вертикальные на завершении	Горизонтальные	1, 6
7	Одно горизонтальное на суставном гребне	—	1, 7
8	Вертикальные на завершении	—	1, 8
9	Горизонтальные на завершении	—	
10	—	Горизонтальные	1, 9
Тип II. Крепежные отверстия отсутствуют			
Подтип А. Верхняя поверхность конька срезана до середины			2, 1
Подтип Б. Верхняя поверхность конька выровнена			2, 2–6

известным венгерским зоологом, этнографом и археологом О. Германом (Herman, 1902. Р. 220. Rys. 123) (рис. 3, 1). Принцип такого крепления был универсальным и оставался неизменным в течение длительного времени (рис. 3, 2, 3). Для устойчивости на льду важно, чтобы заготовка конька была достаточно широкой и соизмеримой с длиной стопы (рис. 3, 4, 5).

Все новгородские коньки изготовлены из трубчатых костей двух видов домашних животных — лошадей и крупного рогатого скота. Использовались исключительно метаподии передних и задних конечностей. В новгородской коллекции существенно преобладают коньки, сделанные из костей лошади, — 43 находки, среди которых 12 экз. изготовлены из пястной кости, 13 — из плюсной и 18 — из лучевой. Из метаподий задних конечностей крупного рогатого скота изготовлено 8 коньков (5 экз. — из пястной кости и 3 — из плюсной).

Уместно отметить, что в средневековом Новгороде лошадь была исключительно рабочим животным и практически не использовалась в пищу. В археологическом материале крупный рогатый скот (КРС) представлен в основном кухонными остатками (следы рубки и высокая степень фрагментации костей), а лошадь — отдельными

непотревоженными костями или фрагментами скелета (Молтби, Гамильтон-Даер, 1995. С. 137, 138, 140, 147, 148; Зиновьев, 2009. С. 190, 197, 199).

Использование определенного типа кости для изготовления коньков отмечено и на других средневековых памятниках. Так, по данным Р. Эдберга и Дж. Карлссона, изучивших выборку из 679 костяных коньков, кости крупного рогатого скота преобладают в Бирке (VIII–X вв.), в то время как кости лошадей более многочисленны в Сигтуне (X–XIII вв.) (Edberg, Karlsson, 2016). В Старой Ладогге большинство коньков изготовлены из метаподий КРС (Давидан, 1966. С. 113).

Динамика выпадения в слой находок представленной выборки показывает, что катание на костяных коньках имело наибольшую популярность у новгородцев во второй половине XI — начале XIII в. (рис. 4; табл. 3). В слоях этого времени обнаружено основное число находок (94%). В слое XIII в. коньки на изучаемых территориях отсутствуют, что связано с периодом “запустения” на изучаемых территориях города, последовавшего после мора 1216 и 1230 гг. (Олейников, 2009. С. 43, 44; Гайдуков, Олейников, 2011. С. 42; 2013. С. 29, 30; Гайдуков и др., 2015. С. 73; 2017. С. 27). Из слоев XIV и начала XV в. происходят единичные экземпляры.

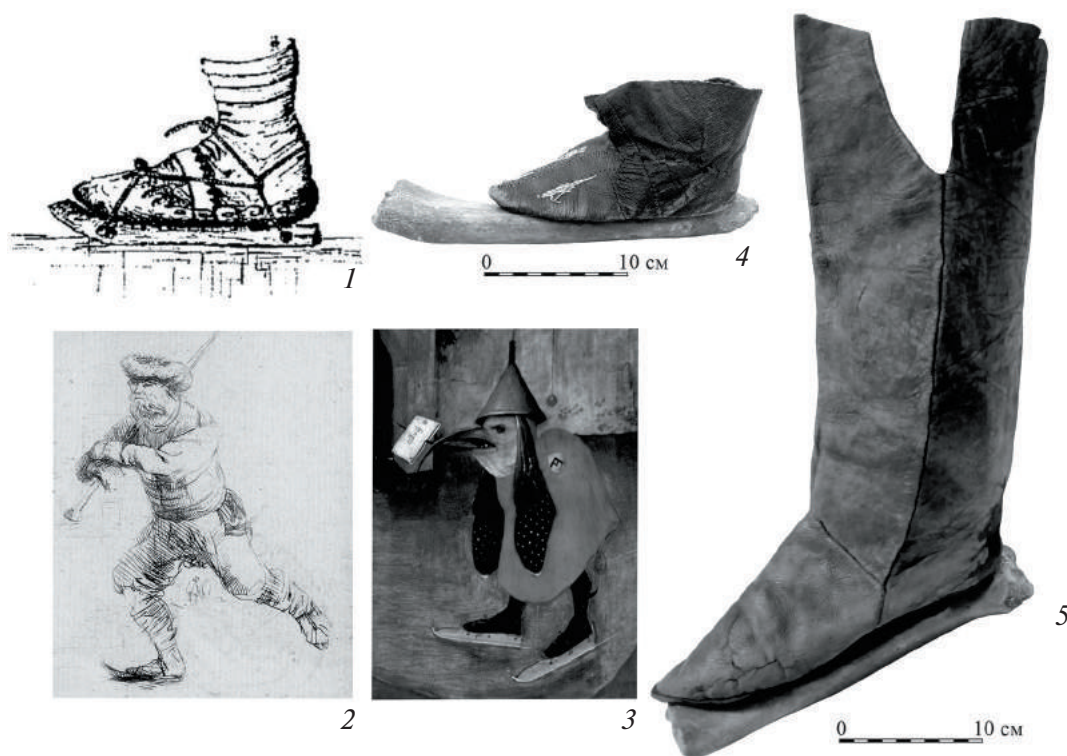

Рис. 3. Крепление коньков к ноге и способы катания на костяных коньках. 1 — крепление костяного конька к поршню (по: Негман, 1902. Рус. 123); 2, 3 — изображения коньков с крепежными отверстиями в произведениях мировой художественной культуры XVI—XVII вв.: 2 — рисунок Рембрандта “Конькобежец” (1639 г.); 3 — фрагмент левой створки триптиха И. Босха “Искушение святого Антония” (1500 г.); 4, 5 — реконструкции на костяном коньке без крепления (Литв-Лук., 5/4-443, конец XII в.), фото О.М. Олейникова; 4 — детская кожаная туфля XII в. (Старая Русса, 2009 г., раск. Е.В. Тороповой), 5 — кожаный сапог середины XIII в. (Великий Новгород, 2018 г., раскопки П.Г. Гайдукова и О.М. Олейникова).

Fig. 3. Fastening of skates to the leg and methods of movement on bone skates

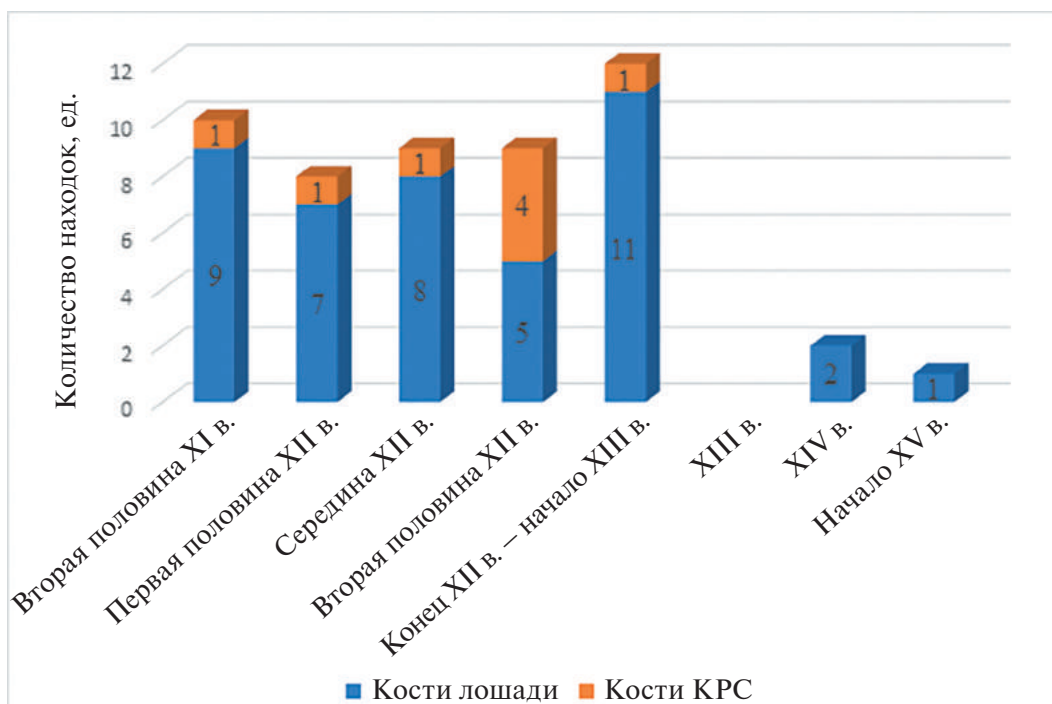

Рис. 4. Хронологическое распределение костяных коньков в культурном слое Новгорода. Раскопки ИА РАН 2008–2019 гг.

Fig. 4. Chronological distribution of bone skates in the cultural layer of Novgorod. Excavations of the Institute of Archaeology RAS, 2008–2019

Таблица 3. Хронология костяных коньков

Table 3. Chronology of bone skates

Хронологический период	Кости лошади				Кости крупного рогатого скота			Итого
	лучевая	пястная	плюсневая	всего	пястная	плюсневая	всего	
Вторая пол. XI в.	1	5	3	9	1	—	1	10
Первая пол. XII в.	1	2	4	7	1	—	1	8
Середина XII в.	3	1	4	8		1	1	9
Вторая пол. XII в.	2	2	1	5	2	2	4	9
Конец XII — начало XIII в.	9	1	1	11	1	—	1	12
XIII в.	—	—	—	—	—	—	—	—
XIV в.	2	—	—	2	—	—	—	2
XV в.	—	1	—	1	—	—	—	1
Итого	18	12	13	43	5	3	8	51

Технология изготовления коньков была не сложной. Коньки для себя и членов семьи вполне мог сделать в своем доме любой взрослый человек и даже ребенок. Для этой работы не требовались ни специализированная мастерская, ни специальные инструменты. Однако нельзя исключить, что отдельные экземпляры могли делать на заказ профессиональные мастера-косторезы.

В Новгороде мастерские по изготовлению коньков не зафиксированы, но в Скандинавии, где коньки имели более широкое использование, такие мастерские были. Известно по крайней мере об одной мастерской в Норвегии, где найдены сотни костяных коньков и их заготовки. Создание мастерской, вероятно, не связано с организацией специализированного производства, а объясняется суровой необходимостью поиска средств к существованию ремесленника-костореза (Luik, 2000. Р. 150).

Простота приемов обработки кости при изготовлении коньков во многом определялась особенностями строения и свойствами метаподий. При обработке заготовки более гладкая дорсальная сторона кости становилась верхней частью конька, а плантарная — нижней. Дистальный конец кости превращался в носовую (приподнятую) часть конька. На всех экземплярах новгородской коллекции дистальный и проксимальный концы кости (эпифизы) наклонно и очень ровно подрезались. Подобная конструктивная особенность улучшала скольжение конька по заснеженному льду.

Обе стороны заготовки выравнивались. Верхняя поверхность обрабатывалась с помощью топора, ножа, зубила и плоского напильника.

На большинстве находок зафиксированы различные канавки, надрезы и другие повреждения, которые, препятствуя соскальзыванию, должны были удерживать мягкую подошву обуви на поверхности костяного конька (рис. 5, 1, 2).

Нижняя часть заготовки конька выравнивалась топором/ножом (рис. 1, 5), но ее предварительная полировка не проводилась. Сглаживание скользящей поверхности, в ряде случаев до зеркальных бликов (рис. 5, 3), происходило в процессе трения кости о лед. На всех экземплярах даже невооруженным глазом фиксируется текстура “зеркала скольжения” — многочисленные неглубокие (до 0.01 см) продольные царапины, расположенные по линиям скольжения — вдоль и чуть вбок (рис. 5, 4)⁵.

Конструктивные особенности коньков (с креплением и без него) определяли несколько способов индивидуального катания.

1. Принцип катания на костяных коньках, прикрепленных к обуви (коньки I типа), можно описать как одновременный бесшажный ход.

При катании на костяных коньках ногами не отталкивались, соответственно, ноги ото льда не отрывались. Движение возникало в результате того, что “фигурист” сильно отталкивался от льда одновременно двумя палками — двухопорное скольжение (рис. 6, 1), либо одной — одноопорное скольжение (рис. 6, 2). Таким образом, импульс движения зависел от силы рук, отталкивающих

⁵ Результаты трасологических исследований скользящей поверхности коньков новгородской выборки совпадают с выводами, полученными польскими коллегами, которые изучали коньки как с крепежными отверстиями, так и без креплений (Waszczuk et al., 2014).

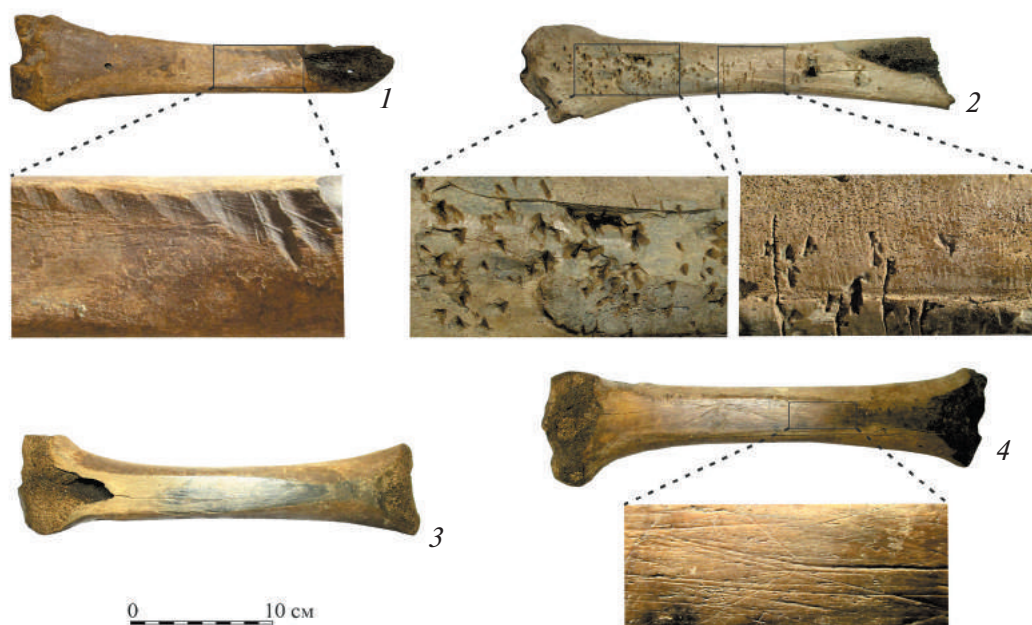

Рис. 5. Следы технологической обработки и естественного сглаживания поверхностей костяных коньков. 1 — следы от топора (ножа) на верхней поверхности конька (Литв-Лук, 5/4-126), 2 — надрезы, канавки и следы обработки напильником на верхней поверхности конька (Литв-Лук, 5/4-442); 3 — сглаживание нижней стороны конька до зеркального состояния (Литв-Лук, 5/4-443); 4 — борозды и царапины по линиям скольжения на нижней стороне конька (Литв-Лук, 5/4-413).

Fig. 5. Traces of processing and natural smoothing of surfaces of bone skates

палки, и от состояния ледяной или утрамбованной снежной поверхностей.

При одноопорном способе скольжения палку нужно было держать двумя руками и упираться ею в лед либо между стопами позади себя, либо отталкиваться то с одной, то с другой стороны. При этом важно было удерживать равновесие и не сместить центр тяжести, поэтому отталкивание одной палкой от точки, расположенной между стопами (на линии центра тяжести), было более удобным и продуктивным в плане движения.

В качестве примера можно привести две иллюстрации из историко-географических трудов шведского ученого О. Магнуса (1490–1557). Речь идет о “Морской карте” 1539 г. (рис. 6, 3) (Кордт, 1906. С. 6–8; Рис. III; Савельева, 1983) и рисунке зимних забав с забегом лосей и катании на коньках (рис. 6, 4), помещенном в его знаменитой “Истории северных народов” 1555 г. (Magnus Olaus, 1562. Р. 113. Сар. 29).

Естественно, что палки, используемые для “опорного” катания, имели заостренные, скорее всего, железные наконечники. Вероятно, их не изготавливали специально, а приспособляли для этой цели любые подручные средства и предметы, бывшие в употреблении (втоки,

гвозди, шила, черенки ножей, обломки инструментов, любые заостренные пластины, втулки и пр.). Это затрудняет выделение в археологическом материале заостренных предметов, используемых исключительно в качестве наконечников шестов при опорном скольжении.

2. Для катания на коньках, не закрепленных к ноге (коньки II типа), можно было использовать как пару, так и один конек (Hrubý, 1957. Р. 176; Давидан, 1966. С. 113; Choyke, 1999. С. 150).

С нашей точки зрения, кататься на двух незакрепленных коньках, способом одновременного бесшажного хода, аналогично катанию на привязанных коньках, значительно сложнее, поскольку одновременно надо сохранять равновесие и удерживать сами коньки. Безусловно, что это возможно, но требует определенного опыта и навыков.

Мы считаем, что для катания на коньках без креплений целесообразнее было использовать только один конек. В этом случае палка для отталкивания не требовалась. Принцип катания упрощался и напоминал езду на самокате. Одна нога прижимала конек к ледовой поверхности, а вторая нога служила толчковой. На таком коньке было удобно катиться по утрамбованным

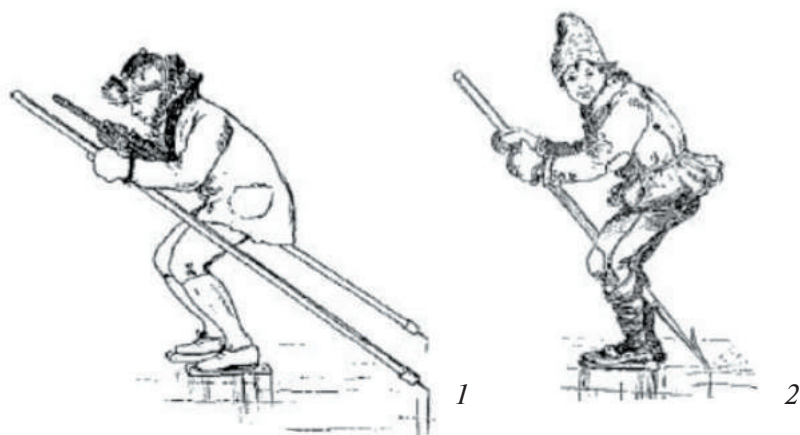

Рис. 6. Передвижение на коньках. 1 – способ двухопорного скольжения (по: Нерман, 1902. Рус. 125); 2 – способ одноопорного скольжения (по: Нерман, 1902. Рус. 121); 3 – передвижение по Финскому заливу на коньках способом одноопорного скольжения, фрагмент одного из листов Морской карты 1539 г. О. Магнуса (по: Кордт, 1906. Рис. III); 4 – рисунок зимних забав с забегом лосей и катании на коньках (по: Magnus Olaus..., 1562. P. 113. Cap. 29).

Fig. 6. Ice skating

заснеженным мостовым древних улиц, идущих к Волхову и имеющих небольшой уклон к реке.

3. В коллективных забавах нельзя исключить и способ катания “на буксире”.

Способы скольжения на костяных коньках напомнили об этимологии слова “коньки”. Принято, что слово имеет исконно русские корни и представляет собой уменьшительный вариант слова “конь”. Логично, что колодочки с металлическим полозом, носовое завершение которых часто был загнуто, воспринимались как маленькие кони, которые несли на себе человека. Более того, по этнографическим данным, передняя часть деревянных полозьев иногда украшалась фигуркой, напоминающей резную конскую голову. Отмечалась и параллель “коньки-кони”, напоминающая, что значительная часть костяных коньков изготавливалась из костей коней.

Техника катания на костяных коньках с помощью палки перекликается с детской игрой “лошадка на палке”, когда дети гарцуют на воображаемом скакуне. Это наводит на мысль, что в названии забавы “кататься на коньках” может быть отражен и средневековый способ катания с помощью опорной палки “верхом на коне”.

Современные методы изучения культурного слоя Новгорода с максимально полной фиксацией находок, точное стратиграфическое и планиграфическое документирование, использование различных аналитических методов позволяют решать спорные вопросы атрибуции некоторых категорий находок и дают высокие шансы на успех дальнейших исследований.

Благодарю начальника Старорусской археологической экспедиции к.и.н. Е.В. Торопову и руководителя Центра археологических исследований Новгородского государственного университета С.Е. Торопова за возможность публикации кожаной детской туфли XII в.; д.б.н., проф. А.В. Зиновьеву за проведенное исследование и консультации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вальков И.А. Особенности трасологического анализа артефактов из кости в археологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 3. С. 574–587.
- Вальков И.А., Федорчук А.С. К вопросу о функциональном назначении костяных коньков // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2017. С. 60–64.
- Васильев М.И. Русские сухопутные коммуникации и скользящий транспорт X — начала XX века. Основные тенденции развития: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 46 с.
- Гайдуков П.Г., Кудрявцев А.А., Олейников О.М., Степанов М.А., Язиков С.В. Исследования в южной части Великого Новгорода в 2014 г. (раскоп Рогатицкий-2) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 29. СПб.: Первый издат.-полиграф. холдинг, 2015. С. 66–77.
- Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2010 г. (Десятинный IV раскоп) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 25. Великий Новгород: Печатный двор “Великий Новгород”, 2011. С. 40–43.
- Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Археологические исследования на Торговой стороне Новгорода в 2012 г. (Лукинский-2 раскоп) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 27. Великий Новгород: Первый издат.-полиграф. холдинг, 2013. С. 20–30.
- Гайдуков П.Г., Олейников О.М., Исаев А.А., Короткова Е.В., Степанов М.А. Археологические исследования на Торговой стороне Великого Новгорода в 2016 г. (раскопы Никитин, 7; Посольский-2016) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 31. СПб.: Любавич, 2017. С. 25–28.
- Голофаст Л.А., Добровольская Е.В. Изделия из кости из раскопок слоев Хазарского времени Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 7, вып. 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 77–90.
- Гроздилов Г.П., Третьяков В.П. Описание находок из раскопок в Старой Ладоге, произведенных Н.И. Репниковым в 1909–1913 гг. // Старая Ладога. Материалы археологических экспедиций. Л.: Государственный музей этнографии, 1948. С. 71–107.
- Давидан О.И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. № 8. Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. Л.; М.: Советский художник, 1966. С. 103–115.
- Добровольский А.В. Перше Сабатинівське поселення // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. IV. Київ: Академія наук Української РСР, 1952. С. 78–88.
- Зиновьев А.В. Обзор археозоологического материала, полученного из раскопа “Десятинный-1” в Великом Новгороде в 2008 году // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород: Виконт, 2009. С. 189–206.
- Иванова И.В., Иванова Н.Ю. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // Археологические вести. № 18. СПб.: ИИМК РАН, 2012. С. 124–144.

- Кларк Дж.Г.Д. Доисторическая Европа. Экономический очерк. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. 332 с.
- Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии. Вторая серия. Вып. 1. Карты всей России, Северных ее областей и Сибири / Собрал В. Кордт. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1906. 28 с., 26 карт.
- Косинцева А.П. Костяные коньки раннего средневековья (опыт реконструкции) // Седьмые Берсовские чтения. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 194–200.
- Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1951 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 21). С. 152–181.
- Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв.: тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1979. 268 с.
- Молтби М., Гамильтон-Даер Ш. Кости животных из раскопок в Новгороде и его округе // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород: Тип. “Новгород”, 1995. С. 129–156.
- Олейников О.М. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (Десятинный I, III, IV раскопы) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 23. Великий Новгород: Виконт, 2009. С. 36–44.
- Панковский В.Д. Индустрия скелетных материалов нижнего слоя Михайловки // Котова Н.С. Деревянная культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев; Харьков: Майдан, 2013. С. 449–483.
- Панковский В.Д. Коньки периода поздней бронзы как показатель культурогенеза // Производственные центры: источники, “дороги”, ареал распространения / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 74–79.
- Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 185 с.
- Савельева Е.А. Олаус Магнус и его “История северных народов”. Л.: Наука, 1983. 136 с.
- Семенов С.А. О назначении “коньков” и костей с нарезками из Саркела — Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 75). С. 353–361.
- Уильям Фиц-Стефен. Описание благороднейшего города Лондона / Пер. и коммент. Н.А. Богодаровой // Городская жизнь в средневековой Европе / Ред. Е.В. Гутнова и др. М., 1987. С. 147–156.
- Фазуллин И.А., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости Родникового поселения позднего бронзового века в степном Оренбуржье [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 3 (27). С. 172–186. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/16_3_2018.html (дата обращения: 01.08.2021).
- Флерова В.Е. Домашние промыслы в Саркеле — Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: материалы конф. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский обл. ист.-краевед. музей, 1996. С. 277–332.
- Хорошев А.С. Средства передвижения // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. М.: Наука, 1997 (Археология). С. 120–129.
- Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сингх В.К., Степанов А.М., Тянина Е.А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2018 г. (Троицкие раскопы XV и XVI) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 33. Великий Новгород: Первый издат.-полиграф. холдинг, 2020. С. 11–24.
- Янин В.Л., Рыбина Е.А., Покровская Л.В., Сингх В.К., Степанов А.М., Тянина Е.А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2019 г. (Троицкие раскопы) // Новгород и новгородская земля. История и археология. Вып. 34. Великий Новгород: Первый издат.-полиграф. холдинг, 2021. С. 23–37.
- Arbran H. Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: K. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1943. 290 p.
- Balfour H. Notes on the Modern Use of Bone Skates // The Reliquary and Illustrated Archaeologist. Vol. 4. 1898. P. 29–37.
- Baron J., Diakowski M., Stolarczyk T. Bone and antler artefacts from an 8–5th century BC settlement at Grzybiany, South-Western Poland // Close to the bone: current studies in bone technologies. Belgrad, 2016. P. 28–47.
- Berg G. Skates and Punt Sleds: Some Scandinavian Notes // Vriendenboek voor A.J. Kempers / Ed. P. Meertens. Arnhem, 1971. P. 4–13.
- Choyke A.M. Bone skates: raw material, manufacturing and use // Pannonia and Beyond: Studies in Honour of László Barkóczi “Antaeus”. Vol. 24/1997–1998. Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, 1999. P. 148–156.
- Choyke A.M., Bartosiewicz L. Skating with Horses: continuity and parallelism in Prehistoric Hungary // Revue de Paléobiologie. Vol. spec. 10. Genève, 2005. P. 317–326.
- Cnotliwy E. Wczesnośredniowieczne przedmioty z rogu i kości z Wolina, ze stanowiska 4 // Materiały Zachodniopomorskie. 1958. 4. P. 155–240.
- Edberg R., Karlsson J. Bone skates and young people in Birka and Sigtuna // Fornvännen. 2016. Vol. 111, 1. P. 7–16.
- Formenti F., Minetti A. Human locomotion on ice: the evolution of ice-skating energetics through history // The Journal of Experimental Biology. 2007. Vol. 210, iss. 10. P. 1825–1833.
- Gourde L.T. An Annotated Translation of the Life of St. Thomas Becket by William Fitzstephen: A Thesis

- Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Art in Loyola University. Chicago, 1943. 116 p.
- Herman O.* Knochenschlittschuh, Knochenkufe, Knochenkeitel: Ein Beitrag zur näheren Kenntnis der prähistorischen Langknochenfunde // Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1902. Bd. XXXII. P. 217–238.
- Hrubý V.* Slovanské kostěné předměty a jejich výroba na Moravě // Památky Archeologické. S. XLVIII. Praha, 1957. S. 118–212.
- Kuchelmann H.C., Zidarov P.* Let's skate together! Skating on bones in the past and today // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present. Tallinn: Tallinn Book Printers Ltd., 2005. P. 425–445.
- Kunst G.K., Jettmar P., Salzer R.K.* A Broken Skate and Scattered Skittles? Worked Bones from the Castle of Grafendorf // Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte. Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2018 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz; 150). P. 941–951.
- Luik H.* Luust uisud Eesti arheoloogilises leiumaterjalis // Eesti Arheoloogia Ajakiri. Journal of Estonian Archaeology. 2000. Vol. 4, 2. P. 129–150.
- MacGregor A.* Problems in the interpretation of microscopic wear patterns: the evidence from bone skates // Journal of Archaeological Science. 1975. Vol. 2, iss. 4. P. 385–390.
- MacGregor A.* Bone skates: a review of the evidence // Archaeological Journal. 1976. Vol. 133, iss. 1. P. 57–74.
- Magnus Olaus.* Historia de Gentibus septentrionalibus. Antverpiae: Bellerum, 1562. 190 p.
- Manojlović-Nikolić V.* Средневековне клизальке из Врачког музеја // Glasnik Srpskog arheološkog društva. 13. Beograd, 1997. P. 349–357.
- Manojlović-Nikolić V.* Коштани клизальке са средњовековних насеља у Војводини // Istraživanja. 2010. 21. P. 31–41.
- Munro R.* Notes on Ancient Bone Skates // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Vol. 28 (1893–94). Edinburgh: Neill and Company, 1894. P. 185–197.
- Schietzel K.* Spurensuche Haithabu: Archäologische Spurensuche in der frühmittelalterlichen Ansiedlung Haithabu: Dokumentation und Chronik 1963–2013. Neumünster: Wachholtz, 2018. 647 p.
- Smith C.R.* Ancient Bone Skate Found in Moorfields // Archaeologia. 1842. 29. P. 397–399.
- Thurber B.* The Similarity of Bone Skates and Skis // Viking and Medieval Scandinavia. 2013. Vol. 9. P. 197–214.
- Vita Sancti Thomae, Cantuariensis archiepiscopi et martyris, auctore Wilhelmo filio Stephani* // Materials for the history of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury (Canonized by Pope Alexander III, AD 1173) / Ed. J.C. Robertson. London: Longman, 1877 (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores; no. 67). P. 1–154.
- Waszczuk K., Żychliński D., Prawniczak R., Pachulski P.* Czy w Gnieźnie wszyscy jeździli na łyżwach? Łyżwy z osady Targowisko w Gnieźnie – przyczynek do sposobów ich użytkowania w okresie średniowiecza i nie tylko // Slavia Antiqua. T. LV. Poznań, 2014. P. 179–209.
- West B.* A Note on Bone Skates from London // Transactions of the London and Middlesex Archaeological Society. Vol. 33. London: Middlesex Archaeological Society, Bishopsgate Institute, 1982. P. 304–320.

BONE ICE SKATES IN THE MEDIEVAL NOVGOROD (based on archaeological research of the Institute of Archaeology RAS in 2018–2019)

Oleg M. Oleynikov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: Olejnikov1960@yandex.ru

The article summarizes available information on bone ice skates and presents the results of research and classification of the collection of skates dating from the 11th–15th centuries found by the Novgorod Expedition of the Institute of Archaeology RAS. Medieval ice skates are small bone runners made from the tubular bones of large domestic animals. All objects show traces of the specific processing of original bones: cut off epiphyses and a flattened plantar side (sliding surface). The amount of accumulated archaeological material, instrumental study of wear pattern on the working surface, experiments in the use and manufacture of skates, numerous ethnographic parallels in the use of bone skates in a number of countries almost up to the present day, as well as the fact of skating on bone shoes recorded in a 12th century source, make it safe to say that, in functional terms, ice skating was one of the forms of winter pastime and a part of the Novgorod dwellers' everyday life.

Keywords: bone skates of the 11th–15th centuries, winter entertainment, Veliky Novgorod, skating methods, typology.

REFERENCES

- Arbran H., 1943. Birka. I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: K. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. 290 p.
- Balfour H., 1898. Notes on the Modern Use of Bone Skates. *The Reliquary and Illustrated Archaeologist*, 4, pp. 29–37.
- Baron J., Diakowski M., Stolarczyk T., 2016. Bone and antler artefacts from an 8–5th century BC settlement at Grzybiany, South-Western Poland. *Close to the bone: current studies in bone technologies*. Belgrad, pp. 28–47.
- Berg G., 1971. Skates and Punt Sleds: Some Scandinavian Notes. *Vriendenboek voor A.J. Kempers*. P. Meertens, ed. Arnhem. P. 4–13.
- Choyke A.M., 1999. Bone skates: raw material, manufacturing and use. *Pannonia and Beyond: Studies in Honour of László Barkóczi “Antaeus”, 24/1997–1998*. Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences, pp. 148–156.
- Choyke A.M., Bartosiewicz L., 2005. Skating with Horses: continuity and parallelism in Prehistoric Hungary. *Revue de Paléobiologie*, 10. Genève, pp. 317–326.
- Cnotliwy E., 1958. Wczesnośredniowieczne przedmioty z rogu i kości z Wolina, ze stanowiska 4. *Materiały Zachodniopomorskie*, 4, pp. 155–240.
- Davidan O.I., 1966. Staraya Ladoga bone and antler products (based on excavations by the Staraya Ladoga expedition of the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences). *Arkheologicheskiiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological papers of the State Hermitage Museum]*, 8. Epokha bronzы i rannego zheleza. Slavyane [The Bronze and Early Iron Ages. Slavs]. Leningrad; Moscow: Sovetskiy khudozhnik, pp. 103–115. (In Russ.)
- Dobrovol's'kiy A.V., 1952. Earliest Sabatinivka settlements. *Arkheologichni pam'yatki URSS [Archaeological sites of the Ukrainian SSR]*, IV. Kii'v: Akademiya nauk Ukraïns'koï RSR, pp. 78–88. (In Ukrainian).
- Edberg R., Karlsson J., 2016. Bone skates and young people in Birka and Sigtuna. *Fornvännen*, 111, 1, pp. 7–16.
- Fazullin I.A., Usachuk A.N., 2018. A collection of bone artifacts from the Rodnikovoye settlement of the Late Bronze Age in the steppe Orenburg region (Electronic resource). *Vestnik Orenburgskogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]*, 3 (27), pp. 172–186. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/16_3_2018.html (In Russ.)
- Flerova V.E., 1996. Household crafts in Sarkel — Belaya Vezha (based on the collection of bone objects). *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e.: materialy konferentsii [Cultures of the Eurasian steppes in the second half of the 1st millennium AD: Conference proceedings]*. D.A. Stashenkov, ed. Samara: Samarskiy oblastnoy istoriko-kraevedcheskiy muzey, pp. 277–332. (In Russ.)
- Formenti F., Minetti A., 2007. Human locomotion on ice: the evolution of ice-skating energetics through history. *The Journal of Experimental Biology*, vol. 210, iss. 10, pp. 1825–1833.
- Gaydukov P.G., Kudryavtsev A.A., Oleynikov O.M., Stepanov M.A., Yazikov S.V., 2015. Explorations in the southern part of Veliky Novgorod in 2014 (the Rogatitsky-2 excavation site). *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 29. St. Petersburg: Pervyy izdatel'sko-poligraficheskiy kholding, pp. 66–77. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Oleynikov O.M., 2011. Works in the north-western part of Lyudin district of Veliky Novgorod in 2010 (the Desyatiny IV excavation site). *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 25. Velikiy Novgorod: Pechatnyy dvor “Velikiy Novgorod”, pp. 40–43. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Oleynikov O.M., 2013. Archaeological research in the Trade side of Novgorod in 2012 (the Lukinsky-2 excavation site). *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 27. Velikiy Novgorod: Pervyy izdatel'sko-poligraficheskiy kholding, pp. 20–30. (In Russ.)
- Gaydukov P.G., Oleynikov O.M., Isaev A.A., Korotkova E.V., Stepanov M.A., 2017. Archaeological research in the Trade side of Novgorod in 2016 (the excavation sites of Nikitin 7; Posolsky-2016). *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 31. St. Petersburg: Lyubavich, pp. 25–28. (In Russ.)
- Golofast L.A., Dobrovol'skaya E.V., 2018. Bone products from excavations of the Khazar layers in Phanagoria. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy [Phanagoria. Archaeological research results]*, vol. 7, iss. 4. Moscow: IA RAN, pp. 77–90. (In Russ.)
- Gourde L.T., 1943. An Annotated Translation of the Life of St. Thomas Becket by William Fitzstephen: A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Art in Loyola University. Chicago. 116 p.
- Grozdilov G.P., Tret'yakov V.P., 1948. Description of finds from excavations in Staraya Ladoga made by N.I. Repnikov in 1909–1913. *Staraya Ladoga. Materialy arkheologicheskikh ekspeditsiy [Staraya Ladoga. Materials of archaeological expeditions]*. Leningrad: Gosudarstvennyy muzey etnografii, pp. 71–107. (In Russ.)
- Herman O., 1902. Knochenschlittschuh, Knochenkufe, Knochenkeitel: Ein Beitrag zur näheren Kenntnis der prähistorischen Langknochenfunde. *Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, XXXII, pp. 217–238.
- Hrubý V., 1957. Slovanské kostěné předměty a jejich výroba na Moravě. *Památky Archeologické*, XLVIII. Praha, pp. 118–212.

- Ivanova I.V., Ivanova N.Yu., 2012. Collection of bone products from Ladoga (based on materials from an excavation site near Varyazhskaya Street in the village of Staraya Ladoga. *Arkheologicheskie vesti [Archaeological news]*, 18. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 124–144. (In Russ.)
- Khoroshev A.S., 1997. Vehicles. *Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura [Rus. Everyday life and culture]*. B.A. Kolchin, T.I. Makarova, eds. Moscow: Nauka, pp. 120–129. (Arkheologiya). (In Russ.)
- Klark Dzh.G.D., 1953. Doistoricheskaya Evropa. Ekonomicheskiy ocherk [Prehistoric Europe. The economic basis]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. 332 p.
- Kordt V.A., 1906. Materialy po istorii russkoy kartografii. Vtoraya seriya [Materials on the history of Russian cartography. The second series], 1. *Karty vsey Rossii, Severnykh ee oblastey i Sibiri [Maps of all of Russia, its northern regions and Siberia]*. V. Kordt, comp. Kiev: Tipografiya S.V. Kul'zhenko. 28 p., 26 il.
- Kosintseva A.P., 2016. Bone skates of the Early Middle Ages (an experience in reconstruction). *Sed'mye Bersovskie chteniya [The Seventh Bers readings]*. Ekaterinburg: Kvadrat, pp. 194–200. (In Russ.)
- Krivtsova-Grakova O.A., 1951. The Sadchikovka settlement (excavations in 1948). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Urala i Priural'ya [Materials and studies on the archaeology of the Urals and Cis-Urals]*, II. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 152–181. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 21). (In Russ.)
- Kuchelmann H.C., Zidarov P., 2005. Let's skate together! Skating on bones in the past and today. *From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present*. Tallinn: Tallinn Book Printers Ltd, pp. 425–445.
- Kunst G.K., Jettmar P., Salzer R.K., 2018. A Broken Skate and Scattered Skittles? Worked Bones from the Castle of Grafendorf. *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte. Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, pp. 941–951. (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz, 150).
- Luik H., 2000. Luust uisud Eesti arheoloogilises leiumaterjalis. *Eesti Arheoloogia Ajakiri. Journal of Estonian Archaeology*, 4, 2, pp. 129–150.
- MacGregor A., 1975. Problems in the interpretation of microscopic wear patterns: the evidence from bone skates. *Journal of Archaeological Science*, vol. 2, iss. 4, pp. 385–390.
- MacGregor A., 1976. Bone skates: a review of the evidence. *Archaeological Journal*, vol. 133, iss. 1, pp. 57–74.
- Magnus Olaus, 1562. *Historia de Gentibus septentrionalibus*. Antverpiae: Bellerum. 190 p.
- Manojlović-Nikolić V., 1997. Средњовековне клизальке из Вршачког музеја. *Glasnik Srpskog arheološkog društva*, 13. Beograd, pp. 349–357.
- Manojlović-Nikolić V., 2010. Коштане клизальке са средњовековних насеља у Војводини. *Istraživanja*, 21, pp. 31–41.
- Matuzova V.I., 1979. *Anglijskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv.: teksty, perevod, kommentarii [English medieval sources of the 9th–13th centuries: texts, translation, commentary]*. Moscow: Nauka. 268 p.
- Moltbi M., Gamil'ton-Daer Sh., 1995. Animal bones from excavations in Novgorod and its vicinity. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 9. Novgorod: Tipografiya "Novgorod", pp. 129–156. (In Russ.)
- Munro R., 1894. Notes on Ancient Bone Skates. *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, 28 (1893–94). Edinburgh: Neill and Company, pp. 185–197.
- Oleynikov O.M., 2009. Works in the northwestern part of Lyudin district of Veliky Novgorod in 2008 (the excavation sites of Desyatny I, III, IV). *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 23. Velikiy Novgorod: Vikont, pp. 36–44. (In Russ.)
- Pankovskiy V.D., 2006. Skates of the Late Bronze Age as an indicator of cultural genesis. *Proizvodstvennye tsentry: istochniki, "dorogi", areal rasprostraneniya [Production centres: sources, "roads", distribution area]*. D.G. Savinov, ed. St. Petersburg: Eleksis Print, pp. 74–79. (In Russ.)
- Pankovskiy V.D., 2013. Industry of skeletal materials of the lower layer of Mikhailovka. *Kotova N.S. Dereivskaya kul'tura i pamyatniki Nizhnemikhaylovskogo tipa [The Dereivka culture and sites of the Lower Mikhailovka type]*. Kiev; Khar'kov: Maydan, pp. 449–483. (In Russ.)
- Peters B.G., 1986. Kostoreznoe delo v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ya [Bone carving in the ancient states of the Northern Pontic]. Moscow: Nauka. 185 p.
- Savel'eva E.A., 1983. Olaus Magnus i ego "Istoriya severnykh narodov" [Olaus Magnus and his *Historia de gentibus septentrionalibus*]. Leningrad: Nauka. 136 p.
- Schietzel K., 2018. Spurensuche Haithabu: Archäologische Spurensuche in der frühmittelalterlichen Ansiedlung Haithabu: Dokumentation und Chronik 1963–2013. Neumünster: Wachholtz. 647 p.
- Semenov S.A., 1959. The function of "skates" and dice from Sarkel – Belaya Vezha. *Trudy Volgo-Donskoy arkheologicheskoy ekspeditsii [Proceedings of the Volga-Don archaeological expedition]*, II. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 353–361. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 75). (In Russ.)
- Smith C.R., 1842. Ancient Bone Skate Found in Moorfields. *Archaeologia*, 29, pp. 397–399.
- Thurber B., 2013. The Similarity of Bone Skates and Skis. *Viking and Medieval Scandinavia*, 9, pp. 197–214.
- Uil'yam Fits-Stefen, 1987. Description of the most noble city of London. *Gorodskaya zhizn' v srednevekovoy*

- Evrope [Urban life in medieval Europe]*. E.V. Gutnova, ed. Moscow, pp. 147–156. (In Russ.)
- Val'kov I.A., 2019. Peculiarities of traceological analysis of bone artifacts in archaeology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University]*, vol. 21, no. 3, pp. 574–587. (In Russ.)
- Val'kov I.A., Fedorchuk A.S., 2017. To the function of bone ice skates. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Territory]*, XXIII. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, pp. 60–64. (In Russ.)
- Vasil'ev M.I., 2009. Russkie sukhoputnye kommunikatsii i skol'zyashchiy transport X – nachala XX veka. Osnovnye tendentsii razvitiya: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk [Russian land communications and sliding transport of the 10th – early 20th century. Main development trends: an author's abstract of the Doctoral Thesis in History]. St. Petersburg. 46 p.
- Vita Sancti Thomae, Cantuariensis archiepiscopi et martyris, auctore Willelmo filio Stephani. *Materials for the history of Thomas Becket, Archbishop of Canterbury (Canonized by Pope Alexander III, AD 1173)*. J.C. Robertson, ed. London: Longman, 1877, 1–154. (Rerum Britannicarum medii aevi scriptores, 67).
- Waszczuk K., Żychliński D., Prawniczak R., Pachulski P., 2014. Czy w Gnieźnie wszyscy jeździli na łyżwach? Łyżwy z osady Targowisko w Gnieźnie – przyczynek do sposobów ich użytkowania w okresie średniowiecza i nie tylko. *Slavia Antiqua*, LV. Poznań, pp. 179–209.
- West B., 1982. A Note on Bone Skates from London. *Transactions of the London and Middlesex Archaeological Society*, 33. London: Middlesex Archaeological Society, Bishopsgate Institute, pp. 304–320.
- Yanin V.L., Rybina E.A., Pokrovskaya L.V., Singkh V.K., Stepanov A.M., Tyanina E.A., 2020. Works at Lyudin district of Veliky Novgorod in 2018 (the excavation sites of Troitsky XV and XVI). *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 33. Velikiy Novgorod: Pervyy izdatel'sko-poligraficheskiy kholding, pp. 11–24. (In Russ.)
- Yanin V.L., Rybina E.A., Pokrovskaya L.V., Singkh V.K., Stepanov A.M., Tyanina E.A., 2021. Works at Lyudin district of Veliky Novgorod in 2019 (the Troitsky excavation sites). *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 34. Velikiy Novgorod: Pervyy izdatel'sko-poligraficheskiy kholding, pp. 23–37. (In Russ.)
- Zinov'ev A.V., 2009. Review of archaeozoological material obtained from the Desyatiny-1 excavation site in Veliky Novgorod in 2008. *Novgorod i novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya [Novgorod and the Novgorod land. History and archaeology]*, 23. Velikiy Novgorod: Vikont, pp. 189–206. (In Russ.)

ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА СО СПИРАЛЬНЫМ ДЕКОРОМ: ТЕРРИТОРИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ХРОНОЛОГИЯ

© 2021 г. Ю.В. Степанова

Тверской государственный университет, Россия

E-mail: m000142@mail.ru

Поступила в редакцию 19.06.2020 г.

Рассматривается одна из категорий средневековых украшений — височные кольца с декором, выполненным из спирально скрученной проволоки. Характеризуются находки с территории Восточной Европы, известные к настоящему моменту, приводятся данные об украшениях из Центральной и Юго-Восточной Европы. Выделены височные кольца с разным оформлением концов и спирального декора. Украшения этого типа связаны с византийской ювелирной традицией. Их находки сконцентрированы в славянских памятниках вдоль Дуная, в Сербии, Болгарии и Юго-Восточной Румынии. В Центральной и Восточной Европе они немногочисленны. Их хронология, как и в Дунайско-Балканском регионе, охватывает X–XIV вв., наибольшее число находок относится ко второй половине XI–XIII в. Кольца со спиральным декором могли поступать в Северную Русь как в результате торговли, так и с переселенцами из южнорусских земель. Небольшое количество находок показывает, что эти украшения не стали предметом массового производства за пределами Дунайско-Балканского региона.

Ключевые слова: Византия, Древняя Русь, славяне, украшения, височные кольца, проволока, типология, хронология.

DOI: 10.31857/S086960630010200-9

Среди разнообразных славянских височных украшений Восточной Европы встречаются редкие типы, представленные относительно небольшим числом находок, например лунничные и их разновидности, трехлопастные. К числу таких редких типов относятся и височные кольца с декором, выполненным из скрученной проволоки, перевитой вокруг основного обруча. Они получили разные наименования в отечественной научной литературе: “кудрявые” (Левашова, 1967. С. 35), “с ажурной муфтой” (Макаров, 1990. С. 67, 83; 1997. С. 180, 181), “с перевитьем” (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 171). Височные кольца этого типа относительно немного рассматривались в научной литературе. В публикации В.П. Левашовой приведены сведения всего лишь о восьми известных на тот момент находках “кудрявых” височных колец на территории Древней Руси (Левашова, 1967. С. 35). Технология изготовления этих украшений рассматривается в исследовании И.Е. Зайцевой и Т.Г. Сарачевой. Авторы выделили различные виды перевитья этих украшений по материалам “земли вятичей”: из двух скрученных проволок, из одной спирально скрученной тонкой проволоки и из плоской полоски металла (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 171. Рис. 84). По-видимому, определение “кудрявые” можно

отнести к кольцам с декором из одной спирально скрученной проволоки, так как у других вариантов перевитье более плотное. Находкам колец со спиральным перевитьем на территории Центральной и Юго-Восточной Европы посвящены статьи Я. Жака (Žak, 1971) и Д. Минич (Минић, 1988). Распространение и хронология этих украшений в Центральной и Юго-Восточной Европе рассматриваются в работах Й. Геслера (Giesler, 1981. Р. 126–128) и К. Местерхази (Mesterhazy, 1990. Р. 105–107). Эти украшения иногда именуется не височными кольцами, а серьгами в связи с тем, что они имеют небольшой диаметр и могли использоваться у женском уборе двояко — и как височные украшения, и как серьги. М.В. Седова предположила западное происхождение височных колец со спиральным декором (Седова, 1981. С. 16). А.А. Спицын на основании находок в Гдовских курганах датировал эти кольца XIV–XV вв. (Спицын, 1903. С. 20).

За последние 50 лет появились новые находки этого типа украшений на территории как Восточной, так и Центральной и Юго-Восточной Европы, которые позволяют более детально рассмотреть вопрос об их происхождении, распространении и хронологии. Эти находки происходят как из городов: Новгорода, Пскова, Твери,

Рис. 1. Височные кольца со спиральным декором из Восточной Европы. 1 – Новгород; 2, 3 – Псков; 4, 5 – Тверь, кремль; 6 – Тверь, Загородский посад; 7 – Плешково 1; 8 – Гдовские курганы; 9, 10 – Никольское III; 11 – Мякинино 1; 12 – Нижний Новгород; 13 – Переяславль Рязанский; 14 – Рубцово; 15 – Горы; 16 – Заславль; 17 – Веточка 1; 17, 18 – Дорогобуж Волынский; 20 – Кснятин на Суле; 21 – Райковецкое городище; 22 – Звенигород. Здесь и для рис. 2 источники указаны в тексте.

Fig. 1. Temporal rings with spiral ornamentation from Eastern Europe

Нижнего Новгорода, Переяславля Рязанского, Киева, Кснятина на Суле, Дорогобужа Волынского, так и из сельских погребальных памятников и поселений.

В Новгороде височные кольца со спиральным декором (3 экз.) найдены в слоях конца X и второй половины XIII в. (Седова, 1981. С. 16. Рис. 3, 3; Покровская, 2007. С. 45. Рис. 1, 4). Среди них и экземпляры с одним концом в виде круглой

петли, другим прямым, и с концами в виде петли и крючка. Перевитые выполнены из спирально скрученной проволоки (рис. 1, 1).

В Пскове на Завеличье в слоях XI–XIII вв. найдено два аналогичных бронзовых височных кольца с одним концом в виде петли (Салмина, Салмин, 2008. С. 29–52. Рис. 16, 21) (рис. 1, 2, 3).

На Ижорском плато в могильнике Бегуницы в кургане 17 в погребении девочки (погр. 2)

найден бронзовое перстнеобразное височное кольцо с ажурным перевитьем и напускной бронзовой обоймицей (Рябинин, 2001. С. 149, 150. Табл. XXVIII, 4). Погребение датируется XII—первой половиной XIII в. (Рябинин, 2001. С. 84. Рис. 10).

Находки височных колец со спиральным перевитьем в Гдовских курганах известны с начала XX в. Здесь найдены височные кольца с плотным перевитьем (возможно, из двух проволок, аналогичные кольцу из Переяславля Рязанского) (Спицын, 1903. С. 20, 55. Рис. 53. Табл. 24, 25). Перевитье охватывает почти весь обруч и закреплено по краям плотной спиральной обмоткой. У одного из них оба конца завершаются крючками (рис. 1, 8). В работе В.П. Левашовой упоминаются также два кольца из Южного Приладожья (Левашова, 1967. С. 35).

Несколько находок имеется в Восточном Прионежье. В курганном могильнике Никольское III, в кургане 13 (погр. 2) найдено 2 экз. височных колец со спиральным перевитьем и одним концом, загнутым в виде петли (рис. 1, 9). Вместе с височными кольцами здесь были крестик с округлыми концами и растительными завитками и западноевропейские денарии. Н.А. Макаровым комплекс из этого погребения отнесен к варианту славянского женского убора (Макаров, 1990. С. 83, 153). В кургане 16 (погр. 1) найдено два кольца, у которых в декоре использовано спиральное перевитье, но оно не сплошное, а имитирует бусины, разделенные проволоочной обмоткой (Макаров, 1990. С. 67. Табл. XVII, 16, 18–20) (рис. 1, 10).

В могильнике Нефедьево в погр. 24 и 46 найдено по одному, в погр. 53 — два идентичных височных кольца с перевитьем из спирали и одним концом в виде петли (Макаров, 1997. С. 180, 181. Табл. 141, 8; 143, 18, 19). Погребения датируются XI–XII вв. В погр. 53 в комплекс украшений, наряду с височными кольцами со спиральным декором, входили крестик с эмалью и узелковые височные кольца. В погр. 24 в комплексе с височными кольцами были крестики с округлыми концами и растительными завитками.

Находки бронзовых височных колец со спиральным декором имеются в Твери на территории кремля в слоях первой половины XIII в. (Лапшин, 2009. С. 97. Рис. 94, 1) и второй половины XIII — первой половины XIV в. (Иванова, Хохлов, 2019. С. 100–129. Цв. рис. 15, № 999) (рис. 1, 4, 5). Еще одна находка плохой сохранности, выявленная при реставрации, происходит с территории Загородского посада (Нестерова, 1997; Степанова, 1997. Л. 1, 2. Цв. фото) (рис. 1, 6). У височных

колец из Твери концы оформлены в виде петли и крючка. На изделии из раскопок Загородского посада перевитье закреплено проволоочной обмоткой. Предположительно, что к такому же типу височных колец относится фрагмент еще одного изделия из золота, найденный в Тверском кремле в слое первой половины XIV в. (Лапшин, 2009. С. 97. Рис. 109, 2).

Из сельских памятников Верхневолжья происходит лишь 1 экз. из кургана 31 (погр. 2) могильника Плешково 1 (Комаров, 2001. С. 145. Рис. 2, 13) (рис. 1, 7). В этом погребении найдено также трехбусинное височное кольцо с гладкими бусинами из двух половинок. В Плешково 1 хронология большинства погребений не выходит за рамки XI в.

В “земле вятичей” височные кольца со спиральным декором зафиксированы на поселениях Спас-Городок, Мякинино 1 (рис. 1, 11), в Переяславле Рязанском (рис. 1, 13), в курганном могильнике Рубцово (курган 2) (рис. 1, 14). На поселении Спас-Городок кольцо имеет перевитье из плоской полоски металла (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 171), в Переяславле Рязанском — из двух перекрученных проволок (Судаков и др., 1997; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 171. Рис. 81, 6). Кольцо из Переяславля Рязанского имеет один спирально загнутый конец. Кольца из Рубцово и Мякинино 1 имеют перевитье из спирально скрученной проволоки и один конец, загнутый в виде петли (Черепнин, 1897. С. 153; Зайцева, Сарачева, 2011. Рис. 81, 8; Энговатова, Коваль, 2007. С. 77. Рис. 6, 2). В Рубцово и Мякинино 1, как и в Нефедьево, они сочетаются с находками бусинных височных колец с гладкими, зернеными и узелковыми бусинами. Два экземпляра колец из раскопок курганного могильника у с. Аниськино (Аниськино) на р. Клязьма и еще одно из Московской области упоминаются в работе В.П. Левашовой (1967. С. 35). Височные кольца со спиральным перевитьем найдены в Нижнем Новгороде в слоях XIII—начала XV в. (Грибов, 2018. С. 21. Рис. 7, 11) (рис. 1, 12). В каталоге В.П. Левашовой учтено также 3 экз. из курганов у с. Колчино на р. Болва (приток р. Десна, бассейн Днепра).

Таким образом, на территории Северо-Восточной и Северо-Западной Руси в настоящее время выявлено не менее 34 экз. височных колец со спиральным декором. Они изготовлены с применением тонкой спирально скрученной проволоки. Три кольца предположительно могут быть отнесены к варианту, у которого декор выполнен из двух перевитых проволок. У двух колец

ажурное перевитье имитирует бусины, которые разделены проволоочной обмоткой.

Имеется ряд находок височных колец со спиральным декором на территории Беларуси. В курганном могильнике Веточка 1 (Рогачевский р-н Гомельской обл.) в раскопках А.Н. Плавинского и В.Н. Рябцевича в погребении женщины и ребенка 5-6 лет (курган 7) найден комплект из восьми височных колец со спиральным перевитьем, завернутый в бересту (рис. 1, 17). Семь колец были нанизаны на одно (Плавинский, 1998. С. 59; Археологія Беларусі, 2009. С. 162; Археологическое..., 2012. С. 106). Перевитье этих колец выполнено из спирально скрученной проволоки, один конец оформлен в виде петли, другой прямой. Погребения в могильнике датируются XI–XII вв.

Находка из могильника Заславль (курганый могильник 9) (Минский р-н Минской обл.) аналогична экземплярам из могильника Веточка 1 и датируется началом XI в. (Археологія Беларусі, 2009. С. 366; Археологическое..., 2012. С. 96) (рис. 1, 16).

Височное кольцо с концами, оформленными в виде петель, найдено на городище Горы в Могилевской области (Археологія Беларусі, 2009. С. 260). Перевитье здесь выполнено из спирально скрученной проволоки, по краям она закреплена обмоткой в 10-11 витков (рис. 1, 15). Находка датируется концом X – началом XI в.

На территории Южной Руси височные кольца также происходят как из погребений, так и поселений. В некрополе летописного Княтина на Суле в детском погребении найдено височное кольцо с перевитьем, выполненным из спирали (Моргунов, 1991. Рис. 2, 10) (рис. 1, 20). У височного кольца из погр. 34 грунтового могильника в урочище Гоева Гора в округе Звенигорода перевитье тоже выполнено из спиральной проволоки (рис. 1, 22). Один конец спирально закручен, второй обрублен (Гупало, 2014. С. 418. Фото 60, 3). Височное кольцо здесь было в одном комплексе со спиралеконечными височными кольцами. В Дорогобуже Волынском на посаде исследовано погребение ребенка (курган 282, погр. 2), датирующееся второй половиной X – началом XI в. В нем найдено два височных кольца со спиральным перевитьем (Прищепа, 2018. С. 278–282. Рис. 3, 6, 7) (рис. 1, 18, 19). Еще одно украшение происходит из Хмельницкой области, с. Вербычка (Вербка) (Rauhut, 1960. S. 253).

Височные кольца со спиральным перевитьем происходят также из раскопок айковецкого

городища (2 экз.) (Гончаров, 1950. Табл. XXIII, 4, 5) (рис. 1, 21) и селища Дорогинка III в Киевском Поднепровье (Єров, 1997. С. 114. Рис. 44, 6). Кольцо с одним обрубленным, другим загнутым в виде петли концом происходит из Киева (Ханенко, 1902. Табл. XIX, № 959).

В Центральной Европе рассматриваемые украшения также единичны. На территории Польши находки концентрируются в Побужье. Здесь найдены украшения с различным оформлением концов. Например, височные кольца из могильников Лужки в округе г. Соколов Подляский (курган I) (Musianowicz, 1951. S. 229–250, Tabl. LVI, 8) (рис. 2, 2) и Холм (Dzieńkowski, 2011. S. 121. Рис. 7). Один конец у кольца из могильника Холм загнут в виде петли, другой, обломанный, расплюснут (рис. 2, 5). Находки происходят также из района Легнице и могильника Калиновщина (Mesterhazy, 1990. P. 105).

Наибольшее число находок рассматриваемых височных колец приходится на Дунайский регион и Балканы. На территории Болгарии известны находки на поселениях Кырджали, Великом Преславе, Дебнево (XII–XIII вв.) (Моева, 2008), Дойренцы в Ловечской области (Богданова, 1996) (рис. 2, 9), в некрополях Калиакра (Raikova, 2019. P. 321. Fig. 2, 6), Крушето (XIV в.) (Писарев, 1973), Луковит-Мушат (Jovanović, 1988) (рис. 2, 10).

Кольца со спиральным декором найдены в венгерских могильниках X–XI вв., не менее чем в 10 памятниках в бассейне Дуная и Тисы: Пустаентласло, Халимба (рис. 2, 4), Секешфехервар, Ракошпалота, Пилинь, Тисалёк, Хайдудорог, Бакс, Майш, Шеллье (Mesterhazy, 1990. P. 105. Fig. 4, 4).

Известны также находки в Румынии: могильники Сучава (Batariuc, 1993. Рис. 6, 40) (рис. 2, 3), Пэкуял луй Суаре (Рябцева, 2005. Рис. 6, 12); Молдове: могильник Трифешть (Рябцева, 2005. Рис. 6, 23, 26); Северной Македонии: могильники Прилеп, Неготино (Манева, 1992. Tabl. 24, 6; 29, 1; 31, 104). Имеются находки в хорватских памятниках Далмации (Нин, Кашич), в Боснии (Маховляни, Кореничи, Михалевичи, Жупча), Словении (Бистрица об Сотли), Словакии (Сомотор), Австрии (Кёттлах, Тунау-ам-Комп), Чехии (Ружин), Швейцарии (Базель) (Giesler, 1981. P. 126, 127; Минић, 1988). В Греции аналогичные височные кольца найдены в средневековом Коринфе (рис. 2, 11) (Davidson, 1952. P. 250. Pl. 108: 2025–2029), Фивах, в могильнике Азорос у г. Элассон (Albani, 2010), Фессалониках (Antonaras, 2012). В Коринфе их датировка XI–XII вв., возможно, шире; в Фивах и Азорос – X–XII вв., в Фессалониках – XIII–XV вв.

Рис. 2. Височные кольца и другие украшения со спиральным декором из Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. 1 – Киев; 2 – Лужки; 3 – Сучава; 4 – Халимба; 5 – Холм; 6 – Мачванска Митровица; 7 – Вайуга; 8 – Корбово; 9 – Дойренцы; 10 – Луковит-Мушат; 11 – Коринф; 12 – Трньане; 13–15 – Брестовик; 16 – Бакс.

Fig. 2. Temporal rings and other spiral ornaments from Eastern, Central and South-Eastern Europe

Известны находки из Анатолийского региона Византии (Lightfoot С., Lightfoot М., 2007. Р. 149).

Наибольшее число находок приходится на территорию Сербии. Здесь они зафиксированы в могильниках Мачванска Митровица (рис. 2, 6), Корбово (рис. 2, 8), Вайуга (рис. 2, 7), Рибница,

датирующихся второй половиной XII–XIII в. (Радичевић, 2009. С. 201. Сл. 3, 2; 4, 1; 5, 3), Брестовик XIV в. (Bikić, 2010. С. 24, 55. Сл. 29, 8–10, 15, 16, тип 4.3), Петрович, Дубовац и др. (Минић, 1988), в общей сложности более чем в 20 памятниках. Височные кольца из Сербии имеют различные

варианты перевитья. Чаще всего встречаются экземпляры, у которых декорирована относительно небольшая часть обруча. В могильнике Трнбана найдены височные кольца, у которых перевитье имитирует бусины (рис. 2, 12), аналогично экземплярам из могильника Никольское III.

Сербская исследовательница Д. Минич, посвятившая украшениям со спиральным декором специальное исследование, полагает, что довольно простой способ декорирования витой проволокой, позволявший получать эффектные украшения, может объяснять широкое и длительное использование этого типа височных колец с X до конца XIV в. (Минић, 1988. С. 76). Й. Геслер отмечает, что височные кольца со спиральным декором существуют на всем протяжении существования белобродской культуры X–XII вв. (Giesler, 1981. Р. 128). Х. Кука-Кренц и А. Сикорский относят период наибольшего распространения этих височных колец в погребениях к XI–XII вв. (Kóčka-Krenz, Sikorski, 2003. S. 241). На территории Руси находки датируются в закрытых комплексах X–XII или XI–XIII вв., сочетаются с монетами второй половины XI–XII в. Имеются находки в Сербии, Румынии, Северной Болгарии, Греции, датирующиеся XIII–XIV вв.

Широчайшее применение спирального декора характерно не только для височных колец, но и серег в виде вопросительного знака, у которых спиралью декорировался стержень (рис. 2, 13–15). Такие серьги найдены в Болгарии (Неговановци в Видинской области; г. Перник), Сербии (Брестовик, Ниш), Косово (г. Ново Брдо) (Владимиров, 2018. С. 22, 23, 100, 101, 117 (каталог). Рис. 13). Имеются находки серег со спиральным декором в Восточной Венгрии и Молдове, датирующиеся второй половиной XIII и XIV в. (Владимиров, 2018. С. 23). Если височные кольца изготавливались в основном из бронзы, то серьги — чаще из серебра. Большинство серег со спиральным декором датируется XI–XIII вв., как и височные кольца, но есть и находки IX–X и XIV–XV вв. (Минић, 1988. С. 76).

Единственный бронзовый загнутоконечный браслет, изготовленный в технике спирального перевитья (рис. 2, 16), происходит с поселения Бакс на правом берегу р. Тиса (Венгрия) (Mesterhazy, 1990. Р. 107; Bollok, 2010. Р. 183. Pl. 3, 15).

Учитывая большое количество находок в Сербии, Д. Минич предполагает, что украшения со спиральным декором представляли собой продукцию местных ювелирных мастерских Сербского Подунавья. Эти украшения с простым, но

эффектным декором, можно рассматривать как заменитель более роскошных предметов. Они предназначались в основном для сельского населения, потому что большинство из них найдено в сельских некрополях Сербии. Скорее всего, изготавливали их также сельские мастера. В XIV–XV вв. украшения с аналогичным декором из спирально скрученной проволоки используются и городским населением Сербии (Минић, 1988. С. 76–78).

Итак, височные кольца со спиральным декором распространены на очень большой территории от Балкан до Южной Прибалтики и от Альп до Восточного Прионежья и Поволжья, но неравномерно. Карта распространения этих украшений позволяет выделить регион концентрации их находок вдоль Дуная, в Венгрии, Сербии, Болгарии (рис. 3). Разновидности височных колец с различным оформлением концов могли производиться ремесленниками в разных областях Южной Европы.

Вопрос о связи этих украшений с византийской ювелирной традицией неоднократно обсуждался в научной литературе. Й. Геслер и Д. Минич относят их к византийской культуре (Giesler, 1981. Р. 127; Минић, 1988. С. 76). По мнению К. Местерхази, эти предметы можно рассматривать как продукцию балканских мастеров, вдохновленных византийскими образцами (Mesterhazy, 1991). А. Боллок отметил дискуссионность интерпретации данных украшений. По мнению исследователя, ювелирные изделия из могильника Азорос можно рассматривать как балканскую, но не византийскую продукцию. В то же время наличие сопоставимых находок в Анатолии показывает, что эти простые украшения широко использовались в Византии (Bollok, 2010. Р. 184). В настоящее время очевидно лишь, что Подунавье было основным регионом их производства, о чем свидетельствует карта распространения находок. За пределами этой территории украшения со спиральным декором пока встречаются sporadически. В Восточной Европе их скопления имеются в Верхнем Поднепровье, Поочье и на Русском Севере.

Рассмотренные находки височных колец со спиральным декором позволяют выделить особенности их морфологии. Размеры колец варьируются от 2 до 5 см. Большинство колец имеет перевитье из спирально скрученной проволоки. Зафиксированы единичные экземпляры, у которых перевитье выполнено из двух скрученных проволок, один — с плоской полоской металла, навитой на обруч (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 171). Выделяются разные размеры перевитья. Чаще

Рис. 3. Места находок височных колец со спиральным декором. 1 – Новгород; 2 – Псков; 3 – Гдовские курганы (местонахождение показано условно); 4 – Бегуницы; 5 – Никольское III; 6 – Нефедьево; 7 – Тверь; 8 – Плешково I; 9 – Мякинино I; 10 – Анисьино; 11 – Нижний Новгород; 12 – Переяславль Рязанский; 13 – Рубцово; 14 – Спас-Городок; 15 – Колчино; 16 – Горы; 17 – Веточка I; 18 – Заславль; 19 – Киев; 20 – Кснятин на Суле; 21 – Дорогинка III; 22 – Райковецкое городище; 23 – Дорогобуж Волынский; 24 – Гоева Гора; 25 – Вербычка; 26 – Сучава; 27 – Трифешть; 28 – Холм; 29 – Калиновщина; 30 – Лужки; 31 – Легница; 32 – Ружин; 33 – Базель; 34 – Туна-у-ам-Камп; 35 – Кёттлах; 36 – Кискези; 37 – Сомотор; 38 – Бистрица об Сотли; 39 – Пусташентласло; 40 – Халимба; 41 – Секешфехервар; 42 – Ракошпалота; 43 – Пилинь; 44 – Тисалёк; 45 – Хайдудорог; 46 – Бакс; 47 – Майш; 48 – Шеллье; 49 – Нин; 50 – Кашич; 51 – Маховляни; 52 – Кореничи; 53 – Михалевици; 54 – Жупча; 55 – Мачванска Митровица; 56 – Петровчи; 57 – Сурдук; 58 – Белград; 59 – Войловица; 60 – Винча; 61 – Брестовик; 62 – Дубовац; 63 – Трньяне; 64 – Рыбница; 65 – Доньи Милановац; 66 – Троянов Мост; 67 – Вайуга; 68 – Корбово; 69 – Прахово; 70 – Неготин; 71 – Добрача; 72 – Градац; 73 – Лешье; 74 – Ниш; 75 – Куршумлия; 76 – Нови Пазар; 77 – Неготино; 78 – Прилеп; 79 – Луковит-Мушат; 80 – Дойренцы; 81 – Дебнево; 82 – Крушето; 83 – Великий Преслав; 84 – Калиакра; 85 – Пэкюл луй Суаре; 86 – Кырджали; 87 – Фессалоники; 88 – Азорос; 89 – Фивы; 90 – Коринф; 91 – Амориум. Местонахождение в современных границах стран: 1–15 – Россия; 16–18 – Беларусь; 19–25 – Украина; 26, 85 – Румыния; 27 – Молдова; 28–31 – Польша; 32 – Чехия; 33 – Швейцария; 34, 35 – Австрия; 36, 37 – Словакия; 38 – Словения; 39–48 – Венгрия; 49, 50 – Хорватия; 51–54 – Босния и Герцеговина; 55–76 – Сербия; 77, 78 – Северная Македония; 79–84, 86 – Болгария; 87–90 – Греция; 91 – Турция. Условные обозначения: а – поселения; б – погребальные памятники.

Fig. 3. Finding locations of temporal rings with spiral ornamentation

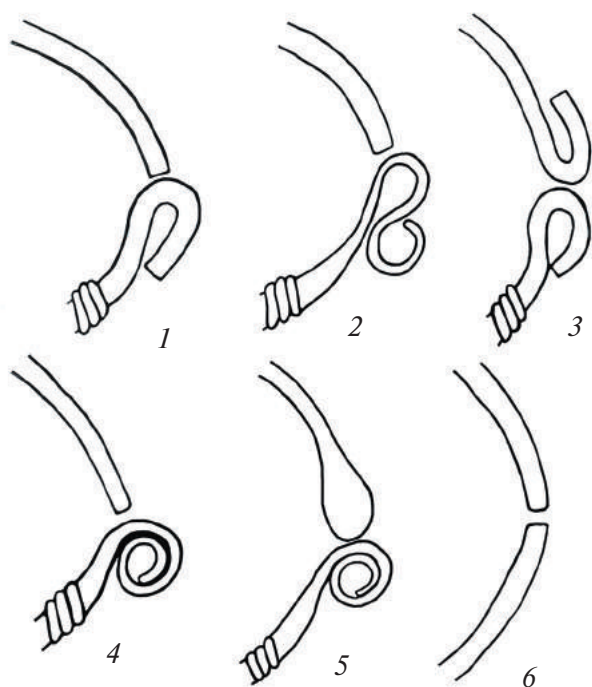

Рис. 4. Варианты оформления концов височных колец со спиральным декором. 1 — с одним концом в виде петли; 2 — с одним эсвидным концом; 3 — с концами в виде крючка и петли; 4 — с одним спирально загнутым концом; 5 — с одним расплюснутым, другим спирально загнутым концом; 6 — с прямыми обрубленными концами.

Fig. 4. Variations of the ends of temporal rings with spiral ornamentation

всего оно охватывает 1/4–1/3 обруча. Встречаются также экземпляры, у которых перевитье занимает небольшую долю или имитирует бусины.

По оформлению концов выделяется несколько вариантов височных колец со спиральным декором. У большинства экземпляров со всей территории распространения один конец оформлен в виде округлой или овальной петли, второй — прямой (рис. 4, 1). Идентичны по форме височные кольца из Пскова, Никольское III, Нефедьево, Мякинино I, Рубцово, Дорогобужа, Веточка I, Киева, Райковецкого городища, могильника Халимба в Венгрии, памятников Венгрии, Сербии и Болгарии. Они датируются широко — от X до XIV в. Найдены также экземпляры с одним эсвидным концом, концентрирующиеся в Сербии и относящиеся преимущественно к XI–XII вв. (рис. 4, 2). Вариант с прямыми обрубленными концами (Дойренцы, Корбово) имеет широкую хронологию от XI до XIV в. (рис. 4, 6). Единичны экземпляры с концами, загнутыми в виде петли и крючка (или двух крючков) (Тверь, Новгород, Гдовские курганы) (рис. 4, 3),

и с одним спирально загнутым концом (Переяславль Рязанский, Заславль, Звенигород, Холм) (рис. 4, 4, 5). Кольца с концами в виде крючка и петли выделяются относительно крупными размерами. По-видимому, они являются наиболее поздними вариантами этого типа украшений, так как происходят из комплексов XIII–первой половины XIV в. Имеются также экземпляры, у которых один конец расплюснут (рис. 4, 5), второй согнут в виде петли (городище Горы, X–XI вв.) или спирально закручен (Холм, XI–XII вв.).

В Восточной Европе наиболее ранние украшения этого типа появляются в X в. Большинство закрытых комплексов с височными кольцами со спиральным декором датируются второй половиной XI–XIII в.

Н.А. Макаров выделил по материалам погребальных памятников Русского Севера комплексы однотипных вещей, которые можно рассматривать как партии предметов, поступавших на эту территорию с торговлей. В их число входят и височные кольца со спиральным декором, а также бусинные височные кольца с узелковыми бусинами, крестики с округлыми концами, которые покупались небольшими партиями (Макаров, 1997. С. 148, 149).

Судя по относительно небольшому числу находок височных колец со спиральным декором в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, здесь эти украшения, скорее всего, были предметами импорта и могли входить в число предметов “дальней торговли” (по Н.А. Макарову). Гипотеза о том, что эти украшения могли появиться в Северо-Восточной Руси вместе с переселенцами из сопредельных с Подунавьем регионов Южной Руси, пока не может быть подтверждена. В связи с этим предположением уместно привести точку зрения исследователей Мякининского археологического комплекса. По их мнению, заселение Мякининского микрорегиона в XII в. происходило с участием переселенцев из более южных районов (южнорусских земель). На селище Мякинино I наряду с “кудрявыми” височными кольцами найдены бусинные височные кольца, крест с эмалью, энколпион (Энговатова, Коваль, 2007. С. 75).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археалогія Беларусі: энцыклапедыя. Т. 1 / Гл. ред. Т.У. Бялова. Минск: Беларуская Энцыклапедыя імяні Петруся Бровкі, 2009. 496 с.

- Археологическое наследие Беларуси / Науч. ред. А.А. Коваленя, О.Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2012. 192 с.
- Богданова Д. Накити от средновековен некропол край с. Дойренци, Ловешка област // Епохи. 1996. № 4. С. 92–102.
- Владимиров Г. Серьги в виде знака вопроса из средневековой Болгарии (XIII–XIV вв.): о материальных следах куманов и Золотой Орды в культуре Второго Болгарского царства. Казань: Ин-т археологии им. А.Х. Халикова Акад. наук Республики Татарстан, 2018. 128 с.
- Гончаров В.К. Райковецкое городище. Киев: Изд-во Акад. наук Украинской ССР, 1950. 219 с.
- Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV в.: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018 (Материалы спасательных археологических исследований; т. 24). 589 с.
- Гупало В. Звенигород і Звенигородська земля у XI–XIII століттях (соціоісторична реконструкція). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича Національної академії наук України, 2014. 532 с.
- Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело “земли вятичей” во второй половине XI – XIII в. М.: Индрик, 2011. 404 с.
- Иванова А.Б., Хохлов А.Н. Культурный слой северной части Тверского кремля по материалам раскопа 2017 г. на Волжском проезде г. Твери (предварительная публикация) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь: Тверской науч.-исслед. ист.-археол. и реставрац. центр, 2019. С. 100–129.
- Комаров К.И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: сборник участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и К, 2002. С. 141–189.
- Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009. 540 с.
- Левашова В.П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1967 (Труды Государственного исторического музея; вып. 43). С. 7–54.
- Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука, 1990. 214 с.
- Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.: Скрипторий, 1997. 386 с.
- Манева Е. Средновековен накит од Македонија. Скопје: Републички завод за заштита на спомениците на културата Скопје, 1992. 279 с.
- Минић Д. Спирално увијена жица на средњовековном накиту из Србије // Старице. 1988. XXXVIII (1987). С. 73–81.
- Моева М. Средновековни накити от крепостта в местността Калето при с. Дебнево, съхранявани в РИМ – Ловеч // Известия на Регионален исторически музей – Ловеч. 2008. Т. VIII. С. 84–107.
- Моргунов Ю.Ю. Летописный город Княтин и его некрополь на Суле // Краткие сообщения Института археологии. 1991. Вып. 205. С. 38–45.
- Нестерова М.Е. Отчет об охранных исследованиях на территории Загородского посада в г. Твери в 1997 г. Т. 1. Раскоп № 17. Участки 1 и 2 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 20656.
- Писарев А. Средновековни гробове при с. Крушето, Великотърновско // Музеи и паметници на културата. 1973. XIII, 4. С. 21–23.
- Плавинский А.Н. К вопросу о гончарных клеймах // Славяне и их соседи: Археология, нумизматика, этнология / Под ред. А.А. Егорейченко. М.: Веды, 1998. С. 58–66.
- Покровская Л.В. Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 3. С. 36–51.
- Прищеп Б. Грунтові поховання періоду Київської Русі в басейні ріки Горинь // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 22. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича Національної академії наук України, 2018. С. 278–300.
- Радичевич Д. Периодизація позносредньовековних некрополя у доњем српском подунављу // Старице. 2009. LVIII (2008). С. 197–212.
- Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Булакин, 2001. 247 с.
- Рябцева С.С. Украшения головных уборов XIII–XVI вв. в Карпато-Дунайском регионе // Stratum plus. 2005. № 6 (2003–2004). С. 453–472.
- Салмина Е.В., Салмин С.А. Ольгинские I–III раскопы 2006 года на Завеличье средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 53-го заседания (2007 г.). Псков: ИА РАН, 2008. С. 29–52.
- Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Спицын А.А. Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1903 (Материалы по археологии России; № 29). 123 с.
- Степанова Ю.В. Паспорт реставрации памятника истории и культуры № 13 // Музейно-образовательный комплекс Тверского государственного университета. 1997. № КВФ/92.
- Судаков В.В., Челябинов В.П., Буланкин В.М. Переяславль Рязанский (итоги археологических исследований 1979–1995 гг.) // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 2. Славянский

- средневековый город / Отв. ред. В.В. Седов. М.: URSS, 1997. С. 371–382.
- Серов О.В. Давньоруські селища Х – середини ХІІІ ст. Київського Подніпров'я // Південноруське село ІХ–ХІІІ ст. (Нові пам'ятки матеріальної культури) / Ред. О.П. Моця, В.П. Коваленко, В.О. Петрашенко. Київ: Інститут змісту і методів навчання, 1997. С. 99–113.
- Ханенко Б.И. Древности Приднепровья. Вып. V. Эпоха славянская (VIII–XIII вв.). Киев: Фото-тип. С.В. Кульженко, 1902. 154 с.
- Черепнин А.И. Дневник раскопок курганов, произведенных в 1896 г. членами Рязанской Ученой Архивной Комиссии // Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1896 год. Т. XI, вып. 2. Рязань: Тип. Губ. Правл., 1897. С. 129–158.
- Энговатова А.В., Коваль В.Ю. Якининский комплекс памятников археологии // Археология Подмосквья: материалы научного семинара. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2007. С. 71–80.
- Albani J. Elegance over the Borders: The Evidence of Middle Byzantine Earrings // *Intelligible Beauty. Recent Research on Byzantine Jewellery* / Publ. Ch. Entwistle, N. Adams. London: British Museum, 2010. P. 193–202.
- Antonaras A. Middle and Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region // *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts* / Eds. B. Böhlendorf-Arslan, A. Ricc. Istanbul: Ege Yayınları, 2012 (Byzas; 15). P. 117–126.
- Batariuc P.-V. Necropola medievală de la Suceava – Câmpul șanțului // *Arhologia Moldjvei*. 1993. XVI. P. 229–249.
- Bikić V. Vizantijski nakit u Srbiji: modeli i nasleđe. Beograd: Arheološki institut, 2010. 207 s.
- Bollok A. Byzantine Jewellery of the Hungarian Conquest Period: A View from the Balkans // *Intelligible Beauty. Recent Research on Byzantine Jewellery* / Publ. Ch. Entwistle, N. Adams. London: British Museum, 2010. P. 179–191.
- Davidson G.R. The minor objects. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952 (Corinth; vol. XII). 366 p.
- Dzieńkowski T. Stan badań archeologicznych nad wczesnośredniowiecznymi cmentarzyskami szkieletowymi ziemi Chełmskiej // “In silvis, campis... et urbe”: średniowieczny obrządek pogrzebowy na pograniczu polsko-ruskim. Rzeszów: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego; Sanok: Muzeum w Sanoku, 2011. S. 113–125.
- Giesler J. Untersuchungen zur Chronologie der Bijelo Brdo Kultur // *Praehistorische Zeitschrift*. 1981. № 65. P. 2–167.
- Jovanović V. Razmatranja o srednjovekovnoj nekropoli Lukovit Mušat kod Loveča u Bugarskoj // *Starinar*. 1988. XXXVIII (1987). С. 111–132.
- Kóčka-Krenz H., Sikorski A. Motywy wschodniosłowiańskie we wczesnośredniowiecznych ozdobach z ziem polskich // *Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu* / Red. M. Dulinicz. Warszawa; Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2003. S. 239–244.
- Lightfoot C., Lightfoot M. Amorium. A Byzantine City in Anatolia: an Archaeological Guide. Istanbul: Homer Kitabevi, 2007. 180 p.
- Mesterhazy K. Bizánci és balkáni eredetű tárgyak a 10–11. századi magyar sírletekben I // *Folia archeologica*. 41. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1990. P. 87–116.
- Mesterhazy K. Bizánci és balkáni eredetű tárgyak a 10–11. századi magyar sírletekben II // *Folia Archaeologica*. 42. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1991. P. 145–177.
- Musianowicz K. Z zagadnień osadnictwa wczesnohistorycznego, pow. Sokółów Podlaski // *Wiadomości archeologiczne*. 1951. T. XVII (1950), Z. 4. S. 229–250.
- Raikova G. Adornments from the necropolis of Church № 2 of Kaliakra // *Bulgarian e-Journal of Archaeology*. 2019. № 7. P. 315–332.
- Rauhut L. Wczesnośredniowieczne materiały z terenów Ukrainy w Państwowym Muzeum Archeologicznym w Warszawie // *Materiały Wczesnośredniowieczne*. 1960. T. V. S. 231–260.
- Żak J. Zausznice o kabłąku owiniętym spiralowatym drucikiem we wczesnośredniowiecznej Polsce // *Archeologia Polski*. 1971. T. XVI, 1–2. S. 517–523.

TEMPORAL RINGS WITH SPIRAL ORNAMENTATION: THE SPREADING AREA AND CHRONOLOGY

Yulia V. Stepanova

Tver State University, Russia

E-mail: m000142@mail.ru

The paper considers one of the categories of medieval jewelry – temporal rings with décor made of spirally twisted wire. The study characterizes finds from Eastern Europe known to date and provides data on jewelry from Central and South-Eastern Europe. The temporal rings of different design of their ends and spiral decorations are identified. Jewelry of this type is associated with the Byzantine jewelry tradition. The finds

are concentrated in Slavic sites along the Danube, in Serbia, Bulgaria and Southeast Romania. They are not numerous in Central and Eastern Europe. Their chronology, as in the Danube-Balkan region, covers the 10th–14th centuries, the largest number of finds belonging to the second half of the 11th–13th century. Rings with a spiral decor could enter Northern Rus both as a result of trade and with settlers from the southern Rus lands. A small number of finds indicate that this type of jewelry did not become the subject of mass production outside the Danube-Balkan region.

Keywords: Byzantium, Rus, Slavs, jewelry, temporal rings, wire, typology, chronology.

REFERENCES

- Albani J., 2010. Elegance over the Borders: The Evidence of Middle Byzantine Earrings. *Intelligible Beauty. Recent Research on Byzantine Jewellery*. Ch. Entwistle, N. Adams, eds. London: British Museum, pp. 193–202.
- Antonaras A., 2012. Middle and Late Byzantine Jewellery from Thessaloniki and its Region. *Byzantine Small Finds in Archaeological Contexts*. B. Böhlendorf-Arslan, A. Ricci, eds. Istanbul: Ege Yayınları, pp. 117–126. (Byzas, 15).
- Arkheologiya Belarusi: entsyklopedyya [Encyclopedia of the Belarus archaeology], 1. T.U. Byalova, ed. Minsk: Belorusskaya Entsiklopediya imeni Petrusya Brovki, 2009. 496 p.
- Arkheologicheskoe nasledie Belarusi [Belarus archaeological heritage]. A.A. Kovalenya, O.N. Levko, eds. Minsk: Belaruskaya navuka, 2012. 192 p.
- Batariuc P.-V., 1993. Necropola medievală de la Suceava — Câmpul șanțurilor. *Arhologia Moldjvei*, XVI, pp. 229–249.
- Bikić V., 2010. Vizantijski nakit u Srbiji: modeli i nasleđe. Beograd: Arheološki institut. 207 p.
- Bogdanova D., 1996. Jewelry of the medieval cemeteries near the village of Doirents, Lovech Province. *Epokhi*, 4, pp. 92–102. (In Bulgarian)
- Bollok A., 2010. Byzantine Jewellery of the Hungarian Conquest Period: A View from the Balkans. *Intelligible Beauty. Recent Research on Byzantine Jewellery*. Ch. Entwistle, N. Adams, eds. London: British Museum, pp. 179–191.
- Cherepnin A.I., 1897. Dairy record-book of the burial ground excavation conducted in 1896 by the Ryazan Academic Archive Commission research fellows. *Trudy Ryazanskoy uchenoy arkhivnoy komissii za 1896 god [Transactions of the Ryazan Academic Archive Commission for 1896]*, vol. XI, iss. 2. Ryazan': Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, pp. 129–158. (In Russ.)
- Davidson G.R., 1952. The minor objects. Princeton: American School of Classical Studies at Athens. 366 p. (Corinth, XII).
- Dzieńkowski T., 2011. Stan badań archeologicznych nad wczesnośredniowiecznymi cmentarzyskami szkieletowymi ziemi Chełmskiej. "In silvis, campis... et urbe": średniowieczny obrządek pogrzebowy na pograniczu polsko-ruskim. Rzeszów: Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego; Sanok: Muzeum w Sanoku, pp. 113–125.
- Engovatova A.V., Koval V.Yu., 2007. The Myakinino archaeological site complex. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of the academic seminar]*, 3. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 71–80. (In Russ.)
- Giesler J., 1981. Untersuchungen zur Chronologie der Bijelo Brdo Kultur. *Praehistorische Zeitschrift*, 65, pp. 2–167.
- Goncharov V.K., 1950. Raykovetskoe gorodishche [The Rayki fortified settlement]. Kiev: Izdatel'stvo Akademii nauk Ukrainsoy SSR. 219 p.
- Gribov N.N., 2018. Nizhniy Novgorod v XV v.: poiski utrachennogo goroda [Nizhny Novgorod in the 15th century: the search for the lost city]. Moscow: IA RAN. 589 p. (Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy, 24).
- Gupalo V., 2014. Zvenigorod i Zvenigorods'ka zemlya u XI–XIII stolityakh (sotsioistorichna rekonstruktsiya) [Zvenigorod and the Zvenigorod land in the 11th–13th centuries (social and historical reconstruction)]. L'viv: Institut ukraïnoznavstva imeni I. Kryp'yakevicha Natsional'noi akademii nauk Ukraïni. 532 p.
- Ivanova A.B., Khokhlov A.N., 2019. Occupational layer of the Tver Kremlin northern part based on the 2017 excavation materials of Volzhskiy proezd, Tver (preliminary publication). *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya [Tver, the Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]*, 12. Tver': Tverskoy nauchno-issledovatel'skiy istoriko-arkheologicheskii i restavratsionnyy tsentr, pp. 100–129. (In Russ.)
- Jovanović V., 1988. Razmatranja o srednjovekovnoj nekropoli Lukovit Mušat kod Loveča u Bugarskoj. *Starinar*, XXXVIII (1987), pp. 111–132.
- Khanenko B.I., 1902. Drevnosti Pridneprov'ya [Antiquities of the Dnieper region], V. Epokha slavyanskaya (VIII–XIII vv.) [Slavic period (the 8th–13th centuries)]. Kiev: Foto-tipografiya S.V. Kul'zhenko. 154 p.
- Kóčka-Krenz H., Sikorski A., 2003. Motywy wschodniosłowiańskie we wczesnośredniowiecznych ozdobach z ziem polskich. *Słowianie i ich sąsiedzi we wczesnym średniowieczu*. M. Dulnicz, ed. Warszawa; Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 239–244.
- Komarov K.I., 2002. Excavation of the mound cemetery near the village of Pleshkovo in Tver Region. *Arkheologicheskie stat'i i materialy: sbornik uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny [Archaeological articles and*

- materials: collected papers by the Great Patriotic War participants*. Tula: Grif i K, pp. 141–189. (In Russ.)
- Lapshin V.A., 2009. Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) [Tver in the 13th–15th centuries (based on the archaeological materials of 1993–1997)]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 540 p.
- Levashova V.P., 1967. Temporal rings. Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv. [Studies in the Rus village history in the 10th–13th centuries]. B.A. Rybakov, ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya, pp. 7–54. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 43). (In Russ.)
- Lightfoot C., Lightfoot M., 2007. Amorium. A Byzantine City in Anatolia: an Archaeological Guide. Istanbul: Homer Kitabevi. 180 p.
- Makarov N.A., 1990. Naselenie Russkogo Severa v XI–XIII vv. [Population of the Russian North in the 11th–13th centuries]. Moscow: Nauka. 214 p.
- Makarov N.A., 1997. Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vekakh [Colonization of the northern frontier of Rus in the 11th–13th centuries]. Moscow: Skriptoriy. 386 p.
- Maneva E., 1992. Srednovekoven nakit od Makedonija. Skopje: Republichki zavod za zashtita na spomenitsite na kulturata Skopje [Medieval jewelry of Macedonia]. 279 p.
- Mesterhazy K., 1990. Bizánci és balkáni eredetű tárgyak a 10–11. századi magyar sírleletekben I. *Folia archaeologica*, 41. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, pp. 87–116.
- Mesterhazy K., 1991. Bizánci és balkáni eredetű tárgyak a 10–11. századi magyar sírleletekben II. *Folia Archaeologica*, 42. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, pp. 145–177.
- Minih D., 1988. Spiral coiled wire in the Serbian medieval jewelry. *Starinar [Antiquity]*, XXXVIII (1987), pp. 73–81. (In Serbian)
- Moeva M., 2008. Medieval jewelry from the fortress in Kaletu area near the Debnevo village stored in the Lovech Regional Historical Museum. *Izvestiya na Regionalen istoricheski muzei – Lovech [Bulletin of the Lovech Regional Historical Museum]*, vol. VIII, pp. 84–107. (In Bulgarian)
- Morgunov Yu.Yu., 1991. The town of Ksnyatin and its cemetery on the Sula from the chronicles. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 205, pp. 38–45. (In Russ.)
- Musianowicz K., 1951. Z zagadnien osadnictwa wczesnohistorycznego, pow. Sokółów Podlaski. *Wiadomości archeologiczne*, vol. XVII (1950), no. 4, pp. 229–250.
- Nesterova M.E., 1997. Otchet ob okhrannykh issledovaniyakh na territorii Zagorodskogo posada v g. Tveri v 1997 g. T. 1. Raskop № 17. Uchastki 1 i 2 [Report on the 1997 salvage research in Zagorodsky Posad in the city of Tver. Vol. 1. Excavation site 17. Sections 1 and 2]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], F. R-1, № 20656.
- Pisarev A., 1973. Medieval burials near the Krušeto village, Veliko Trnovo region. *Muzei i pametnitsi na kulturata [Museums and cultural heritage sites]*, XIII, 4, pp. 21–23. (In Bulgarian)
- Plavinskiy A.N., 1998. On the pottery marks. *Slavyane i ikh sosedi: Arkheologiya, numizmaticheskaya, etnologiya [Slavic people and their neighbours: Archaeology, numismatics, ethnology]*. A.A. Egoreychenko, ed. Moscow: Vedy, pp. 58–66. (In Russ.)
- Pokrovskaya L.V., 2007. Jewellery of Ludin district of the late medieval Novgorod (based on the Troitsky excavation site materials). *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Foundation for the Humanities]*, 3, pp. 36–51. (In Russ.)
- Prishchepa B., 2018. Soil burials of the Kievan Rus period in the Horyn river basin. *Materiali i doslidzhennya z arkheologii Prikarpatya i Volini [Materials and research of the Cis-Carpathian and Volhynian archaeology]*, 22. L'viv: Institut ukrainoznavstva imeni I. Kryp'yakevicha Natsional'noï akademii nauk Ukraïni, pp. 278–300. (In Ukrainian)
- Radichev D., 2009. Periodization of the late medieval cemeteries in Serbian area of the Lower Danube region. *Starinar [Antiquity]*, LVIII (2008), pp. 197–212. (In Serbian)
- Raikova G., 2019. Adornments from the necropolis of Church № 2 of Kaliakra. *Bulgarian e-Journal of Archaeology*, 7, pp. 315–332.
- Rauhut L., 1960. Wczesnośredniowieczne materiały z terenów Ukrainy w Państwowym Muzeum Archeologicznym w Warszawie. *Materiały Wczesnośredniowieczne*, V, pp. 231–260.
- Ryabinin E.A., 2001. Vodskaya zemlya Velikogo Novgoroda [The Vod land of Veliky Novgorod]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. 247 p.
- Ryabtseva S.S., 2005. Ornamentation of the 13th–15th century headdress from the Carpathian-Danube region. *Stratum plus*, 6 (2003–2004), pp. 453–472. (In Russ.)
- Salmina E.V., Salmin S.A., 2008. The Olgino I–III excavation sites of 2006 in the Trans-Velikaya area of medieval Pskov. *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova. Materialy 53-go zasedaniya [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land. Symposium to academician V.V. Sedov. Proceedings of the 53rd session]*. Pskov: IA RAN, pp. 29–52. (In Russ.)
- Sedova M.V., 1981. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry of old Novgorod (the 10th–15th centuries)]. Moscow: Nauka. 195 p.
- Spitsyn A.A., 1903. Gdovskie kurgany v raskopkakh V.N. Glazova [Gdov mounds in the excavations by V.N. Glazov]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo

- Upravleniya Udelov. 123 p. (Materialy po arkheologii Rossii, 29).
- Stepanova Yu.V. Pasport restavratsii pamyatnika istorii i kul'tury № 13 [The file of №13 historical and cultural site restoration]. *Muзейno-obrazovatel'nyy kompleks Tverskogo gosudarstvennogo universiteta [Museum and Educational Complex of Tver State University]*, 1997, № KVF/92.
- Sudakov V.V., Chelyapov V.P., Bulankin V.M., 1997. Pereyasavl Ryazanskiy (summary of archaeological research of 1979–1995). *Trudy VI Mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii [Proceedings of the VI International Slavic archaeology congress]*, 2. *Slavyanskiy srednevekovyy gorod [Slavic medieval town]*. V.V. Sedov, ed. Moscow: URSS, pp. 371–382. (In Russ.)
- Serov O.V., 1997. Rus settlements of the 10th–13th centuries in Kiev area of the Dnieper region. *Pivdennorus'ke selo IX–XIII st. (Novi pam'yatki material'noi kul'turi) [Southern Rus village in the 9th–13th centuries (new sites of the material culture)]*. O.P. Motsya, V.P. Kovalenko, V.O. Petrashenko, eds. Kii'v: Institut zmistu i metodiv navchannya, pp. 99–113. (In Ukrainian)
- Vladimirov G., 2018. Ser'gi v vide znaka voprosa iz srednevekovoy Bolgarii (XIII–XIV vv.): o material'nykh sledakh kumanov i Zolotoy Ordy v kul'ture Vtorogo Bolgarskogo tsarstva [Question mark-shaped earrings of the medieval Bulgaria (the 13th–14th centuries): on the Cuman and Golden Horde material traces in the culture of the Second Bulgarian Tsardom]. Kazan': Institut arkheologii im. A.Kh. Khalikova Akademii nauk Respubliki Tatarstan. 128 p.
- Żak J., 1971. Zausznice o kabłąku owiniętym spiralowatym drucikiem we wczesnośredniowiecznej Polsce. *Archeologia Polski*, XVI, 1–2, pp. 517–523.
- Zaytseva I.E., Saracheva T.G., 2011. Yuvelirnoe delo “zemli vyatichey” vo vtoroy polovine XI–XIII vv. [Jewelry of the “Vyatic land” in the second half of the 11th–13th century]. Moscow: Indrik. 404 p.

ЛЕСТНИЧНАЯ БАШНЯ ГЕОРГИЕВСКОГО СОБОРА ЮРЬЕВА МОНАСТЫРЯ: АРХЕОЛОГИЯ, АРХИТЕКТУРА И ФРЕСКИ

© 2021 г. Вл.В. Седов

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: sedov1960@mail.ru

Поступила в редакцию 30.08.2021 г.

Статья посвящена архитектуре лестничной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря под Новгородом и фресковой настенной росписи, расположенной в барабане и куполе наверху башни, а также намеченной на стенах самой винтовой лестницы. Эта роспись, выполненная в первой половине XII в., может быть интерпретирована по-разному: в настоящее время ее связывают с монашеским направлением, а в помещении в барабане купола часто видят индивидуальное пространство для монашеской молитвы. В результате анализа архитектуры лестничной башни становится ясно, что большая часть ее особенностей связана с княжеским заказом и с основным назначением башни: служить для подъема на уровень хор, предназначенных для размещения князя и его окружения. В связи с этим может измениться и понимание характера живописи наверху башни. В статье также затрагиваются вопросы хронологии строительства и росписи Георгиевского собора: роспись башни была внезапно остановлена, что может быть связано с несколькими событиями, из которых наиболее вероятно начало строительства княжеского храма Иоанна на Петряине дворище в 1127 г., куда могли быть переведены мастера.

Ключевые слова: Древняя Русь, средневековый Новгород, княжеская архитектура, монашеское искусство, археология, настенные росписи, техника фресок, атрибуция.

DOI: 10.31857/S086960630016578-4

Лестничная башня Георгиевского собора Юрьева монастыря вблизи Новгорода представляет собой выступающий к северу от нартекса большого храма квадратный в плане объем, к которому еще в XII в. тяготели устроенные в земле саркофаги как к востоку от башни, так и в северной части нартекса (рис. 1). Монастырский собор был, вероятно, заложен в 1119 г. князем Всеволодом (Гавриилом) Мстиславичем, о чем сообщает Первая новгородская летопись, причем лишь в Синодальном списке говорится о закладке не только монастыря, но и каменного собора: “Въ лѣто 6627. Заложѣ Кюрьякъ игумен и князь Всѣволодъ церковь камяну манастирь святого Георгия Новѣгородѣ” (Полное собрание..., 2000. С. 21). Здесь интересно подчеркивание имени игумена Кириака и постановка имени князя Всеволода на второе место, однако это могло быть связано с тем, что князь Всеволод, оставленный править в Новгороде его отцом, переместившимся в 1117 г. на киевский престол князем Мстиславом Владимировичем (Полное собрание..., 2000. С. 20), был еще очень молод. Князь Всеволод женился только в 1123 г. (Полное собрание..., 2000. С. 21). Возможно, что закладка каменного храма осуществлялась на средства князя Всеволода, во многом

еще пока номинально правившего Новгородской землей, а также, на большом расстоянии, его отцом, а игумен Кириак, уже назначенный на эту степень, указан первым именно как церковный деятель, основывающий монастырь. Однако все же не исключен какой-то особый статус игумена, впрочем, все равно ограниченный княжеским ктиторовством. Игумен Кириак скончался в 1128 г.: “Въ лѣто 6636. Прѣставися игумень Кюрьякъ святого Георгия” (Полное собрание..., 2000. С. 22).

Князь Мстислав Владимирович (совместно с сыном князем Всеволодом, которому он “повелел”) дал Юрьеву монастырю грамоту, которую датируют 1130 г., когда, по сообщению летописи, князь Всеволод “ходи Киеву къ отцю” (Полное собрание..., 2000. С. 22). В этой грамоте монастырю дается волость Буйце, 25 гривен и серебряное блюдо (Грамоты..., 1949. С. 140, 141). Во время своего правления князь Всеволод Мстиславич дал Георгиевскому монастырю две грамоты: на рель от Волхова и на Терпужский погост Ляховичи (Грамоты..., 1949. С. 139, 140). В грамоте князя Мстислава Юрьеву монастырю на погост упомянут игумен Исая, который, по рассказу летописи, в 1135/1136 г. (6642) ходил послом в Киев (Полное собрание..., 2000. С. 23), его настоятельство

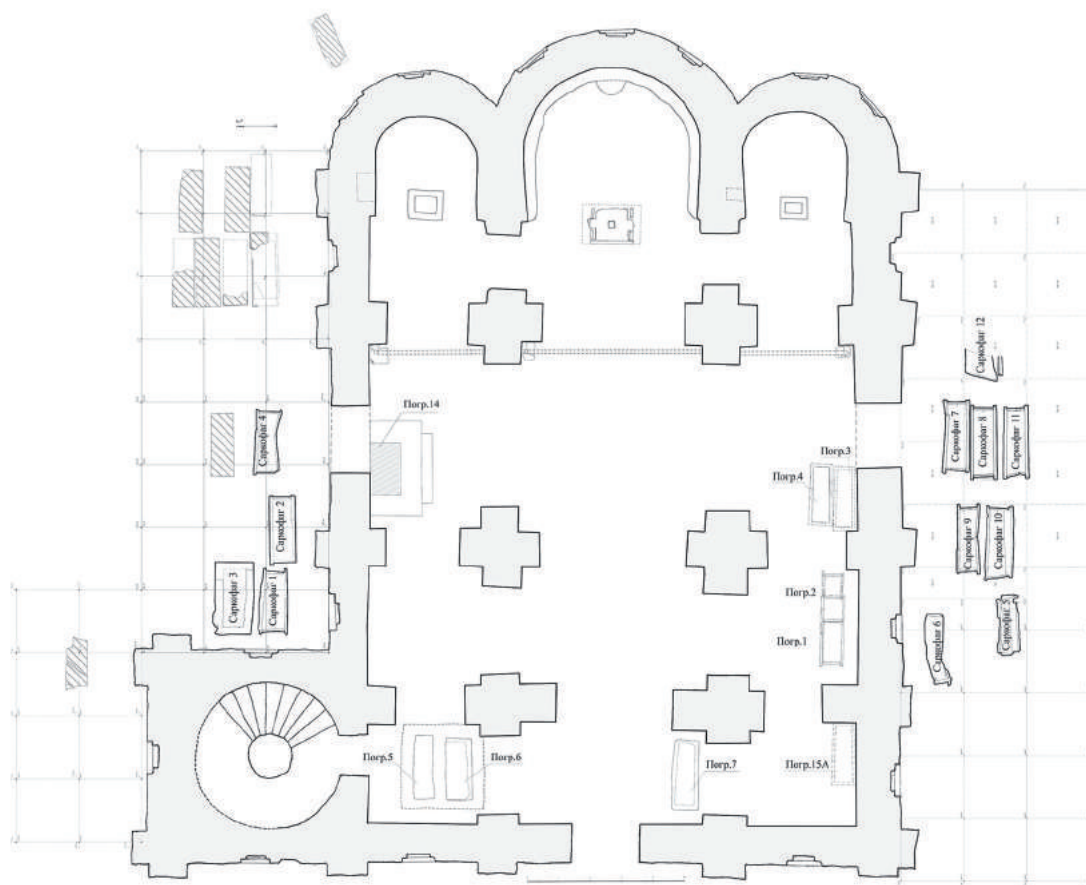

Рис. 1. План Георгиевского собора Юрьева монастыря с раскопанными частями, погребениями и саркофагами. Чертеж Е.Н. Пророковой (2019 г.) по материалам автора.

Fig. 1. Plan of the St. George's Cathedral of the Yuryev Monastery with excavated areas, burials and sarcophagi. Drawing by E.N. Prorokova (2019) based on the author's materials

началось, очевидно, в 1128 г., со смертью игумена Кириака. Князь Мстислав Владимирович умер в 1132 г., а потому грамоту В.Л. Янин датирует в промежутке от 1128 до 1132 г. с предпочтением в сторону 1130 г., когда князь Всеволод ездил в Киев к отцу (Янин, 1991. С. 135, 136).

О закладке храма в 1119 г. и об освящении храма в 1140 г. говорит поздняя (XVII в.) Третья Новгородская летопись: “В лето 6627. Великий князь Всеволод Мстиславич заложил церковь каменную в Великом Новгороде, и игумен Кириак, от града за три поприща, во имя святого великомученика Георгия, и сотвориша монастырь велий и братию собраша; и соверши великий князь Всеволод Мстиславич, и освятиша в лето 6648, июня в 29 день, на память святых апостол Петра и Павла; а мастер трудился Петр” (Новгородские летописи, 1879. С. 214). Эта летописная запись, возможно, основана на процитированной Н.М. Карамзиным надписи в самом соборе:

“Лѣта 6627 заложил церковь каменну Князь Великий Мстислав Св. Георгия въ монастырь Юрьевъ, а совершилъ ея Великий князь Всеволодъ, сынъ Мъстиславичъ Гавриилъ; а освятилъ ея въ лѣто 6648 мѣсяца июня на память Св. Апостолъ Петра и Павла при Игуменѣ Исаии, а зачата бысть при Игуменѣ Кирьякъ; а мастеръ дѣлалъ Петръ церковь о трехъ верхахъ” (Каргер, 1958. С. 567; Карамзин, 1988. С. 95, примеч. 225 к т. II).

Однако заметим, что надпись в соборе была сделана на основании летописного сообщения Третьей Новгородской летописи. М.К. Каргер (1958. С. 568) вслед за архимандритом Макарием (1860. С. 405, примеч. 7) предположил, что вместо 6648 г. следует читать 6638, т.е. 1130 г., который и можно считать годом окончания строительства.

Дату 1130 г. принял и автор надписи, которая была вделана в правое от входа окно Георгиевского собора и которая была составлена в 1825 г., т.е. уже после выхода в свет “Истории”

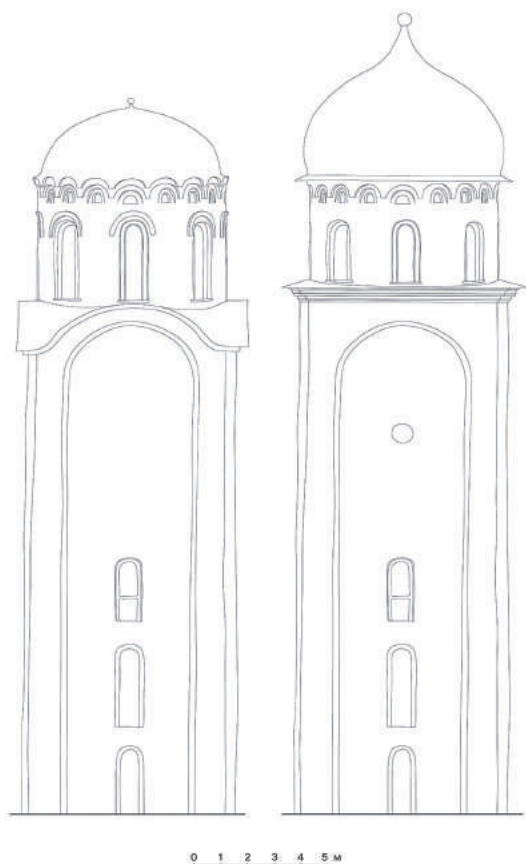

Рис. 2. Северный фасад лестничной башни Георгиевского собора. Реконструкция на XII в. (слева) и современный вид (справа). Чертеж Е.Н. Пророковой по материалам автора.

Fig. 2. The northern facade of the staircase turret of the St. George's Cathedral. Reconstruction as of the 12nd century (left) and modern look (right). Drawing by E.N. Prorokova based on the author's materials

Н.М. Карамзина: “Святая сия церковь во имя святого великомученика Георгия основана великим князем Мстиславом в 1119 лето, совершена при сыне его великом князе Всеволоде, освящена в 1130 лето 29 дня июня, мастер был Петр, создатели игумены сего монастыря Кириак, скончавшийся в 1128 году, и Исайя, скончавшийся в 1157 году, их же на месте сем мощи опочивают; обновлена при блаженной державе императора Александра I в 1825 лет тщанием, усердием и иждивением архимандрита Фотия, их же всех и нас помяни, господи, егда приидеши во царствии твоём. Аминь” (Янин, 1988. С. 92, примеч. 7). Здесь дата из Третьей Новгородской летописи или из более ранней надписи в самом соборе уже была пересчитана с исправлением возможной ошибки.

Лестничная башня Георгиевского собора Юрьева монастыря сооружена одновременно

с храмом, она предназначена для того, чтобы заказчик мог взойти на высокие хоры храма, расположенные над нартексом и занимающие угловые западные части наоса, т.е. образующие П-образную фигуру. Внешне с двух сторон, восточной и северной, башня представляет собой отдельный высокий объем с лопатками по краям, увенчанный световым барабаном под куполом (рис. 2). С западной стороны башня продолжает членения фасада собора, выделяясь только барабаном и куполом, тогда как со своей южной стороны башня примыкает к собору.

Назначение башни (обеспечение пути наверх, на хоры) вроде бы ясно, генезис ее форм (она явно восходит по своему положению и устройству к лестничной башне церкви Благовещения на Городище, построенной около 1103 г. князем Мстиславом Владимировичем в качестве придворного, примыкающего к княжеской резиденции храма (Седов, 2019). Можно предположить, что лестничная башня храма Благовещения была подобна башне Георгиевского собора и послужила для последней образцом, но полной уверенности в этом все же нет, поскольку башня церкви на Городище сохранилась только на уровне самого низа лестницы.

Лестничная башня собора Рождества Богородицы новгородского Антониева монастыря (1117–1119) была построена круглой, ее венчает купол на световом барабане, в котором был, вероятно, устроен придельный храм, посвящение которого неизвестно. Само устройство башни в соборе Антониева монастыря (вне зависимости от ее почти случайной круглой формы) и связанное с наличием башни трехглавое завершение этого собора с барабанами над средокрестием, южной частью нартекса и башней было повторено в соборе Юрьева монастыря, где мастера вернулись к квадратному плану сооружения (Седов, 2021). Эта композиция в соборе Рождества Богородицы с большой вероятностью восходит к храму Благовещения на Городище.

Лестница внутри башни Георгиевского собора поднимается вокруг опорного круглого столба по спирали, она закручена против часовой стрелки и перекрыта веерно расположенными коробовыми сводками, составляющими одновременно и перекрытие нижнего витка лестницы, и основание верхнего. Лестница довольно скупо освещена небольшими окнами прямоугольного сечения в просвете.

Внизу, на уровне девятой ступени, на столбе расположен камень, на котором под обмазкой

ХII в. раскрыта¹ надпись, прочитанная Т.В. Рождественской и опубликованная А.А. Зализняком: “ВѢВЕРИЦЬ ТРИ НА ДЕСАТЕ ГРИВЪНѢ И РѢЗАНА” (Зализняк, 2004. С. 279). Здесь мы публикуем часть графического листа, исполненного архитектором-реставратором Т.В. Силаевой под руководством В.А. Дружинина, возглавлявшего работы по архитектурному обследованию собора; представлены прорисы надписи, положение надписи относительно ступеней и положение камня на северной стороне столба башни (рис. 3)². Эта надпись, зафиксировавшая довольно крупную денежную сумму, напоминает известие о расчетах князя с мастерами (“делателями церковными”) в “Сказании об освящении церкви Георгия в Киеве”: «В тож д(е)нь с(вя)таг(о) мученика Георгия, с(вя)щенъ ц(е)ркве его, иже в Киеве, пред враты с(вя)тыя Софѣя. Бл(а)ж(е)ныи приснопамятныи всея Русьскыя земля князь Ярослав, нареченый во с(вя)том крещеньи Георгий, с(ы)н Володимеръ, кр(е)стившаго землю Руськую, брат же с(вя)тоу мученику Бориса и Глеба, съ вѣсхоте создати ц(е)рк(о)въ в свое имя с(вя)того Георгия, да ему же вѣсхоте то и створи. И яко начаша здати ю и не бе у нея мног делатель, и се видев князь призва тивуна, и реч(е): “Почто не много у церкви стражующих?” Тивун же реч(е): “Г(о)с(поди)не, понеже дело властельско есть, и бояться людемъ, еда труд подымши наима лишени будут”. И реч(е) князь: “Аще тако есть, то аз сице створю”, и повеле куны возити на возехъ в комары золотыхъ ворот, и возвестиша на торгу людемъ, да возметъ кождо по ногате на д(е)нь, и быс(ть) мьного делающихъ. И тако вѣскоре кончаша ц(е)рковь, и с(вя)ти ю Лариономъ митрополитомъ м(е)с(я)ца ноября в 26 д(е)нь, и створи в ней настование новоставимымъ

¹ Работы 1992 г. под руководством В.Д. Сарабьянова.

² Помимо приведенных на рис. 3 позиций Т.В. Силаевой даны выходные данные объекта, перевод надписи и Примечания: “Закладной камень с надписью в северной части столба лестничной башни был раскрыт летом 1992 г. бригадой московских художников-реставраторов под руководством В.Д. Сарабьянова в связи с работами по расчистке и укреплению древней живописи в интерьере лестничной башни собора. Камень заложен заподлицо в кладку столба лестничной башни во время строительства собора в 1119–1130 гг., и тогда же была сделана надпись на нем. Доказательством этому служит цеманочная обмазка толщиной 1.3–1.6 см, которая облицовывала поверхность камня, как и всю лестничную башню в интерьере и столб. Камень — известняк светло-серого цвета с неровной поверхностью. Надпись процарапана тонким острым предметом на глубине примерно 0.5 см; высота букв — 2.2–6.5 см. Сохранность надписи хорошая. Незначительные утраты показаны на копии тонкой штриховкой. Камень находится над девятой (по счету снизу) ступенью лестничной башни. Все размеры даны в см”.

еп(и)с(ко)п(о)м, и заповеда по всеи Руси творити праздник с(вя)т(о)го Георгия м(е)с(я)ца ноября в 26 д(е)нь» (Лосева, 2009. С. 325–327). Здесь, на этом камне, тоже считают и фиксируют какую-то сумму, возможно, затраченную на строительство башни или ее части.

Сделав три витка, лестница выводит на хоры через довольно широкий проем. На столбе на уровне выхода на хоры прочерчена надпись “КОНЯЗЬ БЫЛЫ НА ФЕДОРОВО ДНЬ МЪСТИСЛАВЪ”, т.е. “князь Мстислав был (здесь, в монастыре. — В.С.) на Федоров день” (Рождественская, 1992. С. 59–62). Т.В. Рождественская склоняется к тому, что упомянутым князем Мстиславом был именно князь Мстислав Владимирович. С этим мнением трудно согласиться, ибо этот князь после 1117 г. не был в Новгороде, во всяком случае никаких сведений об этом нет. Это мог быть визит одного из тех упомянутых исследователем новгородских князей ХII в., которые тоже носили имя Мстислав.

Выше лестница имела бы уже почти совсем технический характер (как в Софии Новгородской, где лестница продолжается выше хор и оканчивается световым барабаном с куполом, причем в барабане окон немного, а никакого функционального назначения у него нет — это просто защита лестницы от осадков, оголовки лестницы), если бы не завершающий ее после двух дополнительных витков высокий и стройный барабан с восемью окнами и куполом.

Этот барабан представляет собой обычный для новгородской архитектуры начала ХII в. круглый объем, прорезанный довольно узкими и высокими арочными окнами и завершенный полусферическим куполом. Подобный купол есть уже наверху лестничной башни собора Антониева монастыря, построенного накануне закладки Георгиевского собора, так что здесь преемственность налицо. Малый купол на барабане (глава) завершал, вероятно, и лестничную башню церкви Благовещения на Городище, начинающую весь ряд новгородских храмов начала ХII в.; напомним также о малых главах над нартексом (в соборе Антониева монастыря и в самом Георгиевском соборе), а также о подобных главах над углами наоса (Никольский собор 1113 г.), от которых сохранились основания с началом оконных проемов.

Там, где каменная лестница-спираль заканчивалась, на столб могла опираться деревянная балочная конструкция, которая могла поддерживать деревянный же настил в основании главы (рис. 4). Примерно рассчитывается высота расположения этого настила, в который выходила

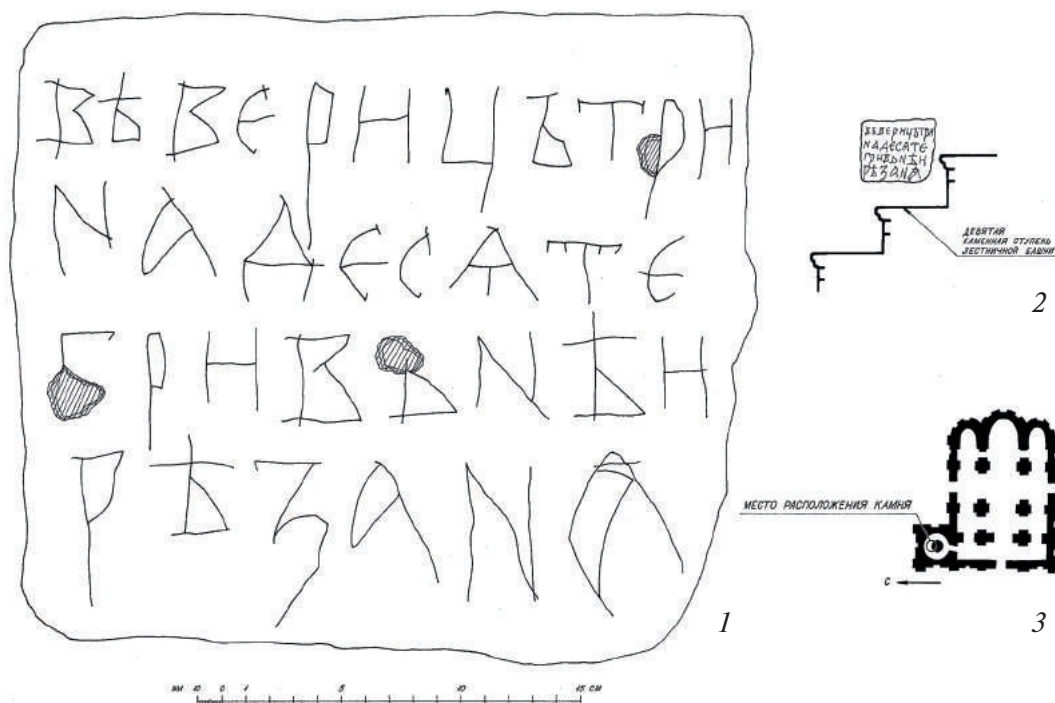

Рис. 3. Камень с надписью в нижней части лестницы. 1 — прорисовка камня; 2 — схема привязки камня; 3 — место расположения камня. Чертеж Т.В. Силаевой, 1992 г.

Fig. 3. A stone with an inscription at the bottom of the stairs. Drawing by T.V. Silaeva, 1992

лестница, а поэтому настил мог занимать около половины или несколько большую часть площади основания купола. Выше располагались окна барабана, и еще выше — сам купол.

Эта часть была расписана в древности, еще в первой половине XII в., и в отличие от фресок наоса здесь сохранились фигуры в рост с разделкой одежд, книгами, свитками и драгоценными орнаментами, а также лики. Основные фигуры расположены в простенках между окон, некоторые из них стоят на зеленом поместе, начинающемся от уровня уже давно исчезнувшего помоста, замененного в начале XIX в. каменной площадкой с продленной до этого более высокого уровня лестницей (в восточной части новый помост закрыл нижние части фигур). С востока узнается полуфигура Богородицы с младенцем, справа от нее — полуфигура Спаса, слева — святой Георгий в рост. Остальные фигуры в рост в этом регистре представляют святителей. Выше расположен фриз, проходящий в уровне верха окон и их простенков, а еще выше — опоясывающий основание купола. Здесь можно видеть меньшие по размеру ростовые фигуры святых (главным образом преподобных в этом регистре), а с востока — Богородица Оранта в арочном обрамлении. Еще выше — в восьми тондо поясные фигуры святых, а самая вершина купола не сохранила изображения

(здесь можно предположить Пантократора, но тогда что же было в главном куполе, Вознесение?; и что было в малом куполе нартекса?). Сопоставление световых барабанов Георгиевского собора дает картину, складывающуюся из трех глав, из которых глава над башней занимает среднее место по размерам (рис. 5, 1).

Д.В. Сарабьянов, много исследовавший росписи Георгиевского собора, сначала остановился на тех немногочисленных еще во время написания статьи фресковых фрагментах, которые были открыты неподалеку от собора при земляных работах (Сарабьянов, 1998). Ученый, датировавший росписи временем около 1130 г., увидел связь их стиля с росписями Николо-Дворищенского собора и собора Антониева монастыря (1125 г.), но при этом указал на небольшой размер известных ему ликов, предполагавший меньший масштаб изображений.

В статье, посвященной росписям башни Георгиевского собора, Д.В. Сарабьянов (2002) разработал концепцию их интерпретации, а несколько позже практически повторил ее, уточнив некоторые детали (Сарабьянов, 2012 С. 184–200), и датировал коротким периодом с 1128 до 1132 г., т.е. от начала правления в монастыре игумена Исая до смерти князя Мстислава. Вкратце гипотеза

Д.В. Сарабянова выглядит так: росписи барабана башни и подготовительные рисунки башни принадлежат к одному периоду и проникнуты одним замыслом. Это монашеское по духу искусство, где сама лестница делается символом духовного восхождения, молитвенного пути; ниши, выходящие на лестницу, делаются местом молитвы, а барабан купола наверху воспринимается как “храм-алтарь”, предназначенный для проведения закрытых монашеских богослужений, что подчеркнуто преобладанием фигур преподобных в росписи барабана. В результате ученый пришел к мысли о противопоставлении изысканных по манере исполнения, аристократических росписей наоса и росписей башни, которые, “являясь составной частью одной из главных построек княжеского заказа, демонстрируют нам, тем не менее, первый пример ранее неизвестного Новгороду глубоко аскетичного, сугубо монашеского по духу искусства” (Сарабянов, 2002. С. 395).

Не все построения В.Д. Сарабянова можно принять. Световой барабан над башней действительно имел особое помещение наверху, возможно, придельный храм, посвященный или Спасу (по фигуре справа от Богородицы), или даже самому Георгию Победоносцу, изображенному, как уже было сказано, слева от Богородицы; это единственный не святитель, а мученик в этом регистре, тем самым он выделен (рис. 5, 2). Этот барабан был залит светом из высоких окон (рис. 5, 3). Но по своему назначению это мог быть и придел в монастырском храме княжеского монастыря, предназначенный для особых служб в присутствии заказчика. Данных для того, чтобы считать этот придел исключительно монашеским или игуменским, нет. Более того, присутствие в таком соборе особого молитвенного помещения для игумена трудно представить. Ясно, что наличие подобного придела (впрочем, так и не расписанного) в соборе Антониева монастыря, в постройке которого подчеркивается роль игумена, дает пищу для предположения об особом помещении для игумена и его молитвы. Но роль князя в построении собора Антониева монастыря недостаточно изучена, а вероятная связь формы завершения башни этого собора с церковью Благовещения на Городище дает предположение о повторении в монастырском соборе форм придела над башней в сугубо княжеском храме. Есть вероятность, что в Георгиевском соборе каждая глава отмечала престол: большой барабан над наосом собственно храма, средний по диаметру барабан над лестничной башней и малый барабан над приделом на хорах.

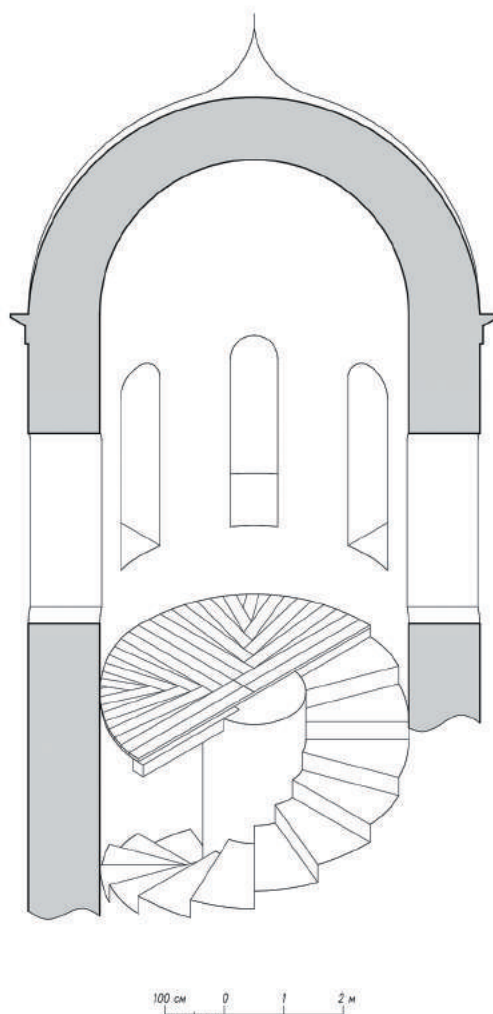

Рис. 4. Вариант реконструкции пространства наверху башни. Аксонометрия. Чертеж Е.Н. Пророковой по материалам автора.

Fig. 4. A reconstruction of the space at the top of the tower. Axonometric projection. Drawing by E.N. Prorokova based on the author's materials

Один придел на хорах в Георгиевском соборе был, его отмечает опись Новгорода 1615 г.: “Монастырь ЮРЬЕВ, а в нем храм Георгий Великомученик; на полатех Вознесенье Христово” (Опись Новгорода..., 1984. С. 325). Это вряд ли придел в главе над башней, скорее это придел именно на хорах, отмеченный световым барабаном в южной части хор.

Сама площадка внизу светового барабана над лестницей является дискуссионной конструкцией: мы не видим ее зримых следов, можно только предположить ее уровень. Оставшаяся после прихода наверх лестницы часть круга все же достаточно мала для придела, а кроме того, в стенах барабана нет богослужебных ниш, вроде бы необходимых для придела. Поэтому

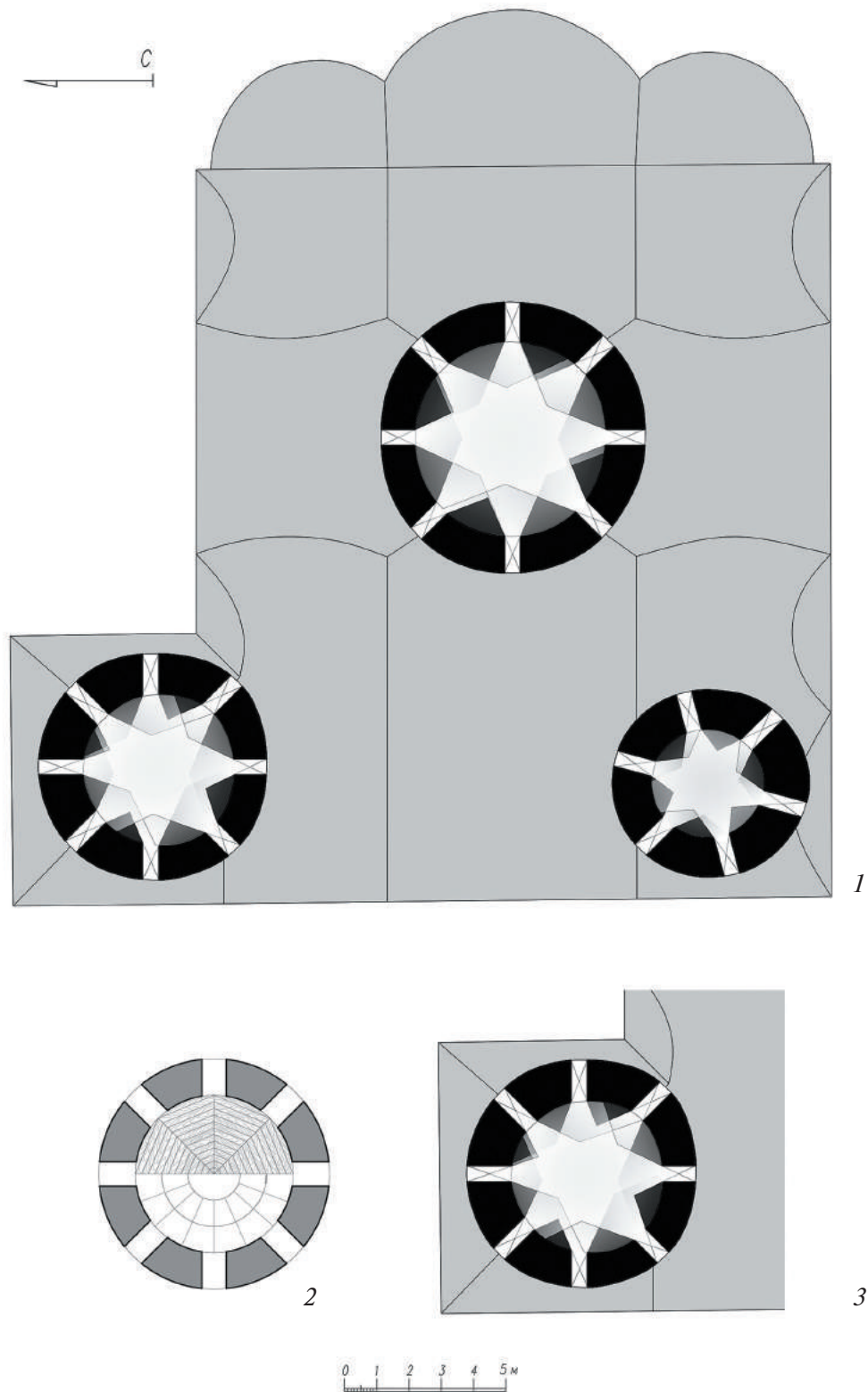

Рис. 5. 1 – организация света в верхнем уровне Георгиевского собора; 2 – вероятный план пространстваверху лестничной башни; 3 – организация света в барабане наверху башни. Чертежи Е.Н. Пророковой по материалам автора.

Fig. 5. 1 – the organization of light in the upper level of the St. George's Cathedral; 2 – the probable plan of the space at the top of the staircase turret; 3 – the organization of light in the drum at the top of the turret. Drawings by E.N. Prorokova based on the author's materials

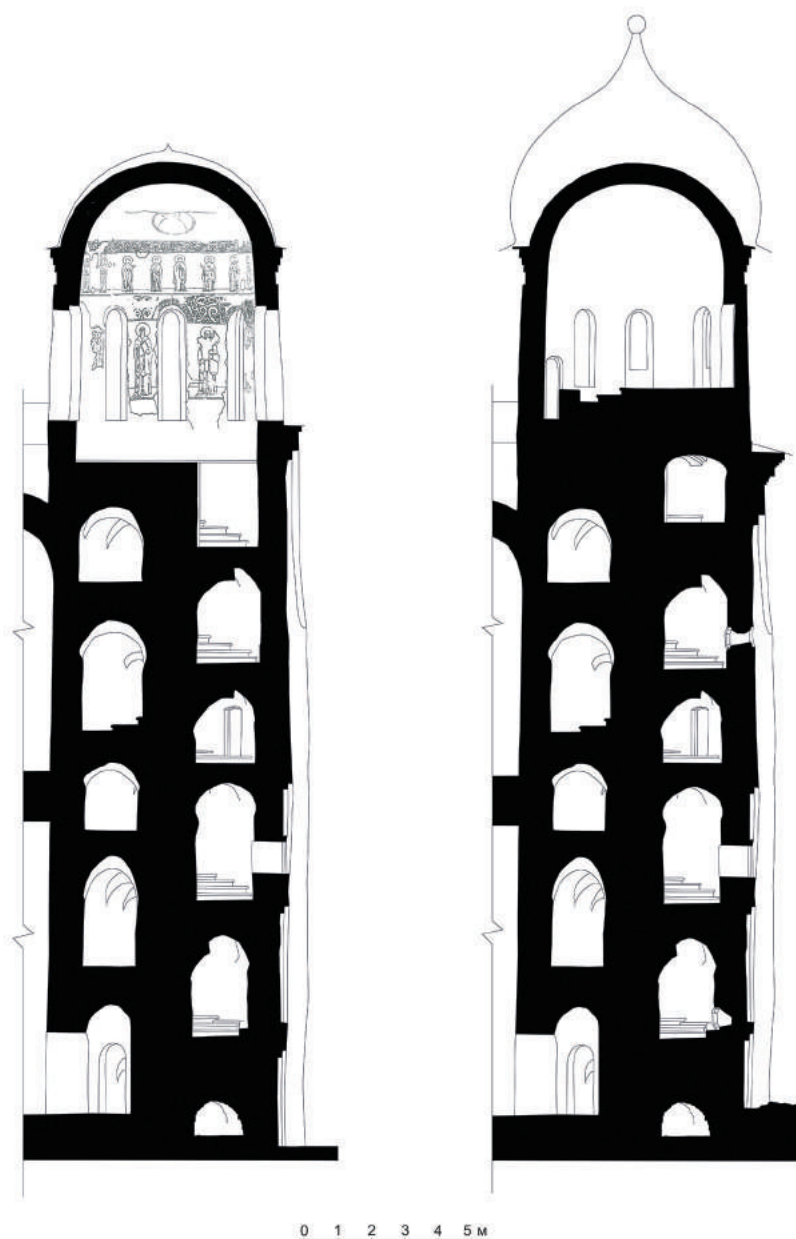

Рис. 6. Разрезы лестничной башни с видом на запад. Слева — реконструкция разреза с первоначальным уровнем верха лестницы и с показанием фрески в барабане и куполе. Справа — современный разрез башни. Чертеж Е.Н. Пророковой по материалам автора.

Fig. 6. Sections of the staircase turret facing west. Left — a reconstruction of the section with the original level of the top of the stairs and with indication of the fresco painting in the drum and dome. Right — a modern section of the tower. Drawing by E.N. Prorokova based on the author's materials

не исключено, что придела наверху не было, ни княжеского, ни игуменского, а лестница выводила в пустое пространство, которое завершалось куполом на барабане. Это мог быть купол не над приделом, а как в Софии Новгородской — над лестницей. Тем более интересно, что его решили расписать и расписали так, как обычную главу. Однако против этой “технической” версии говорит определенное выделение восточной

части росписи: полуфигурой Богоматери внизу, между окнами, и ростовой фигурой Богоматери Оранты наверху.

Отдельно нужно остановиться на круглых в плане нишах, которые находятся в углах квадратной массы башни, а входы в них открываются со спиралевидной лестницы на разных уровнях. Эти ниши никак нельзя считать монашескими помещениями для молитвы. Они имеют

конструктивный характер: они облегчают треугольные угловые массивы кладки, образующиеся при вписывании круглой в плане лестницы в квадратный план самой башни. Такая ниша сохранилась в первом ярусе придворной, совсем не монастырской церкви Благовещения на Городище, где она исполняла ту же роль: несколько разгружала большой треугольный массив кладки. В соборе Антониева монастыря такие ниши были не нужны, поскольку башня сделана круглой. В соборе Юрьева монастыря ниши имеют разную высоту, они располагаются последовательно в ярусах, одна над другой, они не имеют купольных или иных сводчатых перекрытий, а завершены напуском кладки. Мы настаиваем на конструктивном характере ниш, которые из-за своего тесного объема и часто небольшой высоты вряд ли были связаны с какой-то молитвенной практикой: некоторые из них совсем малы и неудобны для человека, даже в молитвенном поклоне. Трудно представить эти молитвенные пункты на лестнице, ведущей на княжеские хоры.

Росписи в барабане лестничной башни Георгиевского собора следует рассматривать как часть общего замысла росписей собора, общего княжеского заказа, претворенного в жизнь какой-то группой прибывших с юга мастеров (рис. 6). Эта роспись, оконченная к определенному времени в наосе (может быть, и к 1130 г.), началась, как и в любом храме, с вершины, с купола и барабана лестничной башни. Ниже была сделана только разметка линиями, намечены орнаменты и отдельные изобразительные композиции, сюжет и смысл во многом остаются неясными. Истории Самсона и олицетворения месяцев, а также изображения зверей (все эти сюжеты были опознаны В.Д. Сарабьяновым) трудно однозначно связать с монашескими идеалами, скорее как раз с княжеским заказом и полусветским характером росписи лестничного всхода на хоры храма, посещаемого князем. Нет полной уверенности и в том, что роспись в барабане и куполе хуже по качеству, чем росписи Николо-Дворищенского собора и собора Антониева монастыря, как утверждает Т.Ю. Царевская (2016. С. 196). Наоборот, можно даже говорить о работе одной группы мастеров и в наосе, и в барабане башни. Некоторую разницу в трактовке ликов, в наосе более детальных, можно попробовать объяснить следующим образом. Роспись в барабане, предполагавшая взгляд снизу, хотя и не с очень большого расстояния, была рассчитана на более общий и беглый взгляд, тогда как лики в наосе, особенно располагавшиеся в первых регистрах, имели более разработанный характер (не более детальный,

лик святого, соотнесенного с Саввой Освященным, демонстрирует очень подробный характер). В росписи барабана башни нет, кажется, того духа монашеской аскезы, о котором столь много говорилось. Эти росписи можно попытаться прямо сопоставить с росписью в наосе. Однако О.Е. Этингоф указывает на более разнообразный и богатый колорит и многослойное письмо фресок в наосе, тогда как “цветовая палитра башни сводится к ограниченной шкале, аскетичной и строгой, тяготеющей к монохромности” (Этингоф, 2018. С. 197).

В понимании росписей башни большую роль могут сыграть как дальнейшие наблюдения над архитектурой башни, буквально пронизанной теми же монументальными и репрезентативными идеями, что и сам собор, построенный по княжескому заказу, так и углубленные искусствоведческие исследования. Большое значение могут иметь естественнонаучные разработки: если синий и зеленый цвета, а также некоторые другие цвета и оттенки росписи барабана лестничной башни сделаны по той же рецептуре, что и эти же цвета в наосе, где в настоящее время³ известны огромное количество фрагментов росписи (Седов, 2015; Седов, Этингоф, 2016; Этингоф, 2018) и участки фресок на нижних частях стен (Седов и др., 2016), то предположение о работе одной группы мастеров получит частичное (или даже полное) подтверждение. Может быть, указание на ограниченную палитру фресок в барабане тоже будет скорректировано.

Следует сказать несколько слов о датировке росписей самого храма и его лестничной башни. В принципе роспись Георгиевского собора могла быть выполнена на большом временном отрезке от 1121 или 1122 (если собор построили быстро, в 1119–1120 гг.) до 1130 г., но все же и эта дата не самая поздняя, поскольку она основана на не совсем достоверном источнике. Для определения даты строительства собора и даты его росписи имеют большое значение два события: постройка в 1127 г. князем Всеволодом в честь сына церкви Иоанна Предтечи на Петрятине дворище (на Опоках) в Новгороде и переворот в Новгороде в 1136 г., когда князь Всеволод лишился своей власти. В этой церкви во время недавних археологических раскопок (руководитель И.В. Антипов, работы 2021 г.) обнаружены фрагменты фресковой живописи. Если эта роспись по цветовому набору и рецептуре красок похожа на роспись Георгиевского собора, то последнюю можно

³ Благодаря недавним (2013–2019 гг.) археологическим раскопкам (руководитель Вл.В. Седов).

датировать с некоторыми допущениями временем около 1127 г. или несколько ранее этой даты. Если роспись церкви Иоанна Предтечи была выполнена другими мастерами (также, как, например, роспись собора Антониева монастыря 1125 г., стиль и манера которой показывают работу иных живописцев, чем в Георгиевском соборе), то Георгиевский собор могли расписывать и до 1130 г., и даже после.

Для датировки росписи всего Георгиевского собора и его башни, а также для объяснения того, что верх башни, барабан и купол, был расписан, а ниже, на лестничном всходе, роспись была едва намечена и брошена, важно понимание того, что роспись была остановлена: начата, как обычно, сверху, продолжена вниз, пусть и частично, и затем прекращена. Это могло произойти как при переходе мастеров на новый объект (в случае, если те же мастера работали и на церкви Иоанна Предтечи 1127 г. или, например, если они перешли в Троицкий собор во Пскове, сооруженный по заказу того же князя Всеволода), так и при какой-то исторической коллизии. Нет оснований полностью отрицать и возможности прекращения росписи в связи с переворотом в Новгороде 1136 г., когда князь Всеволод был арестован, а затем бежал в Псков, а власть в Новгородской земле досталась боярам. В этом случае прекращение работ было бы связано с исчезновением заказчика. Роспись Георгиевского собора в таком случае можно “оторвать” от его строительства, начатого в 1119 г.

Однако для подтверждения столь сильного отрыва работ по росписи собора от времени его сооружения нет пока веских оснований. Скорее работы по росписи велись в первой половине 1120-х годов, они длились несколько сезонов, а прекращены могли быть в тот момент, когда князь Всеволод занялся постройкой храма Иоанна Предтечи в честь рождения сына. Если в замысле собора Юрьева монастыря и его росписи мог участвовать пребывавший в Киевской Руси князь Мстислав, то основную роль в распределении средств играл, думается, все же его сын, князь Всеволод. Однако связь сына с отцом открывала широкие возможности для найма на юге Руси и даже в самой Византии “дружины” художников, расписавших Георгиевский собор.

Исследование выполнено в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2021-576.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 407 с.

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов. Кн. I, т. I–IV. М.: Книга, 1988. 593 с.

Каргер М.К. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы. Вып. XIV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 565–568.

Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой трети XV века. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 466 с.

Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. М.: Тип. В. Готье, 1860. 654 с.

Новгородские летописи. СПб.: Археографическая комиссия, 1879. XXIV, 488, 115 с.

Опись Новгорода 1617 года. Ч. 2. М.: Ин-т истории СССР, 1984. С. 174–370.

Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с.

Рождественская Т.В. Древнерусские надписи на стенах храмов. Новые источники XI–XV вв. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1992. 170 с.

Сарабьянов Д.В. Фрески XII в. в основном объеме Георгиевского собора Юрьева монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: ежегодник. 1997. М.: Наука, 1998. С. 232–239.

Сарабьянов Д.В. Росписи северо-западной башни Георгиевского собора Юрьева монастыря // Древнерусское искусство. Русь и страны Византийского мира. XII век / Отв. ред. О.Е. Этингоф. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 365–398.

Сарабьянов Д.В. Живопись середины 1120-х – начала 1160-х годов // История русского искусства. Т. 2/1. Искусство 20–60-х годов XII века. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2012. С. 159–335.

Седов Вл.В. Археологические находки 2014 года в Георгиевском соборе Юрьева монастыря // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. Вып. 1 (78). С. 175–185.

Седов Вл.В. Основные результаты раскопок церкви Благовещения на Городище в 2016–2017 гг.: археология и архитектура // Архитектурная археология. № 1. М.: ИА РАН, 2019. С. 10–34, ил. I–XII.

Седов Вл.В. Архитектура собора Рождества Богородицы Антониева монастыря // Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Великом Новгороде. Великий Новгород, 2021. С. 109–143.

Седов Вл.В., Вдовиченко М.В., Кадейшвили Е.А. Фрески XII в. на стенах Георгиевского собора Юрьева

- монастыря (по материалам археологических работ 2014 г.) // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 8. М.; СПб.: Коло, 2016. С. 11–17.
- Седов Вл.В., Этингер О.Е. Новые данные об архитектуре и фресках Георгиевского собора Юрьева монастыря // Архитектурное наследие. Вып. 65. М.; СПб.: Коло, 2016. С. 16–29.
- Царевская Т.Ю. Новые данные о первоначальной росписи Георгиевского собора Юрьева монастыря в Великом Новгороде // Искусство христианского мира. Вып. 13. М., 2016. С. 195–206.
- Этингер О.Е. О фресках наоса Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // *Opus mixtum*. 2018. № 6. С. 190–201.
- Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М.: Наука, 1988. 238 с.
- Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1991. 382 с.

STAIRCASE TURRET OF THE ST. GEORGE'S CATHEDRAL IN THE YURIEV MONASTERY: ARCHAEOLOGY, ARCHITECTURE AND FRESCO PAINTING

Vladimir V. Sedov

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: sedov1960@mail.ru

The article focuses on the architecture of the staircase turret of the St. George's Cathedral in the Yuriev (St. George's) Monastery near Novgorod and fresco wall paintings in the drum and dome at the top of the turret as well as those marked on the walls of the spiral staircase itself. This painting made in the first half of the 12th century can be interpreted in different ways: at present, experts have been associating it with the monastic use. Moreover, the room in the drum of the dome is regarded as a solitary space for monastic prayer. The analysis of the architecture of the staircase turret leads to conclusion that most of its features are related to the princely order and the main purpose of the tower: a way to rise to the choir loft intended for the prince and his entourage. In this regard, the understanding of the nature of the painting at the top of the turret may change. The article also touches on the chronology of the construction and painting of the St. George's Cathedral: the painting of the turret was suddenly stopped, which may be due to several events. The most probable one is the beginning of the construction of the princely St. John's Church in Petryatin Court in 1127, where masters from the St. George's Cathedral could be transferred to.

Keywords: Rus, medieval Novgorod, princely architecture, monastic art, archaeology, wall painting, fresco technique, attribution.

REFERENCES

- Этингер О.Е., 2018. The fresco painting in the naos of the St. George's Cathedral of the Yuryev Monastery in Novgorod. *Opus mixtum*, 6, pp. 190–201. (In Russ.)
- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova [Charters of Veliky Novgorod and Pskov]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1949. 407 p.
- Karamzin N.M., 1888. Istoriya gosudarstva rossiyskogo [History of the Russian state]. Reprint edition. I, I–IV. Moscow: Kniga. 593 p.
- Karger M.K., 1958. To the issue of the sources of chronicle records about the activities of Peter the architect and Theophanes the Greek in Novgorod. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature at the Institute of Russian Literature], XIV. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 565–568. (In Russ.)
- Loseva O.V., 2009. Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh prologov XII – pervoy trety XV veka [Lives of Russian saints as part of ancient Prologues of the 12th – first third of the 15th century]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi. 466 p.
- Makariy (Mirolubov), 1860. Arkheologicheskoe opisanie tserkovnykh drevnostey v Novgorode i ego okrestnostyakh [Archaeological description of ecclesiastic antiquities in Novgorod and its vicinity], 1. Moscow: Tipografiya V. Got'e. 654 p.
- Novgorodskie letopisi [Novgorod chronicles]. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1879. XXIV, 488, 115 p.
- Opis' Novgoroda 1617 goda [Inventory of Novgorod of 1617], 2. Moscow: Institut istorii SSSR, 1984, pp. 174–370.

- Polnoe sobranie russkikh letopisey [The complete collection of Russian chronicles], III. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [The Novgorod first chronicle of the old and younger recensions]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 692 p.
- Rozhdestvenskaya T.V., 1992. Drevnerusskie nadpisi na stenakh khramov. Novye istochniki XI–XV vv. [Medieval Russian inscriptions on the walls of temples. New sources of the 11th–15th centuries]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 170 p.
- Sarab'yanov D.V., 1998. Fresco painting of the 12th century in the nave of the St. George's Cathedral of the Yuriev Monastery. *Pamyatniki kul'tury. Novye otkrytiya. Pis'mennost'*. *Iskusstvo. Arkheologiya: ezhegodnik [Monuments of cultural heritage. New discoveries. Literature. Art. Archaeology: Yearbook]*, 1997. Moscow: Nauka, pp. 232–239. (In Russ.)
- Sarab'yanov D.V., 2002. Painting of the north-western tower of St. George's Cathedral in the Yuryev Monastery. *Drevnerusskoe iskusstvo. Rus' i strany Vizantiyskogo mira. XII vek [The art of Rus. Rus and the countries of the Byzantine world. 12th century]*. O.E. Etingof, ed. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 365–398. (In Russ.)
- Sarab'yanov D.V., 2012. Painting of the mid 1120s – early 1160s. *Istoriya russkogo iskusstva [History of Russian art]*, 2/1. *Iskusstvo 20–60-kh godov XII veka [Art of the 1120s–1160s]*. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya, pp. 159–335. (In Russ.)
- Sedov V.I., 2015. Archaeological finds of 2014 in the St. George's Cathedral of the Yuryev Monastery. *Vestnik Rossiyskogo humanitarnogo nauchnogo fonda [Russian Foundation for Humanities Journal]*, 1 (78), pp. 175–185. (In Russ.)
- Sedov V.I., 2019. The main results of the excavations in the Church of the Annunciation at Gorodishche in 2016–2017: archaeology and architecture. *Arkhiturnaya arkheologiya [Architectural archaeology]*, 1. Moscow: IA RAN, pp. 10–34, ill. I–XII. (In Russ.)
- Sedov V.I., 2021. Architecture of the Cathedral of the Nativity of the Theotokos in the St. Anthony's Monastery. *Sobor Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyrja v Velikom Novgorode [Cathedral of the Nativity of the Theotokos in the St. Anthony's Monastery in Veliky Novgorod]*. Velikiy Novgorod, pp. 109–143. (In Russ.)
- Sedov V.I., Etingof O.E., 2016. New data on the architecture and fresco painting of St. George's Cathedral in the Yuriev Monastery. *Arkhiturnoe nasledstvo [Architectural heritage]*, 65. Moscow; St. Petersburg: Kolo, pp. 16–29. (In Russ.)
- Sedov V.I., Vdovichenko M.V., Kadeyshvili E.A., 2016. Fresco painting of the 12th century on the walls of the St. George's Cathedral of the Yuryev Monastery (based on materials from the 2014 archaeological works). *Restavratsiya i issledovanie pamyatnikov kul'tury [Restoration and research on cultural heritage sites]*, 8. Moscow; St. Petersburg: Kolo, pp. 11–17. (In Russ.)
- Tsarevskaya T.Yu., 2016. New data on the original painting of the St. George's Cathedral of the Yuryev Monastery in Veliky Novgorod. *Iskusstvo khristianskogo mira [The art of the Christian world]*, 13. Moscow, pp. 195–206. (In Russ.)
- Yanin V.L., 1988. Nekropol' Novgorodskogo Sofiyskogo sobora. Tserkovnaya traditsiya i istoricheskaya kritika [The necropolis of the Novgorod St. Sophia Cathedral. Church tradition and historical criticism]. Moscow: Nauka. 238 p.
- Yanin V.L., 1991. Novgorodskie akty XII–XV vv. Khronologicheskii kommentariy [Novgorod records of the 12th–15th centuries. Chronological commentary]. Moscow: Nauka. 382 p.
- Zaliznyak A.A., 2004. Drevnenovgorodskiy dialekt [Old Novgorod dialect]. 2nd edition. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 872 p.

ПОЛЫ ХРАМОВ СМОЛЕНСКА XII–XIII вв.

© 2021 г. В.Н. Матвеев

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: vmatveev88@inbox.ru

Поступила в редакцию 04.06.2020 г.

В 17 строениях из 21, возведенных в Смоленске в XII–XIII вв., были зафиксированы остатки полов различной сохранности — от уцелевших *in situ* на значительной площади до единичных нахонок поливных керамических плиток. В постройках Смоленска не использовались ни смальта, ни шиферные плиты, в двух храмах найдены имитирующие шифер плиты песчаника, в двух — известковые заливки. Самыми распространенными материалами для отделки полов были плинфа и поливные керамические плитки. Плинфа в основном использовалась для покрытия основных площадей полов в наосе и галереях, плитки чаще встречались в отдельных помещениях: на хорах, в апсидах и в выделенных секциях галерей. Разнообразие форм и размеров керамических плиток невелико, преобладают квадратные и дополняющие их треугольные образцы с размером стороны 11–12 см и толщиной 1.8–2.8 см. Их размер остается неизменным, в отличие от формата плинфы, который в течение XII в. постепенно уменьшается. Также в памятниках Смоленска XII–XIII вв. присутствует небольшое количество фигурных плиток.

Ключевые слова: декор полов, поливные керамические плитки, плинфа, известковый раствор.

DOI: 10.31857/S086960630011574-0

В XII–XIII вв. в Смоленске широко развернулось монументальное строительство. На данный момент археологически изучены 20 памятников смоленского зодчества, построенных примерно за 100 лет (от 40-х годов XII в. до середины XIII в.). В это число не входит первый храм Смоленска — Успенский собор, заложенный в 1101 г., все остатки которого были полностью уничтожены котлованом храма XVII в. Дата окончания активной строительной деятельности в Смоленске точно не определена: П.А. Раппопорт относил это событие к 1230 г. (1979. С. 376), А.А. Зайцев — к середине XIII в. (2016. С. 44).

Археологическое изучение древнерусских построек началось здесь еще в конце XIX в. (раскопки М.П. Полесского-Щепилло собора на Протоке (1870)) и эпизодически велось в первой половине XX в. И.И. Орловским (1909), И.М. Хозеровым (1945), И.Д. Белогорцевым (1952). В 60–70-е годы XX в. архитектурно-археологической экспедицией (руководители Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт) были проведены систематические исследования смоленских памятников XII–XIII вв., результаты которых публиковались в ряде статей (Воронин, 1965; Воронин, Раппопорт, 1967; 1969; 1971; Раппопорт, 1975; 1976) и итоги были подведены в монографии “Зодчество Смоленска XII–XIII вв.” (Воронин, Раппопорт, 1979). В результате этих работ была получена целостная картина

развития древнерусского смоленского зодчества, а накопленные материалы позволили обратиться к изучению более узких вопросов, одним из которых является убранство полов.

В отличие от экстерьера, который может сохраниться со времен Древней Руси до наших дней (например, плинфяной декор стен храмов Петра и Павла и Михаила Архангела), сведения о полах могут быть получены только в результате раскопок, поэтому до начала широкомасштабных работ 60-х годов прошлого века знания о них были крайне скудны. В первом труде об убранстве интерьера древнерусского храма М.К. Каргера полам Смоленска уделено совсем немного места (1947. С. 44), автор ссылается только на дореволюционные раскопки на Смядыни. Публикуя результаты работ 1960–1970-х годов, Воронин и Раппопорт упоминали о найденных при раскопках деталях полов, но отдельно для каждого памятника. Первой обобщающей публикацией можно считать главу в труде П.А. Раппопорта “Строительное производство Древней Руси” (1994. С. 96–98), в которой крайне лаконично перечисляются основные типы полов в разных регионах Руси, в том числе и Смоленске. Немного более подробный обзор также для всех регионов Руси приведен в табличной форме в приложении к монографии Т.А. Чуковой “Алтарь древнерусского храма конца X — первой трети XIII в.” (2004. С. 108–129).

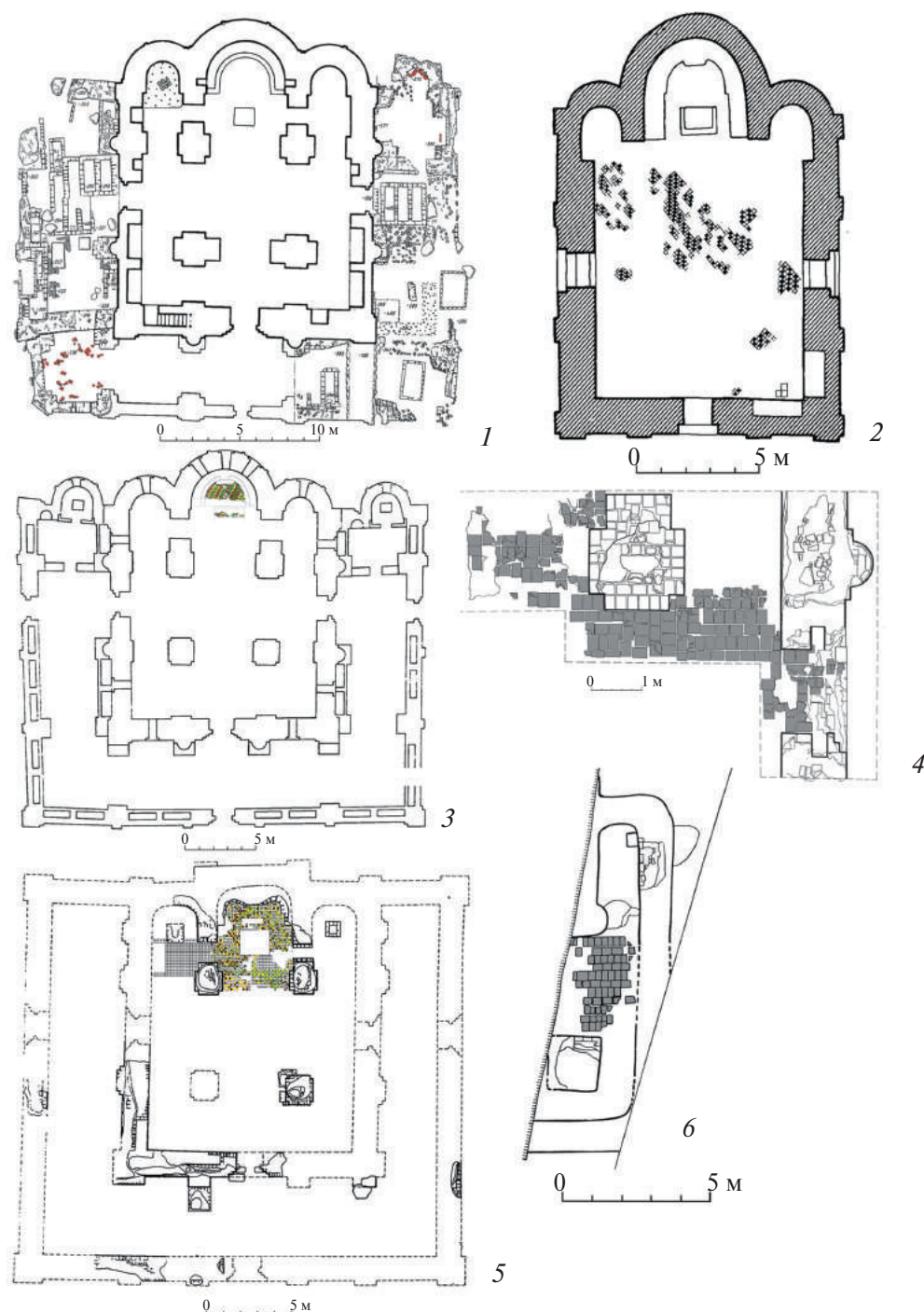

Рис. 1. Планы храмов с сохранившимися *in situ* полами, цветом выделены плитки, серым — плинфа. 1 — церковь Петра и Павла (совмещение по: Воронин, Раппопорт, 1969. С. 204, 205, 209; Сапожников, 1990. С. 201); 2 — бесстолпный храм на Соборной горе (по: Воронин, Раппопорт, 1967. С. 295); 3 — церковь Ивана Богослова (совмещение по: Воронин, Раппопорт, 1971. С. 186; Сапожников, 1998. С. 221); 4 — церковь Василия на Смядыни (по: Воронин, Раппопорт, 1979. С. 157); 5 — церковь на Окопном кладбище (совмещение по: Воронин, Раппопорт, 1971. С. 187, 188); 6 — церковь на Б. Краснофлотской ул. (по: Воронин, Раппопорт, 1979. С. 282).

Fig. 1. Plans of temples with floors preserved *in situ*, tiles are highlighted in colour, plinths are shown in gray. 1 — the Sts Peter and Paul Church (after: Voronin, Rappoport, 1969, pp. 204, 205, 209 and Sapozhnikov, 1990, p. 201); 2 — the pillarless church on Cathedral Hill (after: Voronin, Rappoport, 1967, p. 295); 3 — The St John the Theologian Church (overlapping after: Voronin, Rappoport, 1971, p. 186 and Sapozhnikov, 1998, p. 221); 4 — St Basil Church on the Smyadyn (after: Voronin, Rappoport, 1979, p. 157); 5 — the church at the Okopnoye cemetery (overlapping after: Voronin, Rappoport, 1971, pp. 187, 188); 6 — the church on B. Krasnoflotskaya st. (after: Voronin, Rappoport, 1979, p. 282)

Характеристика полов храмов Смоленска XII–XIII вв.

Объект	Дата	Подсыпки и основания пола	Материал	Способ выкладки	Формы плиток	Место находки	Размеры (см)	Орнамент плиток	Особенности	Ссылки
1. Успенский собор	1101 (ПСРЛ, II. С. 181)		Плитки		Квадраты, треугольники	В развалах				
2. Храм Бориса и Глеба на Смядыни	1145 (НПЛ, С. 213)		Плитки	Под углом 45°	Квадраты, треугольники (рис. 3, 1)	Наос	11,7; т. 2-2,8		Диагонали и косые кресты сзади	Орловский, 1909. С. 294, 295; Воронин, Раппопорт, 1979. С. 52; Раппопорт, 1974. С. 11
					Рамки с вставками (рис. 3, 2)	Наос	Рамка 12; т. 2,6 Вставка 7,2; т. 2,6	Черные и желтые точки		
	2-я пол. XII в.				Фигурные (дуговидная) (рис. 3, 3)	Галереи (?)	?×3; т. 2,2 см	Черные точки		
3. Храм Петра и Павла (рис. 1.1)	?	Раствор 2-3 см	Плинфа	36° к СВ от оси, рядами (рис. 2, 1)		Северная апсида	28×22×4,5		Участок в жертвеннике <i>in situ</i>	Сапожников, 1990. С. 201
		Раствор 6-7 см	Плитки		Квадраты, треугольники (рис. 3, 4)	Развалы	11/12; т. 2,5	Зигзаговидные разводы		Воронин, Раппопорт, 1969. С. 202
			Плитки		Квадраты (рис. 3, 6)	Развалы	11/12; т. 2,5	Точки по диагонали (рис. 4, 1, 2), пятна, зигзаговидные разводы (рис. 3, 5)		Воронин, Раппопорт, 1979. С. 78
Галереи	2-я пол. XII в.		Плинфа	45° к стенам		Капелла на хорах и проход	20; т. 2,7		<i>In situ</i>	Воронин, Раппопорт, 1969. С. 201
			Плитки		Квадраты	Северная галерея	11/12; т. 2,5	Точки по диагонали	<i>In situ</i> в СЗ углу галерей	Белогорцев, 1952. С. 112
			Плитки		Треугольники	Капелла на востоке южной галереи	11/12; т. 2,5			Воронин, Раппопорт, 1979. С. 84
Плиты песчаника					Квадраты	Апсида на востоке южной галереи	20; т. 2,7		<i>In situ</i> у стенок апсиды	Воронин, Раппопорт, 1979. С. 84
						Северная галерея				Воронин, Раппопорт, 1969. С. 206

Продолжение таблицы

4. Бесстолпный храм на Соборной горе	40-е годы XII в. (Воронин, Раппопорт, 1967. С. 298)	Глина до 0,1 м, плиточный шевень 0,1 м, вся подсыпка 0,7 м	Плитки	45° к стенам (рис. 1, 2; 2, 4)	Квадраты (рис. 3, 7)	Наос	11,5; т. 2,4–2,8		In situ на значительной площади в наосе	Воронин, Раппопорт, 1967. С. 297
5. Терем на Соборной горе	40-е годы XII в.		Плинфа			Жертвенник	14; т. 2,8			Раппопорт, 1964. С. 8
6. Церковь на Пятницком ручье	Сер XII в. (Седов, 2014. С. 43)	Раствор	Плинфа			Наос			In situ на значительной площади	Седов, 2014. С. 43, 44
	Нач. XIII в.		Плитки			В развалах				
7. Храм Ивана Бого-слова	1 пол.	Раствор 2–5 см, ниже песок с глиной до 0,7 м	Плинфа	Длинной стороной по СЮ		Наос, галереи	31/29×20,5/19×5/4			Сапожников, 1998. С. 220
	2 пол.	Раствор до 2 см	Плинфа	Длинной стороной по СЮ, в апсидах – кругами вдоль стен		Западный наос, С и Ю апсиды	20,4×4,2–4			Сапожников, 1998. С. 220
	Рубеж XII–XIII вв. (Воронин, Раппопорт, 1971. С. 186)	Утрамбованный грунт с примесью плиточной крошки	Плиты песчанника			Под куполом			Омфалий (?)	Воронин, Раппопорт, 1979. С. 133
					Квадраты	В развалах	19; т. 1,9			Воронин, Раппопорт, 1979. С. 133
			Плитки	Ряды цвета (рис. 1, 3; 2, 3)	Серцевидные вставки (рис. 3, 10, 4, 5, 6)	Центральная апсида	16×11×1,7/20–18,5×13×2,2–1,9		In situ	Сапожников, 1998. С. 220
					Квадраты (рис. 3, 11)	СВ угол в галерее	7,3×7,4			Воронин, Раппопорт, 1971. С. 184

Продолжение таблицы

8. Церковь Василия на Смядыни	1191 г. (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 151)	Песок 0,4 м	Плинфа	Череду- ются ряды тычков и ложков (рис. 1, 4)		Наос				<i>In situ</i> на значительной площади; без раствора	Клетнова, 1910. С. 165
9. Церковь Михаила Архангела	1191–1194 (Алешковский, Подъяпольский, 1964. С. 231)	Песок (0,6–0,7 м), на нем извести; всего на 0,7 м выше земли	Плинфа Плитки			Малые апсиды (?)					Воронин, Раппопорт, 1979. С. 159
			Плинфа								Алешковский, 1961. С. 26
			Плитки				Толщина 2,4; 2,6				Алешковский, Подъяпольский, 1964. С. 234
10. Троицкий храм на Кловке	90–е годы XII в. (Раппопорт, 1975. С. 274)	1 м песка с глиной, на ней тонкий слой глины; на 1 м выше земли	Плинфа Плитки			Центральная апсида				<i>In situ</i> два ряда плинфы на растворе	Раппопорт, 1975. С. 241
					Квадрат	Апсида северного притвора	14; толщина 3				Раппопорт, 1972. С. 14
					Треугольник (рис. 3, 12)		Сторона 11				
					Уголки-рамки со вставками (рис. 3, 13)	Развалы	12; т. 2-2,4 5,6; т. 2-2,4	Цветные точки			Раппопорт, 1975. С. 241
					Ромбы со срезанными острыми углами и круглым отверстием	Траншея к западу от собора	15,6; т. 1,6				Раппопорт, 1973. С. 8
11. Церковь на Воскресенской горе	Рубеж XII–XIII вв. (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 251)	Глина 1,3–1,4 м; Раствор; Пол на 1,5 м выше земли	Плинфа Плитки			Центральная апсида				1 плинфа <i>in situ</i>	Воронин, Раппопорт, 1979. С. 243
						Развалы (боковые апсиды-?)	Толщина 2,7-3				Воронин, Раппопорт, 1979. С. 252
12. Церковь на Малой Рачевке	Рубеж XII–XIII вв. (Воронин, Раппопорт, 1969. С. 211)	Желтая глина 0,15 м, земля 0,2. При строительстве поднят на 0,5 м выше земли, при завершении подсыпкой снаружи выведен в уровень	Плинфа			Наос	28-26,5×21,5-20,5×4,5			Участки <i>in situ</i> у западной стены и близ северо-западного столба	Воронин, Раппопорт, 1969. С. 213, 214

Окончание таблицы

13. Спасский собор в Чернушках	Рубеж XII–XIII вв. (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 268)		Плитки		Квадрат (рис. 3, 14)	Развалы	11,5; т. 2,5-2,8 11,5 т. 1,8-2	Зигзаговидные разводы (рис. 4, 4)		Воронин, Раппопорт, 1979. С. 265
14. Церковь на Большой Краснофлотской	Рубеж XII–XIII вв. (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 286)	Подсыпка 0,4 м	Плинфа без раствора	Чередуются ряды тычков и ложков (рис. 1, 6)		Наос	31/29,5х?х?		<i>In situ</i> между южными подкупольными столбами и в южном нефе	Раппопорт, 1976б. С. 217
			Плитки		Квадраты Треугольные (рис. 3, 15) Дуги (?)	В развалах	11; т. 2,2-3 10-9, т. 2,4-2 Толщина 2			Раппопорт, 1976б. С. 217
15. Церковь в устье реки Чуриловки	Рубеж XII–XIII вв. (Раппопорт, Шолохова, 1975. С. 80)	Глина с углем 0,5 м	Плитки			В развалах	?			Раппопорт, Шолохова, 1975. С. 77
			Рас-творная заливка			Наос, южная и часть северной апсид				
16. Церковь на Окопном кладбище	Рубеж XII–XIII вв. (Воронин, Раппопорт, 1971. С. 194)	Песок	Плитки	Параллельно стенам, ряды цвета по диагонали (рис. 1, 5; 2, 2)	Квадрат (рис. 3, 16)	Центральная, часть северной и апсиды и проход между ними	10,5-11,5; т. 2,3-2,5		<i>In situ</i> , перепад высот до 0,4 м	Воронин, Раппопорт, 1971. С. 189
					Треугольник (рис. 3, 16)		13х9,5; т. 2,5		<i>In situ</i> , без раствора	Воронин, Раппопорт, 1971. С. 189
					Дуги (рис. 3, 17)		Ширина 3,5; т. 2,3-2,5	Зеленые точки	<i>In situ</i> у края выкладки квадратных	
					С пазами (рис. 3, 18)	У престола	Ширина 6,5; т. 2,7, глубина паза 1		<i>In situ</i>	
17. Храм на Протоке	Рубеж XII–XIII вв. (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 327)	Песок 0,2-0,3 м, строительный мусор – всего 1 м	Рас-творная заливка			Наос, галереи				Воронин, 1965. С. 23
			Плинфа			ЮВ угол южного храма				Воронин, Раппопорт, 1979. С. 322
			Плитки		Квадратные Треугольные (рис. 3, 19)	Хоры (?)	10,5-11,5; т. 1,5-2,5			Воронин, 1965. С. 23

Таким образом, на данный момент полы Смоленска еще не становились предметом отдельного изучения. Задача данной статьи — их комплексное рассмотрение на основе публикаций, отчетов в архивах (ИА РАН и ИИМК РАН) и материалов (керамических плиток), хранящихся в музейных фондах. Основные вопросы: как разные материалы покрытия полов сочетались друг с другом в одной постройке, в каких частях памятников использовались и как они менялись со временем в рамках одного строительного центра. При этом необходимо отметить, что плинфяные или известковые покрытия, если они не сохранились *in situ*, археологически не прослеживаются, в то время как даже найденные в слое плитки однозначно свидетельствуют о наличии плиточного пола. И так как они представлены в музейных фондах и доступны для изучения, а также отличаются разнообразием, значительный акцент сделан именно на них.

Из всех изученных памятников Смоленска XII–XIII вв. только в четырех не сохранилось никаких следов пола. Это церковь в Перекопном переулке, ротонда (“Немецкая божница”), Пятницкая церковь и церковь на улице Соболева/Школьной (Лазаревская-?). На последнем объекте стоит остановиться подробнее. Впервые раскопавший его Н.Н. Сапожников не зафиксировал здесь никаких следов покрытия древнего пола (1999. С. 124). Проводивший исследование церкви в 2014 г. И.Н. Ершов предположил, что в декоре храма все же использовались плитки (2016. С. 157), ссылаясь на упоминание о найденных в начале XX в. при строительных работах “специальных плинфах: треугольник и в шесть углов” (Неклюдов, Писарев, 1901. С. 31). Представляется, однако, что для интерпретации этого сообщения как находки плиток нет оснований. Во-первых, в труде М.Н. Неклюдова и С.П. Писарева речь идет именно о “плинфе”, а не “изразцах” или “лешадках”, как раньше могли называть плитки, а во-вторых, не упоминают о поливе. Форма предметов тоже не может быть свидетельством того, что найденные объекты были плитками: треугольные плинфы использовались для выкладки полуколонн, приложенных к пилястрам. Шестиугольная лещадка также могла быть применена в каком-либо месте в кладке. Кроме того, вероятное нахождение здесь двух церквей в древнерусский период (Лазаревской и Симеоновской) не позволяет отнести найденные плинфы именно к раскопанному объекту. Таким образом, на данный момент достоверных сведений о покрытии пола в церкви на Школьной улице нет.

Характерной чертой покрытия полов смоленских памятников было использование для одного пола разных материалов: в большинстве использовались как плитки, так и плинфа. Изменения уровня пола проанализировано Раппопортом, поэтому здесь приведем его вывод: “Увеличение толщины слоя подсыпки пола и связанный с этим подъем уровня пола над поверхностью земли становится для памятников смоленского зодчества конца XII — первой трети XIII в. характерной чертой” (1994. С. 98). К этому нужно добавить, что для этих памятников также характерна укладка плиток или плинфы без раствора, на песок или глину, в то время как в середине XII в. они укладывались на слой раствора. Исключением является бесстолпный храм на детинце, где плитки лежали в слое глины. Подробные сведения о полах Смоленска сведены в таблицу (рис. 1–4).

В монументальных постройках Смоленска XII–XIII вв. не использовались ни смальта, ни шиферные плиты, которые были широко распространены в памятниках Среднего Поднепровья. Однако в церквях Петра и Павла и Ивана Богослова были найдены плиты красного песчаника, которые, скорее всего, имитировали шифер. Наиболее близкой аналогией выкладке в подкупольном пространстве смоленской церкви Ивана Богослова можно считать омфалий Борисоглебского собора в Чернигове (Холостенко, 1967. С. 195). Эта параллель не случайна, ведь по целому ряду признаков храмы Петра и Павла и Ивана Богослова очень близки памятникам черниговского круга (Успенской церкви Елецкого монастыря, Борисоглебскому собору и Кирилловской церкви в Киеве) и, вероятно, возводились черниговскими мастерами (Воронин, Раппопорт, 1969. С. 210). В храмах рубежа XII–XIII вв. каменные плиты уже не использовались, что говорит о том, что традиция их выкладки в Смоленске не прижилась и не была перенята местными мастерами.

В поздних постройках, относящихся к рубежу XII–XIII вв. (храмы на Окопном кладбище и на Протоке), основная часть пола представляла собой растворную заливку. Наиболее широко такие полы были распространены в Новгороде (Чукова, 2004. С. 119), но зафиксированы также в ряде памятников Северо-Восточной Руси и в Ильинской церкви в Чернигове, использовались они уже с XI в. Так что, скорее всего, растворные заливки использовались и в более ранних памятниках Смоленска, но не сохранились.

Отдельно надо остановиться на вопросе об использовании деревянных полов. По мнению Воронина и Раппопорта, в центральной апсиде

бесстолпного храма на детинце пол был деревянным, о чем свидетельствует зафиксированная здесь прослойка угля и пепла толщиной 2 см (1979. С. 97). Такое положение представляется крайне сомнительным: сложно представить, что, выложив цветными плитками наос, в самом важном месте храма — алтаре — мастера устроили простой дощатый пол. Скорее всего, его первоначальное покрытие просто не сохранилось, а доски были уложены позже.

Самыми распространенными материалами для покрытия полов были плинфа и поливные керамические плитки, во многих памятниках они использовались вместе.

Плинфа чаще всего использовалась для покрытия основных площадей полов в наосе и галереях, реже — в апсидах. Применялись обычные стеновые кирпичи, но в некоторых случаях форматы плинф пола и стен различались: в церкви Петра и Павла половые плинфы меньше стенных, в церкви на Большой Краснофлотской улице — больше. Различными были способы укладки кирпичей: в наосе небольших церквей Василия на Смядыни и на Большой Краснофлотской улице чередовались ряды, уложенные длинной и короткой сторонами, в наосе церкви Ивана Богослова (1-й и 2-й полы) все ряды плинфы были ориентированы длинной стороной по линии север—юг. В церкви Петра и Павла в галереях плинфа лежала под углом в 45° к стенам, в северной апсиде — под углом 36°. Полукруглая выкладка вдоль линии стены была использована в настилке второго пола в боковых апсидах церкви Ивана Богослова.

В отличие от плинфы, плитками в основном был выложен пол в апсидах, отдельных помещениях в галереях и на хорах. *In situ* в наосе они были обнаружены только в бесстолпном храме на Соборной горе. Разнообразие использованных в храмах Смоленска форм и размеров керамических плиток невелико, преобладают квадратные и дополняющие их треугольные образцы с размером стороны 11–12 см и толщиной 1.8–2.8 см. Плитки такого формата встречаются как в ранних памятниках (Бесстолпный храм на Соборной горе), так и поздних (храмы на Окопном кладбище, на Протоке), т.е. на протяжении века их размер остается неизменным, в отличие от заметно уменьшающегося формата плинфы (Раппопорт, 1976а. С. 92). Другие размеры встречаются гораздо реже: квадратные плитки со стороной 14 см были найдены в жертвеннике бесстолпного храма на Соборной горе и в развалах в Троицком храме на Кловке, а со стороной 20 см — на хорах и в апсиде южной галереи церкви Петра и Павла.

Плитки прямоугольной формы (13 × 7.5 см) были обнаружены в развалах в церкви Ивана Богослова.

Фигурных плиток в Смоленске найдено совсем немного. Воронин и Раппопорт упоминают о таких находках в церкви Бориса и Глеба на Смядыни, но никаких описаний их форм ни в отчете, ни в публикации не приведено. Фрагменты дугообразных плиток найдены в церкви на Окопном кладбище (их размещение у края выкладки из квадратных плиток свидетельствует о вторичном использовании) и в соборе Бориса и Глеба на Смядыни, где они могли образовывать круговые композиции. Дуговидные плитки встречаются в полах памятников других регионов: в храме-усыпальнице в Полоцке (Матвеев, 2017. С. 345, 346), церкви Спаса в Галиче и ротонде в Олешкове, Нижней церкви в Гродно и развале на мысу Среднего города во Владимире-на-Клязьме (Матвеев, 2019. С. 210–212). Также есть упоминания о находках фрагментов плиток с криволинейными очертаниями в церкви на Большой Краснофлотской улице, но их первоначальная форма осталась неизвестной. Сердцевидные плитки из центральной апсиды церкви Ивана Богослова находят себе аналоги в развале на Замковой горе в Пинске (Равдина, 1963. С. 111). Такой мотив встречается и во фресковой живописи — на несохранившемся фрагменте росписи горнего места в церкви Василия на Смядыни (Сапожников, 1998. С. 221, 222) и на оконных откосах в Георгиевской церкви в Старой Ладого (Орлова, 2015. С. 470, 472).

Для декора полов в Смоленске использовались и не имеющие аналогов плитки-рамки со вставкой внутрь образца меньшего размера из соборов Борисоглебского на Смядыни и Троицкого на Кловке (в первом памятнике рамка целая, во втором — из двух уголков). При этом как таковые “модульные” плитки, т.е. создающие паттерн узора объединением вместе нескольких экземпляров, встречались, хоть и другой формы, в памятниках Галицкой земли: церквях в Питриче (Томенчук, 2008. С. 529), на Цвинтарисках и в Побережье (Pełeński, 1914. S. 84, 85). Также совершенно необычной является плитка с пазами для инкрустации из церкви на Окопном кладбище. На Руси техника инкрустации применялась только для декора шиферных плит, в которые вставлялась смальта. В архитектуре Западной Европы заполнение раствором было одним из основных способов орнаментации керамических плиток, которые широко использовались в архитектуре Франции, Германии, Польши (Piątkiewicz-Dereniowa, 1971. S. 244) с XIII в.

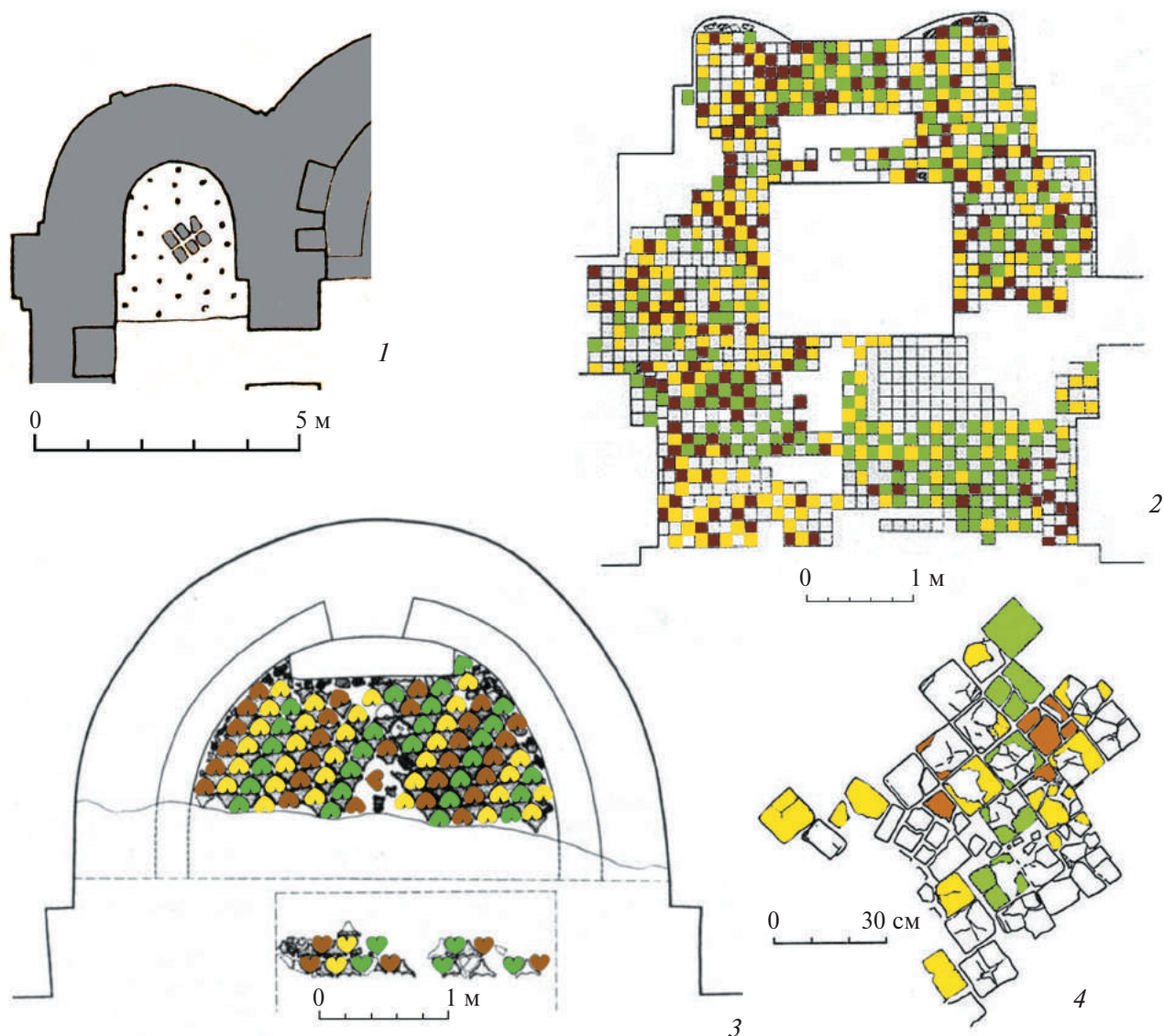

Рис. 2. Планы сохранившихся *in situ* фрагментов полов (с добавлением цвета): 1 – в северной апсиде церкви Петра и Павла (по: Сапожников, 1990. С. 201); 2 – в центральной апсиде церкви на Окопном кладбище (по: Воронин, Раппопорт, 1971. С. 188); 3 – в центральной апсиде церкви Ивана Богослова (по: Сапожников, 1998. С. 221); 4 – в наосе бесстолпного храма на Соборной горе (по: Воронин, Раппопорт, 1967. С. 295).

Fig. 2. Plans of floor fragments preserved *in situ* (with the addition of color): 1 – in the northern apse of the Sts Peter and Paul Church (after: Sapozhnikov, 1990, p. 201); 2 – in the central apse of the church at the Okopnoye cemetery (after: Voronin, Rappoport, 1971, p. 188); 3 – in the central apse of the St John the Theologian Church (after: Sapozhnikov, 1998, p. 221); 4 – in the naos of the pillarless church on Cathedral Hill (after: Voronin, Rappoport, 1967, p. 295)

Плитки с орнаментом найдены в пяти памятниках, сам орнамент при этом довольно однообразен: цветные точки, зигзаговидные разводы и вытянутые пятна. Точки были нанесены по периметру плиток-рамок из соборов Бориса и Глеба на Смядыни и Троицкого на Кловке, на всей площади дуговидных плиток с Окопного кладбища и церкви Бориса и Глеба, а также располагались по диагонали на плитках из церкви Петра и Павла (на квадратных – из угла в угол, на треугольниках – вдоль

гипотенузы). Единственным аналогом им является плитка из церкви-усыпальницы в Полоцке (Матвеев, 2017. С. 344). Зигзаговидные разводы размещались на плитках, найденных на хорах церкви Петра и Павла (здесь же был обнаружен орнамент в виде вытянутых пятен) и Спасского собора в Чернушках. Нигде, кроме Смоленска, такие виды орнамента не использовались.

Плитки укладывались рядами под 45° (*in situ* такие выкладки были найдены в бесстолпном

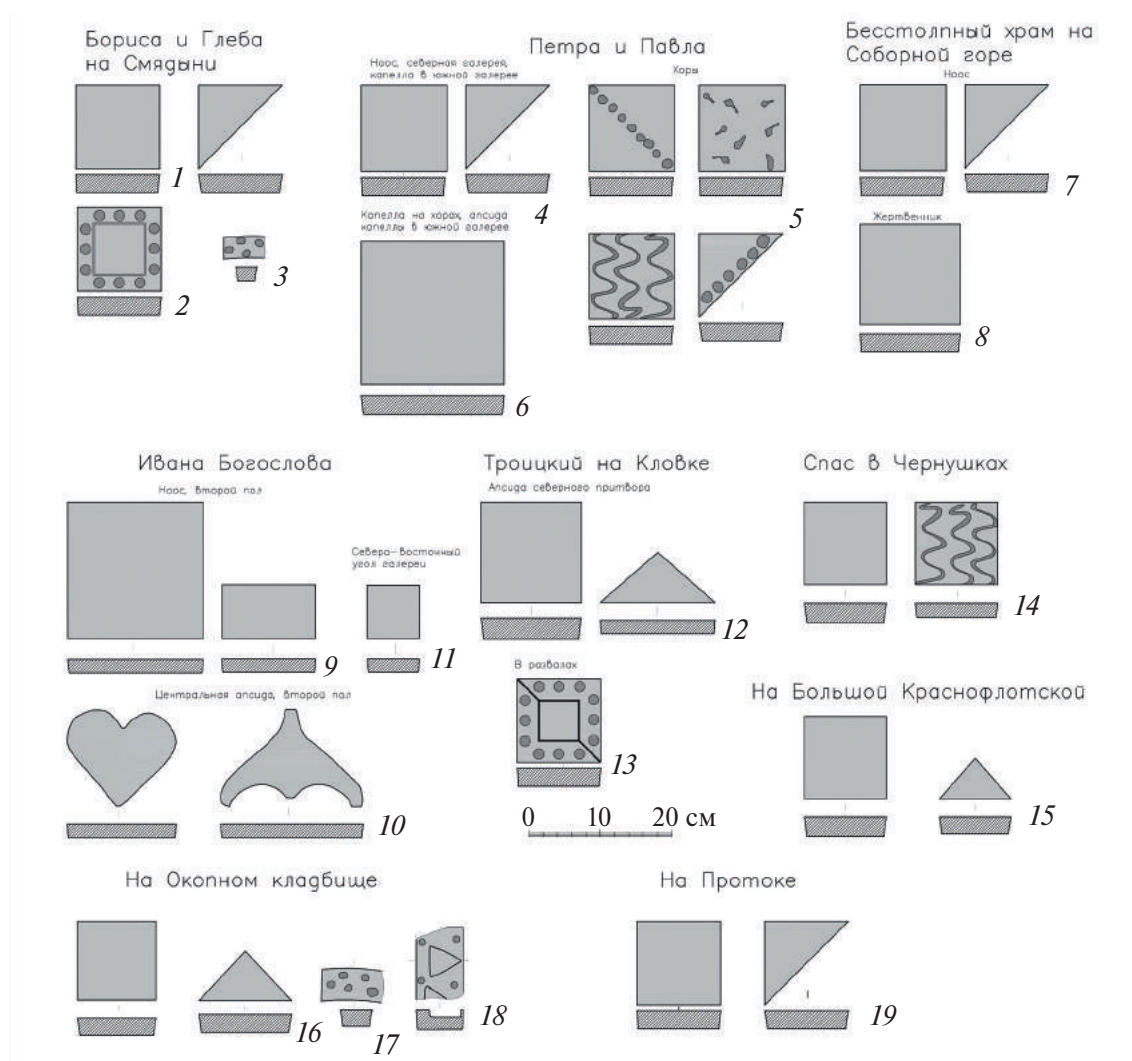

Рис. 3. Сортамент керамических плиток, использовавшихся для декора полов храмов Смоленска (рисунок автора).
Fig. 3. An assortment of ceramic tiles used to decorate the floors of churches in Smolensk (drawing by the author)

храме на Соборной горе) или параллельно стене (в церкви на Окопном кладбище), при этом цветные ряды располагались наоборот: в бесстолпном храме они параллельны стенам, в церкви на Окопном кладбище — по диагонали, как и в выкладке в центральной апсиде церкви Ивана Богослова. Необходимо отметить, что в полах Смоленска не зафиксировано ни одной круговой композиции, все фигурные плитки образовывали фоновые выкладки.

Отдельно отметим плитку из Борисоглебской церкви на Смядыни, опубликованную А.Г. Векслером (1959. С. 226, 227), которая, без сомнения, датируется более поздним периодом (XVII–XVIII вв.). Об этом говорят и необычные цвета поливы, и стиль (да и сюжет) рисунка, и ярко-красный цвет теста, не характерный для смоленских плиток.

Основная коллекция керамических плиток хранится сейчас в Смоленском государственном музее-заповеднике (СГМЗ) — 182 предмета в фондах и еще несколько на экспозиции. Здесь есть плитки из раскопок семи памятников: церковей Петра и Павла, бесстолпного храма на Соборной горе, Ивана Богослова, Михаила Архангела, в Чернушках, на Окопном кладбище и собора на Протоке¹. Второе собрание находится в Государственном Историческом музее в Москве (основная его часть — около 200 фигурных плиток из апсиды церкви Ивана Богослова), а также несколько предметов хранятся в собрании сектора Архитектурной археологии Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге.

¹ Выражаю глубокую благодарность хранителю коллекции Татьяне Викторовне Столяровой за помощь в работе.

Больше всего в коллекции плиток чаще используемого формата со стороной 10.5–11.5 см. Наиболее ранние относятся к полу бесстолпного храма на Соборной горе. В собрании СГМЗ (коллекции СОМ 14940 и СМЗ 8270) находится 67 плиток из этого памятника (№ 4, 6, 8, 10, 20, 21–36, 45–56, 65–77, 113–115, 118–132, 154, 155, 157). Их торцы слабо скошены, в их верхней части – ярко выраженная закраина. На нижней постели (рис. 4, 3) у многих экземпляров сохранились косые продольные борозды, образовавшиеся от снятия излишков теста (рис. 4, 3), на двух экземплярах из них (№ 121, 129) еще заметны следы дождя. Практически все черепки в изломе имеют однородный оранжево-кирпичный цвет, в качестве отошителя использовались дресва и слюда. Также к середине XII в. относятся плитки из церкви Петра и Павла. В фондах СГМЗ автором осмотрены 52 плитки (коллекция СОМ 15424, 15889, № 1–10, 12–17, 19–30, 37, 123–132, 134, 137–139, 141, 142, 144–150). Об изготовлении в разъемной рамке без дна свидетельствуют отпечатки на торцах в виде горизонтальных полос и массивной закраины. Нижняя постель на выравнивалась, тесто плохо промешано, много лакун, присутствует мелкая фракция дресвы и кварца. Обжиг неравномерный: у некоторых плиток тесто внутри серого цвета, снаружи все экземпляры светло-оранжевые или бежево-розовые. На поливе присутствует орнамент в виде цветных точек, которые шли по диагонали, у квадратов по центру (три фрагмента), у треугольников вдоль гипотенузы (восемь фрагментов). Только на квадратных плитках встречались зигзаговидные разводы желтого (три фрагмента) и зеленого (один фрагмент) цвета; вытянутые пятна (один фрагмент) (рис. 3, 4).

Плитки собора Спасского монастыря у деревни Чернушки отличаются хорошей промешанностью теста, его однородностью, крупных минеральных примесей почти нет. Обжиг качественный, в изломе и снаружи черепок однородного оранжево-розового цвета. В собрании СГМЗ (коллекция СОМ 14939) к этому памятнику относятся 12 фрагментов и 1 целый экземпляр (№ 2, 5, 7.1–8; 8, 9, 23). Плитки с достаточной уверенностью можно разделить на две группы. К первой относятся образцы с монокромной поливой и толщиной 2.5–2.8 см, их отличительным признаком является отсутствие обработки нижней постели. Ко второй – два фрагмента толщиной 1.8–2.0 см, на нижней постели есть следы заравнивания ее мелкой гребенкой, на поливе орнамент в виде зигзаговидных разводов (рис. 4, 4).

Плиток с церкви на Окопном кладбище в собрании СГМЗ (коллекция СОМ 16485) пять единиц (№ 12–16) (рис. 3, 16). В изломе черепок почти весь черного цвета и только снаружи – оранжево-розовый. Плитки с собора на Протоке в собрании СГМЗ находятся в двух коллекциях: СОМ 14195 (10 предметов: № 15–22, 65, 71); СОМ 14508 (5 предметов: № 1–3, 132, 133) (рис. 3, 19). Так как почти нигде не сохранилась полива, на верхней постели плиток видны следы ее заравнивания, а на нижней – дождя и досок-подкладок. Обжиг неравномерный (снаружи тесто оранжевого цвета, внутри серое), в некоторых образцах примешана слюда.

Плитки со стороной 14 см, происходящие из мешаного слоя жертвенника бесстолпной церкви на детинце, также изготовлены в разъемных рамках. Об этом говорит мощная закраина сверху и чуть снизу, горизонтальные полосы на торцах; они имеют помятую нижнюю закраину – вероятно, за нее брали плитку при разборке формы. От найденных в наосе предметов отличаются плохим обжигом: тесто внутри черное, оранжево-розовая глина лишь по краям.

Два обломка найдены в церкви Михаила Архангела в переотложенных слоях. Они толщиной 2.4 и 2.6 см (Собрание СГМЗ, коллекция СОМ 14523, предметы № 9, 10). Торцы у них скошены, а горизонтальные полосы и нижняя закраина на торцах свидетельствуют об изготовлении в разъемной рамке. Черепок внутри темно-серый, только несколько миллиметров у поверхности розовато-оранжевого цвета, в тесто добавлены маленькие кусочки слюды.

Сердцевидные плитки из центральной апсиды церкви Ивана Богослова в собрании СГМЗ (коллекция СМЗ 22693) насчитывают 26 экземпляров (№ 5–10, 12–31); в собрании ГИМа (коллекция В 2684) 204 плитки (рис. 1, 3; 4, 5, 6). Они также изготавливались в разъемных формах (видны закраины сверху) без дна, которое потом не заравнивалось. Обжиг очень плохой, почти вся плитка внутри черная. Они выделяются среди плиток в других памятниках большим количеством дресвы и кварца (фракции до 3 мм).

Все плитки сделаны из железистых красножгущихся глин с примесью дресвы и слюды. Наиболее крупные фракции дресвы встречены в сердцевидных плитках из центральной апсиды церкви Ивана Богослова, хотя обычно фигурные плитки делались с примесью песка. Обжиг многих плиток проводился при недостаточной температуре и не до конца, о чем говорит темно-серый цвет непропеченного теста в середине. Исключение

Рис. 4. Фото отдельных керамических плиток (фото автора): 1, 2 – с хор церкви Петра и Павла; 3 – следы обработки нижней постели плитки из бесстолпного храма на Соборной горе; 4 – из Спасского собора в Чернушках; 5, 6 – из центральной апсиды церкви Ивана Богослова.

Fig. 4. Photos of individual ceramic tiles (photo by the author): 1, 2 – from the choir of the Sts Peter and Paul Church; 3 – traces of processing in the lower layer of tiles from the pillarless church on Cathedral Hill; 4 – from the Savior Cathedral in Chernushki; 5, 6 – from the central apse of the St John the Theologian Church

составляют плитки из бесстолпной церкви на Соборной горе и Спасского собора в Чернушках, где почти все черепки имеют в изломе равномерно оранжевый цвет. Изготовлены все плитки в разъемных формах, на многих из них сохранились следы снятия излишков. Дно обычно оставалось без выравнивания, следы заглаживания читаются только на плитках из бесстолпной церкви на Соборной горе и собора на Протоке.

Завершая, нужно отметить лаконичность и простоту декора полов храмов Смоленска. Здесь не использовались мозаики из смальты и шиферные плиты, основные площади полов

покрывались плинфой или известковыми стяжками, отдельные помещения чаще имели выкладки из плиток преимущественно квадратной формы. Небольшое количество фигурных плиток также скорее создавало фоновые композиции с цветовыми дорожками. Никаких сложных мозаичных композиций, таких как в памятниках Гродно или Галича (Матвеев, 2019. С. 210–212), здесь найдено не было, подкупольное пространство было выделено плитами песчаника только в церкви Ивана Богослова.

В XII–XIII вв. декор полов в храмах Смоленска почти не претерпел изменений. Основные виды

покрытия (плинфа и квадратные плитки со стороной 11–12 см) применялись на протяжении всей строительной истории домонгольского Смоленска. В конце XII в. с появлением нового типа храма смоленское зодчество переходит на новый этап развития (Торшин, 1994. С. 302), который становится господствующим в последующее время. Однако на отделке полов это почти не сказывается: только в нескольких памятниках появляются плитки с орнаментом и фигурные. Впрочем, их количество невелико, и очевидно, что их роль в убранстве полов незначительна. Таким образом, мы имеем дело с устоявшейся традицией, оставшейся на протяжении века почти неизменной и слабо принимавшей влияния извне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алешковский М.Х.* Отчет об археологических разведках 1961 г. у церкви Михаила Архангела (Свирской) в г. Смоленске // Архив Института археологии РАН. 1961. № 2286.
- Алешковский М.Х., Подъяпольский С.С.* Новые данные о церкви Михаила-архангела в Смоленске // Советская археология. 1964. № 2. С. 231–236.
- Белогорцев И.Д.* Новые исследования древнесмоленского зодчества // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск: Смолгиз, 1952. С. 87–125.
- Векслер А.Г.* Майоликовая плитка XII века из собрания смоленского музея // Советская археология. 1959. № 3. С. 226–227.
- Воронин Н.Н.* Памятник смоленского искусства XII в. // Краткие сообщения Института археологии. 1965. Вып. 104. С. 18–32.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Смоленский детинец и его памятники // Советская археология. 1967. № 3. С. 287–302.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Раскопки в Смоленске в 1966 г. // Советская археология. 1969. № 2. С. 200–217.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Раскопки в Смоленске в 1967 г. // Советская археология. 1971. № 2. С. 179–195.
- Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII веков. Л.: Наука, 1979. 413 с.
- Еришов И.Н.* Новые исследования домонгольского храма на ул. Школьная, 2 в Смоленске в 2014 году // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 242. С. 150–160.
- Зайцев А.А.* “Племя княже Ростиславле” и смоленское зодчество второй половины XII в. // Краткие сообщения Института археологии. 2007. Вып. 221. С. 34–53.
- Каргер М.К.* К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода // Труды Всероссийской академии художеств. № 1. М.; Л.: Искусство, 1947. С. 15–50.
- Клетнова Е.Н.* О раскопках на Смядыни // Известия Императорской археологической комиссии. Прибавление к выпуску 34-му. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1910. С. 162–168.
- Летопись по Ипатскому списку. СПб.: Археографическая комиссия, 1871. 699 с.
- Матвеев В.Н.* Декор пола храма-усыпальницы Евфросиниевского монастыря в Полоцке // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Вып. 32. Материалы 62-го заседания. М.: ИА РАН, 2017. С. 341–349.
- Матвеев В.Н.* Керамические мозаики в декоре полов храмов Руси и Польши в XI–XIII вв. Вопрос о взаимном влиянии // Colloquia Russica. Series I. Vol. 9. Rus’ and Poland (10th–14th centuris). Krakow, 2019. С. 207–220.
- Неклюдов М.Н., Писарев С.П.* О раскопках в Смоленске. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1901. 33 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред., предисл. А.Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.
- Орлова М.А.* Орнамент и другие виды декоративного убранства в живописи второй половины XII века // История русского искусства: в 22 т. Т. 2, ч. 2. Искусство второй половины XII века / Отв. ред. Л.И. Лифшиц. М.: Северный паломник, 2015. С. 434–525.
- Орловский И.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. Вып. I, ч. 1. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1909. С. 288–312.
- Полесский-Щепило М.П.* Раскопки развалин древнего храма св. великомученицы Екатерины в восточном предместье г. Смоленска // Памятная книжка Смоленской губернии на 1870 г. Смоленск: В Губ. Тип., 1870. С. 1–37 (приложение).
- Равдина Т.В.* Поливные керамические плитки из Пинска // Краткие сообщения Института археологии. 1963. Вып. 96. С. 110–112.
- Раппопорт П.А.* Отчет Смоленской экспедиции за 1964 г. Раскопки в детинце // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35. Оп. 1964. Д. 106.
- Раппопорт П.А.* Отчет о работе Смоленской археологической экспедиции в 1972 году // Научный архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 35. Оп. 1972. Д. 94.
- Раппопорт П.А.* Отчет о работе Смоленской архитектурно-археологической экспедиции в 1973 г. // Архив Института археологии РАН. 1973. Р-1. № 5158.

- Раннопорт П.А.* Отчет о работе Смоленской архитектурно-археологической экспедиции за 1974 г. // Архив Института археологии РАН. 1974. Р-1. № 5507.
- Раннопорт П.А.* Собор Троицкого монастыря на Кловке в Смоленске // Советская археология. 1975. № 4. С. 235–248.
- Раннопорт П.А.* Строительное производство Древней Руси X–XIII вв. СПб.: Наука, 1994. 158 с.
- Раннопорт П.А.* Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича // Советская археология. 1976. № 2. С. 83–93.
- Раннопорт П.А.* Раскопки церкви на Большой Краснофлотской улице в Смоленске // Средневековая Русь / Ред. Д.С. Лихачев. М.: Наука, 1976. С. 216–221.
- Раннопорт П.А., Шолохова Е.В.* Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске // Краткие сообщения Института археологии. 1975. Вып. 144. С. 75–80.
- Сапожников Н.В.* Новые данные о церкви Иоанна Богослова XII в. в г. Смоленске // Историческая археология: традиции и перспективы / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли, 1998. С. 217–230.
- Сапожников Н.В.* О результатах археологического обследования церкви Петра и Павла в Смоленске в 1979 г. // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. III. М.: Стройиздат, 1990. С. 200–202.
- Сапожников Н.В.* Церковь XII в. на улице Соболева в Смоленске // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М.: Гос. ист. музей, 1999 (Труды Государственного исторического музея; вып. 111). С. 120–126.
- Седов Вл.В.* Отчет о спасательных архитектурно-археологических исследованиях храма древнерусского времени на участке по адресу: г. Смоленск, ул. Б. Краснофлотская, 1-3 в 2013 году // Архив Института археологии РАН. 2014. Р-1. № 41391.
- Томенчук Б.П.* Археологія городищ Галицької землі. Галицько-Буковинське Прикарпаття: матеріали археологічних досліджень 1976–2006. Івано-Франківськ: Третяк І.Я., 2008. 695 с.
- Торшин Е.Н.* К вопросу о развитии смоленского зодчества в конце XII – начале XIII века // Архитектурные тетради. Вып. 1. СПб., 1994. С. 301–308.
- Хозеров И.М.* Археологическое изучение памятников зодчества древнего Смоленска // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1945. Вып. XI. С. 20–26.
- Холостенко Н.В.* Исследования Борисоглебского собора в Чернигове // Советская археология. 1967. № 2. С. 188–210.
- Чукова Т.А.* Алтарь древнерусского храма конца X – первой трети XIII в. Основные архитектурные элементы по археологическим данным. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 224 с.
- Pełeński J.* Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych. Kraków: Akademia Umiejętności, 1914. 207 s.
- Piątkiewicz-Dereniowa M.* Płytki posadzkowe z opactwa Benedyktynów w Tyńcu // Folia historiae artium. 1971. T. 6/7. S. 239–265.

THE FLOORS OF SMOLENSK CHURCHES OF THE 12th–13th CENTURIES

Vasily N. Matveev

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

E-mail: vmatveev88@inbox.ru

In 17 of 21 Smolensk 12th–13th century buildings floor remains were found varying in the condition of preservation. Some were found quite intact on a significant area in situ while others are represented with single findings of glazed tiles. Neither smalt, nor slate slabs were used in Smolensk buildings. In two churches sandstone slabs were found, imitating the slate. In two churches more lime mortar grouting was mainly used. The most common materials for the decoration of the floors were the plinth (thin brick) and the glazed tiles. The plinthiform brick was mostly used for decorating the main area of the buildings, for example, in naos and galleries. The glazed tiles more often were found in separated compartments: choirs, apses and in some special parts of galleries. There is no great variety of shapes and dimensions of ceramic tiles of that time. The square and triangle ones prevail. Their side dimension is normally 11–12 cm, the thickness is 1.8–2.8 cm. This proportion remains unchanged, unlike plinth size, which was becoming smaller during 12th century. Besides, some figured tiles were found in Smolensk buildings of that time.

Keywords: floor décor, glazed ceramic tiles, plinth, lime mortar.

REFERENCES

- Aleshkovskiy M.Kh.* Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh 1961 g. u tserkvi Mikhaila Arkhangel'a (Svirskoy) v g. Smolenske [Report on archaeological research in the St. Michael the Archangel (Svirskaya) Church in the city of Smolensk in 1961]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], 1961, № 2286.
- Aleshkovskiy M.Kh., Pod'yapol'skiy S.S.*, 1964. New data on the St. Michael the Archangel (Svirskaya) Church in Smolensk. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 2, pp. 231–236. (In Russ.)
- Belogortsev I.D.*, 1952. New research of old Smolensk architecture. Materialy po izucheniyu Smolenskoy oblasti [Materials for the study of Smolensk Region], 1. Smolensk: Smoliz, pp. 87–125. (In Russ.)
- Chukova T.A.*, 2004. Altar' drevnerusskogo khrama kontsa X – pervoy treti XIII v. Osnovnye arkhitekturnye elementy po arkheologicheskim dannym [The altar of the Rus temple of the late 10th – the first third of the 13th century. Basic architectural elements according to archaeological data]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. 224 p.
- Ershov I.N.*, 2016. New studies of the pre-Mongol church on Shkolnaya street 2 in Smolensk in 2014. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 242, pp. 150–160. (In Russ.)
- Karger M.K.*, 1947. On the interior decoration in Rus architecture of the pre-Mongol period. Trudy Vserossiyskoy akademii khudozhestv [Proceedings of the All-Russian Academy of Fine Arts], 1. Moscow; Leningrad: Iskusstvo, pp. 15–50. (In Russ.)
- Kholostenko N.V.*, 1967. Research on the St. Boris and Gleb cathedral in Chernigov. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 2, pp. 188–210. (In Russ.)
- Khozerov I.M.*, 1945. Archaeological study of architectural monuments in old Smolensk. Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury [Brief reports of the Institute for the History of Material Culture], XI, pp. 20–26. (In Russ.)
- Kletnova E.N.*, 1910. About excavations at the Smyadyn. Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii. Pribavlenie k vypusku 34-mu [Proceedings of the Imperial Archaeological Commission. Addition to issue 34]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, pp. 162–168. (In Russ.)
- Letopis' po Ipatskomu spisku [Hypatian Chronicle]. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya, 1871. 699 p.
- Matveev V.N.*, 2017. Floor décor of the tomb church at the St. Euphrosyne Convent in Polotsk. Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoy zemli. Seminar imeni akademika V.V. Sedova [Archaeology and history of Pskov and the Pskov land. Seminar to Academician V.V. Sedov], 32. Moscow: IA RAN, pp. 341–349. (In Russ.)
- Matveev V.N.*, 2019. Ceramic mosaics in the décor of the church floors in Rus and Poland in the 11th–13th centuries. The issue of mutual influence. Colloquia Russica. Series I, vol. 9. Rus' and Poland (10th–14th centuries). Krakow, pp. 207–220. (In Russ.)
- Neklyudov M.N., Pisarev S.P.*, 1901. O raskopkakh v Smolenske [About excavations in Smolensk]. Smolensk: Tipografiya P.A. Silina. 33 p.
- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov [Novgorod first chronicle of the older and younger versions]. A.N. Nasonov, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. 642 p.
- Orlova M.A.*, 2015. Ornaments and other types of decoration in painting of the second half of the 12th century. Istoriya russkogo iskusstva [History of Rus art], vol. 2, pt. 2. Iskusstvo vtoroy poloviny XII veka [Art of the second half of the 12th century]. L.I. Lifshits, ed. Moscow: Severnyy palomnik, pp. 434–525. (In Russ.)
- Orlovskiy I.*, 1909. Sts Boris and Gleb Monastery in Smolensk on the Smyadyn and excavations of its ruins. Smolenskaya starina [Smolensk antiquity], iss. I, pt. 1. Smolensk: Tipografiya P.A. Silina, pp. 288–312. (In Russ.)
- Peteński J.*, 1914. Halicz w dziejach sztuki średniowiecznej na podstawie badań archeologicznych i źródeł archiwalnych. Kraków: Akademia Umiejętności. 207 p.
- Piátkiewicz-Dereniowa M.*, 1971. Płytki posadzkowe z opactwa Benedyktynów w Tyńcu. Folia historiae artium, 6/7, pp. 239–265.
- Polesskiy-Shchepillo M.P.*, 1870. Excavation on the ruins of the ancient church of St. Great Martyr Catherine in the eastern suburb of Smolensk. Pamyatnaya knizhka Smolenskoy gubernii na 1870 g. [Commemorative book of the Smolensk province for 1870]. Smolensk: V Gubernskoy Tipografii, pp. 1–37. (In Russ.)
- Rappoport P.A.* Otchet o rabote Smolenskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1972 godu [Report on the activity of the Smolensk archaeological expedition in 1972]. Nauchnyy arkhiv Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk [Research archive of the Institute for the History of Material Culture RAS], F. 35, Op. 1972, D. 94.
- Rappoport P.A.* Otchet o rabote Smolenskoy arkhitekturno-arkheologicheskoy ekspeditsii v 1973 g. [Report on the activity of the Smolensk architectural and archaeological expedition in 1973]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], 1973, R-1, № 5158.
- Rappoport P.A.* Otchet o rabote Smolenskoy arkhitekturno-arkheologicheskoy ekspeditsii za 1974 g. [Report on the activity of the Smolensk architectural and archaeological expedition in 1974]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], 1974, R-1, № 5507.

- Rappoport P.A.*, 1964. Otchet Smolenskoy ekspeditsii za 1964 g. Raskopki v detintse [Report of the Smolensk expedition for 1964. Excavations in Detinets (inner city)]. Nauchnyy arkhiv Instituta istorii material'noy kul'tury Rossiyskoy akademii nauk [Research archive of the Institute for the History of Material Culture RAS], F. 35, Op. 1964, D. 106.
- Rappoport P.A.*, 1975. Cathedral of the Trinity Monastery on the Klovka in Smolensk. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology], 4, pp. 235–248. (In Russ.)
- Rappoport P.A.*, 1976. A method of dating the sites of old Smolensk architecture according to the brick format. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archeology], 2, pp. 83–93. (In Russ.)
- Rappoport P.A.*, 1976. Excavation of a church on Bolshaya Krasnoflotskaya street in Smolensk. Srednevekovaya Rus' [Medieval Rus']. D.S. Likhachev, ed. Moscow: Nauka, pp. 216–221. (In Russ.)
- Rappoport P.A.*, 1994. Stroitel'noe proizvodstvo Drevney Rusi X–XIII vv. [Construction production in Rus of the 10th–13th centuries]. St. Petersburg: Nauka. 158 p.
- Rappoport P.A., Sholokhova E.V.*, 1975. Excavation in the church at the mouth of the river Churilovka in Smolensk. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 144, pp. 75–80. (In Russ.)
- Ravdina T.V.*, 1963. Glazed ceramic tiles from Pinsk. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 96, pp. 110–112. (In Russ.)
- Sapozhnikov N.V.*, 1990. On the results of an archaeological survey of the Sts Peter and Paul Church in Smolensk in 1979. Restavratsiya i issledovaniya pamyatnikov kul'tury [Restoration and research of cultural monuments], III. Moscow: Stroyizdat, pp. 200–202. (In Russ.)
- Sapozhnikov N.V.*, 1998. New data on St. John the Evangelist Church of the 12th century in Smolensk. Istoricheskaya arkheologiya: traditsii i perspektivy [Historical archaeology: traditions and prospects]. V.L. Yanin, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 217–230. (In Russ.)
- Sapozhnikov N.V.*, 1999. The 12th century church in Sobolev Street in Smolensk. Arkheologicheskiy sbornik. Pamyati Marii Vasil'evny Fekhnner [Archaeological collection of papers. In memory of Maria Vasilievna Fekhnner]. N.G. Nedoshivina, ed. Moscow: Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey, pp. 120–126. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 111). (In Russ.)
- Sedov V.I.V.*, 2013. Otchet o spasatel'nykh arkhitekturno-arkheologicheskikh issledovaniyakh khrama drevnerusskogo vremeni na uchastke po adresu: g. Smolensk, ul. B. Krasnoflotskaya, 1–3 v 2013 godu [Report on the salvage architectural and archaeological research on the Rus temple located at: 1–3 B. Krasnoflotskaya st., Smolensk, in 2013]. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS], 2014, R-1, № 41391.
- Tomenchuk B.P.*, 2008. Arkheologiya gorodishch Galits'koi zemli. Galits'ko-Bukovins'ke Prikarpat'tya: materialy arkheologicheskikh doslidzhen' 1976–2006 [Archaeology of the settlements of the Galician land. Galicia and Bukovyna Cis-Carpathia: materials of archaeological research of 1976–2006]. Ivano-Frankivs'k: Tretyak I.Ya. 695 c.
- Torshin E.N.*, 1994. On the development of Smolensk architecture in the late 12th – early 13th century. Arkhitekturnye tetradi [Architectural notebooks], 1. St. Petersburg, pp. 301–308. (In Russ.)
- Veksler A.G.*, 1959. Majolica tiles of the 12th century from the collection of the Smolensk Museum. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 3, pp. 226–227. (In Russ.)
- Voronin N.N.*, 1965. A monument of Smolensk art of the 12th century. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 104, pp. 18–32. (In Russ.)
- Voronin N.N., Rappoport P.A.*, 1967. Smolensk Detinets (inner city) and its sites. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 3, pp. 287–302. (In Russ.)
- Voronin N.N., Rappoport P.A.*, 1969. Excavations in Smolensk in 1966. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 2, pp. 200–217. (In Russ.)
- Voronin N.N., Rappoport P.A.*, 1971. Excavations in Smolensk in 1967. Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology], 2, pp. 179–195. (In Russ.)
- Voronin N.N., Rappoport P.A.*, 1979. Zodchestvo Smolenska XII–XIII vekov [Smolensk architecture of the 12th–13th centuries]. Leningrad: Nauka. 413 p.
- Zaytsev A.A.*, 2007. Prince Rostislav's dynasty and the Smolensk architecture of the second half of the 12th c. Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 221, pp. 34–53. (In Russ.)

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2021 г. В.Ю. Коваль^{1,*}, А.Ю. Дмитриев^{2,**}, В.С. Смирнова^{2,***}, О.Е. Чепурченко^{2,****},
Ю.Г. Филина^{2,*****}, М.В. Булавин^{2,*****}

¹Институт археологии РАН, Москва, Россия

²Лаборатория нейтронной физики им. И.М. Франка Объединенного института ядерных исследований,
Дубна, Россия

*E-mail: kovaloka@mail.ru

**E-mail: andmitriev@jinr.ru

***E-mail: veronicasm@jinr.ru

****E-mail: yurchenko0907@mail.ru

*****E-mail: jgfilina@yandex.ru

*****E-mail: bulavin85@inbox.ru

Поступила в редакцию 27.05.2020 г.

Представлены результаты изучения состава керамики методом нейтронного активационного анализа (с привлечением рентгеновского флуоресцентного анализа). Изучены образцы керамики, изготовленной из сильноожеженных (красножгущихся) глин, происходивших из памятников археологии, исследованных на территории средневековой Руси (Москва, Рязанская земля), Поволжья (Болгарское и Селитренное городища). Проведено их сравнение с образцами керамики из Византии и других регионов (Кавказ, Средняя Азия). Установлен набор микроэлементов, содержание которых существенно различается в керамике разных районов Восточной Европы и имеет отличия от керамики соседних стран. Кластерный анализ подтвердил наличие заметных различий в микроэлементном составе глиняных масс, из которых изготавливалась средневековая керамика. Полученные результаты позволяют допускать возможность определения происхождения керамики по ее микроэлементному составу, по крайней мере, на уровне крупных территорий. Внутри этих территорий различия в составе керамики пока выявить не удастся.

Ключевые слова: археология, средневековая керамика, нейтронный активационный анализ, рентгеновский флуоресцентный анализ.

DOI: 10.31857/S086960630009867-2

В археологии изучение посудной керамики — одно из важнейших направлений, поскольку, начиная с эпохи неолита, именно она составляет основную долю физического объема артефактов, обнаруживаемых при раскопках. Тем не менее до сих пор еще очень мало известно о конкретных местах производства керамической посуды, об источниках глиняного сырья для таких производств. В археологической керамологии на протяжении XX в. чаще всего проводились петрографические исследования, позволявшие понять, из каких пород была составлена формовочная масса сосуда и при какой температуре проводился его обжиг. Инструментальные физико-химические методы служат другими важными средствами получения новых знаний о керамике: широко используются эмиссионный, рентгенофлуоресцентный анализы, рамановская и мёссбауэровская спектроскопии, масс-спектрометрия и иные методы (Tite, 1972; Rice, 1987; Quinn, 2013).

Однако чаще всего исследователями решаются достаточно узкие задачи группировки массива керамики, добытой при раскопках: анализируется ограниченное число образцов, притом в разных лабораториях и различными методами. Поэтому, несмотря на постоянное накопление данных, систематизация их практически не проводится. В итоге при огромной массе опубликованных материалов качественный сдвиг в получении убедительных выводов не достигнут. Наконец, нет надежных доказательств того, что естественнонаучными методами можно установить идентичность древней керамики с образцами глины, взятыми из различных месторождений сырья.

В советский период большие успехи достигнуты благодаря применению спектроскопии для изучения формовочных масс и глазурей керамики средневековой Средней Азии (Сайко, 1963; 1969). Изучение элементного состава археологической керамики возобновлено в России только в XXI в.

Одними из первых к нему обратились сотрудники научных организаций Академии наук Татарстана, которые впервые получили данные об элементном составе средневековой керамики не по основным ее составляющим (кремний, алюминий, кальций, железо), а по большому набору элементов, включая те, которые являются микропримесями на уровне долей процентов (Храмченкова, 2014; Бахматова и др., 2017). Проанализировано 85 образцов средневековой керамики XI–XIV вв., произведенной на территории Волжской Булгарии, и 59 образцов глин, отобранных в разных районах Татарстана. Однако задача, поставленная перед исследованием, — поиск значимых различий между средневековой керамикой, происшедшей из разных поселений Волжской Булгарии, не была решена: индикаторы сырьевых источников гончарных глин определить не удалось. Было выделено девять групп керамики, но, к сожалению, признаки этих групп не были перечислены, не был даже указан состав выявленных групп (списки образцов, отнесенных к ним), что исключает возможность проверки предложенных выводов. Был использован широкий набор методов исследования (петрографии, дифференциального термоманитного, рентгенографического, спектрального эмиссионного, дифференциального термического анализов, хроматографии), но полученные в результате их применения выводы не были согласованы друг с другом. Стало ясно, что, во-первых, до суммирования данных нескольких независимых методов, дающих принципиально разные характеристики керамики, следует хорошо отработать использование хотя бы одного такого метода. Во-вторых, сравнение совершенно разнородной по традициям производства (лепной архаичной и круговой высокотехнологичной) керамики следует проводить только после того, как будут тщательно изучены все характеристики каждой из этих мегагрупп. В-третьих, желательно было найти иные методы проведения аналитических исследований, дававшие более высокую точность результата. Наконец, исследования казанских коллег показали, что наиболее важным критерием для различения керамических изделий выступала разница в их микроэлементном составе.

Названным требованиям к аналитическим методам в наибольшей степени отвечает нейтронный активационный анализ (далее НАА), позволяющий получать более точные данные для микроэлементов, входивших в состав керамики. Все исследования проводились в Объединенном

институте ядерных исследований (г. Дубна)¹. Надо заметить, что НАА обладает существенным недостатком — в ходе пробоподготовки образец керамики должен быть перемолот в порошок, который после проведения анализа, включающего облучение нейтронами в исследовательской установке реактора ИБР-2 (Bulavin, Kulikov, 2018), становится опасным для человека и не может быть сохранен, но должен утилизироваться вместе с иными радиоактивными отходами. Вероятно, по этой причине НАА не получил широкого распространения за рубежом (Waksman et al., 1994; Laser ablation..., 2005; Archaeometry, 2007). Действительно, таким методом нельзя изучать уникальные музейные образцы, однако он остается одним из самых эффективных для исследований массовой керамики. Впрочем, для изучения методом НАА подходит не любая керамика, а прежде всего та, которая не содержит в себе значительного количества примесей (дробленого камня, навоза животных, раковин моллюсков и т.п.), поскольку отделить эти примеси от глиняного «цемента» крайне сложно. По этой причине для НАА в наибольшей степени подходит керамика развитого средневековья и Нового времени, изготавливавшаяся из глин без искусственных примесей (а зачастую еще и очищенная древними гончарами от природных примесей). И именно керамика Волжской Булгарии XI–XIV вв. из хорошо очищенных глин без посторонних примесей, прошедшая высокотемпературный обжиг, в наибольшей степени годилась для целей нашего исследования. Правда, гончары часто вводили в состав формовочной массы такой керамики небольшое количество навоза домашних животных (Васильева, 1993. С. 110–112), однако объем таких добавок при массовом городском производстве керамики был незначительным.

На первом этапе исследования проанализировано 15 образцов керамики, из которых 12 по внешним признакам принадлежали общебулгарской средневековой керамике, датированной в интервале XII–XIV вв., 2 — обломки поливных сосудов, еще 1 относился к сосуду, произведенному в Болгаре пришедшим из Средней Азии населением (группа XIX по Т.А. Хлебниковой). Все результаты анализов опубликованы (Коваль и др., 2019. С. 791–797), а их изучение позволило

¹ В качестве дополнительного (и контрольного) источника данных для макроэлементов и некоторых микроэлементов выполнялся рентгенофлуоресцентный анализ (далее РФА).

Рис. 1. Керамика из раскопок в Болгаре, произведенная в этом же городе (номера образцов соответствуют нумерации в таблице аналитических результатов).

Fig. 1. Pottery from excavations in Bolgar manufactured in the same city (the sample numbers correspond to those in the table of analytical results)

сделать вывод о том, что ни по основным составляющим², ни по редкоземельным элементам (Sc, La, Ce, Nd, Sm, Eu, Tb, Yb, Lu, Y) существенных различий в имеющейся выборке нет. Различия же в микроэлементном составе на столь небольшом числе образцов достоверно выявить не удалось. Правда, были замечены различия по ряду

элементов, связанных с технологией изготовления этой керамики. Например, у поливных образцов зафиксировано повышенное содержание свинца и/или меди, входивших в состав глазурей (Коваль и др., 2019. С. 796, 797).

Вывод об однородности состава керамики, произведенной на относительно небольшой территории, был ожидаем. Поэтому на следующем этапе решено расширить рамки исследования, т.е. сравнить керамику Волжской Булгарии с керамикой

² Al, Si, P, K определялись методом РФА; Fe, Na, Ti — методом НАА; Ca, Mn в образцах 1–15 — РФА, в остальных — НАА, что было связано с особенностями эксперимента.

Рис. 2. Керамика (19–22, 36) и образцы обожженной глины (23–25) с Селитренного городища, образец из Болгара (10) и стенка византийской амфоры (44) (номера образцов соответствуют нумерации в таблице аналитических результатов).

Fig. 2. Pottery (19–22, 36) and burnt clay samples (23–25) from the Selitrennoye fortified settlement, a sample from Bolgar (10) and the wall of a Byzantine amphora (44) (the sample numbers correspond to those in the table of analytical results)

соседних территорий, а для “чистоты эксперимента” привлечь образцы из более отдаленных стран (Хорезма, Мавераннахра, Ширвана, Византии, Испании). При этом соблюдались два правила: анализируемые образцы должны были быть изготовлены из сильноожеженной (красноожужейся) глины без видимых посторонних

примесей (исключение сделано только для одного образца из слабоожеженной глины); они должны быть хронологически близки к посуде Волжской Булгарии, т.е. находиться в пределах XII–XVI вв. (также с единственным исключением, сделанным для обломка среднеазиатского блюда X в.).

Рис. 3. Поливная керамика из Болгара (9, 11, 16), Афрасиаба (39) и Шемахи (40) (номера образцов соответствуют нумерации в таблице аналитических результатов).

Fig. 3. Glazed pottery from Bolgar (9, 11, 16), Afrasiab (39) and Shamakhi (40) (the sample numbers correspond to those in the table of analytical results)

Состав полученной выборки (45 образцов) включал следующие группы керамических изделий (рис. 1–4). 1). Керамика из раскопок города Болгара, датируемая XII–XIV вв., – 15 шт. (№ 1–9, 11–15, 17)³. 2). Керамика Селитренного городища

(остатки города Сарай XIV в.) (№ 18–25, 35–37), включая 3 образца глин, взятых в районе размещения гончарных горнов (№ 23–25), – всего 11 шт. 3). Керамика неустовленного происхождения, найденная в Болгаре, – 2 шт. (№ 10, 16). 4). Керамика из Никольского городища и селища XII–XIV вв. (Тамбовская обл.), которая по внешним признакам близка к посуде Волжской Булгарии и

³ Номера образцов соответствуют их номерам в таблице, номерам на графиках (рис. 5, 6), номерам изображений на рис. 1–4.

Рис. 4. Керамика из Москвы (27, 29, 31, 32), окрестностей Тамбова (41–43), Хорезма (38), Поочья (34) и Испании (45) (номера образцов соответствуют нумерации в таблице аналитических результатов).

Fig. 4. Pottery from Moscow (27, 29, 31, 32), the vicinity of Tambov (41–43), Khorezm (38), the Oka River region (34) and Spain (45) (the sample numbers correspond to those in the table of analytical results)

Золотой Орды, — 3 шт. (№ 41–43). 5). Керамика Москвы XV–XVI вв. — 8 шт. (№ 26–33). 6). Керамика Среднего Поочья (городище Ростиславль) из слабоожеженной глины — 1 шт. (№ 34). 7). Керамика отдаленных центров Средней Азии (Хорезм, Афрасиаб) и Закавказья (Шемаха) — 3 шт. (№ 38–41). 8). Византийская керамика (XIV в., стенка амфоры, произведенной, вероятно, в Трапезунде) — 1 шт. (№ 44). 9). Керамика Испании (XIV в., стенка пифоса) из раскопок в Болгаре — 1 шт. (№ 45).

В ходе анализа рассчитывались массовые доли 37 элементов (таблица). Для обработки полученных данных использовался кластерный анализ, выполнявшийся при помощи стандартной программы “Статистика”. Вначале он был проведен по всему набору элементов (рис. 5), а также отдельно по основным составляющим глины (Al_2O_3 , SiO_2 , Fe_2O_3 , CaO , MnO , K_2O , Na_2O , P_2O_5 , TiO) и по редкоземельным элементам (Sc, La, Ce, Nd, Sm, Eu, Tb, Yb, Lu, Y). В каждом из этих случаев получены группы, содержавшие разные

Таблица. Массовые доли элементов и оксидов (мг/кг) в составе изученных образцов (№ 1–45) керамики**Table.** Mass fractions of elements and oxides (mg/kg) in the composition of the studied pottery samples (No. 1–45)

Элемент	Na ₂ O	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	K ₂ O
Метод	НАА	РФА	РФА	РФА	РФА
1	12800 ± 310	110000 ± 4500	591000 ± 7100	13900 ± 790	21300 ± 320
2	12900 ± 320	107000 ± 4400	638000 ± 7400	2560 ± 470	18700 ± 300
3	9920 ± 240	103000 ± 4400	581000 ± 7000	4790 ± 540	20600 ± 310
4	5840 ± 150	98500 ± 4300	656000 ± 7500	22630 ± 960	18700 ± 300
5	5900 ± 150	86900 ± 4100	620000 ± 7300	16890 ± 850	18800 ± 300
6	11500 ± 290	98700 ± 4200	578000 ± 6900	7890 ± 630	22700 ± 330
7	12800 ± 320	122000 ± 4700	584000 ± 7000	2630 ± 460	20200 ± 310
8	5740 ± 150	96400 ± 4200	621000 ± 7200	5780 ± 570	22400 ± 320
9	22500 ± 550	111000 ± 4500	572000 ± 6900	1480 ± 440	24200 ± 340
10	13100 ± 330	114000 ± 4700	532000 ± 6700	9790 ± 730	23500 ± 340
11	14400 ± 360	103000 ± 4400	571000 ± 6900	2200 ± 460	22800 ± 330
12	11700 ± 300	113000 ± 4500	550000 ± 6800		18200 ± 300
13	16200 ± 410	99400 ± 4300	580000 ± 7000		16600 ± 280
14	15600 ± 400	108000 ± 4500	573000 ± 6900		18500 ± 300
15	12700 ± 330	100000 ± 4300	618000 ± 7200	7760 ± 630	19500 ± 310
16	13900 ± 550	104000 ± 4400	532000 ± 6600	1980 ± 460	22900 ± 330
17	15200 ± 600	92600 ± 4100	535000 ± 6600	1000 ± 380	19400 ± 300
18	18200 ± 720	106000 ± 4400	450000 ± 6000	2650 ± 470	22600 ± 330
19	17100 ± 680	106000 ± 4400	473000 ± 6200	< 3500	21900 ± 320
20	14700 ± 580	110000 ± 4600	539000 ± 6700	< 3210	24100 ± 340
21	17400 ± 690	101000 ± 4300	488000 ± 6300	1760 ± 410	21600 ± 320
22	11900 ± 470	101000 ± 4400	483000 ± 6200	3200 ± 500	21400 ± 320
23	13700 ± 540	110000 ± 4500	492000 ± 6300	< 2470	24100 ± 340
24	19300 ± 760	104000 ± 4400	467000 ± 6100	< 2980	21600 ± 320
25	15200 ± 600	90900 ± 4100	422000 ± 5700	< 2180	20300 ± 310
26	7910 ± 320	97700 ± 4300	564000 ± 6800	4210 ± 540	23900 ± 330
27	7500 ± 300	113000 ± 4500	584000 ± 7000	< 3500	24500 ± 340
28	6010 ± 240	62800 ± 3400	587000 ± 6900	< 1540	15500 ± 270
29	6360 ± 250	108000 ± 4400	518000 ± 6500	2170 ± 420	25300 ± 340
30	6980 ± 280	98900 ± 4300	591000 ± 7000	3710 ± 500	22800 ± 330
31	6130 ± 250	124000 ± 4700	558000 ± 6800	2020 ± 420	27400 ± 360
32	7450 ± 300	125000 ± 4700	539000 ± 6700	1170 ± 380	27200 ± 360
33	6980 ± 280	112000 ± 4500	601000 ± 7100	4810 ± 550	26700 ± 350
34	1940 ± 79	165000 ± 5200	549000 ± 6700	6840 ± 580	16300 ± 280
35	15900 ± 630	117000 ± 4700	496000 ± 6400	3220 ± 510	26300 ± 350
36	13700 ± 550	97700 ± 4300	477000 ± 6200	3730 ± 530	23900 ± 330
37	12600 ± 500	101000 ± 4300	455000 ± 6100	5620 ± 560	23600 ± 340

38	15400 ± 610	98300 ± 4400	548000 ± 6700	3680 ± 580	19700 ± 310
39	10300 ± 410	86700 ± 4200	532000 ± 6500	2690 ± 550	22000 ± 320
40	19300 ± 770	129000 ± 4900	523000 ± 6600	1960 ± 470	12800 ± 260
41	6630 ± 270	102000 ± 4300	632000 ± 7300	10200 ± 690	19900 ± 310
42	12500 ± 500	91500 ± 4100	643000 ± 7400	2090 ± 430	19400 ± 300
43	8090 ± 320	97700 ± 4300	675000 ± 7600	2480 ± 460	23900 ± 330
44	16600 ± 670	129000 ± 4900	451000 ± 6100	10300 ± 700	26200 ± 350
45	4270 ± 180	144000 ± 5100	476000 ± 6300	25300 ± 1000	25400 ± 350

Элемент	CaO	Sc	TiO	Cr	MnO	Fe ₂ O ₃
Метод	РФА/НАА	НАА	РФА	НАА	РФА/НАА	НАА
1	23900 ± 290	16 ± 0.27	5340 ± 330	273 ± 7	1240 ± 83	77900 ± 3600
2	14200 ± 230	16 ± 0.26	5620 ± 340	248 ± 7	1050 ± 75	72300 ± 3300
3	12500 ± 210	15 ± 0.25	5420 ± 320	221 ± 6	646 ± 63	70300 ± 3200
4	17000 ± 250	10 ± 0.16	5110 ± 320	169 ± 5	647 ± 62	46000 ± 2100
5	12700 ± 210	10 ± 0.16	5000 ± 310	161 ± 5	205 ± 43	45200 ± 2100
6	11800 ± 210	12 ± 0.20	5590 ± 330	182 ± 6	773 ± 66	53200 ± 2500
7	11700 ± 210	18 ± 0.29	6170 ± 340	256 ± 7	1420 ± 85	81800 ± 3800
8	11000 ± 200	11 ± 0.18	5780 ± 330	190 ± 6	297 ± 46	53500 ± 2400
9	24300 ± 290	14 ± 0.24	4710 ± 310	178 ± 5	791 ± 67	71000 ± 3300
10	53500 ± 430	17 ± 0.28	5400 ± 330	216 ± 6	1340 ± 84	79500 ± 3700
11	23200 ± 280	15 ± 0.25	5070 ± 320	180 ± 5	842 ± 70	74500 ± 3400
12	12700 ± 220	15 ± 0.25	6020 ± 340	210 ± 7	1530 ± 89	70900 ± 3300
13	10800 ± 200	18 ± 0.31	5640 ± 330	282 ± 8	1380 ± 84	84200 ± 3900
14	11800 ± 210	20 ± 0.33	5730 ± 330	271 ± 7	1280 ± 81	91100 ± 4200
15	11800 ± 210	13 ± 0.22	5580 ± 330	236 ± 6	701 ± 65	64200 ± 3000
16	52900 ± 9290	16 ± 0.27	4730 ± 310	138 ± 4	2890 ± 84	73100 ± 3400
17	19900 ± 3560	16 ± 0.27	5290 ± 310	217 ± 6	2800 ± 82	70200 ± 3200
18	44400 ± 7810	16 ± 0.26	4610 ± 300	163 ± 5	2840 ± 83	70800 ± 3200
19	46700 ± 8380	15 ± 0.26	4590 ± 300	152 ± 4	2850 ± 83	70600 ± 3200
20	45900 ± 8070	15 ± 0.25	5080 ± 320	125 ± 4	2850 ± 83	65600 ± 3000
21	30400 ± 5370	15 ± 0.25	5120 ± 310	140 ± 4	3060 ± 89	70200 ± 3200
22	51100 ± 8970	15 ± 0.26	4690 ± 300	128 ± 4	2980 ± 87	68300 ± 3100
23	26200 ± 4600	12 ± 0.21	4590 ± 300	131 ± 4	2310 ± 67	53200 ± 2400
24	59000 ± 10370	20 ± 0.34	5520 ± 320	183 ± 5	3160 ± 92	83200 ± 3800
25	29100 ± 5110	13 ± 0.23	4010 ± 260	156 ± 4	2140 ± 62	57200 ± 2600
26	41600 ± 7320	13 ± 0.22	5050 ± 310	100 ± 3	2480 ± 72	63500 ± 2900
27	14700 ± 2680	15 ± 0.25	5770 ± 330	112 ± 3	3000 ± 87	76800 ± 3500
28	9000 ± 1620	8 ± 0.14	3660 ± 260	68 ± 2	1680 ± 49	41600 ± 1900
29	16800 ± 2970	12 ± 0.20	5570 ± 320	87 ± 2	2290 ± 66	55900 ± 2600
30	24100 ± 4240	12 ± 0.20	5220 ± 320	90 ± 3	2130 ± 62	53200 ± 2400
31	13200 ± 2350	12 ± 0.21	6420 ± 350	92 ± 3	2440 ± 71	58500 ± 2700
32	6000 ± 1350	14 ± 0.24	6080 ± 340	104 ± 3	3180 ± 92	73800 ± 3400

33	26700 ± 4700	12 ± 0.21	5450 ± 330	93 ± 3	2490 ± 72	57800 ± 2700
34	10300 ± 1830	9 ± 0.15	10300 ± 420	114 ± 3	1020 ± 30	22900 ± 1100
35	37100 ± 6510	14 ± 0.24	5280 ± 320	142 ± 4	2780 ± 80	60900 ± 2800
36	39000 ± 6840	10 ± 0.18	4330 ± 290	138 ± 4	2090 ± 61	45000 ± 2100
37	35300 ± 6220	15 ± 0.25	4800 ± 300	136 ± 4	3190 ± 93	66900 ± 3100
38	90800 ± 15890	12 ± 0.20	3530 ± 280	84 ± 2	2110 ± 61	45300 ± 2100
39	75300 ± 13170	8 ± 0.13	3840 ± 280	105 ± 3	1670 ± 48	34000 ± 1600
40	41800 ± 7330	19 ± 0.32	5290 ± 320	79 ± 2	3290 ± 95	66900 ± 3100
41	14800 ± 2630	9 ± 0.16	5500 ± 330	93 ± 3	1990 ± 58	39000 ± 1800
42	19000 ± 3360	11 ± 0.19	4780 ± 310	131 ± 4	2040 ± 59	46800 ± 2100
43	13800 ± 2450	11 ± 0.18	4930 ± 320	147 ± 4	2180 ± 63	49300 ± 2300
44	34400 ± 6090	17 ± 0.28	5270 ± 320	292 ± 8	3160 ± 92	70600 ± 3200
45	54600 ± 9560	13 ± 0.21	4870 ± 310	96 ± 3	2300 ± 67	50000 ± 2300

Элемент	Ni	Co	Cu	Zn	As	Br	Rb
Метод	НАА	НАА	РФА	НАА	НАА	НАА	НАА
1	79 ± 3.2	23 ± 2	75 ± 10	157 ± 6	8.4 ± 0.8		84 ± 14
2	84 ± 3.2	22 ± 2	42 ± 8	92 ± 3	8.0 ± 0.8		80 ± 13
3	82 ± 6.2	21 ± 2	45 ± 8	96 ± 4	8.3 ± 0.8		73 ± 12
4	54 ± 5.0	12 ± 1	33 ± 7	104 ± 4	3.8 ± 0.4		62 ± 10
5	48 ± 2.1	12 ± 1	40 ± 8	76 ± 3	5.8 ± 0.5		68 ± 11
6	51 ± 2.2	17 ± 1	45 ± 9	118 ± 4	5.4 ± 0.5		84 ± 14
7	96 ± 3.6	25 ± 2	48 ± 9	97 ± 4	12.3 ± 1.2		85 ± 14
8	63 ± 5.6	18 ± 1	37 ± 8	89 ± 3	10.4 ± 1.0		74 ± 12
9	62 ± 2.7	21 ± 2	131 ± 13	101 ± 4	7.2 ± 0.7		88 ± 14
10	114 ± 4.4	26 ± 2	54 ± 10	175 ± 6	6.6 ± 0.6		100 ± 16
11	68 ± 2.9	22 ± 2	83 ± 11	105 ± 4	5.7 ± 0.5		107 ± 18
12	94 ± 3.5	23 ± 2	43 ± 9	87 ± 3	9.5 ± 0.9		80 ± 13
13	108 ± 7.2	27 ± 2	57 ± 10	98 ± 4	10.4 ± 1.0		84 ± 14
14	103 ± 10.3	28 ± 2	48 ± 9	107 ± 4	10.0 ± 1.0		91 ± 15
15	70 ± 6.0	19 ± 1	41 ± 8	95 ± 4	8.8 ± 0.8		81 ± 13
16	75 ± 2.7	20 ± 1	122 ± 13	95 ± 4	7.4 ± 0.9	0.67 ± 0.09	109 ± 18
17	95 ± 3.4	22 ± 2	56 ± 9	86 ± 3	9.1 ± 1.1	1.06 ± 0.12	79 ± 13
18	75 ± 2.8	20 ± 1	41 ± 8	90 ± 4	6.4 ± 0.8	3.76 ± 0.41	90 ± 15
19	74 ± 2.7	20 ± 1	37 ± 8	88 ± 3	6.6 ± 0.8	1.96 ± 0.22	102 ± 17
20	75 ± 2.8	19 ± 1	36 ± 9	93 ± 4	8.0 ± 1.0	0.86 ± 0.11	106 ± 17
21	73 ± 2.7	19 ± 1	54 ± 10	102 ± 5	6.5 ± 0.8	1.56 ± 0.18	107 ± 18
22	77 ± 2.8	18 ± 1	42 ± 9	93 ± 4	8.5 ± 1.1	2.48 ± 0.28	103 ± 17
23	69 ± 2.5	17 ± 1	37 ± 7	71 ± 3	6.4 ± 0.8	1.31 ± 0.15	84 ± 14
24	108 ± 3.9	25 ± 2	49 ± 9	111 ± 4	12.3 ± 1.5	0.88 ± 0.11	98 ± 16
25	60 ± 2.2	18 ± 1	31 ± 8	75 ± 3	6.0 ± 0.7	0.00 ± 0.00	84 ± 14
26	48 ± 1.9	16 ± 1	37 ± 9	90 ± 3	8.0 ± 1.0	3.83 ± 0.43	103 ± 17
27	61 ± 2.3	20 ± 1	39 ± 9	90 ± 4	9.6 ± 1.2	1.68 ± 0.20	117 ± 19

28	31 ± 1.2	11 ± 1	30 ± 8	52 ± 2	6.8 ± 0.8	0.28 ± 0.04	68 ± 11
29	51 ± 1.9	14 ± 1	33 ± 7	77 ± 3	7.4 ± 0.9	0.61 ± 0.07	91 ± 15
30	48 ± 1.8	14 ± 1	33 ± 9	80 ± 3	4.8 ± 0.6	0.69 ± 0.08	88 ± 14
31	48 ± 1.8	16 ± 1	38 ± 8	77 ± 3	9.7 ± 1.2	1.14 ± 0.13	96 ± 16
32	53 ± 2.0	21 ± 2	31 ± 8	90 ± 4	8.9 ± 1.1	0.00 ± 0.00	117 ± 19
33	57 ± 2.1	16 ± 1	31 ± 8	109 ± 4	5.8 ± 0.7	1.31 ± 0.15	98 ± 16
34	48 ± 1.8	8 ± 1	14 ± 6	49 ± 2	5.2 ± 0.6	1.70 ± 0.19	67 ± 11
35	81 ± 3.0	19 ± 1	40 ± 8	83 ± 3	6.8 ± 0.8	2.24 ± 0.25	89 ± 15
36	56 ± 2.1	13 ± 1	48 ± 9	64 ± 2	9.5 ± 1.2	2.87 ± 0.32	74 ± 12
37	84 ± 3.1	19 ± 1	39 ± 8	100 ± 4	4.7 ± 0.6	0.00 ± 0.00	103 ± 17
38	44 ± 1.7	12 ± 1	50 ± 10	66 ± 3	1.4 ± 0.2	0.65 ± 0.08	98 ± 16
39	37 ± 1.4	8 ± 1	38 ± 8	63 ± 2	7.6 ± 0.9	0.91 ± 0.11	77 ± 13
40	47 ± 1.8	20 ± 1	87 ± 11	74 ± 3	6.4 ± 0.8	2.36 ± 0.26	32 ± 5
41	49 ± 1.8	11 ± 1	29 ± 8	60 ± 2	4.7 ± 0.6	2.10 ± 0.23	60 ± 10
42	59 ± 2.2	13 ± 1	36 ± 8	65 ± 2	3.3 ± 0.5	1.72 ± 0.20	73 ± 12
43	50 ± 1.9	11 ± 1	30 ± 8	64 ± 2	5.4 ± 0.7	1.15 ± 0.13	80 ± 13
44	218 ± 7.8	24 ± 2	48 ± 8	105 ± 4	6.6 ± 1.0	0.96 ± 0.18	120 ± 20
45	75 ± 2.8	15 ± 1	100 ± 12	137 ± 5	6.2 ± 0.8	2.33 ± 0.27	110 ± 18

Элемент	Sr	Y	Zr	Sb	Cs	Ba
Метод	НАА	РФА	НАА	НАА	НАА	НАА
1	154 ± 14	19 ± 4	279 ± 7	0.94 ± 0.04	4.33 ± 0.11	478 ± 24
2	132 ± 11	23 ± 4	318 ± 19	0.90 ± 0.03	4.27 ± 0.11	461 ± 23
3	134 ± 13	21 ± 4	287 ± 25	0.88 ± 0.03	2.90 ± 0.08	546 ± 32
4	209 ± 17	20 ± 4	319 ± 21	0.66 ± 0.03	2.05 ± 0.07	601 ± 31
5	200 ± 17	21 ± 4	389 ± 23	0.97 ± 0.04	2.23 ± 0.06	469 ± 26
6	125 ± 13	30 ± 4	397 ± 24	0.75 ± 0.03	3.79 ± 0.12	534 ± 27
7	134 ± 11	27 ± 4	314 ± 23	0.98 ± 0.04	4.69 ± 0.13	469 ± 24
8	128 ± 12	27 ± 4	495 ± 23	0.80 ± 0.03	3.10 ± 0.10	632 ± 32
9	161 ± 14	26 ± 4	223 ± 7	1.08 ± 0.04	4.52 ± 0.12	436 ± 28
10	266 ± 21	27 ± 5	221 ± 24	1.02 ± 0.04	5.86 ± 0.15	487 ± 25
11	185 ± 16	< 30	238 ± 27	1.15 ± 0.05	5.10 ± 0.13	474 ± 29
12	124 ± 10	29 ± 5	268 ± 9	0.95 ± 0.03	4.43 ± 0.12	423 ± 24
13	143 ± 13	28 ± 4	306 ± 8	1.04 ± 0.04	4.73 ± 0.12	491 ± 30
14	140 ± 13	25 ± 4	307 ± 8	1.06 ± 0.04	5.25 ± 0.13	481 ± 26
15	176 ± 16	19 ± 4	356 ± 15	0.74 ± 0.03	3.16 ± 0.10	484 ± 26
16	276 ± 24	22 ± 5	189 ± 5	0.93 ± 0.04	5.35 ± 0.13	412 ± 17
17	176 ± 15	27 ± 5	361 ± 6	0.87 ± 0.04	4.04 ± 0.10	446 ± 19
18	315 ± 27	26 ± 5	241 ± 5	0.56 ± 0.03	3.92 ± 0.10	558 ± 23
19	224 ± 19	27 ± 5	286 ± 6	0.62 ± 0.03	4.62 ± 0.12	425 ± 18
20	247 ± 21	28 ± 5	172 ± 4	0.68 ± 0.03	5.03 ± 0.13	397 ± 17
21	206 ± 18	29 ± 6	207 ± 5	0.58 ± 0.03	4.78 ± 0.12	373 ± 16
22	323 ± 28	26 ± 5	175 ± 4	0.75 ± 0.03	5.24 ± 0.13	450 ± 19

23	152 ± 14	23 ± 4	222 ± 5	0.48 ± 0.02	3.91 ± 0.10	340 ± 14
24	199 ± 17	30 ± 5	229 ± 5	1.14 ± 0.05	5.46 ± 0.14	387 ± 16
25	167 ± 15	28 ± 5	212 ± 5	0.43 ± 0.02	4.01 ± 0.10	365 ± 15
26	114 ± 11	32 ± 5	254 ± 5	0.41 ± 0.02	4.06 ± 0.10	511 ± 21
27	89 ± 9	36 ± 5	277 ± 6	0.53 ± 0.02	4.74 ± 0.12	490 ± 21
28	67 ± 6	22 ± 5	221 ± 4	0.41 ± 0.02	2.54 ± 0.06	313 ± 13
29	92 ± 8	34 ± 5	239 ± 5	0.41 ± 0.02	3.55 ± 0.09	384 ± 16
30	114 ± 10	30 ± 5	249 ± 5	0.53 ± 0.02	3.69 ± 0.09	401 ± 16
31	84 ± 7	31 ± 4	224 ± 5	0.46 ± 0.02	4.06 ± 0.10	420 ± 17
32	95 ± 8	29 ± 5	267 ± 5	0.57 ± 0.03	4.53 ± 0.11	492 ± 21
33	112 ± 10	30 ± 5	235 ± 5	0.41 ± 0.02	3.32 ± 0.08	446 ± 18
34	98 ± 9	22 ± 4	342 ± 6	0.86 ± 0.04	8.46 ± 0.21	223 ± 9
35	274 ± 24	25 ± 5	239 ± 5	0.62 ± 0.03	4.27 ± 0.11	552 ± 23
36	212 ± 18	< 45	190 ± 4	1.13 ± 0.05	3.29 ± 0.08	324 ± 13
37	215 ± 19	28 ± 5	238 ± 5	0.55 ± 0.03	4.73 ± 0.12	390 ± 17
38	262 ± 23	22 ± 5	127 ± 4	0.69 ± 0.03	4.37 ± 0.11	377 ± 15
39	272 ± 24	< 48	182 ± 3	1.33 ± 0.05	4.41 ± 0.11	409 ± 17
40	234 ± 20	18 ± 4	112 ± 4	0.69 ± 0.03	2.01 ± 0.05	252 ± 10
41	148 ± 13	22 ± 4	256 ± 5	0.53 ± 0.02	2.46 ± 0.06	471 ± 19
42	166 ± 14	19 ± 4	200 ± 4	0.49 ± 0.02	3.49 ± 0.09	376 ± 15
43	118 ± 10	23 ± 4	236 ± 5	0.95 ± 0.04	3.86 ± 0.10	387 ± 16
44	170 ± 15	32 ± 5	170 ± 5	1.33 ± 0.05	13.50 ± 0.34	547 ± 23
45	342 ± 30	27 ± 5	137 ± 4	0.76 ± 0.03	6.92 ± 0.17	717 ± 29

Элемент	La	Ce	Nd	Sm	Eu	Tb	Yb
Метод	НАА	НАА	НАА	НАА	НАА	НАА	НАА
1	26 ± 0.8	62 ± 6	< 8	4.9 ± 0.7	0.96 ± 0.02	0.57 ± 0.01	2.1 ± 0.4
2	32 ± 1.0	74 ± 7	27 ± 4	6.7 ± 1.0	1.31 ± 0.02	0.79 ± 0.02	2.7 ± 0.5
3	27 ± 0.8	66 ± 6	19 ± 3	5.3 ± 0.8	1.02 ± 0.03	0.71 ± 0.03	2.2 ± 0.4
4	24 ± 0.8	59 ± 5	< 7	4.9 ± 0.7	0.91 ± 0.02	0.58 ± 0.01	2.1 ± 0.4
5	25 ± 0.8	58 ± 5	23 ± 4	5.2 ± 0.7	0.94 ± 0.02	0.69 ± 0.03	2.2 ± 0.4
6	33 ± 1.0	79 ± 7	31 ± 8	6.5 ± 1.0	1.21 ± 0.03	0.83 ± 0.02	2.8 ± 0.5
7	30 ± 0.9	75 ± 7	29 ± 5	6.4 ± 0.9	1.22 ± 0.02	0.75 ± 0.02	2.7 ± 0.5
8	30 ± 0.9	72 ± 7	25 ± 4	6.3 ± 0.9	1.07 ± 0.02	0.75 ± 0.02	2.7 ± 0.5
9	36 ± 1.1	79 ± 7	26 ± 5	6.3 ± 0.9	1.24 ± 0.03	0.84 ± 0.03	2.0 ± 0.4
10	33 ± 1.0	76 ± 7	< 9	6.7 ± 1.0	1.29 ± 0.03	0.81 ± 0.02	2.7 ± 0.5
11	37 ± 1.2	84 ± 8	31 ± 9	6.7 ± 1.0	1.28 ± 0.03	0.72 ± 0.02	2.3 ± 0.5
12	29 ± 0.9	66 ± 6	27 ± 5	6.3 ± 0.9	1.18 ± 0.02	0.79 ± 0.02	2.3 ± 0.5
13	35 ± 1.1	80 ± 7	26 ± 5	7.5 ± 1.1	1.49 ± 0.04	0.87 ± 0.02	3.0 ± 0.6
14	32 ± 1.0	80 ± 7	20 ± 4	6.3 ± 0.9	1.31 ± 0.03	0.77 ± 0.02	2.7 ± 0.5
15	25 ± 0.8	59 ± 5	< 9	4.4 ± 0.6	0.83 ± 0.02	0.63 ± 0.03	1.9 ± 0.4
16	36 ± 1.2	71 ± 7	34 ± 4	6.7 ± 0.8	1.33 ± 0.03	0.70 ± 0.02	2.5 ± 0.5
17	33 ± 1.1	72 ± 7	31 ± 3	6.9 ± 0.8	1.37 ± 0.04	0.79 ± 0.02	3.2 ± 0.6

18	38 ± 1.2	78 ± 7	31 ± 3	6.8 ± 0.8	1.32 ± 0.03	0.72 ± 0.02	2.5 ± 0.5
19	39 ± 1.3	80 ± 7	36 ± 4	7.2 ± 0.8	1.44 ± 0.04	0.76 ± 0.02	2.6 ± 0.5
20	35 ± 1.1	70 ± 6	31 ± 3	6.9 ± 0.8	1.30 ± 0.03	0.72 ± 0.02	2.5 ± 0.5
21	36 ± 1.2	72 ± 7	34 ± 4	6.8 ± 0.8	1.29 ± 0.03	0.72 ± 0.02	2.4 ± 0.5
22	35 ± 1.1	67 ± 6	29 ± 3	6.4 ± 0.7	1.25 ± 0.03	0.72 ± 0.02	2.4 ± 0.5
23	28 ± 1.0	61 ± 6	26 ± 3	5.1 ± 0.6	0.97 ± 0.02	0.56 ± 0.01	2.1 ± 0.4
24	39 ± 1.2	78 ± 7	37 ± 4	7.9 ± 0.9	1.66 ± 0.04	0.86 ± 0.02	3.3 ± 0.7
25	33 ± 1.0	68 ± 6	26 ± 3	5.8 ± 0.7	1.14 ± 0.03	0.57 ± 0.01	2.2 ± 0.4
26	42 ± 1.3	85 ± 8	38 ± 4	8.3 ± 1.0	1.54 ± 0.04	0.88 ± 0.02	3.1 ± 0.6
27	48 ± 1.5	96 ± 9	43 ± 5	9.3 ± 1.1	1.73 ± 0.04	1.02 ± 0.03	3.4 ± 0.7
28	27 ± 0.9	57 ± 5	24 ± 3	5.5 ± 0.7	1.00 ± 0.02	0.60 ± 0.01	2.1 ± 0.4
29	36 ± 1.2	75 ± 7	31 ± 3	7.0 ± 0.9	1.27 ± 0.03	0.75 ± 0.02	2.7 ± 0.5
30	34 ± 1.2	74 ± 7	31 ± 3	7.0 ± 0.9	1.28 ± 0.03	0.76 ± 0.02	2.9 ± 0.6
31	34 ± 1.1	76 ± 7	28 ± 3	6.4 ± 0.8	1.18 ± 0.03	0.68 ± 0.02	2.7 ± 0.5
32	45 ± 1.5	92 ± 8	40 ± 4	8.2 ± 0.9	1.34 ± 0.03	0.85 ± 0.02	2.8 ± 0.5
33	36 ± 1.2	78 ± 7	32 ± 4	7.0 ± 0.9	1.30 ± 0.03	0.75 ± 0.02	2.9 ± 0.6
34	21 ± 0.7	39 ± 4	12 ± 1	2.8 ± 0.4	0.48 ± 0.01	0.43 ± 0.01	2.4 ± 0.5
35	33 ± 1.1	71 ± 7	28 ± 3	6.3 ± 0.8	1.15 ± 0.03	0.67 ± 0.02	2.5 ± 0.5
36	24 ± 0.8	51 ± 5	21 ± 2	4.7 ± 0.6	0.85 ± 0.02	0.52 ± 0.01	1.8 ± 0.3
37	36 ± 1.2	71 ± 7	29 ± 3	6.7 ± 0.8	1.24 ± 0.03	0.72 ± 0.02	2.4 ± 0.5
38	22 ± 0.7	46 ± 4	18 ± 2	4.4 ± 0.6	0.83 ± 0.02	0.50 ± 0.01	2.0 ± 0.4
39	25 ± 0.9	47 ± 4	21 ± 2	4.8 ± 0.6	0.84 ± 0.02	0.59 ± 0.01	1.9 ± 0.4
40	14 ± 0.5	29 ± 3	14 ± 2	3.5 ± 0.4	0.82 ± 0.02	0.44 ± 0.01	2.0 ± 0.4
41	23 ± 0.8	50 ± 5	20 ± 2	4.7 ± 0.6	0.82 ± 0.02	0.54 ± 0.01	2.2 ± 0.4
42	24 ± 0.8	51 ± 5	21 ± 2	4.8 ± 0.6	0.93 ± 0.02	0.54 ± 0.01	2.2 ± 0.4
43	27 ± 0.9	60 ± 5	25 ± 3	5.6 ± 0.7	1.09 ± 0.03	0.61 ± 0.02	2.3 ± 0.5
44	33 ± 1.1	65 ± 6	30 ± 3	6.7 ± 0.8	1.20 ± 0.03	0.78 ± 0.02	2.7 ± 0.5
45	28 ± 1.0	61 ± 6	24 ± 3	5.2 ± 0.7	0.93 ± 0.02	0.51 ± 0.01	2.2 ± 0.4

Элемент	Lu	Hf	Ta	Hg	Th	U
Метод	НАА	НАА	НАА	НАА	НАА	НАА
1	0.38 ± 0.04	14.4 ± 1.1	0.73 ± 0.02	< 0.068	8.9 ± 0.2	1.8 ± 0.1
2	0.47 ± 0.05	14.9 ± 1.1	0.78 ± 0.02	< 0.038	9.4 ± 0.2	1.9 ± 0.1
3	0.39 ± 0.04	13.6 ± 1.0	0.73 ± 0.02	< 0.072	8.6 ± 0.2	1.7 ± 0.1
4	0.37 ± 0.04	14.7 ± 1.1	0.67 ± 0.02	< 0.068	7.5 ± 0.2	1.5 ± 0.1
5	0.44 ± 0.05	17.2 ± 1.3	0.76 ± 0.02	< 0.069	7.9 ± 0.2	1.6 ± 0.1
6	0.48 ± 0.05	18.3 ± 1.4	0.91 ± 0.03	< 0.072	10.2 ± 0.2	2.1 ± 0.1
7	0.45 ± 0.05	14.1 ± 1.1	0.81 ± 0.02	< 0.037	9.7 ± 0.2	2.0 ± 0.1
8	0.46 ± 0.06	21.2 ± 1.6	0.91 ± 0.03	< 0.070	9.6 ± 0.2	2.0 ± 0.1
9	0.37 ± 0.04	10.8 ± 0.8	0.72 ± 0.02	< 0.076	10.6 ± 0.2	2.1 ± 0.1
10	0.44 ± 0.05	10.0 ± 0.8	0.83 ± 0.02	< 0.075	10.7 ± 0.2	2.4 ± 0.1
11	0.36 ± 0.04	11.1 ± 0.9	0.77 ± 0.02	< 0.074	11.4 ± 0.2	2.8 ± 0.1
12	0.40 ± 0.04	11.8 ± 0.9	0.75 ± 0.02	0.52 ± 0.09	9.0 ± 0.2	2.1 ± 0.1

13	0.59 ± 0.06	15.8 ± 1.2	0.85 ± 0.02	< 0.074	9.9 ± 0.2	2.2 ± 0.1
14	0.53 ± 0.06	14.3 ± 1.1	0.87 ± 0.02	< 0.074	10.6 ± 0.2	2.3 ± 0.1
15	0.34 ± 0.04	15.3 ± 1.2	0.72 ± 0.02	< 0.075	8.4 ± 0.2	1.9 ± 0.1
16	0.33 ± 0.02	8.0 ± 0.6	0.76 ± 0.02	0.39 ± 0.02	10.3 ± 0.2	2.8 ± 0.1
17	0.54 ± 0.03	15.6 ± 1.2	0.81 ± 0.02	0.80 ± 0.05	9.6 ± 0.2	2.2 ± 0.1
18	0.34 ± 0.02	10.5 ± 0.8	0.80 ± 0.02	0.54 ± 0.03	11.0 ± 0.2	3.2 ± 0.1
19	0.39 ± 0.03	12.2 ± 0.9	0.77 ± 0.02	0.67 ± 0.04	11.3 ± 0.2	3.2 ± 0.1
20	0.34 ± 0.02	7.7 ± 0.6	0.80 ± 0.02	0.46 ± 0.03	10.3 ± 0.2	3.2 ± 0.1
21	0.33 ± 0.02	8.6 ± 0.6	0.74 ± 0.01	0.52 ± 0.03	10.9 ± 0.2	3.0 ± 0.1
22	0.31 ± 0.02	7.2 ± 0.5	0.75 ± 0.02	0.44 ± 0.03	10.1 ± 0.2	3.3 ± 0.1
23	0.48 ± 0.03	8.6 ± 0.6	0.62 ± 0.01	0.51 ± 0.03	9.0 ± 0.2	2.8 ± 0.1
24	0.49 ± 0.03	10.2 ± 0.8	0.89 ± 0.02	0.69 ± 0.04	10.5 ± 0.2	2.7 ± 0.1
25	0.33 ± 0.02	9.6 ± 0.7	0.97 ± 0.02	0.61 ± 0.04	9.6 ± 0.2	2.2 ± 0.1
26	0.51 ± 0.03	11.5 ± 0.9	0.91 ± 0.02	0.83 ± 0.05	11.2 ± 0.2	2.2 ± 0.1
27	0.63 ± 0.04	12.7 ± 0.9	1.00 ± 0.02	0.98 ± 0.06	12.9 ± 0.3	2.2 ± 0.1
28	0.39 ± 0.02	9.8 ± 0.7	0.62 ± 0.01	0.76 ± 0.05	7.9 ± 0.2	1.7 ± 0.1
29	0.45 ± 0.03	10.7 ± 0.8	0.85 ± 0.02	0.81 ± 0.05	10.6 ± 0.2	1.9 ± 0.1
30	0.46 ± 0.03	10.5 ± 0.8	0.86 ± 0.02	0.81 ± 0.05	10.2 ± 0.2	1.9 ± 0.1
31	0.44 ± 0.03	9.7 ± 0.7	0.89 ± 0.02	0.79 ± 0.05	10.5 ± 0.2	2.1 ± 0.1
32	0.46 ± 0.03	11.5 ± 0.9	1.00 ± 0.02	1.05 ± 0.07	14.2 ± 0.3	2.5 ± 0.1
33	0.44 ± 0.03	10.2 ± 0.8	0.92 ± 0.02	0.89 ± 0.06	10.9 ± 0.2	2.1 ± 0.1
34	0.29 ± 0.02	14.9 ± 1.1	1.57 ± 0.03	1.49 ± 0.10	10.4 ± 0.2	3.0 ± 0.1
35	0.35 ± 0.02	9.8 ± 0.7	0.76 ± 0.02	0.97 ± 0.06	10.5 ± 0.2	2.7 ± 0.1
36	0.21 ± 0.01	8.0 ± 0.6	0.57 ± 0.01	0.85 ± 0.05	7.7 ± 0.2	1.9 ± 0.1
37	0.32 ± 0.02	9.6 ± 0.7	0.74 ± 0.01	1.14 ± 0.07	11.0 ± 0.2	2.4 ± 0.1
38	0.14 ± 0.01	5.2 ± 0.4	0.60 ± 0.01	0.57 ± 0.04	9.0 ± 0.2	3.4 ± 0.1
39	0.18 ± 0.01	7.4 ± 0.6	0.64 ± 0.01	0.97 ± 0.06	8.4 ± 0.2	3.5 ± 0.1
40	0.20 ± 0.01	4.4 ± 0.3	0.37 ± 0.01	0.57 ± 0.04	3.8 ± 0.1	1.1 ± 0.0
41	0.32 ± 0.02	10.5 ± 0.8	0.73 ± 0.01	1.42 ± 0.09	8.0 ± 0.2	1.9 ± 0.1
42	0.35 ± 0.02	8.6 ± 0.6	0.60 ± 0.01	1.22 ± 0.08	7.6 ± 0.2	1.9 ± 0.1
43	0.38 ± 0.02	10.1 ± 0.8	0.71 ± 0.01	1.49 ± 0.10	8.0 ± 0.2	1.9 ± 0.1
44	0.45 ± 0.03	7.6 ± 0.6	0.88 ± 0.02	1.49 ± 0.10	13.3 ± 0.3	3.7 ± 0.1
45	0.25 ± 0.02	5.8 ± 0.4	0.78 ± 0.02	1.05 ± 0.07	10.9 ± 0.2	2.4 ± 0.1

наборы образцов, происходивших из различных мест. Разнородность полученных групп можно объяснять широкой вариативностью значений массовых долей элементов, участвовавших в анализе. После этого проведен кластерный анализ по 18 микроэлементам, из них 17 определялись методом НАА (Cr, Ni, Co, Zn, As, Br, Rb, Sr, Zr, Sb, Cs, Ba, Hf, Ta, Hg, Th, U) и 1 – методом РФА (Cu). В результате выявлены группы, объединявшие образцы, происходившие с разных территорий (рис. 6). В целом можно говорить о трех больших

группах керамики, две из которых были достаточно гомогенны и четко отграничивались друг от друга, при том, что внутри каждой из них имелись некоторые различия.

Керамика, происходившая из Болгара, занимает правую часть дендрограммы. Здесь присутствуют образцы, происходившие из разновременных комплексов, от домонгольских до позднесоло-ордынских, с разными оттенками цвета черепка. Небольшие размеры выборки не позволяют пока высказывать обоснованных предположений

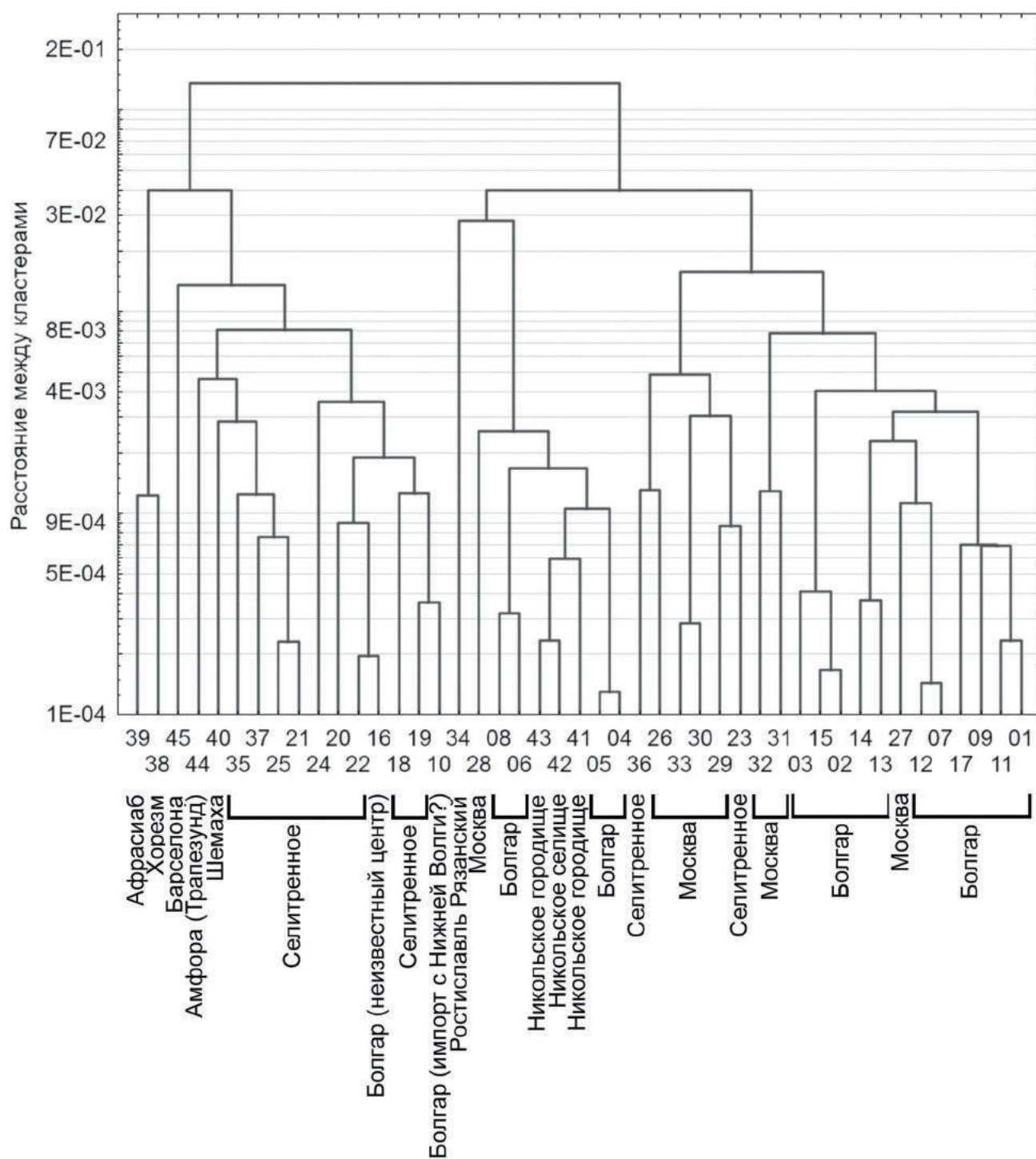

Рис. 5. Дендрограмма кластерного анализа по всему составу определявшихся элементов.

Fig. 5. Dendrogram of cluster analysis for the entire composition of the elements to be determined

о делении этого массива на хронологические или иные подгруппы, хотя само наличие таких подгрупп очевидно.

Необходимо обратить внимание еще на несколько важных моментов. Во-первых, в “бол-

гарскую” группу попали два образца поливной керамики — обломок тувака, покрытого зеленой свинцовой глазурью (№ 11), и обломок чаши с бирюзовой щелочной глазурью (№ 9). Это особенно интересно, поскольку до сего времени

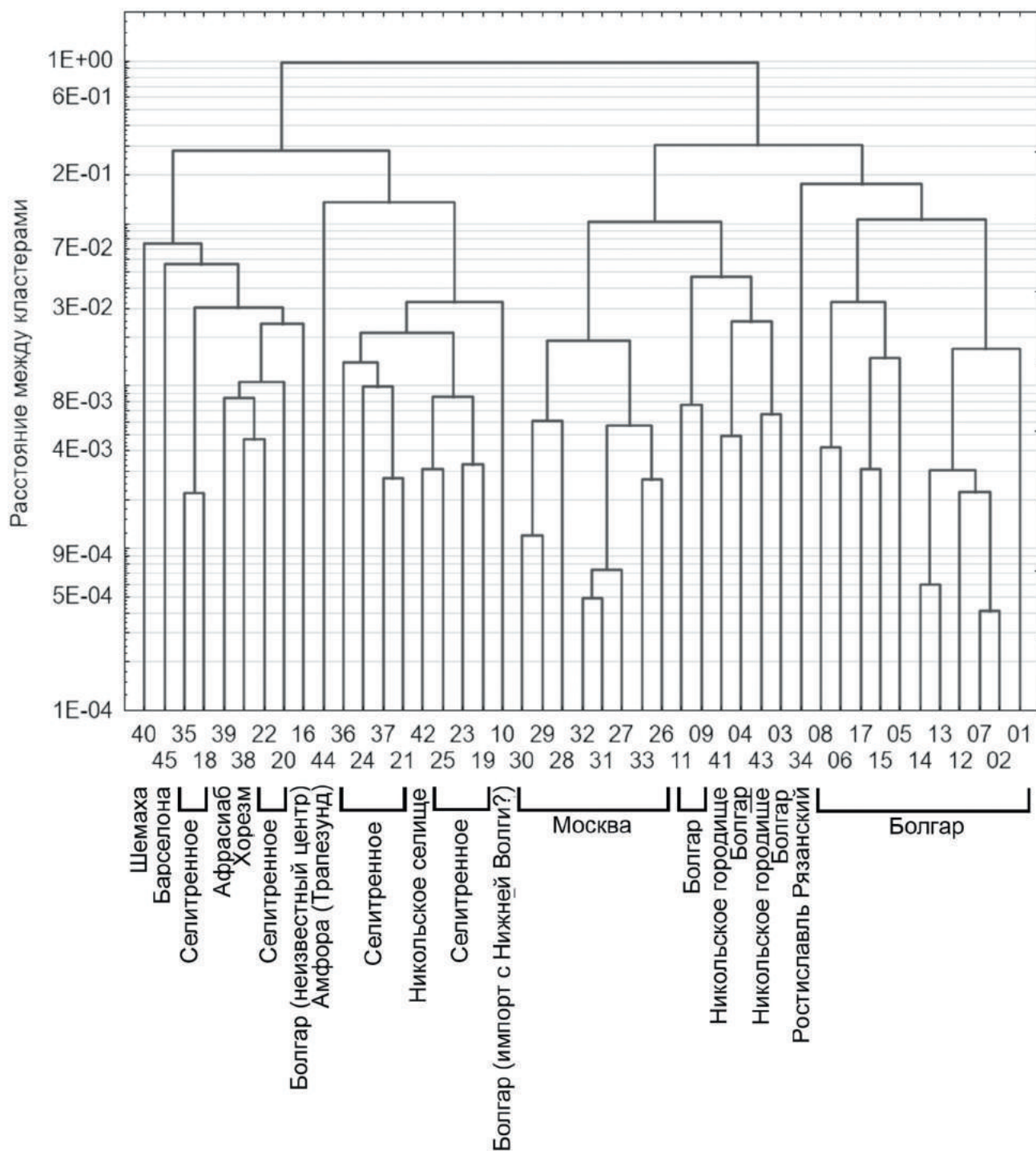

Рис. 6. Дендрограмма кластерного анализа по содержанию микроэлементов (за исключением редкоземельных элементов).
Fig. 6. Dendrogram of cluster analysis for the content of trace elements (with the exception of rare earth elements)

считалось, что глазурованная керамика на территории Волжской Булгарии производилась лишь в домонгольское время, а после разорения монголами это производство не восстановилось. Полученные данные позволяют допускать, что изготовление глазурованной посуды все же появилось

тут в XIV в. (оба образца происходили из слоев позднезолотоордынского времени). Кроме того, данные образцы занимают периферийную зону ареала болгарских образцов, что оставляет возможным происхождение их из иного региона, очень близкого к болгарскому.

Один обломок неполированного краснолощеного сосуда из Болгара изначально вызывал сомнения в его местном производстве, поскольку его внешняя поверхность была покрыта слоем светлого ангоба (№ 10), что не характерно для керамики Болгара. По результатам кластерного анализа этот образец оказался близким к изделиям Селитренного городища.

Наконец, важным представляется то обстоятельство, что единственный проанализированный образец керамики группы XIX (по Т.А. Хлебниковой) (№ 15) не имел никаких микроэлементных отличий от остальной керамики Болгара. Керамика группы XIX производилась по традициям среднеазиатского населения, появившегося в Болгаре в XIV в. (Хлебникова, 1988. С. 47, 48). То, что эти пришельцы изготавливали посуду в самом Болгаре (или где-то рядом с ним), предполагалось и раньше.

Керамика Москвы XV–XVI вв. составила гомогенную подгруппу, близкую к керамике Болгара, но все же четко отделяющуюся от нее. Она включала образцы как кухонной посуды, так и краснолощенных столовых кувшинов и тарных корчаг, производство которых, как полагают, было начато в конце XIV в. при участии приезжих гончаров из Волжской Булгарии.

Вторая большая микроэлементная группа охватывает значительную часть образцов керамики, собранной на Селитренном городище, а также три образца покровных суглинков из разных частей этого памятника, ассоциируемого со столицей Золотой Орды XIII–XV вв. — городом Сарай ал-Махруса. Четкое отделение керамики Сарая от керамики Болгара впервые дает в руки исследователей надежный инструмент для различения массовых керамических изделий этих двух крупнейших центров гончарного производства в Поволжье. Дело в том, что, несмотря на некоторые различия в облике болгарской и сарайской красноглиняной керамики, они все же имеют высокую степень сходства и достоверно отличить одну от другой удастся не всегда.

Надо указать, что пока исследованы только образцы керамики с Селитренного городища, но не привлечен материал из других золотоордынских городов Нижневолжского региона (городища Царевское, Водянское, Мошаик, Самосделка и др.), поэтому невозможно делать выводы о том, отражает ли керамика Сарая микроэлементные особенности глин всего этого региона или характеризует только окрестности этого памятника.

В настоящем проекте задействовано три образца краснолощеной керамики XIV в., найденных на одном из памятников на юго-восточном

пограничье русских земель — Никольском городище и селище в Тамбовской области, появившихся еще в XII в., но продолжавших существовать и впоследствии, в том числе в XIV в. (Андреев, 2013). Проведенные анализы показали, что два образца (№ 41, 43) относились к “болгарской” продукции, а один (№ 42) — к “сарайской”.

В отдельную (пока нумерованную) группу выделился обломок византийской амфоры (№ 44), принадлежавшей к изделиям XII–XIV вв., производившимся, как предполагается, на территории Трапезундской империи (Волков, 1992. С. 147; Коваль, 2010. С. 152–157).

Интересна третья группа образцов, объединившая в себе четыре фрагмента керамики, найденной на Селитренном городище (№ 18, 20, 22, 35), а также обломок поливного сфероконуса из раскопок в Болгаре (№ 16) и четыре образца, происходивших из совершенно разных стран: Хорезма, Афрасиаба, Шемахи и Испании (№ 38, 39, 40, 45). Близость столь разнородной керамики объясняется тем, что здесь оказались собраны единичные экземпляры из разных стран мира. Если бы их было проанализировано больше, то они, вероятно, тоже разделились бы на территориальные подгруппы.

Сложнее всего объяснить присутствие в этой группе четырех образцов керамики Селитренного городища, заметно отличающихся по микроэлементному составу от других проанализированных обломков с этого памятника и от покровных суглинков, на которых он стоит. При этом внешние отличия этих образцов от керамики Селитренного городища не замечены. Возможно, сосуды, к которым они относились, были изготовлены в каком-то ином производственном центре Нижнего Поволжья, характеристики керамики которого пока остаются неизвестными.

Тем не менее четкое разделение проанализированных образцов по территориям нельзя считать случайным. Оно, безусловно, связано с геологическими особенностями тех мест, откуда бралось глинистое сырье для производства керамики, т.е. с размещением их на территории разных геохимических провинций (Перельман, 1979). Однако данные по геохимии разных районов России и других стран не являются открытыми, поскольку непосредственно связаны с поиском полезных ископаемых и стратегически важных элементов. Возможности для сравнения получаемых данных по древней керамике с современными данными по геохимии ограничены. Тем не менее некоторые сведения такого рода могут быть получены и уже публиковались, например, для территории Татарстана (Храмченкова, 2014. Табл. 7; Бахматова

и др., 2017. Табл. 2). Однако не стоит думать, что геохимия даст сразу все ответы на поставленные вопросы о происхождении древней керамики. Например, данные о составе глин, имеющие у геологов, можно применять к археологическим задачам с большой осторожностью. Дело в том, что в средневековые гончары использовали не столько глины, сколько покровные суглинки, залегающие близко к поверхности земли (на глубине не более 5 м), которые не представляют интереса для современного промышленного производства и специально не изучались геохимиками (за исключением некоторых прикладных задач). Кроме того, запасы пригодного для гончарства сырья зачастую были исчерпаны еще в древности, а те покровные суглинки, на которых размещаются средневековые поселения, не всегда были пригодны для производства посуды.

В то же время все образцы “глины” (покровных суглинков), взятые в разных частях площадки Селитренного городища (в том числе и рядом с гончарными горнами), оказались в одной группе с керамикой этого памятника, т.е. по микроэлементному составу они в целом совпали с образцами местной керамики. Следовательно, даже в тех случаях, когда нет уверенности в том, что при производстве керамики применялся именно тот глинистый материал, который можно встретить на площади производственного центра, его можно привлекать для выявления, как минимум, региона происхождения керамики. Разумеется, этот тезис требует тщательной проверки в разных регионах.

Полученные результаты дают в руки исследователей еще один инструмент для различения керамики, произведенной в разных частях Восточной Европы. К сожалению, имеющаяся база данных, находящаяся в фазе накопления, не дает пока возможности для однозначного ответа на вопрос, какие именно микроэлементы (вернее, соотношение микроэлементов и уровень их содержания в глинах) формируют различия между разными территориями, однако по мере роста этой базы данных ответ на такой вопрос вполне может быть получен.

Авторы выражают глубокую благодарность к.и.н. С.А. Курочкиной, предоставившей образцы с Селитренного городища для исследования, а также С.И. Андрееву за предоставленный для изучения материал с Никольского городища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев С.И. Никольское городище. Тамбов: Тамбовский госуниверситет, 2013. 215 с.

Бахматова В.Н., Храмченкова Р.Х., Ситдииков А.Г. Исследования керамики и источников глинистого сырья в керамическом производстве Среднего Поволжья XIII–XIV вв. // Поволжская археология. 2017. № 2. С. 126–146.

Васильева И.Н. Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 247 с.

Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. Вып. 1. Азов: Азовский краевед. музей, 1992. С. 143–157.

Коваль В.Ю. Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв. М.: Наука, 2010. 269 с.

Коваль В.Ю., Дмитриев А.Ю., Борзаков С.Б., Чепурченко О.Е., Филина Ю.Г., Смирнова В.С., Лобачев В.В., Чепурченко Н.Н., Булавин М.В. Керамика Болгара: Первые результаты применения нейтронного активационного анализа // Письма в журнал “Физика элементарных частиц и атомного ядра” (Письма в ЭЧАЯ). 2019. Т. 16. № 6 (225). С. 781–801.

Перельман А.И. Геохимия. М.: Высшая школа, 1979. 423 с.

Сайко Э.В. Глазури керамики Средней Азии VIII–XII вв. Душанбе: Акад. наук Таджикской ССР, 1963 (Труды Ин-та истории Акад. наук Таджикской ССР; 36). 137 с.

Сайко Э.В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII–XV вв. Душанбе: Дониш, 1969. 186 с.

Хлебникова Т.А. Неполиваная керамика Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 7–102.

Храмченкова Р.Х. Химический состав глин как индикатор сырьевого источника // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 176–204.

Archaeometry. 2007. Vol. 49, iss. 2. Fifty Years of Neutron Activation Analysis in Archaeology. P. 179–420.

Bulavin M., Kulikov S. Current experiments at the irradiation facility of the IBR-2 reactor // Journal of Physics. Conference Series. 2018. Vol. 1021. 012041. P. 1–4.

Laser ablation ICP–MS in archaeological research / Eds. R.J. Speakman, H. Neff. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2005. 200 p.

Quinn P.S. Ceramic Petrography. The interpretation of archaeological pottery & related artefacts in thin section. Oxford: Archaeopress, 2013. 260 p.

Rice P.M. Pottery Analysis. A Sourcebook. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1987. 559 p.

Tite M.S. Methods of physical examination in archaeology. London; New York: Seminar press, 1972. 389 p.

Waksman S.Y., Pape A., Heitz C. PIXE analysis of Byzantine ceramics // Nuclear Instruments and Methods. Physics Research. Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms. 1994. Vol. 85. P. 824–829.

NEW RESEARCH OF ELEMENTAL COMPOSITION OF EAST EUROPEAN MEDIEVAL POTTERY

Vladimir Yu. Koval^{1,*}, Andrey Yu. Dmitriev^{2,**}, Veronika S. Smirnova^{2,***},
Olesya E. Chepurchenko^{2,****}, Yulia G. Filina^{2,*****}, Maksim V. Bulavin^{2,*****}

¹*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

²*I.M. Frank Laboratory of Neutron Physics at the Joint Institute for Nuclear Research, Dubna, Russia*

*E-mail: kovaloka@mail.ru

**E-mail: andmitriev@jinr.ru

***E-mail: veronicasm@jinr.ru

****E-mail: yurchenko0907@mail.ru

*****E-mail: jgfilina@yandex.ru

*****E-mail: bulavin85@inbox.ru

The paper presents the results of studying the composition of pottery by neutron activation analysis (involving X-ray fluorescence analysis). The study was based on samples of pottery made from highly ferrous (red-burning) clays originating from archaeological sites investigated in the territory of medieval Rus (Moscow and Ryazan Land) and the Volga River region (the Bolgar and Selitrennoye fortified settlements). They were compared with pottery samples from Byzantium and other regions (the Caucasus, Central Asia). A set of trace elements was identified whose content varies significantly in the pottery of different regions of Eastern Europe and differs also from the pottery of neighbouring countries. Cluster analysis confirmed the presence of noticeable differences in the trace element composition of clay masses from which medieval pottery were made. The results obtained allow the authors to admit the possibility of determining the origin of pottery by its trace element composition, at least at the level of large territories. Within these territories, differences in the composition of pottery have not yet been revealed.

Keywords: archaeology, medieval pottery, neutron activation analysis, X-ray fluorescence analysis.

REFERENCES

- Andreev S.I., 2013. Nikol'skoe gorodishche [The Nikolskoye fortified settlement]. Tambov: Tambovskiy gosuniversitet. 215 p.
- Archaeometry, 2007, vol. 49, iss. 2. Fifty Years of Neutron Activation Analysis in Archaeology, pp. 179–420.
- Bakhmatova V.N., Khramchenkova R.Kh., Sitdikov A.G., 2017. Studies in pottery and sources of clay raw materials in pottery production of the Middle Volga region of the 13th–14th centuries. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region archaeology]*, 2, pp. 126–146. (In Russ.)
- Bulavin M., Kulikov S., 2018. Current experiments at the irradiation facility of the IBR-2 reactor. *Journal of Physics. Conference Series*, 1021, 012041.
- Khlebnikova T.A., 1988. Non-glazed pottery of Bolgar. *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoy deyatel'nosti [The city of Bolgar. Studies in craft activities]*. Moscow: Nauka, pp. 7–102. (In Russ.)
- Khramchenkova R.Kh., 2014. The chemical composition of clays as an indicator of a raw material source. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River Region archaeology]*, 2 (8), pp. 176–204. (In Russ.)
- Koval' V.Yu., 2010. *Keramika Vostoka na Rusi. IX–XVII vv. [Pottery from the Orient in Rus. The 9th–17th centuries]*. Moscow: Nauka. 269 p.
- Koval' V.Yu., Dmitriev A.Yu., Borzakov S.B., Chepurchenko O.E., Filina Yu.G., Smirnova V.S., Lobachev V.V., Chepurchenko N.N., Bulavin M.V., 2019. Ceramics of Bolgar: first results of neutron activation analysis. *Pis'ma v zhurnal "Fizika elementarnykh chastits i atomnogo yadra" [Physics of Elementary Particles and Atomic Nuclei, Letters]*, vol. 16, no. 6 (225), pp. 781–801. (In Russ.)
- Laser ablation ICP–MS in archaeological research. R.J. Speakman, H. Neff, eds. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2005. 200 p.
- Perel'man A.I., 1979. *Geokhimiya [Geochemistry]*. Moscow: Vysshaya shkola. 423 p.
- Quinn P.S., 2013. *Ceramic Petrography. The interpretation of archaeological pottery & related artefacts in thin section*. Oxford: Archaeopress. 260 p.
- Rice P.M., 1987. *Pottery Analysis. A Sourcebook*. Chicago; London: The University of Chicago Press. 559 p.
- Sayko E.V., 1963. Glazuri keramiki Sredney Azii VIII–XII vv. [Pottery glazes from Central Asia of the 8th–12th centuries]. Dushanbe: Akademiya nauk Tadzhikskoy SSR [Proceedings of the Academy of Sciences of the Tajik SSR]. 137 p. (Trudy Instituta istorii Akademii nauk Tadzhikskoy SSR, XXXVI).

- Sayko E.V.*, 1969. Sredneaziatskaya glazurovannaya keramika XII–XV vv. [Central Asian glazed pottery of the 12th–15th centuries]. Dushanbe: Donish. 186 p.
- Tite M.S.*, 1972. Methods of physical examination in archaeology. London; New York: Seminar press. 389 p.
- Vasil'eva I.N.*, 1993. Goncharstvo Volzhskoy Bolgarii v X–XIV vv. [Pottery-making of Volga Bulgaria in the 10th–14th centuries]. Ekaterinburg: Nauka. 247 p.
- Volkov I.V.*, 1992. On the origin and evolution of some types of medieval amphorae. *Donskie drevnosti [Antiquities of the Don River]*, 1. Azov: Azovskiy kraevedcheskiy muzey, pp. 143–157. (In Russ.)
- Waksman S.Y., Pape A., Heitz C.*, 1994. PIXE analysis of Byzantine ceramics. *Nuclear Instruments and Methods. Physics Research. Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms*, 85, pp. 824–829.

ХРИСТИАНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С СОСУДАМИ В МОСКОВСКОЙ РУСИ: К СОСТОЯНИЮ ВОПРОСА

© 2021 г. К.И. Панченко

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: pakoi@mail.ru

Поступила в редакцию 03.06.2020 г.

В статье рассматриваются христианские захоронения с сосудами конца XIV – середины XVII в. В это время погребальные сосуды становятся важной частью похоронного обряда Московской Руси. Достаточный для статистической обработки объем материала позволил выявить наиболее характерные особенности погребального ритуала с сосудом в могиле. Для изучения выбраны следующие признаки: где хоронили таким способом, кому и куда помещали сосуд в могилу. Археологические данные подтвердили появление этой традиции захоронения в первую очередь в Москве и ближайшей округе. Данный похоронный обряд больше был распространен в монастырях и на элитных некрополях. Погребальные сосуды не были обязательным атрибутом. Их чаще находят в мужских погребениях, чем в женских. Полученные результаты исследования свидетельствуют, что при совершении погребального ритуала старались придерживаться какой-то одной традиции, но четких канонических правил не было, поэтому кому и куда поместить сосуд, решал священник, проводивший обряд.

Ключевые слова: позднее средневековье, христианство, погребальный обряд, сосуды.

DOI: 10.31857/S086960630009956-0

Христианский средневековый погребальный обряд до сих пор остается во многих вопросах не полностью изученным, к одному из таких вопросов относятся захоронения с сосудами. Сведений об этом виде обряда в письменных источниках крайне мало, поэтому изучение христианского похоронного ритуала во многом зависит от археологических исследований. В данной статье археологические и исторические данные собраны для обобщенного анализа погребальной традиции захоронений с сосудами в Московской Руси.

На христианские захоронения с сосудами отечественные исследователи обратили внимание еще в XIX в., так как традиция класть сосуд в погребение была тогда широко распространена в церковной практике, что, видимо, мешало глубже заинтересоваться смыслом обряда и его историей. Например, Д.В. Милеев, предположив, что у ног покойных ставили сосуды, наполненные елеем, этим и ограничился (Милеев, 1909. С. 124). В дальнейшем о сосудах, содержащих оливковое масло, будут писать многие исследователи, не задумываясь о том, насколько это подтверждается историческими, а тем более археологическими источниками.

На фоне крайне скудных и бессистемных описаний XIX–начала XX в. средневековых христианских захоронений публикация об исследовании

двух погребений в церкви Спаса на Бору в Древностях Российского государства А.Н. Оленина с рисунками Г.К. Солнцева выделяется среди всех остальных, так как дает достаточно подробное для XIX в. описание захоронений и инвентаря с рисунками вещей и погребения. Именно А.Н. Оленин впервые объясняет, для чего предназначены сосуды в христианских погребениях: “Значение их такое же в чине отпевания, какое у Греков. После отпевания усопшего, наполнив их оставшимся от елеосвящения маслом с красным вином, изливали его на покойника, а самый сосудец клали ему в гроб” (Древности..., 1849. С. 165). Интересно отметить, что автор для разъяснения этой детали обряда обращается не к русской или греческой церковной литературе, а к немецкому археологическому исследованию XIX в. Однако самое главное в данном объяснении – это указание на прямое отношение обряда соборования к погребальному обряду и то, что освященный елей выливается на усопшего.

В 1901 г. во время раскопок на Лазаревском кладбище в г. Смоленске М.Н. Неклюдов и С.П. Писарев обратили внимание на обломки посуды, которые нашли “между гробами, извне их”, т.е. ни один сосуд не был обнаружен непосредственно рядом с умершим. Эти изделия исследователи разделили на три вида: канунницы,

кадильницы, слезницы. Авторы объясняли, что наличие сосудов на кладбище связано в основном с народными суевериями. Все эти изделия оставляли там из страха принести новую смерть в дом, потому что нельзя брать вещи, имевшие отношение к покойнику или соприкасавшиеся с гробом, так как они принадлежали умершему. Слезницы в своей статье исследователи описывают как керамические воронки для сбора слез, а их появление на кладбище связывают с обычаем оплакивания, который завешан в древних письменных поучениях. По этой старой традиции слезы из глаз плачущего принадлежат умершему, соответственно сосуд тоже (Неклюдов, Писарев, 1901. С. 26, 27). В целом традиции, описанные авторами, относятся к “народной религии” и не имеют никакого отношения к христианскому погребальному обряду. Церковь, наоборот, всячески старалась бороться с вредными народными обычаями и предрассудками (Булгаков, 1913. С. 1293, 1294). В связи с тем, что статья посвящена только христианскому погребальному обряду, этнографические термины и обычаи в ней не рассматриваются.

В целом в XIX—начале XX в. традиция оставлять сосуд в погребении была еще широко распространена в церковной практике, возможно, поэтому археологи не всегда уделяли внимание самому обряду и не считали нужным объяснить, что влияло при проведении погребального обряда на выбор священника, кому оставить сосуд и куда конкретно его поместить.

Серьезный интерес к сосудам из захоронений появился только после вскрытия погребений в Московском Кремле и раскопок кладбищ в Зарядье. Р.Л. Розенфельдт считал, что елейницы бытовали в Москве до конца XVI в., а в других регионах встречались до XX в. Эти сосудики атрибутировались исследователем только как погребальные. По его мнению, располагаться они должны в головах покойного. Объясняя их назначение, он считал, что в чашечки сливали масло после соборования умирающего (Розенфельдт, 1968. С. 49), но ссылок на источники не привел. М.Г. Рабинович захоронения с елейницами специально не рассматривал и также без объяснений написал, что погребальные сосуды использовались для миро, керамические чашечки называл “лампадками”, а стеклянные — “слезницами” (Рабинович, 1949. С. 65, 67, 78). О слезницах, найденных в Москве в 1946 г. на кладбище при ц. Никиты в Заяузье, он даже не упомянул (Рабинович, 1946. Л. 94—102).

В работе, посвященной городскому погребальному обряду средневековой Руси, Т.Д. Панова указала на широту распространения явления, отметив несомненное доминирование захоронений с сосудами в Москве, описала возможные варианты расположения сосудов в погребении и подчеркнула их эгалитарный характер. В отношении функции сосудов она повторила сказанное Р.Л. Розенфельдтом (Панова, 1987. С. 120). Зато Т.Д. Панова обратилась к церковной литературе, прежде всего к Ответам митрополита Киприана игумену Афанасию, где подробно описан ритуал погребения священника, и в дальнейшем объяснения митрополита Киприана будут упоминаться почти во всех археологических публикациях, связанных с сосудами в погребениях. Ею был также сделан вывод об обязательности этой детали ритуала для всех погребаемых, кроме детей (Панова, 2004. С. 155—157).

Здесь, однако, возникают сомнения. Во-первых, при таком условии количество подобных захоронений должно быть значительно больше. Во-вторых, почему тогда традиция не распространилась на остальные регионы Московской Руси? В-третьих, следовало бы ожидать более частого упоминания обряда в официальных церковных сочинениях, чего мы не наблюдаем.

Проблематике изучения позднесредневековых сосудов из захоронений недавно была посвящена статья Л.А. Беляева (2017. С. 119—129). Он, как и Т.Д. Панова, считает погребальные сосуды церковно-эгалитарной вещью и отмечает, что хотя ареал елейниц расширился, но они остаются специфически московским явлением и в ранний период встречаются в погребениях вне зависимости от статуса. Рассматривая места нахождения слезниц в захоронении, автор приводит все возможные варианты их расположения, отмечая при этом, что чаще сосуд размещается у головы справа, а помещение сосуда на крышку гроба является, предположительно, “устойчивым обычаем в определенных местах”. В то же время он не считает продуктивным разделять по гендерному признаку местоположение елейниц.

По мнению Л.А. Беляева, истоки погребальной традиции с сосудами связаны не только с Византией, но и с латинским Западом, а сама традиция в христианстве трансформировалась из ритуальной тризны по усопшим в идею трапезы любви, причастия и вкушения Святых Даров. В то же время отмечено, что в христианский погребальный обряд не входят особые формы обращения с посудой, а сосуд, согласно требникам, должен пониматься как лампада. Важной деталью

является то, что в статье указано на различие обрядов соборования и посмертного елеосвящения, а также вслед за А.Е. Мусиным выдвигается предположение о повторном елеосвящении святых мощей и использовании больших сосудов для этого. В то же время Беляев считает, что оставленная в могиле лампада — наследие древней народной традиции, возникшей ранее, чем появились требники. В данной ситуации не очень понятно, почему в Москве погребальные сосуды отсутствуют на городских кладбищах XII—середины XIV в., если это устоявшийся народный обычай? К тому же русские священники, несомненно, старались следовать византийскому обряду, где захоронения с сосудами были частью именно христианского погребального обряда на протяжении всего периода существования империи (Poulou-Paradimitriou, 2012. Р. 377—416). В итоге, как отметил Л.А. Беляев, современные исследователи при описании назначения сосудов из захоронений используют клишированные комментарии в основном со ссылками на Р.Л. Розенфельда и Т.Д. Панову.

Следует отметить, что в церковной литературе нет специального названия для сосудов, которые оставляют умершему. На сегодняшний день используют разные наименования: чашечки для мира, слезницы, елейницы, лампадки. Далее в статье будут использоваться нейтральные, не восходящие ни к этнографии, ни к церковной литературе термины “сосуды из погребений” и “елейницы”.

Для понимания интересующей нас особенности христианского похоронного обряда важен период времени, в рамках которого будут рассматриваться захоронения с сосудами. В средневековой Руси они встречаются уже на раннем этапе существования погребальной традиции в XI—XIII вв., но их очень мало, и они бессистемно разбросаны по разным регионам. Данные ранних источников о таких захоронениях не всегда полны и достоверны (см. Панова, 2004. С. 147—152). В ранний период во многих регионах, в том числе и в Москве, до сих пор неизвестно ни одного погребения с елейницами. Фактически на первоначальном этапе существования похоронного обряда на Руси еще не сформировалась устойчивая утвердившаяся христианская традиция класть елейницу умершему.

В последней трети—конце XIV в. появляются первые захоронения с елейницами в Москве и письменное упоминание об обряде, который с этого времени становится довольно устойчивым, что отражено в археологическом материале.

С конца XIV по середину XVII в. количество захоронений с сосудами увеличивается в несколько раз. Новый этап в похоронной традиции начинается после реформ патриарха Никона, который установил известную стандартизацию в христианской обрядовой практике, в том числе и погребальной, приведенной в соответствие с утвержденными греческими чинами погребения; им продолжали следовать в новое и новейшее время.

В позднем средневековье елейницы становятся важной и в определенной степени необходимой частью похоронного обряда, обретая значимое место и в рамках “народной религии” (рисунок). В целом именно для этого периода собран достаточный для статистической обработки объем материала, что позволит лучше понять и изучить традицию захоронения с сосудами.

В конце XX в. количество найденных елейниц и погребений с ними было еще небольшим, к тому же не все захоронения с сосудами введены в научный оборот. Например, нет никаких упоминаний в публикациях XX в. о подобных погребениях, обнаруженных в Москве в 1946 г. на кладбище при ц. Никиты в Заяузье (см. выше). Число позднесредневековых захоронений с сосудами за последние 25 лет выросло более чем в два раза. К сожалению, не во всех случаях имеется их полное описание и фиксация *in situ*, а отсутствие контекста значительно затрудняет функциональную атрибуцию сосуда. Так что иногда поливные чашечки называют “литургическими погребальными” без оснований. Например, в Твери найдены только их обломки на участках, где никаких захоронений не было (Романов, Романова, 2007. С. 261); при этом в средневековых погребениях Твери до сих пор не зафиксировано ни одной елейницы, поэтому вряд ли стоит относить собранные фрагменты к погребальным.

В статистику также не включены захоронения, в которых принадлежность сосуда погребенному не установлена точно. Обычно это либо потревоженные в позднее время могилы с перемещенными костями скелета одного индивида, либо случаи, когда автор раскопок сам высказывает сомнения относительно присутствия елейницы в погребении.

Все же современный объем материала можно считать достаточным для предварительной статистической обработки. Для нее отобраны только те захоронения, в которых рядом с умершим или на гробе зафиксированы полные формы сосудов (неповрежденные или во фрагментах, но собирающиеся целиком). В качестве основных критериев для сравнения выбраны следующие признаки:

Сосуды из погребений: керамические, конец XIV – первая половина XVI в. (1–11); стеклянные, вторая половина XVI–XVII в. (12–16). 1–7, 12–16 – Москва; 8–11 – Сергиев Посад. 1 – некрополь при ц. Жен Мироносиц (Музей Москвы, № 33462); 2–7, 14 – некрополь Чудова монастыря (по: Панченко, 2018; Энговатова, Васильева, 2018); 8–11 – некрополь Троице-Сергиевой лавры (по: Панченко, 2016); 12, 13 – царская усыпальница, Архангельский собор (по: Панова, 1987); 15, 16 – некрополь Новоспасского монастыря (по: Беляев, Елкина, 2016).

Burial vessels: pottery, the late 14th – first half of the 16th century (1–11); glass vessels, the second half of the 16th–17th century (12–16)

место расположения елейниц в погребении, пол и возраст умершего. В итоге для изучения ритуальных особенностей погребального обряда с сосудами отобрано 105 захоронений. Из них 66 полностью соответствовало всем необходимым параметрам, у 3 погребений неизвестно точное расположение артефакта, у 7 мужчин и 2 женщин пол стоит под вопросом, в 12 случаях пол умершего неизвестен, возраст не установлен у 35 погребенных. Таким образом, степень достоверности полученных результатов составляет от 63 до 97% в зависимости от того, какие параметры для исследования будут рассматриваться.

Объектами исследования стали погребения с сосудами из некрополей: в Богоявленском (3), Вознесенском (20), Высоко-Петровском (1), Даниловом (3), Алексеевском/Зачатьевском (1), Новоспасском (8), Спаса на Бору (2) и Чудовом (11) монастырях Москвы; Троице-Сергиевой лавры (27) в Подмосковье, Кирилло-Белозерского монастыря (1) в Вологодской области и Троицкого Болдина монастыря (1) в Смоленской области.

Для изучения захоронений при московских и подмосковных церквях выбраны следующие объекты: Архангельский собор (3), церкви: Воздвижения (2) в Кремле, Жен Мироносиц (5) в Зарядье, Никиты на Яузе (3), Троицы в Полях (11), а также церкви в Коломенском (2) и селище Пуриха 2 (1) рядом с Вышгородом на Яхроме. Относительно последнего кладбища неясно, церковное оно или монастырское. Особенно если учесть, что в главном городе удела Дмитрове, расположенном недалеко от Вышгорода, ни на одном из трех церковных некрополей в кремле погребальные сосуды не найдены, хотя суммарно вскрыто не менее 150 позднесредневековых захоронений (Энговатова, 2005).

Среди указанных выше памятников только на кладбищах в Чудовом монастыре, Троице-Сергиевой лавре, церквях Жен Мироносиц, Троицы в Полях и Коломенском исследовано более 100 захоронений позднесредневекового времени. Около 60 погребений этого периода вскрыто в Вознесенском монастыре, около 50 — в Новоспасском монастыре. На остальных некрополях изучено в основном не более 20 позднесредневековых погребений. Необходимо также учитывать, что от 10 до 25% могил были раскопаны не полностью.

По количеству захоронений с сосудами в эпоху позднего средневековья лидирующие позиции занимает Москва с ближайшей округой (75 погребений), на втором месте Подмосковье (28 погребений), причем основная доля захоронений

зафиксирована в Троице-Сергиевой лавре и только одно на селище Пуриха. Из других областей известно одно погребение с сосудом в Кирилло-Белозерском монастыре и одно — в Троицком Болдинском монастыре. К удаленным от Москвы и Подмосковья монастырям можно еще добавить Стефано-Махрицкий во Владимирской области, где найдено одно позднесредневековое захоронение с елейницей (Станюкович, 2006. С. 14; к сожалению, раскопки не были научными, а выводы имели предвзятый характер). Несомненно, есть и будут еще погребения XIV–XVII вв. с сосудами в регионах, но, скорее всего, они не смогут существенно поменять картину. Москва и ее округа останутся на лидирующих позициях, так как такая похоронная традиция, скорее всего, впервые получила широкое распространение на некрополях ее монастырей и церквей, другие регионы приняли ее только в новое время. Предыдущие исследователи также видели в захоронениях с сосудами специфически московское явление (Панова, 2004. С. 157; Беляев, 2017. С. 124).

В рассматриваемый период по подобному обряду предпочитали хоронить на монастырских кладбищах, однако это доминирование не выглядит столь значительным на данный момент. В Москве с ближней округой и Троице-Сергиевой лаврой соотношение монастырей и приходских церквей, на кладбищах которых найдены елейницы, — 12:9 (с учетом не включенных в статистику некрополей с елейницами, среди которых Андроников, Знаменский и Новодевичий монастыри, Успенский собор, ц. Иона Лествичника в Кремле и Варвары в Зарядье).

Вряд ли стоит сомневаться в том, что усопших хоронили с сосудами как в монастырях, так и на приходских кладбищах Москвы, но наши сведения по археологии большинства памятников крайне недостаточны. Есть как монастырские, так и церковные средневековые кладбища, где елейницы пока не найдены ни в могилах, ни в могильных перекопах. Например, погребальные сосуды пока не обнаружены в Богородичном монастыре на Крутицах (Беляев, 1995. С. 182), в Кремле на кладбищах при ц. Кузьмы и Демьяна и ц. Афанасия и Кирилла (Панова, 1989. С. 225–227), за пределами Кремля елейницы не найдены в некрополе на Манеже, при ц. Воскресения на Петровке и Св. Анны в Зарядье (Векслер, 2005. С. 120, 121; 2006. С. 320, 321; Рикман, 1955. С. 84).

Если сравнить соотношение количества погребенных с сосудами в монастырях и при городских церквях, то на территории монастырей их в три раза больше. Единичные елейницы в других

регионах также найдены на монастырских некрополях. В немалой степени это может быть связано с большим числом погребенных священнослужителей на территории монастырей, так как после разъяснений митрополита Киприана их стали хоронить по греческой традиции. В соответствии с ней по завершении похоронного обряда “мирянину священнику” и “чернецу попу” оставляют у ног чашу с остатками елея и вина (Киприан, 1880. Стб. 245, 246). Важно отметить и то, что письмо с описанием, как погresti попа мирянина, Киприан посылает в монастырь. В целом появление в позднем средневековье погребальных сосудов, прежде всего в монастырях, свидетельствует о том, что именно они первыми принимали и распространяли данный похоронный обычай.

Доля погребений с елейницами на московских некрополях по усредненным подсчетам не выходит за рамки 13%. Такой показатель чуть выше, чем на крупных некрополях нового времени (Моисеевский монастырь — 9%, Тихвинский — 8%) (Векслер, Беркович, 1999. С. 192; Воробьева, Калыгина, 2013. С. 279, 280), но близок к данным по христианским ранневизантийским захоронениям Крыма, которые содержат около 12% сосудов (Фомин, 2001. С. 255).

Однако нужно учитывать, что это слишком обобщенные результаты и в каждом конкретном случае возможны изменения. Например, при появлении новых данных по одному и тому же могильнику есть вероятность снижения этой доли. На некрополе Чудова монастыря по результатам раскопанных 108 могил доля захоронений с сосудами составляла 11%, но после исследования еще 45 погребений — лишь 8%. К тому же нужно учитывать разницу между монастырскими и городскими некролями не только по социальному, но и по возрастному составу погребенных, так как в мужских монастырях похоронено значительно меньше детей, в отличие от женских и в особенности городских некрополей.

В Зарядье на кладбище при ц. Жен Мироносиц чуть более половины захороненных — маленькие дети, а доля погребений с сосудами, если брать в расчет всех, составляет 5%. Однако если скорректировать соотношение детских и взрослых захоронений, как в среднем по монастырям, доля увеличится до 9-10%. Не менее важный фактор — наличие на кладбищах большого количества погребений, предшествовавших появлению погребальной традиции с сосудами и совершенных до последней трети—конца XIV в. Такова, возможно, ситуация с кладбищем в Коломенском (Беляев, 1991), на котором сложно отделить

ранние захоронения XIV в. от XV—начала XVI в., и процент погребенных с сосудами очень низок (1%). Другое положение вещей наблюдается в Алексеевском/Зачатьевском монастыре, где большая часть средневекового некрополя уничтожена поздними постройками и захоронениями, поэтому почти все елейницы найдены в переотложенном виде и вычислить процент погребенных с сосудами затруднительно.

Совершенно противоположная ситуация складывается на элитных некрополях и кладбищах особо почитаемых монастырей и в выборках особо престижных погребений. Доля елейниц среди захоронений высшей знати в белокаменных саркофагах Вознесенского монастыря Московского Кремля составляет не менее 30%. Высок показатель (около 24%) погребений с сосудами в Троице-Сергиевой лавре, где также хоронили в основном знатных и богатых вкладчиков. Однако располагались эти погребения не равномерно на площади монастыря — на относительно удаленных от культовых строений участках Троице-Сергиевой лавры на сегодняшний день ни обломки елейниц, ни захоронения с сосудами не зафиксированы (Энговатова, Зеленцова, 2005). Также в данном случае нужно учитывать, что исследована только четверть погребений и доля елейниц в такой зоне кладбища могла быть значительно ниже.

Если рассматривать процент похороненных с сосудами на церковных кладбищах, то на памятниках, где исследовано более 100 захоронений, он не превышает 6%. Исключениями, видимо, были некрополи высшей знати. Хотя изучено очень мало погребений Архангельского собора в Кремле, но очевидно, что количество оставленных в них сосудов будет приближаться к максимальным значениям. Сосуды были в трех захоронениях второй половины XVI — начала XVII в. в приделе Иоанна Предтечи, и, кроме того, весьма вероятно, в погребении Дмитрия Донского; отсутствовал сосуд только в погребении князя Скопина-Шуйского (Панова, 1987. С. 117).

В целом, прослеживается тенденция к увеличению доли захоронений с сосудами от минимума на городских некрополях к максимуму на монастырских и от меньшего количества погребальных сосудов на удаленных от Москвы церковных погостах к большему числу на городских.

Небольшое количество подобных захоронений по отношению к общему числу погребенных говорит о том, что данный обряд не был обязательным при проведении похорон. Если взять социальный статус погребенных по такому обряду,

который достоверно известен в отобранной выборке, то 25 из них принадлежат к великокняжеским и царским родам, 10 — к высшей знати, 1 — к монахам. По типу и характеру погребения, другому сопутствующему инвентарю, предположительно, еще не менее 37 можно отнести к знатым и состоятельным. Число погребенных, принявших духовный сан, несомненно больше, просто их идентификация связана с трудностями достоверного выявления таких захоронений из-за отсутствия четких маркеров. В целом, доминирование елейниц среди элитных захоронений и на престижных некрополях предполагает распространение этой новой для Москвы погребальной традиции в первую очередь среди правителей и верхушки знати, далее по ниспадающей — среди остальных социальных слоев общества.

Часто предполагают, что сосудов на самом деле было больше и часть из них не сохранилась потому, что они были сделаны из дерева. Однако на кладбищах в Кремле и Зарядье раскопано не менее 200 захоронений в “мокрых” слоях, где прекрасно сохраняется дерево, и ни в одном из них не было деревянных елейниц. В Вознесенском монастыре деревянные сосуды составляют десятую часть погребальной посуды, а в более позднем Моисеевском монастыре их доля еще меньше. Таким образом, какое-то количество деревянных елейниц, несомненно, до нас не дошло, но вряд ли их доля была сопоставимой с керамическими и стеклянными, и она не может серьезно повлиять на подсчеты.

Не кажется случайным и место сосуда в погребении. Из таблицы видно, что преобладают погребения, где сосуд находится у головы погребенного, на втором месте захоронения с сосудом, поставленным в ногах усопшего. К редким случаям относится елейница, расположенная в области тулова умершего: на груди, у таза или локтя. В 99% погребений сосуд зафиксирован внутри пространства саркофага или гроба. Однако в последнем случае нужно учитывать сохранность дерева, которое в 2/3 захоронений прослеживается в виде тлена. С большой долей вероятности можно говорить о том, что в подавляющем большинстве захоронений сосуд помещали в гроб, но существовал и вариант обычая, допускавший его установку на крышку. Два подобных погребения зафиксированы на кладбище при ц. Жен Мироносиц. Однако если в одном случае автор раскопок не сомневался в местоположении сосуда *in situ* (см. ниже), то во втором — сосуд, вероятно, попал на крышку гроба при засыпке могилы (Дубынин, 1955. С. 144, 146; в статистику это погребение

невключено). В такой ситуации сложно достоверно выяснить долю подобного типа погребений и понять, являются ли они исключениями из правил или допустимой нормой в рамках христианского погребального обряда.

На основе имеющейся выборки нельзя сказать, что в позднем средневековье предпочитали ставить сосуды с правой стороны — да, справа они встречаются чуть чаще (соотношение право/лево 37/33), но такая разница незначительна. В 30 случаях не указано, где находился сосуд — справа или слева. У двух погребенных елейницы зафиксированы между ног, у одного — строго за головой. Таким образом, расположение сосуда с правой или левой стороны в захоронении не имело большого значения при совершении обряда. Иногда точное расположение сосуда неизвестно из-за его смещения при провалах или просадках грунта или по иным причинам (в Кирилло-Белозерском монастыре восковой сосудик плавал в воде, заполнявшей гроб (благодарю И.В. Папина за информацию об этом погребении)).

Статистически выявляется и явная гендерная разница в совершении обряда оставления елейницы в погребении. В мужских захоронениях сосуды встречаются почти в два раза чаще, чем в женских (таблица). Подавляющее большинство женских погребений такого типа на данный момент раскопано на территории монастырских кладбищ, а более половины из них происходит из элитного некрополя Вознесенского монастыря. Только одно захоронение, достоверно определенное как женское, найдено на кладбище при ц. Воздвижения в Кремле. Возможно, еще одно раскопанное на некрополе при ц. Жен Мироносиц можно отнести к женским, так как у головы погребенной найдена стеклянная бусина. Ясно, что процент женских погребений с елейницами на некрополях городских церквей очень незначителен. Наиболее показателен в данном случае могильник при ц. Троицы в Полях, где из 11 средневековых захоронений с сосудами все мужские (одно предположительно), а женские захоронения такого типа датируются не ранее XVIII в.

В русской церковной литературе В.Д. Прилуцкий не нашел никаких особых чинów или канонов для погребения женщин, поэтому считал, что их никогда не было на Руси. В то же время он сам приводит свидетельства того, что в некоторых ранних изданиях греческого Евхалогииона существовали отдельные чины для погребения мужчин и женщин, а в исправленном Никоновском требнике 1658 г. в конце описания обряда мирского погребения есть приписка, запрещающая

Расположение сосудов в мужских и женских погребениях

The location of vessels in male and female burials

Место	Мужские	Женские	Пол неизвестен	Всего
У головы	27	26	6	59
В ногах	26	6	2	34
У тулова	4	2	3	9
Неизвестно	2	1	—	3
Всего	59	35	13	105

отпевать жен как-то особо (Прилуцкий, 1912. С. 250, 251). Зачем запрещать то, что никогда не существовало? Можно предположить, что до середины XVII в. в Московской Руси женщин иногда погребали по особому (вероятно, упрощенному) чину. Соответственно гендерные различия могли влиять на выбор священника, когда он помещал сосуд в гроб усопшему. У женщин елейницы в ногах встречаются как минимум в 4 раза реже, а в области тулова — в 2 раза реже (таблица). Однако в данных расчетах необходимо помнить, что женских погребений почти вдвое меньше, и делать на это поправку.

Большее количество сосудов, оставленных в ногах, среди мужских захоронений, несомненно, связано с тем, что некоторые из них были священнослужителями (см. выше). Однако такое расположение елейниц у мужчин применялось не только при погребении иереев и иеромонахов. Яркий пример отступления от правила, предписанного Киприаном, — полностью мирское погребение царя Федора Иоанновича, который, несмотря на свою большую набожность, не постригся в монахи перед смертью, но сосуд ему оставили у левого колена.

И наоборот: у принявших иноческий сан женщин погребальных сосудов в ногах часто нет. В Вознесенском монастыре среди захоронений инокинь и схимниц зафиксировано только одно погребение с елейницей в ногах, а еще у четырех других сосудики располагались рядом с головой. Более того, соотношение мирских и иноческих погребений с сосудом в ногах среди женщин в Вознесенском монастыре 3:1, а у более половины монахинь нет никаких сосудов в захоронении.

В чуть более позднее время (конец XVII — середина XVIII в.) елейницы в ногах у женщин также остаются крайне редким явлением. На некрополе Моисеевского монастыря, где исследовано больше женских захоронений, чем в рассматриваемой здесь выборке, зафиксировано всего одно погребение

такого типа. Впрочем, ни в церковных источниках, ни исследованиях по данной теме нет указаний на то, где оставлять сосуд в женском погребении.

В отношении местоположения елейниц хотелось бы обратить внимание на погребения XVII в., которые представлены в основном первой половиной столетия. Во-первых, в это время значительно сокращается количество похороненных с сосудами; во-вторых, в мужских захоронениях елейницы ставят исключительно у головы. Как оказалось, этим фактам есть вполне конкретное объяснение. При патриархе Иосафе и отчасти патриархе Иосифе в первой половине XVII в. скончавшихся священников погребали обычным чином мирского погребения, так как существовавший ранее чин особого погребения священников стали избегать как еретический (Прилуцкий, 1912. С. 284). Таким образом, ситуация, сложившаяся с захоронением священнослужителей в первой половине XVII в., может быть дополнительным подтверждением, что в XIV—XVI вв. у мужчин сосуд в ноги ставили прежде всего иереям и иеромонахам.

Если рассматривать возраст погребенных с сосудами, то подавляющее большинство среди них — это люди от 20 до 50 лет, а максимальное число похороненных по такому обряду совпадает с возрастным пиком смертности в этот период 35–45 лет. Соответственно разделение взрослых на отдельные возрастные группы не имеет никакого смысла, так как это никак не влияет на наличие или отсутствие сосуда в захоронении. Это заключение справедливо и в отношении людей 55–80 лет. Небольшое количество захоронений этого возраста связано только с тем, что число умерших в пожилом возрасте вообще значительно меньше.

К очень редким случаям относятся находки елейниц в трех погребениях младенцев из семей высшей знати (Евдокия, дочь Ивана Грозного;

Марфа, дочь царя Михаила Федоровича; Иван Иванович Романов). Двое из них скончались в младенчестве, не старше 3 лет (Панова, 2003. С. 189; 2018. С. 215–221); возраст третьего ребенка не указан (Станюкович и др., 2005. С. 75). О наличии сосудов у младенцев более низкого социального статуса в позднем средневековье пока нет сведений. Но ранее считалось, что детям сосудики вообще не ставили (Панова, 2004. С. 157).

Вопрос о ритуале погребения младенцев долго оставался нерешенным, ввиду их невинности допускалось, что над ними не нужно совершать обряд. В XII в. епископ новгородский Нифонт поясняет, если младенец крещеный, над ним следует петь, даже если он умер тотчас (Нифонт, 1880. С. 36). В конце XIV в. митрополиту Киприану приходится вновь объяснять, что “Надъ младенцемъ преставлешимся пети” (Киприан, 1880. С. 250). Однако оба иерарха в своих наставлениях не пишут, как совершать обряд над ребенком, как над взрослым или по особому чину, не уточнен и возраст, до которого умершего ребенка считать младенцем. Частично чин для погребения детей до двух лет появляется только в XV в., а в XVI в. уже есть особый чин для погребения младенцев. По требнику 1639 г. над некрещеным ребенком, если над ним были прочитаны положенные по рождении молитвы, чин погребения не совершался, но он поливался крестообразно елеем, а хоронить его можно было вместе с родителями у церкви. В этом же требнике поясняется, что без отпевания закапывают вместе с родителями мертворожденных младенцев (Прилуцкий, 1912. С. 290–293). В целом, до середины XVII в. нет единого утвержденного обряда для похорон маленьких детей.

В 1646 г. Петр (Могила) приводит в соответствие с греческими канонами чин погребения младенцев. В его требнике прежде всего определяется, каких детей погребать младенческим чином: во-первых, “младенцы” — “дети, сосущее млеко, донеже глаголити не могут”, во-вторых, “отроки” — те, кто “глаголити начнут, даже до седьмого лета, не могущие посреди зла и добра сиесть: посреди греха и добродетели рассуждать”. Елей на них не выливали, а посыпали только землей (Петр (Могила), 1646. С. 727, 744–746). В 1658 г. этот канон был внесен в московские богослужебные книги.

Все маленькие дети из рассматриваемых захоронений были похоронены крещеными, поэтому елейницы в их могилах могут свидетельствовать о том, что над ними совершили обряд соборования по причине болезни.

Как показали археологические данные, в позднесредневековом погребальном обряде почти

всегда умершему оставляли один сосуд, но в двух захоронениях найдено одновременно два сосуда, и каждый из случаев по-своему уникален. Первое погребение исследовано при раскопках в 1955 г. в Зарядье на некрополе при ц. Жен Мироносиц. В этом захоронении (пол усопшего неизвестен) одну керамическую поливную чашечку поставили у головы погребенного, а вторую — на гробе в ногах. Возможно, причиной появления чашки на крышке гроба были народные суеверия, описанные у М.Н. Неклюдова (см. выше), когда на могиле оставляли посуду с ритуальной пищей.

Второе погребение 1632 г. царевны Марфы (дочь Михаила Федоровича), которая умерла до года и была похоронена в Вознесенском монастыре. Оба сосуда в ее захоронении были помещены в ногах. Сосуд в младенческом погребении уже попадает в разряд неординарных случаев, а наличие двух сосудов в ногах новорожденной девочки пока трудно объяснить на основе имеющихся представлений о христианском погребальном обряде. В целом, наличие двух сосудов у взрослого не является чем-то не соответствующим христианской погребальной традиции, возможно, несколько необычно их расположение.

Полученные археологические материалы подтверждают появление в позднем средневековье устойчивой традиции погребения умершего с сосудом, в первую очередь в Москве и ближайшей к ней округе. В это же время данный погребальный обряд начинает распространяться по другим землям (прежде всего в монастырях), но не столь широко, как в Московском регионе. Однако даже в отношении Москвы нельзя утверждать, что по такой традиции хоронили во всех ее монастырях и церквях. Приведенные статистические данные свидетельствуют, что при совершении погребального обряда соблюдали определенные устойчивые правила, но четкие канонические рекомендации не сохранились, и детали обряда, вероятно, были оставлены на усмотрение священника, его проводившего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 2. М.: Гос. музей-заповедник “Коломенское”, 1991. С. 47–57.
- Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: ИА РАН, 1995. 310 с.
- Беляев Л.А. К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история: сборник статей

- к 60-летию Н.А. Кренке. Смоленск: Свиток, 2017. С. 119–136.
- Беляев Л.А., Елкина И.И. “Усыпальница Романовых” в Знаменской церкви Новоспасского монастыря: работы 2014 г. // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 245, ч. II. С. 131–149.
- Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Изд. 3-е. Киев, 1913. 1772 с.
- Векслер А.Г. Отчет о натурных охранных археологических исследованиях, связанных с реставрацией и реконструкцией с воссозданием Центрального выставочного зала “Манеж” в г. Москве в 2004 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 28665.
- Векслер А.Г. Отчет о спасательных археологических полевых исследованиях, связанных с развитием Торгового дома “ЦУМ” по адресу: ул. Петровка, вл. 2 в 2005 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 29035.
- Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы: XVII век / Авт.-сост. Л.А. Беляев и др.; отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1999. С. 181–225.
- Воробьева Е.Е., Калыгина Ж.С. Погребальная посуда Тихвинского некрополя г. Царевококшайска: предварительные итоги изучения // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 279–290.
- Древности Российского государства. Отделение I. М., 1849. 188 с.
- Дубынин А.Ф. Отчет о работе Московской экспедиции за 1955 год // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 1110.
- Киприан (митрополит). Ответ ко Афанасию вопрошившему о неких потребных вещах // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 243–270.
- Милеев Д.В. Раскопки в Киеве в 1909 году // Известия Императорской Археологической комиссии. Прибавление к выпуску 32-му. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1909. С. 122–134.
- Неклюдов М.Н., Писарев С.П. О раскопках в Смоленске. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1901. 36 с.
- Нифонт (епископ). Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 21–62.
- Панова Т.Д. Средневековый погребальный обряд по материалам некрополя Архангельского собора Московского Кремля // Советская археология. 1987. № 4. С. 110–122.
- Панова Т.Д. Погребальные комплексы на территории Московского Кремля // Советская археология. 1989. № 1. С. 219–234.
- Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М.: Индрик, 2003. 224 с.
- Панова Т.Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI веков. М.: Радунца, 2004. 195 с.
- Панченко К.И. Керамические сосуды XV–XVI веков из погребений Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 12 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2016. С. 547–554.
- Панченко К.И. Керамические сосуды из некрополя Чудова монастыря Московского кремля // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 251. С. 158–167.
- Петр (Могила). Требник. Ч. 1. Киев, 1646. 946 с.
- Прилуцкий В. Частное богослужение в русской церкви в XVI и первой половине XVII в. Киев, 1912. 450 с.
- Рабинович М.Г. Отчет об археологических раскопках в устье Яузы в 1946 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 70.
- Рабинович М.Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II / Ред. А.В. Арциховский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 12). С. 57–105.
- Рикман Э.А. Результаты археологических наблюдений в Зарядье (По раскопкам 1949–1951 гг.) // Краткие сообщения Института археологии. 1955. Вып. 57. С. 83–91.
- Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968 (Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е1-39). 125 с.
- Романов В.В., Романова Е.А. Литургические поливные сосуды из раскопок Твери // Тверской археологический сборник. Вып. 6, т. II. Тверь: Тверской гос. объедин. музеев, 2007. С. 261–269.
- Станюкович А.К. Сирийский стакан в саркофаге русского святителя // Древности и Старина. Поиски, находки, открытия. 2006. № 2 (7). С. 14–15.
- Станюкович А.К., Звягин В.Н., Черносвитов П.Ю., Елкина И.И., Авдеев А.Г. Усыпальница дома Романовых в московском Новоспасском монастыре. Кострома: Линия График Кострома, 2005. 397 с.
- Фомин М.В. Погребальная традиция и обряд в византийском Херсоне (IV–X вв.). Харьков: Коллегиум, 2001. 290 с.
- Энговатова А.В. Средневековые городские некрополи на территории Дмитровского кремля // Краткие сообщения Института археологии. 2005. Вып. 219. С. 148–158.
- Энговатова А.В., Васильева Е.Е. Монастырский некрополь: погребальный обряд // Археология Московского Кремля / Ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2018. С. 106–115.

Энговатова А.В., Зеленцова О.В. Исследование участка кладбища XVI–XVII веков в Троице-Сергиевом монастыре // Археология Подмоскovie: материалы научного семинара. Вып. 2 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2005. С. 78–87.

Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J. Burial practices in Byzantine Greece: archaeological evidence and methodological problems for its interpretation // Rome, Constantinople and Newly Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Vol. I. Kraków, 2012. P. 377–428.

CHRISTIAN BURIALS WITH VESSELS IN MOSCOW STATE: TO THE STATUS OF THE ISSUE

Konstantin I. Panchenko

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

E-mail: pakoi@mail.ru

The article considers Christian burials with vessels of the late 14th – mid-17th century. During this period, burial vessels became an important part of the funeral rite of Muscovy. The volume of material sufficient for statistical processing made it possible to reveal the most characteristic features of the funeral ritual with a vessel in the grave. The following signs were selected for study: areas where such burials occur, persons who were buried this way, and the locations in which a vessel was placed in the grave. Archaeological evidence has confirmed the emergence of this burial tradition primarily in Moscow and the surrounding area. This burial rite was more common in monasteries and elite necropolises. Vessel was not a required object. They are more often found in male burials than in female ones. The results of the study indicate that in performing the funeral ritual people tried to adhere to a certain single tradition while clear canonical rules were lacking. Thus, it was the priest conducting the ceremony who decided whom with and where to place a vessel in the grave.

Keywords: late Middle Ages, Christianity, funeral rite, vessels.

REFERENCES

- Belyaev L.A., 1991. The medieval necropolis of Kolomenskoye. *Kolomenskoe. Materialy i issledovaniya [Kolomenskoye. Materials and research]*, 2. Moscow: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik "Kolomenskoe", pp. 47–57. (In Russ.)
- Belyaev L.A., 1995. Drevnie monastyr'i Moskv'y po dannym arkheologii [Old monasteries of Moscow based on the archaeological data]. Moscow: IA RAN. 310 p.
- Belyaev L.A., 2017. On the history and methods of studying the burial vessels of the late Middle Ages. *De mare ad mare. Arkheologiya i istoriya: sbornik statey k 60-letiyu N.A. Krenke [De mare ad mare. Archaeology and history: to the 60th anniversary of N.A. Krenke]*. Smolensk: Svitok, pp. 119–136. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Elkina I.I., 2016. The Romanovs dynasty tomb in the church of the Holy Spirit in the Novospassky Monastery: the 2014 excavations. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, iss. 245, part II, pp. 131–149. (In Russ.)
- Bulgakov S.V., 1913. Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-tserkovno-sluzhiteley [A handbook for Orthodox priests]. 3rd edition. Kiev. 1772 p.
- Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva [Antiquities of the Russian state], I. Moscow, 1849. 188 p.
- Dubynin A.F. Otchet o rabote Moskovskoy ekspeditsii za 1955 god [Report on the Moscow expedition activities for 1955]. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 1110.
- Engovatova A.V., 2005. Medieval town necropolis in the Dmitrov Kremlin. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 219, pp. 148–158. (In Russ.)
- Engovatova A.V., Vasil'eva E.E., 2018. Monastery necropolis: the funeral rite. *Arkheologiya Moskovskogo Kremlya [Archaeology of the Moscow Kremlin]*. N.A. Makarov, V.Yu. Koval', eds. Moscow: IA RAN, pp. 106–115. (In Russ.)
- Engovatova A.V., Zelentsova O.V., 2005. Investigation on the 16th–17th century area of the Trinity monastery of St. Sergius cemetery. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of the academic seminar]*, 2. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 78–87. (In Russ.)
- Fomin M.V., 2001. Pogrebal'naya traditsiya i obryad v vizantiyskom Khersonese (IV–X vv.) [Burial traditions and rite in the Byzantine Chersonesos (the 4th–10th centuries)]. Khar'kov: Kollegium. 290 p.

- Kiprian, 1880. The reply to Athanasius inquiring about some needful things. *Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian historical library]*, 6. St. Petersburg, col. 243–270. (In Russ.)
- Mileev D.V., 1909. The 1909 excavations in Kiev. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy komissii. Pribavlenie k vypusku 32-mu [News of the Imperial Archaeological commission. Addition to the 32nd volume]*. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, pp. 122–134. (In Russ.)
- Neklyudov M.N., Pisarev S.P., 1901. O raskopkakh v Smolenske [On the Smolensk excavations]. Smolensk: Tipografiya P.A. Silina. 36 p.
- Nifont, 1880. Inquiries of Kirik, Savva and Elijah with the replies of Nephon, the bishop of Novgorod, and other hierarchical personalities. *Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian historical library]*, 6. St. Petersburg, col. 21–62. (In Russ.)
- Panchenko K.I., 2016. Ceramic vessels of the 15th–16th centuries from the Trinity of St. Sergius Lavra burials. *Arkheologiya Podmoskov'ya: materialy nauchnogo seminar [Archaeology of Moscow vicinity: Proceedings of the academic seminar]*, 12. A.V. Engovatova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 547–554. (In Russ.)
- Panchenko K.I., 2018. Ceramic vessels from the necropolis in the Chudov monastery of the Moscow Kremlin. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 251, pp. 158–167. (In Russ.)
- Panova T.D., 1987. Medieval obsequies based on the archaeological materials from the Moscow Kremlin Cathedral of the Archangel cemetery. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 4, pp. 110–122. (In Russ.)
- Panova T.D., 1989. Burial grounds in the Moscow Kremlin. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 1, pp. 219–234. (In Russ.)
- Panova T.D., 2003. Kremlevskie usypal'nitsy. Istoriya, sud'ba, tayna [The tombs of the Kremlin. History, fate, mysteries]. Moscow: Indrik. 224 p.
- Panova T.D., 2004. Tsarstvo smerti. Pogrebal'nyy obryad srednevekovoy Rusi XI–XVI vekov [The domain of death. Funerary rite of the medieval Rus in the 11th–16th centuries]. Moscow: Radunitsa. 195 p.
- Petr (Mogila), 1646. Trebnik [Ordinary], 1. Kiev. 946 p.
- Poulou-Papadimitriou N., Tzavella E., Ott J., 2012. Burial practices in Byzantine Greece: archaeological evidence and methodological problems for its interpretation. *Rome, Constantinople and Newly Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence*, I. Kraków, pp. 377–428.
- Prilutskiy V., 1912. Chastnoe bogoslužhenie v russkoy tserkvi v XVI i pervoy polovine XVII v. [Private liturgy in the Russian church in the 16th and the first half of 17th century]. Kiev. 450 p.
- Rabinovich M.G. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v ust'e Yauzy v 1946 g. [Report on the archaeological excavation in the Yauza river estuary in 1946]. *Arkhib Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 70.
- Rabinovich M.G., 1949. Moscow pottery. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvy [Materials and studies on the archaeology of Moscow]*, II. A.V. Artsikhovskiy, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 57–105. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 12). (In Russ.)
- Rikman E.A., 1955. Results of the archaeological surveys in Zaryadye district (based on the 1949–1951 excavation materials). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 57, pp. 83–91. (In Russ.)
- Romanov V.V., Romanova E.A., 2007. Liturgic glazed vessels from the Tver excavation sites. *Tverskoy arkheologicheskii sbornik [Tver archaeological collection of papers]*, iss. 6, vol. II. Tver': Tverskoy gosudarstvennyy ob"edinennyy muzey, pp. 261–269. (In Russ.)
- Rozenfel'dt R.L., 1968. Moskovskoe keramicheskoe proizvodstvo XII–XVIII vv. [Moscow pottery production of the 12th–18th centuries]. Moscow: Nauka. 125 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-39).
- Sanyukovich A.K., 2006. A Syrian cup in the Russian prelate's sarcophagus. *Drevnosti i Starina. Poiski, nachodki, otkrytiya [Antiquities and Antiquity. Searches, finds, discoveries]*, 02, pp. 14–15. (In Russ.)
- Sanyukovich A.K., Zvyagin V.N., Chernosvitov P.Yu., Elkina I.I., Avdeev A.G., 2005. Usypal'nitsa doma Romanovykh v moskovskom Novospasskom monastyre [The Romanovs dynasty tomb in the Novospassky monastery, Moscow]. Kostroma: Liniya Grafik Kostroma. 397 p.
- Veksler A.G. Otchet o naturnykh okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniyakh, svyazannykh s restavratsiyey i rekonstruktsiyey s vossozdaniem Tsentral'nogo vystavochnogo zala "Manezh" v g. Moskve v 2004 g. [Report on the archaeological salvage research conducted with regards to the restoration and reconstruction of the "Manezh" central exhibition centre in Moscow, 2004]. *Arkhib Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 28665.
- Veksler A.G. Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh polevykh issledovaniyakh, svyazannykh s razvitiem Torgovogo doma "TsUM" po adresu: ul. Petrovka, vl. 2 v 2005 g. [Report on the archaeological salvage field studies conducted with regards to the development of the "TsUM" Trading House located at: Petrovka st., building 2 in 2005]. *Arkhib Instituta arkheologii Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of Archaeology RAS]*, R-1, № 29035.
- Veksler A.G., Berkovich V.A., 1999. Materials of the archaeological research on St Moses Monastery cemetery in Manezhnaya square, Moscow. *Kul'tura srednevekovoy Moskvy: XVII vek [Culture of the medieval Moscow: 17th century]*. L.A. Belyaev, comp., B.A. Rybakov, ed. Moscow: Nauka, pp. 181–225. (In Russ.)
- Vorob'eva E.E., Kalygina Zh.S., 2013. Funerary vessels of the Tikhvin necropolis in the town of Tsarevokokshaysk: preliminary research results. *Povolzhskaya arkheologiya [Archaeology of the Volga River region]*, 2 (4), pp. 279–290. (In Russ.)

“СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС” И АКАДЕМИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ПОСЛЕВОЕННОМ КРЫМУ. К 120-летию ПАВЛА НИКОЛАЕВИЧА ШУЛЬЦА (1901–1983 гг.)

© 2021 г. В.Ю. Юрочкин

Институт археологии Крыма РАН, Россия

E-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.02.2021 г.

Актуализация “славянского вопроса” в послевоенном Крыму происходила на фоне роста патриотических настроений в обществе. Это способствовало созданию в 1947 г. под руководством П.Н. Шульца Сектора истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы АН СССР. Основой в изучении вопроса стал “скифский” этногенетический миф и автохтонные теории Н.Я. Марра. Прикладной задачей работы являлась популяризация среди переселенцев, оказавшихся на полуострове после выселения крымских татар, истории Крыма в тесной связи с судьбами славян и русского народа. Наиболее емко эти взгляды выражены в книге П.Н. Надинского “Очерки по истории Крыма” (часть 1, 1951 г.). В период борьбы с “марризмом” тезис о скифо-славянском родстве в Крыму был отвергнут. После передачи полуострова в состав Украинской ССР проблема постепенно утратила свою актуальность.

Ключевые слова: скифы, славяне, П.Н. Шульц, П.Н. Надинский, “Крым — исконно русская земля”.

DOI: 10.31857/S086960630013785-2

Современным археологам вопрос о древних славянах в Крыму представляется искусственным и надуманным. В частных беседах начала 1990-х годов коллеги старшего поколения предпочитали воздерживаться от комментариев, называя тему несерьезной, а П.Н. Надинского, проводника идеи “исконно русского Крыма”, иронично характеризовали как малообразованного дилетанта и “компартийного пропагандиста”.

Действительно, за долгие годы исследований на полуострове так и не удалось обнаружить сколь-нибудь существенных следов древнего славянского населения. И оспаривать этот факт нет оснований. Но “славянский вопрос” сыграл первостепенную роль в развитии академической археологии в Крыму. В отличие от политизированного “готского вопроса” (Юрочкин, 2014а; 2014б) тема не замалчивалась сознательно, но и особого интереса к себе не вызывала. Ее изучение, прежде всего с точки зрения истории научной мысли, началось сравнительно недавно (Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 107–119; Ломакин, 2009; Юрочкин, 2013; 2017а. С. 364–406; 2019а; Юрочкин, Майко, 2017). В некоторых современных украинских изданиях вопрос освещается весьма тенденциозно (Громенко, 2017. С. 14–35).

Начало становления академической археологии в послевоенном Крыму, безусловно, связано

с Тавро-Скифской экспедицией и ее руководителем П.Н. Шульцем. Не так давно в среде отечественных археологов бытовало мнение, что эта экспедиция была направлена из Москвы специально для доказательства родства скифов и славян. Однако это мнение пока не находит документального подтверждения. Инициатором экспедиции действительно был П.Н. Шульц. Еще до войны он, как сотрудник ГАИМК, вел исследования скифских памятников в Северо-Западном Крыму, строил планы по изучению Неаполя Скифского (Колтухов, Юрочкин, 2004. С. 49; Шульц, 2004. С. 27). После ранения П.Н. Шульц остался в Москве, заведовал античным сектором ГМИИ им. А.С. Пушкина, совмещая это с работой в ИИМК им. Н.Я. Марра. В начале 1945 г. он предложил руководству музея организовать экспедицию в Крым. Инициативу поддержали и в ИИМК. В практическом плане речь шла о пополнении коллекции скифских предметов ГМИИ, а в научном — предполагалось “исследование вопросов о возникновении и развитии в Крыму скифского государства” и “взаимосвязях культуры поздних скифов с культурой тавров, с одной стороны, и греков — с другой” (Красный Крым, 1945). Экспедиция получила название “Тавро-Скифской” (далее — ТСЭ), а базовым памятником выбрано городище Неаполя Скифского

в Симферополе. В августе 1945 г. ТСЭ приступила к работе (Зайцев, 2004. С. 36).

Деятельность столичных археологов вызвала оживленный интерес в среде местной интеллигенции. В частных беседах и на заседаниях Центрального музея Крыма (далее – ЦМК) неоднократно поднимался вопрос о роли скифов в этногенезе славян и скифского государства в становлении Древней Руси. Среди активистов были: капитан Ф.Г. Вольный, художник Я.П. Бирзгал, преподаватель истфака Крымского пединститута И.Ф. Дрига, сотрудник ЦМК В.П. Бабенчиков и др. (Юрочкин, 2020а. С. 300, 301). Становилось очевидным, что сформировался общественный запрос на изучение данной проблематики. Это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, политизацией так называемого готского вопроса, использовавшегося Германией в период Второй мировой войны для обоснования “исторического права” на полуостров (Кизилов, 2015. С. 235–254; Юрочкин, 2017а. С. 327–344). Во-вторых, “скифским” этногенетическим мифом происхождения восточных славян и русского народа, который утвердился в общественном сознании и проник в историографию (Нейхард, 1982. С. 6–60). В-третьих, последствиями выселения коренного, в частности крымско-татарского, населения, обвиненного в коллаборационизме, и заселением полуострова гражданами, преимущественно славянского происхождения, из разоренных войной регионов страны. Применительно к ним создавалась необходимость патриотического воспитания, привития уважения к древней культуре полуострова как части истории России (Павленко, 1946. С. 187–198). В этих условиях “славянский вопрос” выступал своего рода антиподом одиозного “готского вопроса”, в отношении которого оккупанты в условиях войны не смогли предложить серьезного научного подхода, сделав ставку, в частности, на археологию.

“Скифский” этногенетический миф в русской истории как культурный феномен еще недостаточно исследован, хотя и не уникален по своей сути. Он может быть поставлен в один ряд с другими этногенетическими мифами, например с польским “сарматизмом”, шведским “го-тицизмом”, украинско-казацким “хазаризмом” и т.д. (Лескинен, 2002; Мыльников, 1996. С. 25, 41, 42; Степанов, 2017). Правда, он не стал частью официальной советской идеологии, но особо и не оспаривался. Образ древнего народа-воителя, побеждавшего чужеземных завоевателей с востока и запада, вполне отвечал патриотическим настроениям в обществе. Влияния “скифского”

мифа в свое время не избежал и Н.Я. Марр. Он отмечал, что славянство имело широкую, разноразличную этническую подоснову, а языки скифского (сколотского) мира стали одной из важнейших слагаемых стадийально более высоких славянских языков, благодаря чему на юго-востоке Европы “происходила трансформация яфетических племен в славянские, в частности в русские...” (Марр, 1933. С. 132; Марр, 1935. С. 11). То есть утверждение о скифо-славянском родстве хорошо вписывалось в автохтонно-стадийную модель развития языков и народов Н.Я. Марра. Примечательно, что стадийная теория в области археологии была впервые апробирована В.И. Равдоникасом именно на крымском материале (Равдоникас, 1932). Хотя предложенная ученым линия развития, завершавшаяся средневековой “готской стадией”, была отвергнута самим же автором, однако на практике она в значительной мере способствовала переосмыслению традиционных представлений о древней крымской истории. Учитывая господство “марризма” в гуманитарных науках в послевоенный период, она представлялась вполне приемлемой. Оставалось только заменить завершающую “готскую” стадию на “славянскую”.

Вопрос о роли скифов в истории славян и русского народа поднимался, например, на Всесоюзном археологическом совещании 1945 г., на котором присутствовал П.Н. Шульц. Теоретической основой для археологических поисков предков славян академик Б.Д. Греков называл этногенетическую схему, намеченную академиком Н.Я. Марром, благодаря которой были “вскрыты глубочайшие местные корни восточного славянства, восходящие к племенам трипольской культуры и степной бронзы, скифам и, наконец, к эпохе полей погребений” (Альтман, 1945. С. 93). Правда, речь шла не о скифах в целом, а об исключительно земледельческих племенах Среднего Поднепровья скифского периода. Крымское направление тогда серьезно не обсуждалось.

Но для послевоенного Крыма скифский след в “славянском вопросе” приобретал особый смысл, поскольку через автохтонную линию развития подталкивал к выводу об исконной принадлежности полуострова русскому народу через его предков в лице славян и скифов. Действительно, если такие процессы могли протекать в Поднепровье, следовательно, нечто подобное должно было происходить и в Тавриде.

Однако П.Н. Шульц поначалу относился к скифо-славяно-русской проблеме довольно настороженно (Зайцев, 2015. С. 8). Особенно его

возмущали вульгаризация и дилетантизм, заключавшийся в декларациях, а не в научном подходе. Определенную инертность проявляли и другие крымские ученые, а также партийное руководство области. Сложившуюся ситуацию позднее охарактеризовал директор Крымского областного лекционного бюро Л.И. Кондрашев. По его словам, для жителей полуострова была составлена лекция об историческом прошлом Крыма. Но ее рецензенты (не названные по имени два доктора и один кандидат исторических наук) предлагали “изъять из лекции основной тезис о том, что Крым является исконно русской землей”, считая его преждевременным и недоказанным. Л.И. Кондрашеву пришлось отстаивать его сначала в обкоме комсомола, а затем в Москве в ЦК комсомола и ЦК ВКП(б). При этом в защите главного тезиса крымские историки существенной поддержки не оказали. Только когда удалось привлечь на свою сторону А.Д. Удальцова, лекция, равно как и сам тезис, были приняты (Юрочкин, Майко, 2017. С. 175). Для Л.И. Кондрашева и других лекторов данный вопрос имел, прежде всего, практическое значение. Им, как первичному звену популяризаторов науки, было жизненно необходимо представить новую модель этнического развития полуострова, всецело отвечающую патриотическим настроениям в обществе.

Естественно, что и П.Н. Шульц не мог оставаться безучастным. Уже через год, открывая очередную сессию по истории Крыма, он назвал центральной задачей историков, изучающих прошлое полуострова, “освещение вопросов возникновения великого русского народа и его государства и выяснение роли Крыма в этом процессе”. Для этого, по его замечанию, необходимо развернуть в Крыму исследования культуры поздних скифов, их государства, поскольку без этого “нельзя раскрыть в нужной полноте проблему скифо-славянской связи”. Это было призывом перейти от деклараций к научной деятельности (Юрочкин, 2016а. С. 189). Подводя первые итоги работ ТСЭ, П.Н. Шульц писал: “В высокой для своего времени материальной и духовной культуре поздних скифов в Крыму удалось установить много новых точек соприкосновения с культурой древних славян”, а “культура скифов является одним из источников русской культуры”, поэтому те, “кому дороги исторические судьбы русского народа, не могут сейчас пройти мимо памятников Новгорода (Неаполя. — В.Ю.) Скифского”, поскольку “земли Крыма еще в исконные времена принадлежали славянам и русским и их предкам — скифам” (Шульц, 1946. С. 56, 57). Кстати, апелляция к “славянскому вопросу” имела и

вполне практическое выражение. Благодаря этому осенью 1947 г. удалось спасти от разрушения при строительных работах Инкерманский могильник III–IV вв. под Севастополем (Юрочкин, 2017б).

Партийное и советское руководство Крыма создавало необходимость развития науки в Крыму, особенно в условиях восстановления народного хозяйства и курортной инфраструктуры. Учитывая реалии того времени, помимо сугубо практических задач, для ускорения решения вопроса было важно отыскать и некий идеологический фактор. Объединяющий прошлое и настоящее “славянский вопрос” подходил для этого как нельзя лучше. В январе 1947 г. в адрес ЦК ВКП(б) и Президиума АН СССР было направлено ходатайство о создании на полуострове Крымской базы Академии наук СССР. В нем ставились задачи как народнохозяйственного, так и культурно-политического значения, в числе которых — решение вопроса о славянах в Крыму и отношениях с Древней Русью (Емельянова, 2018. С. 6). В столице инициативу поддержали, и летом того же года была начата подготовка к созданию новой академической структуры. Руководство этим процессом в Крыму было поручено П.Н. Шульцу. 23 декабря 1947 г. принято решение о создании Крымской научно-исследовательской базы АН СССР (далее — КНИБ) в составе шести секторов: геологии, почвоведения, ботаники, зоологии, химии, а также истории и археологии. Заместителем директора КНИБ был утвержден геолог Я.Д. Козин, а Сектор истории и археологии (далее — СИА) возглавил П.Н. Шульц. В числе направлений деятельности КНИБ в области истории и археологии указывалось “изучение истории Крыма, как неотъемлемого звена истории народов СССР и русской истории”, древнейшего аборигенного населения полуострова, включая славян (Юрочкин, 2016б. С. 43, 44). К этому времени П.Н. Шульцу удалось сформировать коллектив СИА. В числе его первых научных сотрудников были В.П. Бабенчиков, Г.Д. Белов, Е.В. Веймарн, О.И. Домбровский, В.В. Бобин, Э.И. Соломоник, составившие группу археологии. Группа истории была представлена только и.о. руководителя П.Н. Надинским (Юрочкин, 2019в. С. 69). С точки зрения современных представлений о кадровой политике тех лет любопытен и такой курьез. На поиск славян в Крыму (а заодно и на разоблачение пресловутого “готского вопроса”), по сути, были уполномочены П.Н. Шульц и Е.В. Веймарн, оба — потомки обрусевших немцев, из дворян, беспартийные, правда, участники Великой Отечественной войны (Юрочкин, 2017г). В этой

ситуации коммунист П.Н. Надинский, искренне преданный делу ВКП(б), становился своего рода неформальным “комиссаром” СИА (Петров, Шамко, 1982. С. 98). При этом между ним и руководителем СИА сложились хорошие рабочие и личные взаимоотношения: в трудную минуту они были готовы всецело поддержать друг друга. Спустя два месяца после создания КНИБ, на должность ее руководителя был назначен директор ИИМК А.Д. Удальцов — специалист в области истории древних германцев и славян. Выбор вряд ли был случайным.

В числе основных тем плановой работы СИА в области археологии было утверждено изучение “аборигенного населения Крыма в древности”: киммерийцев, тавров, скифов и, конечно же, славян (Юрочкин, 2019в. С. 69). Руководителем “славянской темы” значился А.Д. Удальцов, а исполнителем — В.П. Бабенчиков, один из старейших крымских краеведов, под руководством которого начинали свою деятельность впоследствии известные археологи: Е.В. Веймарн, С.Ф. Стржеleckий, А.Н. Бернштам (Акимченков, 2012. С. 25, 32, 94–101). Он-то и стал основным генератором многих идей, касающихся актуальных “славянского” и “готского” вопросов (Юрочкин, Майко, 2017. С. 173–186, 194–197; Юрочкин, 2018). Сам же А.Д. Удальцов существенного вклада в изучение проблемы “крымских славян” не внес.

Действительно ли П.Н. Шульц, А.Д. Удальцов, В.П. Бабенчиков и др. допускали возможность выявления материальных следов славян-русов в Таврике, или это была лишь дань политической конъюнктуры? Судить сложно. Однако стоит учитывать, что к этому времени Крым в археологическом отношении оставался все еще малоисследованным. Наиболее значительные раскопки коснулись, прежде всего, памятников, связанных с античным наследием. Изучение варварского, “аборигенного” населения значительно отставало. Здесь можно было ожидать любых сюрпризов. Ведь уже были известны: миска черняховского типа из Инкермана; керамика, внешне напоминающая славянскую, с горы Тепсень в Коктебеле; древнерусские кресты; летописные свидетельства о Корсуни, Суроже и Корчеве. Наконец, Тмутараканское княжество и легендарные походы новгородца Бравлина и Владимира Великого! Так что базис для исследований, безусловно, существовал, и изучение “славянского вопроса” методами археологии могло в перспективе привести к вполне реальным результатам. В эти годы доверие именно к археологии, как наиболее “материалистической” из исторических дисциплин, неуклонно

росло. Происхождение славян от скифов допускалось и теориями Н.Я. Марра. Оставалось только отыскать материальные следы этих славян, не забывая конечно об их “предках” — скифах и других “автохтонах”.

Однако на деле результаты оказались не столь впечатляющими. Несмотря на открытие мавзолея скифской знати на Неаполе Скифском, в “славянском вопросе” П.Н. Шульцу приходилось ограничиваться декларациями о “точках соприкосновения” между скифской и славянской культурой. Керамику Коктебельского городища, исследуемого В.П. Бабенчиковым, столичные коллеги также упорно не хотели признавать славянской, считая ее скорее атрибутом салтово-маяцкой культуры хазарской эпохи. Правда, находки в Инкерманской долине нескольких сосудов черняховского типа и трупосожжений III–IV вв. вселяли некоторую надежду (Юрочкин, Майко, 2017. С. 199–201). Но качественного прорыва так и не произошло.

В Крыму состоялось несколько сессий по истории и археологии, на которых неизменно поднимался “славянский вопрос” (Юрочкин, 2016а). Доклады участников готовились к печати, но не были опубликованы. Как показали дальнейшие события — к счастью для авторов. Вообще публикационная деятельность сотрудников СИА не отличалась особой активностью, за исключением разве что П.Н. Шульца (Советская археологическая литература, 1959. № 346, 2027, 2287, 2362, 2365–2375). В итоге, общественный запрос, давший толчок к развитию крымской археологии, так и не был до конца удовлетворен. Ощущалась объективная необходимость печатного труда, рассчитанного на широкие массы (прежде всего из числа переселенцев), способного по-новому осветить историю полуострова. Но в распоряжении преподавателей и лекторов была только крымоведческая литература преимущественно довоенного издания. В ней содержались сведения, касавшиеся неудобных теперь вопросов о готах, Крымском ханстве и т.п. Крымские ученые признавали: для создания новой внутренне непротиворечивой концепции исторического развития Крыма еще недостаточно данных — вопросы находятся на стадии изучения и осмысления.

Этот труд принял на себя П.Н. Надинский. До 1935 г. он занимал ряд ключевых постов в партийном руководстве Крымской АССР, но по инвалидности был вынужден оставить управленческую сферу. Обладая природной активностью, П.Н. Надинский (в свое время не получивший систематического образования) переключился

на краеведческую и лекционную работу (Петров, Шамко, 1982. С. 96–110). После 1948 г. он, возглавив группу историков СИА, оказался на передовой науки, проявив себя как истинный “боец идеологического фронта”. Прежняя деятельность и жизненная позиция наложили значительный отпечаток как на его взгляды, так и на отношение к историческому материалу. Он искренне полагал, что печатное слово не просто выражение частного мнения, а, прежде всего, мощный инструмент пропаганды. Летом 1949 г. в парткабинете Симферопольского горкома он сделал доклад “Против извращений исторического прошлого Крыма и об очередных задачах крымских историков” (Юрочкин, 2016а. С. 197). Выступление было направлено против космополитизма, борьба с которым охватила СССР в этот период. В нем критиковалась довоенная литература по истории полуострова, позиции ряда коллег и т.д. Высказанные им замечания участники собрания в целом поддержали (Юрочкин, 2017в. С. 281, 282). В результате он укрепился в мысли создать книгу по истории Крыма, учитывающую результаты работ коллег по СИА и соответствующую тезису “Крым — исконно русская земля”. П.Н. Надинский в СИА разрабатывал вопросы истории земельных отношений в Крыму в новое время, а также партизанского движения в период Великой Отечественной войны, не занимаясь специально проблемами древней истории (Юрочкин, 2020б). При этом он участвовал во всех заседаниях и мероприятиях, рецензировал работы коллег, был в курсе новых открытий. Главная идея будущей книги “Крым — исконно русская земля”, напрямую вытекала из задач КНИБ, руководство которой безоговорочно поддержало намерения П.Н. Надинского. Только Е.В. Веймарн пытался высказаться в пользу необходимости коллективного подхода к подготовке подобного труда, но не был услышан. Идея казалась слишком смелой и трудно реализуемой, по крайней мере, для одного человека. Вопреки бытовавшему еще недавно мнению, монография “Очерки по истории Крыма” не была заказной, а являлась исключительно инициативой П.Н. Надинского. Рукопись первой части, включающей раздел о древнем и средневековом Крыме, была завершена в рекордные сроки в течение 1950 г. (Юрочкин, 2017в. С. 283, 284). Автор подходил к работе над ней не как исследователь, а исходя из опыта лектора и популяризатора. Но именно такая форма подачи представлялась наиболее универсальной для широкого круга потенциальных читателей. Предложенная в ней модель истории древнего и средневекового Крыма фактически стала

квинтэссенцией результатов работы СИА. Стоит отметить, что П.Н. Шульц не изменил своим принципам и продолжал критически относиться к дилетантскому подходу в решении “славянского вопроса” (Юрочкин, Майко, 2017. С. 189–193). Конечно же, он не возражал против основных позиций. Но декларативные заявления по этому поводу косвенным образом ставили под сомнение необходимость сугубо научных исследований СИА. Иное дело — книга П.Н. Надинского, формально основанная на результатах работы возглавляемого им коллектива.

В разгар работы над книгой вышла известная статья И.В. Сталина с критикой теории Н.Я. Марра (Сталин, 1950). Надвигалась новая волна разоблачений и проработок (Тихонов, 2016. С. 285–291). Вряд ли П.Н. Надинский был непосредственно знаком с лингвистическими штудиями Н.Я. Марра. Однако на марровском автохтонизме во многом базировались построения сотрудников СИА, использованные П.Н. Надинским. Закономерно, что в число “марристов” был зачислен и П.Н. Шульц. Он готовил возражения: указывал, что работы Н.Я. Марра не использовал; сочинения проводников “скифского” мифа, в частности Д.И. Иловайского, не читал; апеллировал к М.В. Ломоносову и т.д. (Юрочкин, 2019б. С. 243). Сложившаяся ситуация могла иметь самые негативные последствия как для него, так и для возглавляемого им коллектива (Юрочкин, 2015). Тем более, что здесь наметился раскол по “славянскому вопросу”. Е.В. Веймарн и С.Ф. Стржелецкий предложили альтернативную миграционную версию проникновения славян в Крым, начиная с III–IV вв. (Веймарн, Стржелецкий, 1952), выступив с критикой скифо-славянской автохтонной модели руководителя СИА (преобразованного к 1951 г. в Отдел истории и археологии (далее — ОИА) Крымского филиала АН СССР).

Несмотря на эти события, первая часть монографии П.Н. Надинского “Очерки по истории Крыма” все же вышла из печати (Надинский, 1951). Как и следовало ожидать, публикация вызвала противоречивые суждения. С одной стороны, она стала первой в постреволюционный период обобщающей книгой по истории полуострова, адресованной широкому кругу читателей. С другой — в ней присутствовали явные отголоски “марризма”, осужденного на высшем уровне.

В мае 1952 г. в Симферополе состоялась Объединенная научная сессия Отделения истории и философии и Крымского филиала АН СССР

по вопросам истории Крыма (далее — Сессия 1952 г.), призванная обсудить негативные последствия “марризма”. В центре внимания, конечно, оказалась книга П.Н. Надинского, точнее, озвученная в ней позиция сотрудников группы археологии ОИА. Однако сам автор довольно удачно вышел из ситуации, пояснив: его книга — это реакция на тенденциозную и “антирусскую” подачу фактов из истории полуострова учеными прошлого, неприемлемую в советском Крыму, большинство населения которого составляют переселенцы-славяне. Она в первую очередь обосновывает тезис “Крым — исконно русская земля” (Юрочкин, Майко, 2017. С. 222, 223). С этим никто спорить не решился. “Славянский вопрос” на сессии 1952 г. курировал Б.А. Рыбаков, выступивший с соответствующими докладами (Рыбаков, 1952а, 1952б). Отвергнув версию скифо-славянского единства в Крыму как наследие “марризма”, он фактически принял позицию Е.В. Веймарна и С.Ф. Стржелецкого. П.Н. Шульц полностью признал ошибочность своих прежних взглядов (Юрочкин, Майко, 2017. С. 221, 222).

К счастью, ситуация для крымских участников дискуссии разрешилась довольно благополучно. П.Н. Надинскому Ученым советом Института истории АН СССР была присуждена степень кандидата исторических наук (Петров, Шамко, 1982. С. 124). Правда, вскоре в отношении Е.В. Веймарна было начато уголовное расследование, к которому, как он полагал, причастны коллеги из группы истории (Пиоро, 1990. С. 147). Смерть И.В. Сталина и “бериевская амнистия” позволили ему избежать фатальных последствий (Юрочкин, Емельянова, 2012).

В 1954 г. Крымская область была передана Украинской ССР. Коллектив ОИА вскоре вошел в состав Института археологии АН УССР. Вопрос о древних славянах в Крыму с повестки дня не был снят (Нариси..., 1957. С. 584), но актуальность значительно снизилась, поскольку изначально его решение было инструментом для обоснования тезиса “Крым — исконно русская земля”. В новых административно-территориальных реалиях он уже терял прежний смысл.

Вышеизложенные наблюдения позволяют сделать ряд выводов.

Повышенный интерес к “славянскому вопросу” в Крыму не был искусственно навязан крымским археологам и историком. Он проявился после освобождения Крыма от оккупации в местной патриотически настроенной краеведческо-преподавательской среде, как ответная реакция на политизацию “готского вопроса” и

изменения в этническом составе жителей полуострова. “Славянский вопрос” в этот период тесно связан с идеей “Крым — исконно русская земля”.

Истоки “славянского вопроса” восходят, с одной стороны, к “скифскому” этногенетическому мифу, долгие годы бытовавшему в сознании российского общества, с другой — к автохтонным концепциям развития народов и языков, основанным на учении Н.Я. Марра, господствовавшим в гуманитарных науках в послевоенный период.

Разработка данного направления стимулировала создание в 1947 г. первого в истории Крыма научно-исследовательского подразделения АН СССР в области истории и археологии под руководством П.Н. Шульца.

Основные результаты исследований крымских археологов в популярной форме изложены в первой части монографии П.Н. Надинского “Очерки истории Крыма” (1951 г.).

Последовавшая с 1950 г. критика “марризма” привела к отходу от первоначальных автохтонных позиций и утверждений о генетическом родстве скифов и славян в Крыму. Этому способствовала Сессия по истории Крыма 1952 г.

После передачи полуострова в состав Украинской ССР идея “Крым — исконно русская земля” утратила свою актуальность. Постепенно был снят и “славянский вопрос” в истории Крыма.

Поиски славян в Крыму, хотя и оказались безрезультатными, дали толчок к развитию академической археологии на полуострове: изучению скифской культуры, средневековых памятников салтово-маяцкого типа и т.д.

Таким образом, при определенных обстоятельствах даже ошибочно выбранное направление исследований в итоге может привести к положительным результатам, в частности с точки зрения научно-организационной деятельности. В последующие годы в результате развития академической археологии в Крыму был сделан целый ряд важнейших открытий, внесших весомый вклад в отечественную науку. При этом роль “славянского вопроса” в истории становления крымской академической археологии оказалась незаслуженно забыта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимченков В.В. “Академия в миниатюре”: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). Симферополь; Киев: Антиква, 2012. 120 с.

- Альтман В. Всесоюзное археологическое совещание // Исторический журнал. 1945. № 5. С. 91–96.
- Веймарн Е.В., Стржелецкий С.Ф. К вопросу о славянах в Крыму // Вопросы истории. 1952. № 4. С. 94–99.
- Громенко С.В. КрымНаш. Історія російського міфу. Київ, 2017. 208 с.
- Емельянова Н.С. Институт истории и археологии Крымского филиала Академии наук СССР: нереализованный проект // Причерноморье. История, политика, культура. 2018. № XXVI (VIII). Сер. А. С. 6–18.
- Зайцев Ю.П. История изучения Неаполя Скифского // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца) / Ред. С.Г. Колтухов и др. Симферополь: Крымский науч. центр, 2004. С. 36–40.
- Зайцев Ю.П. Начало. По страницам дневника П.Н. Шульца “Тавро-Скифская экспедиция ГМИИ и ИИМК Академии наук СССР 1945 года” // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму: материалы науч. конф., посвящ. началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и др. памятниках Крыма (Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.) / Ред., сост. Ю.П. Зайцев, И.И. Шкрибляк. Симферополь: Тарпан, 2015. С. 5–8.
- Кизилов М.Б. Крымская Готия: история и судьба. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2015. 352 с.
- Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. Очерки изучения варварского населения Степного и Предгорного Крыма (VII в. до н.э. – VII в. н.э.). Симферополь: Сонат, 2004. 247 с.
- Красный Крым. 1945. 21 августа.
- Лескинен М.В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2002. 178 с.
- Ломакин Д.А. Крымская научная сессия АН СССР 1952 года и развитие крымоведения в середине XX века // Питання історії науки і техніки. 2009. № 2 (10). С. 10–17.
- Март Н.Я. Избранные работы. Т. 1. Л.: Гос. акад. истории материальной культуры, 1933. 400 с.
- Март Н.Я. Избранные работы. Т. 5. Л.: Гос. акад. истории материальной культуры, 1935. 670 с.
- Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII в. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 315 с.
- Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. I. Симферополь: Крымиздат, 1951. 231 с.
- Нариси стародавньої історії Української РСР / Від. ред. С.М. Бібіков. Київ: Академія наук Української РСР, 1957. 632 с.
- Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982. 240 с.
- Павленко П.А. Урок истории // Советский Крым. 1946. № 2. С. 187–198.
- Петров В., Шамко Е. Восхождение к подвигу. Симферополь: Таврия, 1982. 144 с.
- Піоро І.С. Складна доля археолога (до 85-річчя Євгена Володимировича Веймарна) // Археологія. 1990. № 4. С. 144–148.
- Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья // Готский сборник. Л., 1932 (Известия Гос. акад. истории материальной культуры; т. 12). С. 5–106.
- Рыбаков Б.А. Об ошибках в изучении истории Крыма и о задачах дальнейших исследований: тез. докл. на сессии по истории Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1952а. 15 с.
- Рыбаков Б.А. Славяне в Крыму и на Тамани: тез. докл. на сессии по истории Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1952б. 15 с.
- Советская археологическая литература. Библиография 1941–1957 гг. / Сост. Н.А. Винберг, Т.Н. Заднепровская, А.А. Любимова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 774 с.
- Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. Отноительно марксизма в языкознании // Правда. 1950. 20 июня.
- Степанов Д.Ю. Хазарский этногенетический миф в системе этнических представлений украинской казачьей старшины в конце XVII – начале XVIII в. // Славянский альманах. Вып. 3–4. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2017. С. 31–52.
- Тихонов В.В. Идеологические кампании “позднего сталинизма” и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
- Шульц П.Н. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. 1946. № 2. С. 97–116.
- Шульц П.Н. История исследования Неаполя Скифского (1827–1941 гг.) // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца) / Ред. С.Г. Колтухов и др. Симферополь: Крымский науч. центр, 2004. С. 12–35.
- Юрочкин В.Ю. “Готский” и “славянский” вопросы в послевоенном Крыму // Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2. Харьков: Майдан, 2013. С. 392–412.
- Юрочкин В.Ю. “Готский вопрос” в Советском Союзе // Археологические и лингвистические исследования: материалы Гумбольдт-конференции (Симферополь – Ялта, 20–23 сентября 2012 г.). Киев, 2014а. С. 57–65.
- Юрочкин В.Ю. Проблемы крымских готов в отечественной науке 1950–1990-х гг. // История и археология Крыма. Вып. I. Симферополь, 2014б. С. 185–198.

the eviction of the Crimean Tatars. These views are most succinctly expressed in the book by P.N. Nadinsky “Studies on the history of the Crimea” (part 1, 1951). During the anti-Marr campaign, the point of Scythian-Slavic kinship in Crimea was rejected. Following the transfer of the peninsula to the Ukrainian SSR, the issue gradually lost its relevance.

Keywords: Scythians, Slavs, P.N. Shultz, P.N. Nadinsky, “Crimea is a primordial Russian land”.

REFERENCES

- Akimchenkov V.V.*, 2012. “Akademiya v miniatyure”: Sevastopol'skiy muzey kraevedeniya (1923–1939) [“Academy in small”: the Sevastopol Museum of Local Lore (1923–1939)]. Simferopol'; Kiev: Antikva. 120 p.
- Al'tman V.*, 1945. All-Union archaeological meeting. *Istoricheskiy zhurnal [Historical journal]*, 5, pp. 91–96. (In Russ.)
- Emel'yanova N.S.*, 2018. Institute of History and Archaeology of the Crimean Branch of the USSR Academy of Sciences: unrealized project. *Prichernomor'e. Istoriya, politika, kul'tura [Pontic region. History, politics, culture]*, XXVI (VIII), A, pp. 6–18. (In Russ.)
- Gromenko S.V.*, 2017. #KrymNash. Istoriya rosiys'kogo mifu [#Crimeaisours. The history of the Russian myth]. Kiiv. 208 p.
- Kizilov M.B.*, 2015. Krymskaya Gotiya: istoriya i sud'ba [Crimean Gothia: history and fate]. Simferopol': Nasledie tysyacheletiy. 352 p.
- Koltukhov S.G., Yurochkin V.Yu.*, 2004. Ot Skifii k Gotii. Ocherki izucheniya varvarskogo naseleniya Stepnogo i Predgornogo Kryma (VII v. do n.e. – VII v. n.e.) [From Scythia to Gothia. Essays on studying the barbarian population of the steppe and piedmont Crimea (the 7th century BC – 7th century AD)]. Simferopol': Sonat. 247 p.
- Krasnyy Krym [The red Crimea]. 1945, 21 avgusta.
- Leskinen M.V.*, 2002. Mify i obrazy sarmatizma. Istoki natsional'noy ideologii Rechi Pospolitoj [Myths and images of Sarmatism. The origins of the national ideology of the Polish-Lithuanian Commonwealth]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. 178 p.
- Lomakin D.A.*, 2009. Crimean scientific session of the USSR Academy of Sciences in 1952 and the development of Crimean studies in the middle of the 20th century. *Pitannya istorii nauki i tekhniki [Studies in the history of science and technology]*, 2 (10), pp. 10–17. (In Russ.)
- Marr N.Ya.*, 1933. Izbrannye raboty [Selected works], 1. Leningrad: Gosudarstvennaya akademiya istorii material'noy kul'tury. 400 p.
- Marr N.Ya.*, 1935. Izbrannye raboty [Selected works]. T. 5. Leningrad: Gosudarstvennaya akademiya istorii material'noy kul'tury. 670 p.
- Myl'nikov A.S.*, 1996. Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy. Etnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVIII v. [Picture of the Slavic world: a view from Eastern Europe. Ethnogenetic legends, guesses, protohypotheses of the 16th – early 18th century]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 315 p.
- Nadinskiy P.N.*, 1951. Ocherki po istorii Kryma [Studies in the history of the Crimea], I. Simferopol': Krymizdat. 231 p.
- Narisi starodavn'oi istorii Ukraïns'koï RSR [Studies in the ancient history of the Ukrainian SSR]. S.M. Bibikov, ed. Kiiv: Akademiya nauk Ukraïns'koï RSR, 1957. 632 p.
- Neykhardt A.A.*, 1982. Skifskiy rasskaz Gerodota v otechestvennoy istoriografii [The Scythian story of Herodotus in Russian historiography]. Leningrad: Nauka. 240 p.
- Pavlenko P.A.*, 1946. A History lesson. *Sovetskiy Krym [Soviet Crimea]*, 2, pp. 187–198. (In Russ.)
- Petrov V., Shamko E.*, 1982. Voskhozhdenie k podvigu [Ascent to feat]. Simferopol': Tavriya. 144 p.
- Pioro I.S.*, 1990. The hard lot of the archaeologist (to the 85th anniversary of Eugeny Vladimirovich Veymarn. *Arkheologiya [Archaeology]*, 4, pp. 144–148. (In Russ.)
- Ravdonikas V.I.*, 1932. Cave towns of the Crimea and the Gothic problem in connection with the stadial development of the Northern Pontic. *Gotskiy sbornik [Gothic collection of papers]*. Leningrad, pp. 5–106. (Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury, 12). (In Russ.)
- Rybakov B.A.*, 1952a. Ob oshibkakh v izuchenii istorii Kryma i o zadachakh dal'neyshikh issledovaniy: tezisy dokladov na sessii po istorii Kryma [On mistakes in studying the history of the Crimea and the tasks of further research: Abstracts of reports at the Session on the history of the Crimea]. Simferopol': Krymizdat. 15 p.
- Rybakov B.A.*, 1952b. Slavyane v Krymu i na Tamani: tezisy dokladov na sessii po istorii Kryma [Slavs in the Crimea and Taman: Abstracts of reports at the Session on the history of the Crimea]. Simferopol': Krymizdat. 15 p.
- Shul'ts P.N.*, 1946. Tauro-Scythian archaeological expedition in the Crimea. *Sovetskiy Krym [Soviet Crimea]*, 2, pp. 97–116. (In Russ.)
- Shul'ts P.N.*, 2004. The history of studying Scythian Neapolis (1827–1941). *U Ponta Evksinskogo (pamyati P.N. Shul'tsa) [By the Pontos Euxinos (in memory of P.N. Shultz)]*. S.G. Koltukhov, ed. Simferopol': Krymskiy nauchnyy tsentr, pp. 12–35. (In Russ.)
- Sovetskaya arkheologicheskaya literatura. Bibliografiya 1941–1957 gg. [Soviet archaeological literature. Bibliography for 1941–1957]. N.A. Vinberg,

- T.N. Zadneprovskaya, A.A. Lyubimova, comp. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. 774 p.
- Stalin I.V., 1950. Marxism and problems of linguistics. Concerning Marxism in Linguistics. *Pravda [Pravda]*, 20 iyunya. (In Russ.)
- Stepanov D.Yu., 2017. Khazar ethnogenetic myth in the system of ethnic concepts of the Ukrainian Cossack upper class in the late 17th – early 18th century. *Slavyanskiy al'manakh [Slavic almanac]*, 3–4. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 31–52. (In Russ.)
- Tikhonov V.V., 2016. Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.) [Ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical studies (the mid 1940s–1953)]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 424 p.
- Veymarn E.V., Strzheletskiy S.F., 1952. On the Slavs in the Crimea. *Voprosy istorii [Issues of history]*, 4, pp. 94–99. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2013. “Gothic” and “Slavic” issues in the Crimea in the aftermath of the World War II. *Narteks [Narthex]. Byzantina Ukrainensis*, 2. Khar'kov: Maydan, pp. 392–412. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2014a. The “Gothic Issue” in the Soviet Union. *Arkheologicheskie i lingvisticheskie issledovaniya: materialy Gumbol'dt-konferentsii [Archaeological and linguistic research: Proceedings of the Humboldt conference]*. Kiev, pp. 57–65. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2014b. Problems of Crimean Goths in Russian science of 1950–1990s. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, 1. Simferopol', pp. 185–198. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2015. P.N. Shultz during the years of the anti-Marr campaign. *70 let Tavro-Skifskoy ekspeditsii v Krymu: materialy nauchnoy konferentsii [70 years of the Tauro-Scythian expedition in the Crimea: Proceedings of the Scientific conference]*. Yu.P. Zaytsev, I.I. Shkriblyak, ed., comp. Simferopol': Tarpan, pp. 31, 32. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2016a. Sessions on the history of Crimea and the formation of archaeological science in the Crimea after World War II. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, 4. Simferopol', pp. 187–204. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2016b. Creation of the Sector of History and Archaeology in the Crimean Base of the USSR Academy of Sciences. *Materialy IV nauchno-prakticheskoy konferentsii “Voенно-istoricheskie chteniya” [Proceedings of the IV Scientific and practical conference “Military and historical readings”]*. Simferopol': Biznes-Inform, pp. 41–44. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2017a. Gotskiy vopros [Gothic issue]. Simferopol': Sonat. 495 p.
- Yurochkin V.Yu., 2017b. “Inkerman-48” or the first salvage excavations in the Crimea after the World War II. *V Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E.V. Veymarna. K 100-letiyu Bakhchisarayskogo muzeya: tezisy dokladov i soobshcheniy [V Bakhchysarai scientific readings in memory of E.V. Veymarn. To the 100th anniversary of the Bakhchysarai Museum: Abstracts]*. Bakhchisaray, pp. 30, 31. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2017b. From the history of the first part of “Studies on the history of the Crimea” by P.N. Nadinsky. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, 6. Simferopol', pp. 277–293. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2017r. Archaeologists of the Crimea during the Great Patriotic War. *Materialy V nauchno-prakticheskoy konferentsii “Voенно-istoricheskie chteniya” [Proceedings of the V Scientific and practical conference “Military and historical readings”]*. Simferopol': Biznes-Inform, pp. 176–178. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2018. The first post-war article about the Crimean Goths (unpublished manuscript by V.P. Babenchikov). *Materialy VI nauchno-prakticheskoy konferentsii “Voенно-istoricheskie chteniya” [Proceedings of the VI Scientific and practical conference “Military and historical readings”]*. Simferopol': Biznes-Inform, pp. 295–300. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2019a. Archaeology of the Crimea and politics. *V Feodosiyskie nauchnye chteniya “Krym: istoriya i sovremennost' – problemy i resheniya”: trudy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [V Feodosia scientific readings “Crimea: history and modernity – problems and solutions”: Works of the All-Russian conference]*. Feodosiya, pp. 65–79. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2019b. P.N. Shultz and P.N. Tretyakov: on the history of the might-have-been discussion about the “Crimean Slavs”. *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and archaeology of the Crimea]*, 9. Simferopol', pp. 238–245. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2019b. The Sector of history and archaeology in the Crimean Research Base of the USSR Academy of Sciences in 1947–1950. *Lazarevskie chteniya. Prichernomor'e: istoriya, politika, geografiya, kul'tura: materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Lazarev readings. The Pontic Region: History, politics, geography, culture: Proceedings of the XVII International scientific conference]*. Sevastopol', pp. 69, 71. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2020a. “Slavic Crimea”. The origins of the idea. *Χερσωνοσ Θευατα: Imperiya i polis: XII Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar [Χερσωνοσ Θευατα: Empire and polis: XII International Byzantine seminar]*. Simferopol', pp. 293–302. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., 2020b. Sector of History and Archaeology in the Crimean Research Base of the USSR Academy of Sciences and the beginning of studying the partisan movement in the Crimea. *Materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii “Voенно-istoricheskie chteniya”. K 75-letiyu Velikoy Pobedy [Proceedings of the VIII All-Russian scientific and practical conference “Military and historical readings”. To the 75th anniversary of the Great Victory]*. Simferopol': Biznes-Inform, pp. 355–361. (In Russ.)

- Yurochkin V.Yu., Emel'yanova N.S., 2012. The “Inkerman case” of E.V. Veymarn: “Slavic trace”. *I Bakhchisarayskie nauchnye chteniya pamyati E.V. Veymarna: tezisy dokladov i soobshcheniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [I Bakhchysarai scientific readings in memory of E.V. Veymarn: Abstracts of the International scientific conference]*. Bakhchisaray, pp. 73–75. (In Russ.)
- Yurochkin V.Yu., Mayko V.V., 2017. Goths, Scythians, and Slavs: ethnic volte-face of the Crimean archaeology in the aftermath of World War II. *Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsev do genueztsev [Unknown chapters of the archaeology of Crimea: from Neanderthals to the Genoese]*. L.B. Vishnyatskiy, ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 157–231. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., 2004. The history of studying Scythian Neapolis. *U Ponta Evksinskogo (pamyati P.N. Shul'tsa) [By the Pontos Euxinos (in memory of P.N. Shultz)]*. S.G. Koltukhov, ed. Simferopol': Krymskiy nauchnyy tsentr, pp. 36–40. (In Russ.)
- Zaytsev Yu.P., 2015. The beginning. Through the pages of P.N. Shultz's diary “Tauro-Scythian expedition of the Pushkin Museum and the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences in 1945”. *70 let Tavro-Skifskoy ekspeditsii v Krymu: materialy nauchnoy konferentsii [70 years of the Tauro-Scythian expedition in Crimea: Proceedings of the scientific conference]*. Yu.P. Zaytsev, I.I. Shkriblyak, ed., comp. Simferopol': Tarpan, pp. 5–8. (In Russ.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**В.А. Городцов. ДНЕВНИКИ УЧЕНОГО. 1914–1918 гг.: Из собрания Государственного исторического музея. В 2 кн.
Сост. И.В. Белозерова, С.В. Кузьминых, Г.С. Марштупа,
Т.А. Цапина; отв. ред. А.Д. Яновский. М.: ГИМ, Кн. 1.
1914–1915. 544 с., ил.; Кн. 2. 1916–1918. 384 с., ил.**

DOI: 10.31857/S086960630014243-6

Специалисты Государственного исторического музея и Института археологии РАН продолжили публиковать дневники Василия Алексеевича Городцова, которые тот вел более полувека — с 1892 по 1944 г. В рецензии на предыдущий двухтомник, охвативший записи ученого за 1928–1944 гг., я высоко оценил этот научно-издательский проект и уровень его реализации (Щавелев, 2017. С. 172–175). Теперь его инициаторы — С.В. Кузьминых и И.В. Белозерова вместе с Г.С. Марштупой и Т.А. Цапиной предлагают читателям дневники В.А. Городцова за 1914–1918 гг. В период Первой мировой войны и революций 1917 г. он был сотрудником Российского исторического музея, преподавал в Московском археологическом институте и Народном университете им. А.Л. Шанявского, продолжал вести археологические раскопки, ездил по стране с лекциями и ради изучения археологических фондов музеев. Поэтому и общался с очень широким кругом лиц — с коллегами по науке и образованию, с представителями всех сословий тогдашней России, столичными жителями и провинциалами, военными и штатскими. Наблюдал всевозможные эксцессы бунтарской стихии, ощущал настроения разных групп россиян, а также многих лидеров отдельных политических направлений.

Как и в ежедневных заметках последующих лет, в тот самый переломный период истории страны ученый заносит в свои тетради сведения о профессиональных вопросах науки и музейного дела, а также затрагивает широкий круг сюжетов политической и социальной жизни того военного времени, ее бытовых условий. Его собственное мировоззрение оставалось уравновешенным, он не симпатизировал ни охранителям, черносотенцам, ни революционерам — тем же большевикам. Можно сказать, что такая общественная позиция — распылчатого демократизма — отличала большинство российских интеллигентов, которые горячо приветствовали Февральскую революцию, но испугались Октябрьского переворота. И поделом — довольно быстро практически все мыслящие россияне поняли, как много они потеряли вместе с Российской империей... Как они трагически заблуждались, симпатизируя или прямо помогая радикальным элементам! И, наконец, осознали, что “революция дарит нас лишь отрицательными культурными перлами” (II. 257).

И эти муки голода, холода, политического террора и нравственных унижений переживали люди уже до предела измученные германской войной. Семья Городцовых дорого заплатила за свой практический патриотизм. Старший сын ученого Олег был тяжело ранен на фронте, средний сын Игорь попал в плен, совершал оттуда неоднократные, но неудачные побеги, третий — Мстислав отравлен газом; младший — Ростислав, служивший уже в Красной армии, по пути из отпуска в свою часть пропал без вести, обрученный жених дочери штабс-капитан Б.К. Вайда был убит во время атаки разрывной пулей в голову. Все свои трудовые сбережения Василий Алексеевич пожертвовал на “Землю свободы”, которым Временное правительство пыталось поддерживать падающую экономику. Процентов по этим облигациям и тем более их погашения с обещанной населению прибылью

никто, конечно, не дождался. “Волнения ... за судьбу семьи и Отечества” ученый “старался заглушить работами” (II. С. 3). Несмотря на разочарование в революции, ученый не помышлял об эмиграции и продолжал трудиться изо всех сил в музее, в сфере образования и науке и при новой советской власти. Та оценила его позицию, маститый археолог был в 1918 г. вовлечен в работу Музейной коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР.

В Историческом музее по инициативе и под началом Городцова были перестроены экспозиция и порядок хранения коллекций. В Университете Шанявского и его филиале в Нижнем Новгороде он читал курсы первобытной и бытовой археологии, успешно готовил новые кадры историков и археологов. Его научные исследования тяготели к проблематике палеолита и в особенности бронзового века. Хотя приходилось заниматься самыми разными древностями, ведь квалифицированных археологов в воюющей и бунтующей стране осталось совсем мало. Достижения маститого археолога скрупулезно отмечены публикациями его дневников. Что касается его же недостатков, то их внимательный читатель может вычитать, что называется, между строк. Материалы многих его раскопок не вводились своевременно в научный оборот. Так, “результаты раскопок Гонцовской палеолитической стоянки опубликованы лишь спустя 10 лет” (II. С. 168). Такой же срок ждали публикации находки при разведках в окрестностях Муром. Немало других полевых работ ученого публикации так и не дождалось. Широта научных интересов одного из основоположников научной археологии в России нередко оборачивалась недоработками положенного методикой цикла изучения конкретного памятника.

Дневниковые записи В.А. Городцова открывают этапы работы над его главным, пожалуй, вкладом в науку о древностях: периодизации и типологии культур эпохи бронзы в центре и на юге России — ямной, катакомбной и срубной. Наметив эту схему по результатам раскопок 1901–1903 гг. в Харьковской губернии, Василий Алексеевич к 1914 г. конкретизировал ее, выделив целый спектр уже не типов, а видов археологических культур — фатьяновскую, донецкую, сейминскую, а затем и северокавказскую, трипольскую, волжско-камскую (пермскую). Эти таксоны, как оказалось впоследствии, представляли собой перспективные программы исследований по всем крупным регионам европейской части страны в эпоху бронзы — переломной от первобытности к цивилизации. Сам же автор идеи завершил ее оформление только к 1927 г., а в окончательном виде изложил эту концепцию лишь в неопубликованном томе его “Археология” — “Палеометаллическая эпоха” (рукопись эту сохранил ОПИ ГИМ).

Для истории экспериментальной археологии будут интересны записи Василия Алексеевича о тех опытах, которые он несколько лет проводил на разные лады с кремневыми изделиями

и кремневым сырьем (I. С. 256, 380–385)*. Попыткам смоделировать изготовление орудий труда из камня, повторив навыки наших предков, принадлежало будущее. А вот обжиг разных сортов кремня в огне при простом созерцании этого процесса выглядит сегодня менее впечатляюще.

Отразились в дневниках и некоторые другие сюжеты, важные для истории отечественной археологии и антропологии. Их нынешние представители должны обратить внимание и на обширную эпистолярию В.А. Городцова, которая хранится в том же личном фонде ученого (№ 431) в ОПИ ГИМ. Многочисленные письма археологов, историков, музейных работников и краеведов со всей страны и из-за рубежа способны прояснить многие моменты разных направлений и регионов изучения древностей. К этому изданию городцовских дневников прилагается подборка писем Николая Иосифовича Криштафовича (1866–1941) – видного геолога, минеролога, занимавшегося также палеонтологией и археологией, профессора Харьковского университета. Эти письма московскому коллеге содержат яркие картины борьбы русских ученых за спасение накопленных ими коллекций и библиотек от бедствий Мировой войны и разгула революционной стихии.

Это издание станет важным источником и для исследователей последнего отрезка истории Российской империи. Ведь ученый добросовестно, подробно записал свои наблюдения событий в Москве и провинции, куда он периодически выезжал с лекциями и на раскопки. Его многочисленные разговоры с людьми знатными, чиновными и с простыми позволяют представить себе устроения широких слоев населения, военных и гражданских лиц, горожан и сельчан, русских и представителей иных национальностей. По газетам и тем же разговорам с участниками боев отражен ход военных действий на разных фронтах Мировой войны. Городцов до ухода в науку и образование четверть века прослужил строевым офицером, выйдя в отставку подполковником, так что профессионально разбирался и в армейских делах. Тем болезненнее он переживал развал русской армии в разгар войны и люмпенизацию солдатской массы. Для военных историков этот источник содержит богатые россыпи информации о ходе военных действий, настроениях в армии и в тылу, судьбах многих военнослужащих.

Среди тех, с кем общался автор дневника, многие выдающиеся фигуры русской науки и культуры. В том числе две графини – руководительница Московского археологического общества и последних Археологических съездов П.С. Уварова и вдова писателя С.А. Толстая (“Сильно глумилась над служащими музея” (I. С. 282), получая для изучения письма своего великого мужа, переданные в РИМ), нумизмат А.В. Орешников, антрополог и этнографы Д.Н. Анучин и Б.Ф. Адлер, антиковед Б.Ф. Фармаковский, лидер сибирской археологии Б.Э. Петри, финские

археологи А.М. Тальгрэн и Ю. Айлио, французский археолог-русист Ж. де Бай, геологи А.П. Павлов и Н.И. Криштафович, историки Н.П. Лихачев и Д.И. Иловайский, египтолог Б.А. Тураев, одна из первых женщин-археологов Е.Н. Клетнова, художник В.И. Суриков и многие другие. Их характеры, суждения, труды, поступки общественной важности запечатлены автором ежедневных записок. Содержательны итоговые оценки автором дневника деятельности ушедших из жизни за предреволюционные годы деятелей науки – председателе Московского общества испытателей природы Н.А. Умове, лингвисте Ф.Е. Корше, археологах Й.Р. Аспелине, И.Т. Савенкове, Э.Б. Тэйлоре, В.В. Хвойко. Среди учеников В.А. Городцова военных лет выделятся в советском будущем видные археологи В.Б. Арндт, Н.К. Ауэрбах, Ф.В. Баллод, М.Э. Воронец, В.В. Гольмстен, С.А. Локтюшев, М.Н. Орлова, П.С. Рыков, Д.Н. Эдинг.

Важно отметить, что городцовские дневники публикуются полностью. Составителями опущены только его конспекты чужих изданий по философии и теософии, с обозначением каких именно.

Полиграфия двухтомника, его иллюстративный ряд опять-таки на высоком уровне. Мелованная бумага, цветные и тонированные иллюстрации – собственноручные рисунки археолога (включая артефакты из раскопок), фотокопии многих листов дневника, его фотопортреты и групповые снимки со слушателями и коллегами. Целая коллекция репродукций почтовых карточек, вырезок из газет и журналов, листовок с фронтовыми сюжетами ярко рисуют будни Отечественной войны (подбор иллюстративного материала – И.В. Белозерова).

Вторая книга завершается справочно-поисковым аппаратом, списками литературы и сокращений, именным указателем.

Издание подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, а само оно произведено при финансовой помощи фонда “История Отечества”. Выпуск в свет двухтомника осуществил Редакционно-издательский отдел ГИМ, и сделал это образцово, без малейших опечаток, в строгом и выразительном оформлении.

Символический тираж в 300 экземпляров, конечно, ограничит доступность этого издания узким кругом специалистов и крупнейшими библиотеками, но можно надеяться, что по мере того, как указанный тираж разойдется, всем заинтересованным читателям в какой-то форме будет доступна электронная версия оригинал-макета. Ведь по своему содержанию эти дневники будут интересны не только ученым-специалистам, но и гораздо более широкому кругу читателей, в особенности студенческой молодежи.

В заключение повторю общую оценку издания дневников В.А. Городцова – это титанический труд составителей и комментаторов, достойный всяческой благодарности от научного сообщества. Публикация этого двухтомника была посвящена 100-летию академической археологии в России и достойно отметила славный юбилей.

* Попутно замечу распространившуюся сейчас ошибку: журналисты и любители все чаще называют орудия “кремневыми”, путая название химического элемента (кремний) и каменной породы (кремнь).

Р.В. Смольянинов. РАННИЙ НЕОЛИТ ВЕРХНЕГО ДОНА. ЛИПЕЦК, САРАТОВ: ДЕСЯТАЯ МУЗА, 2020. ISBN 978-5-907272-54-5. 400 с., 143 ил.

DOI: 10.31857/S086960630013504-3

Последнее десятилетие ознаменовалось значительным интересом отечественных и зарубежных специалистов к одной из важнейших проблем изучения истории первобытного общества — неолитизации. Несмотря на ряд разногласий в понимании этого термина, исследователи приходят к общему мнению о своеобразии набора признаков “неолитического пакета” каждой конкретной территории. Поэтому создание обобщающих работ по неолитизации находится в прямой зависимости от итогов изысканий в конкретных регионах, одному из которых и посвящена монография Р.В. Смольянинова.

Данная работа основана на комплексном изучении материалов неолитических стоянок, значительная часть которых раскопана ее автором. Основным методом исследования выступает технико-типологический анализ керамических комплексов, кремневых и костяных орудий, которые дополнены результатами изысканий естественно-научного цикла. Весьма важную информацию содержат материалы археозоологических коллекций, доселе слабо изученные на памятниках Верхнего Дона.

Книга состоит из Введения, шести глав, Заключения, таблиц и иллюстраций. Во Введении автор определяет актуальность темы, научную новизну и значимость предложенной работы, источниковая база которой насчитывает 105 памятников. Основным критерием выделения неолитической эпохи он традиционно считает появление и распространение керамического производства. Под археологической культурой автор монографии вслед за А.Т. Синюком подразумевает комплекс признаков, характерных для группы близкородственных племен, что представляется нам устаревшим. Мы полагаем, что неолитическая культура не имела этнического содержания. Единство археологических признаков группы памятников было обусловлено свойством первобытной культуры сохранять непрерывность в границах ландшафтных зон и речных бассейнов (Stavitsky, Vybornov, 2019).

В первом параграфе первой главы представлена подробная характеристика физико-географических условий Верхнего Дона. Автор уделяет большое внимание разветвленной речной системе на интересующей территории. Однако, что касается водных артерий, их широтных и меридиональных позиций, следует отметить одно обстоятельство: не всегда потенциальные географические условия использовались древними социумами в достаточной мере. Например, единая гидросистема р. Дон не способствовала влиянию ракушечной культуры на население, обитавшего в районе среднего и верхнего течения. Во втором параграфе анализируются природно-климатические условия непосредственно в эпоху неолита. Автор опирается на труды специалистов по палинологии для территории Верхнего Подонья, но отмечает и определенные противоречия в их концепциях.

Глава вторая содержит подробный историографический анализ всей неолитической эпохи, а не только раннего неолита, что вполне логично, поскольку в книге представлены и более поздние материалы. Автор обоснованно выделяет несколько этапов в истории исследований, формировании и развитии гипотез. При всем уважении к ученым, внесшим свой вклад в изучение неолита данного региона, следует констатировать, что интенсивность и эффективность исследований резко возросли в связи

с изысканиями Р.В. Смольянинова. По сути, самый важный отрезок изучения неолитических памятников охватывает именно первые десятилетия XXI в., однако в монографии ему уделено значительно меньше внимания.

Глава третья посвящена анализу материалов неместных ранне-неолитических культур, среди которых важнейшее место занимают елшанские древности. Поскольку именно их носители передали навыки изготовления посуды местному мезолитическому населению, что обусловило процесс формирования керамических традиций среднедонской культуры. Однако последняя тяготеет к Среднему Подонью и лишь к южной части Верхнего. В этой ситуации остается не совсем ясен механизм появления гончарного производства на остальной части Верхнего Дона. Нам представляется, что обе ранне-неолитические культуры Подонья получили первоначальный импульс для формирования своих керамических традиций от разных групп елшанских памятников. Населением среднедонской культуры могли быть восприняты традиции тех носителей, на керамике которых уже на раннем этапе появляется орнамент из треугольных наколов (стоянки Потодеёво, Имерка 7, Городок 1). Карамышевское же население могло заимствовать первоначальные навыки изготовления керамики с памятников прихоперской группы (Шапкино 6, Плаутино 1). По-видимому, этот процесс был связан как с инфильтрацией отдельных групп елшанского населения, так и с эстафетным распространением керамического производства на основе археологической непрерывности. Учитывая определенные различия, можно предполагать и некоторую разновременность между комплексами памятников Ивница, Устье р. Излогоши (более ранние) и Липецкое озеро, Ярлуковская протока (более поздние).

Четвертая глава посвящена памятникам карамышевской культуры, которых стало известно около 30. Автор подробно характеризует большинство источников, определяет диагностические показатели культуры, отличные от среднедонских, устанавливает периоды ее развития, хронологию и территорию распространения, которая очерчивается бассейном р. Воронеж. При отсутствии стратиграфических данных Р.В. Смольянинов успешно опирается на всеобъемлющие результаты технико-технологического анализа керамики значительного количества сосудов раннего и позднего периодов, что является достаточно убедительным. В то же время допустимо обратить внимание на следующий момент. Если следовать тем признакам, которые Р.В. Смольянинов выделил для раннего этапа, то им вполне соответствует часть материалов стоянок Васильевский Кордон 3, 5, 7 и Карамышево I. Они вполне согласуются с основными характеристиками позднего этапа елшанской культуры. Единственным противоречием являются радиоуглеродные даты для первых и вторых. Это может стать новой поисковой задачей. Выявляя источник появления ведущих признаков керамики второго этапа карамышевской культуры, автор определяет средневожскую культуру лесостепного Поволжья, не рассматривая другие варианты. В качестве промежуточного пункта, материалы которого иллюстрируют процесс продвижения средневожской культуры на Верхний Дон, Р.В. Смольянинов определяет стоянку Ковылай 1. Но в ее керамической коллекции нет плоских днищ, наряду с наколами широко используется

короткий зубчатый штамп, распространение которого на карамышевской керамике относится только к концу второго этапа. Причиной передвижения средневолжского населения на территорию Верхнего Дона автор связывает с климатическими изменениями (аридизация) около 7200 лет назад. Но это вступает в определенное противоречие с имеющимися датами как для средневолжских комплексов (они появляются не ранее 6500 лет BP), так и карамышевской культуры и в большей степени соответствует для ранних елшанских древностей. Важным достижением автора является выявление и характеристика каменного инвентаря комплексов карамышевской культуры. При всей сложности ситуации (многокомплексность памятников, малочисленность выборки и пр.) исследователю удалось наметить его своеобразные характеристики.

Глава 5 посвящена памятникам среднедонской культуры, часть которых расположена в бассейне р. Воронеж и встречается на ряде стоянок карамышевского типа. Автор вводит в научный оборот новые источники, что дополняет общую характеристику. Особое значение имеют материалы стоянки Доброе 9, на которой получена достаточно представительная коллекция каменного инвентаря. Это позволило автору дать весьма достоверную характеристику индустрии среднедонской культуры. Следует обратить внимание на наличие наконечников стрел треугольно-ночерешковой формы, которые ранее относились к поздним этапам. В периодизации Р.В. Смольянинов склоняется к трем этапам, а рубежом первого и второго является появление орнаментации коротким зубчатым штампом. Примечательно, что и в карамышевской культуре такая орнаментация связана со вторым этапом. Применение короткого зубчатого штампа в верхневолжской культуре завершается на среднем этапе около 6200 лет BP, и потому он не мог появиться с этой территории. Для 5900 – 5700 лет BP такой способ орнаментации характерен для средневолжской культуры, но ее посуда плоскодонная. Поэтому не стоит исключать комплексы Среднего Поднепровья, в которых аналогичные узоры характерны для этого времени (Котова, 2002), тем более что автор выделяет материалы днепро-донецкой культуры на территории Верхнего Дона.

Нельзя не обратить внимание на то, что керамика раннего этапа на Верхнем Дону представлена в сложившемся виде, включая сформированную технологию с использованием песка, что отличает ее от карамышевской. Об этом свидетельствуют подробные данные результатов технико-технологического анализа керамики значительной выборки сосудов среднедонской культуры. Либо ее носители пришли в этот регион из более южных областей, либо она формировалась на основе карамышевской. Против последнего предположения выступают даты, которые есть для материалов первого этапа: они аналогичны верхнедонским. Даже если исключить наиболее древние (Щучье, Черкасская 5; 3), остаются значения 6800 – 6500 лет BP. В таком случае две культуры в бассейне р. Воронеж сосуществуют. Но каких-то явных признаков их взаимодействия не так и много. Есть штриховка зубчатым штампом на поверхностях карамышевских сосудов и крайне редкое применение треугольного накола (Карамышево 5, Васильевский Кордон 5). Еще одним проблемным моментом является разрыв между датами первого и второго этапов обеих культур: 6900 – 6500 BP и 5900 – 5600 BP у карамышевской и 6900 – 6500 BP и 6200 – 5700 BP у среднедонской. Объяснить это климатическими причинами сложно: специалисты фиксируют аридизацию 6200 – 6000 BP в южных степных районах. Поэтому там нет памятников с такими временными рамками, а в Верхнем Подонье они представлены. Следует отметить, что радиоуглеродные даты получены в разных лабораториях, включая и зарубежные на AMS, но сделаны они преимущественно по органике в керамике и нагару, что ставит задачу их верификации. Перспективным будет датирование костей диких

животных, которые обнаружены автором на стоянке Доброе 9, что позволит получить более объективную картину. Нельзя не отметить и выразительную коллекцию костяных изделий, что дополняет общую характеристику среднедонской культуры.

В шестой главе рассматриваются исторические судьбы ранне-неолитических культур, которые Р.В. Смольянинов связывает с процессами взаимодействия местного населения Верхнего Дона с представителями пришлых культур: нижнедонской, среднестоговской, льяловской и сложением дронихинских древностей. При этом финал карамышевской культуры в данном разделе не рассматривается, хотя, судя по радиоуглеродной хронологии, завершение бытования ее памятников приходится на время появления на Дону носителей льяловской и нижнедонской культур. Поэтому нельзя исключать взаимной обусловленности этих событий.

По подсчетам Р.В. Смольянинова на Верхнем Дону расположено только 4 из 40 донских памятников, на которых зафиксированы следы взаимодействия с населением южных культур, и это свидетельствует о том, что к северу от г. Воронеж интенсивность данных контактов была невелика. При этом на стоянках Курино 1 и Университетская 3 содержится следы контактов только с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики, которые, по мнению Р.В. Смольянинова, могли иметь место в интервале 5200–5400 BP. На стоянках Карамышево 1 и Ксизово 6 гибридная керамика орнаментирована наколами, а воздействие южных культур нашло отражение в раковинной примеси сосудов и отогнутости наружу некоторых венчиков. Поскольку для нижнедонской культуры диагностирующими признаками является воротничковое оформление венчика и лепка сосудов из жирных илов, к которым в качестве примеси может добавляться органика (Васильева, 2017), то наличие указанных признаков следует связывать со среднестоговской культурой, наиболее ранние памятники которой на Верхнем Дону А.М. Скоробогатов датирует временем 5330 BP (2011. С. 14). Таким образом, хронология контактов верхнедонского населения с представителями южных культур явно выходит за рамки раннего неолита. Что касается нижнедонской культуры, то ее энеолитический характер требует дополнительных доказательств, поскольку до настоящего времени отсутствуют достоверные данные о наличии у ее носителей металлообработки. Если признать ее энеолитической и вступившей в контакт с носителями среднедонской культуры на втором этапе развития, то довольно сложно последнюю рассматривать как ранне-неолитическую.

Раздел по дронихинским древностям Верхнего Подонья написан в историографическом ключе. Значительная часть текста представляет собой почти дословное изложение взглядов различных исследователей на проблему происхождения, развития и финала памятников дронихинского типа. Подобная практика вполне приемлема, если данные точки зрения сохранили свою актуальность. Однако многие из них были высказаны в то время, когда практика радиоуглеродного датирования была еще развита слабо, поэтому логичнее было бы опустить те рассуждения о хронологии, которые утратили свою актуальность. Сам автор монографии воздерживается от изложения своего мнения по данным вопросам, оставляя выбор за читателем. На первый взгляд вполне допустимо предполагать появление прочерченной техники нанесения орнамента непосредственно в среде гончаров среднедонской культуры. Но нельзя не учитывать и иной вариант. На наш взгляд, дронихинские древности следует рассматривать в рамках проявления локальных особенностей среднедонской культуры, население которого испытало на себе определенное внешнее воздействие. Но произошло это не в результате миграции, а в ходе контактов с западными соседями. Прочерченный способ нанесения узоров и целый ряд орнаментальных композиций представлены на керамике различных

культур Поднепровья в значительно большей степени, чем в Поволжье. Примечательно, что такая техника орнаментации сосуществует с оттисками короткого зубчатого штампа (Котова, 2015), которого нет на Нижней Волге. Представлена здесь и плоскодонность сосудов. Близки они и по хронологии с дропхинскими. Исследователи А.Т. Синюк, Н.С. Котова обосновали гипотезу о появлении накольчатой системы орнаментации на днепровской посуде от носителей среднедонской культуры. Почему не может иметь оснований обратный процесс?

Наиболее дискуссионным в монографии является раздел по поселениям с гибридной накольчато-ямочной керамикой Верхнего Дона. Вслед за А.Т. Синюком ее появление на Дону Р.В. Смольянинов связывает с процессами взаимодействия носителей ямочно-гребенчатой керамики с населением среднедонской культуры. В связи с чем сразу же возникает вопрос: какое место в данных процессах занимало карамышевское население? Ведь оно было ближайшим соседом носителей льяловской культуры и к тому же украшало свою посуду наколами овальной формы, которыми гибридная керамика орнаментировалась достаточно часто.

В основу классификации накольчато-ямочной керамики Р.В. Смольяниновым была положена форма сосудов. Однако, по его наблюдениям, данный признак не имеет культурной специфики, поэтому анализ формы сосудов не может пролить свет на процессы сложения гибридной керамики. Более важную роль здесь играет ямочный орнамент, степень использования которого позволяет диагностировать на какой основе протекали процессы гибридизации. При учете данного фактора становится ясно, что воздействие среднедонских традиций на ямочно-гребенчатую керамику носило весьма ограниченный характер. Представительная коллекция ямчато-накольчато-гребенчатой керамики до сих пор опубликована только с поселения Липецкое озеро (Синюк, Клоков, 2000). Подавляющая часть остальных накольчато-ямчатых комплексов представляет собой трансформированную среднедонскую керамику, испытавшую на себе льяловское влияние. Причем из всего многообразия льяловских орнаментов на накольчато-ямочной керамике представлены только ямочные вдавления, которые ранее достаточно часто использовались на среднедонской посуде при оформлении бордюрной зоны на венчиках.

По мнению Р.В. Смольянинова, наиболее интенсивный характер процессы взаимодействия среднедонской и льяловской культур, связанные с миграцией на Дон носителей последней, приобрели в первой половине IV тыс. до н.э., что иллюстрируют материалы стоянки Ямное 1. Однако к этому времени

льяловская традиция орнаментации керамики Волго-Окского междуречья уже сходит на нет (Зарецкая, Костылева, 2011). Да и по среднедонской культуре отсутствуют радиоуглеродные даты, которые могли бы подтвердить ее существование в данное время. Поэтому материалы поселения Ямное 1 иллюстрируют не процессы взаимодействия двух культур, а его конечный результат. Данный вывод подтверждается и наблюдениями исследователей этого памятника А.В. Суркова и А.В. Скоробогатова, которые, при всем желании, не смогли разделить типологически материалы со среднедонской и рязано-долговской керамикой (2012), представляющие собой несомненное единство на данной стоянке.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что монография Р.В. Смольянинова имеет большое значение для разработки различных вопросов неолитизации не только Верхнего Дона, но и сопредельных территорий. Замечания и размышления, изложенные здесь, направлены на дальнейшее обсуждение и разработку ряда дискуссионных аспектов. Книга не оставляет равнодушными специалистов, а значит принесла большую пользу для неолитоведения Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильева И.Н. К вопросу о гончарных традициях неолитического населения Подонья // Изв. Самарского науч. центра РАН. 2017. Т. 19. № 3–2. С. 370–379.
- Зарецкая Н.Е., Костылева Е.Л. Новые данные по абсолютной хронологии льяловской культуры // Тверской археологический сборник / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Триада», 2011. № 8. С. 175–183.
- Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 268 с.
- Котова Н.С. Древнейшая керамика Украины. Киев; Харьков: Майдан, 2015. 154 с.
- Синюк А.Т., Клоков А.Ю. Древнее поселение Липецкое озеро. Липецк: Липецкое изд-во, 2000. 160 с.
- Скоробогатов А.М. Энеолитические памятники Донской лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2011. 22 с.
- Сурков А.В., Скоробогатов А.М. Многослойная стоянка Ямное (матер. исслед.). Воронеж: ВГПУ, 2012. 82 с.
- Stavitskiy V., Vybornov A., Valeriy V. Nikitin: Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье ('Culture of the Comb-Pit ceramics bearers in the Mari-Kazan Volga River region'). *Arkheologiya Povolzh'ya i Urala, Materialy i issledovaniya, Vypusk 3* // Fennoscandia Archaeologica. 2019. V. XXXVI. P. 188–191.

Самарский государственный социально-педагогический университет
Пензенский государственный университет

А.А. Выборнов
В.В. Ставицкий

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР “СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ПАМЯТНИКОВ И ДРЕВНОСТЕЙ РУСИ (СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ)”

Поселенческие и погребальные памятники средневековой Руси активно изучаются археологами с применением надежных методик и с учетом современных требований. В Институте археологии РАН и дружественных с ним археологических организациях хорошо отлажены коллектирование и пробоотбор для археобиологических и технологических исследований.

За последние годы арсенал естественно-научных методов, применяемых в археологии, существенно расширился. Наряду с классическими металлографическими, археобиологическими, дендрохронологическими исследованиями появился целый ряд высокоточных химических и физических методов, позволяющих “заглянуть внутрь” артефактов, точно определить их состав, расширить знания не только о технологиях их производства, но и о продвижении этих технологий в географическом и культурном пространствах.

Разработанные в Лаборатории естественно-научных методов ИА РАН методические схемы археобиологических исследований позволяют ставить и решать вопросы стратегий жизнеобеспечения различных обществ, взаимоотношений природы и человека.

Новые подходы к интерпретации результатов естественно-научных исследований позволяют получить данные о ремесленных и сельскохозяйственных традициях средневековой Руси, которые обусловлены экономическими, природно-климатическими факторами, а также этническими предпочтениями населения; проследить изменения в условиях среды обитания и выявить отдельные моменты в хозяйственной и/или повседневной деятельности человека, в его питании и ритуальных практиках.

В этой связи очень важно взаимодействие специалистов различных естественно-научных направлений, позволяющее не только оценить успехи, но и выявить проблемы, возникающие при применении новых методов и наметить возможные пути их решения.

Этой цели был посвящен семинар “Современные подходы к естественно-научным исследованиям памятников и древностей Руси (Средневековье и раннее Новое время)”, организованный Лабораторией естественно-научных методов Института археологии РАН, в стенах которого 7–8 апреля 2021 г. и проходил семинар. В его работе приняли участие более 30 специалистов как из Института археологии, так и из других организаций: МГУ им. М.В. Ломоносова; МФТИ; АНО “Центр историко-культурных исследований и проектирования”, г. Кострома; Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург; Рязанский историко-культурный заповедник; Рязанский государственный медицинский университет; Новгородский музей-заповедник; Институт проблем экологии и эволюции РАН, г. Москва.

На трех секциях было заслушано 13 докладов.

На первой секции “Результаты инструментально-аналитических исследований артефактов” прозвучало шесть докладов.

Доклад *Завьялова В.И. и Тереховой Н.Н.* (ИА РАН, Москва) был посвящен вкладу восточнославянских ремесленников в развитие древнерусской технологии обработки черных металлов. Археометаллографические данные свидетельствуют, что появление и широкое распространение в Восточной Европе

в IX–X вв. инновационной технологии — трехслойного пакета — не вытесняет другой вариант технологической сварки — наварку, которой владели славянские кузнецы. Когда в конце XI в. скандинавский фактор исчезает с исторической арены, значение трехслойного пакета сокращается, и именно наварка становится основной технологией в древнерусском кузнечном ремесле.

С технологией изготовления ножей X–XIV вв. из коллекций сельских и городских поселений центра Северо-Восточной Руси познакомил *Шербаков В.Л.* (АНО “Центр историко-культурных исследований и проектирования”, г. Кострома). Сравнение материалов из селищ и из городов по хронологическим выборкам IX–X, XI–XII, XII–XIV вв. позволило установить для сельских поселений более широкий ассортимент изделий и обширный набор технологических схем во все периоды. Именно для сельского ремесла характерен консерватизм в технологии и долгое бытование форм ножей “финского” и “скандинавского” облика, тогда как город, развивавший товарность производства железных изделий, упрощал и унифицировал технологические схемы.

Результаты применения химического и изотопного состава Pb для выявления источников серебра в серебряных предметах конца VII — первой трети XIII в. из раскопок могильника Подболотье (Вербовский) и Старой Рязани прозвучали в докладе *Сапрыкиной И.А.* с соавторами (*Чугаев А.В., Зеленцова О.В., Стрикалов И.Ю.*) (ИА РАН, Москва). Были показаны возможности методики определения источников серебряных руд по хорошо фиксируемым в изделиях изотомам свинца.

Коллектив авторов: *Ениосова Н.В., Пушкина Т.А., Ревельский А.И.* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва), *Калинина К.Б.* (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург), представил результаты использования метода пиролизической хромато-масс-спектрометрии (Py-GC / MS) при изучении содержимого лепного сосуда из Центрального Гнёздовского городища. В результате проведенного исследования было установлено, что вещество из сосуда является березовым дегтем, выявлены технологические особенности его производства.

В докладе *Столяровой Е.К.* (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва) был дан сравнительный анализ результатов исследования химического состава стекол Древней Руси двумя разными методами — оптической эмиссионной спектроскопией и растровой электронной микроскопией с энергодисперсионным рентгено-спектральным анализом.

Результаты изучения кожаных изделий и отходов сапожно-го производства средневекового Переяславля Рязанского были продемонстрированы в докладе *Фатюниной О.А.* (РИАМЗ) с соавторами (*Гуськов А.В., Васильева Т.А., ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России, г. Рязань*). В результате проведенных исследований на поверхности кожи были обнаружены вмятины от человеческих зубов. Совместная работа со специалистами-стоматологами позволила установить следующее: отличаются ли отпечатки в различных частях города, количество ремесленников, их возрастную группу; сколько людей оставили свои отпечатки на одном образце; характер механического воздействия; зубные патологии, профессиональный износ твердых тканей зубов.

Второй день семинара был разбит на две секции: “Археобиологические исследования содержимого культурного слоя” (четыре доклада) и “Новейшие результаты дендрохронологических исследований” (три доклада).

Археобиологический блок открыл доклад *Алешинской А.С.* и *Кочановой М.Д.* (ИА РАН), посвященный результатам палинологического анализа культурного слоя на Ивановской площади Московского Кремля. В результате проведенных исследований была восстановлена картина изменения растительности Кремлевского холма и его окрестностей, начиная с X–XI вв. и кончая XVII в.

Возможности спорово-пыльцевого анализа при изучении заполнения туалетов XV–XVI вв. в Троице-Сергиевой лавре рассматривались в докладе *Бабенко А.Н.* (соавторы *Энговатова А.В.*, *Зоц Е.П.*) (ИА РАН). Показано, что состав спектров образцов тесно связан с функционированием сооружения и отражает в основном рацион питания человека.

Доклад *Антипиной Е.Е.* и *Яворской Л.В.* (ИА РАН) был посвящен структуре мясного рациона в древнерусских городах и особенностям его формирования. Анализ археозоологических материалов из шести крупных коллекций костных остатков, полученных из раскопок городов в хронологическом диапазоне XI–XVII вв., выявил постепенную унификацию мясного рациона горожан за счет говядины, доля которой к XVII в. в некоторых городах достигла 80–90%. Было введено понятие “мясной рацион городского типа” и обозначены археозоологические маркеры разных сторон процесса урбанизации и социокультурных изменений на территории Руси.

В докладе *Альборовой И.Э.*, *Мустафина Х.Х.* (МФТИ) и *Энговатовой А.В.* (ИА РАН) представлены результаты исследования генетической структуры городского населения средневекового Ярославля. Анализ распределения гаплогрупп Y-хромосомы, показал большее генетическое разнообразие гаплогрупп в генофонде городского населения Ярославля XIII в., чем в Ярославле XVI–XIX вв. Установлено генетическое родство между индивидами, погребенными в сооружении № 76. Выявлены родственники по мужской и по материнской линии родства. Проведено

определение половой принадлежности для некоторых археологических индивидов.

Материалы из усадьбы А Пятницкого-I раскопа в Старой Руссе в свете данных дендрохронологических исследований были рассмотрены в докладе *Тарабардиной О.А.* (Новгородский музей-заповедник, г. Великий Новгород). Непрерывная смена сооружений на этом участке городской территории в период средневековья с XI по XV в. делает эти материалы надежной основой дендрохронологической шкалы Старой Руссы периода средневековья.

В докладе “Датирование древесины дуба из древнерусских и средневековых археологических памятников” *Хасанов Б.Ф.* (ИПЭА РАН, Москва) продемонстрировал возможности создания дендрохронологической шкалы по субфоссиальной древесине дуба, извлеченной из рек бассейна Западной Двины. Построенная древесно-кольцевая хронология “Западная Двина” охватывает период 572–1762 гг. и позволяет датировать объекты не только с берегов бассейна Западной Двины, но из таких отдаленных пунктов, как Новгород и Москва.

В докладе *Карпухина А.А.*, *Соловьевой Л.Н.* (ИА РАН) представлены результаты работ, полученные в ходе формирования эталонных абсолютно датированных древесно-кольцевых хронологий памятников деревянного зодчества Карелии и Архангельской области.

Проведенный семинар продемонстрировал высокий уровень исследований и необходимость привлечения к исследованиям артефактов и культурного слоя Средневековья специалистов различных естественно-научных дисциплин. Как было видно из докладов, не только новейшие высокоточные физические и химические методы дают новую информацию о средневековой культуре. Методические разработки в сфере металлографии, археобиологии, дендрохронологии позволили включить в исследование целый ряд новых типов объектов и расширить наши знания о ремесленных технологиях, особенностях хозяйства и питания, изменениях природной среды и т.д.

Тезисы семинара размещены на сайте ИА РАН.

Институт археологии РАН, Москва, Россия

А.С. Алешинская, Л.В. Яворская

К 70-ЛЕТИЮ И.Л. КЫЗЛАСОВА

28 августа 2021 г. лет ведущему научному сотруднику отдела средневековой археологии, знатоку истории Хакасии, авторитетнейшему исследователю тюркской рунической письменности доктору исторических наук Игорю Леонидовичу Кызласову исполнилось 70 лет.

Игорь Леонидович известен как крупный специалист по археологии Южной Сибири, опытный полевик, но наиболее весомый авторитет он приобрел своими тюркологическими исследованиями.

Игорь Леонидович родился и получил воспитание в семье выдающегося российского археолога Леонида Романовича Кызласова, что, безусловно, определило круг его интересов и направленность исследовательской деятельности. Однако Игорь Леонидович проявил себя с самого начала как самостоятельный ученый, опиравшийся на собственные разработки и полевые исследования. При этом он много сил направлял на введение в научный оборот материалов, добытых при раскопках Л.Р. Кызласова, научный архив которого он продолжает изучать и обрабатывать.

После окончания обучения в Московском государственном университете в 1974 г., где его учителями были классики отечественной археологической науки А.В. Арциховский, Д.А. Авдусин, Г.А. Федоров-Давыдов, а впоследствии С.А. Плетнева, вся трудовая жизнь юбиляра связана с Институтом археологии. Здесь была подготовлена кандидатская диссертация «Аскизская культура Южной Сибири. Происхождение и развитие (X–XIV вв.)» (1977 г.), позволившая впоследствии проследить распространение характерных атрибутов аскизской культуры (воинско-всаднических наборов — железных ременных накладок, пряжек, колчанных крюков, деталей уздечки) на широких пространствах Евразии, вплоть до Поволжья и Руси.

Работа над этой темой показала заметное распространение и пути проникновения аскизских вещей на территорию Восточной Европы — от Северной Двины до Дона в XI — начале XIII в. и в монгольское время. При этом И.Л. Кызласов указал на отличия сибирских собственно аскизских вещей XIII–XIV вв. от их подражаний кипчакского круга.

Докторская диссертация Игоря Леонидовича «Рунические письменности степной зоны Евразии: Проблемы источниковедения» (1990 г.) была посвящена решению важнейшей проблемы тюркологии — осмыслению происхождения и смыслового содержания тюркских рунических текстов, сохранившихся на стенах, скалах и различных предметах на огромных пространствах Евразии. Именно И.Л. Кызласов рассмотрел памятники этой письменности в археологическом контексте, перевел или уточнил переводы десятков надписей и сумел разработать целостную концепцию развития древнетюркской письменности. Игорь Леонидович стал одним из авторитетных специалистов в данной области науки, о чем ярко свидетельствует его работа в президиуме Всемирной ассоциации тюркологов, в Российском комитете тюркологов при ОИФН РАН, в редколлегиях журналов «Тюркология», «Проблемы востоковедения», «Панорама Евразии», а также награждение его Международной тюркской академией медалью имени Вильгельма Томсена в 2018 г.

В стенах Института археологии И.Л. Кызласов прошел путь от старшего лаборанта до ведущего научного сотрудника, работая в отделе средневековой археологии (до 2015 г. — отдел

славяно-русской археологии). В 1978–1983 гг. Игорь Леонидович возглавлял в институте отдел аспирантуры, а в 2002–2014 гг. — группу средневековой археологии евразийских степей, вошедшую затем в состав отдела средневековой археологии. За это время он показал себя как вдумчивый, широко эрудированный исследователь, прекрасный организатор науки.

Полевые исследования всегда составляли важнейшую часть научной жизни И.Л. Кызласова, который начиная с 1967 г. ежегодно работал в различных археологических экспедициях, став опытным полевиком. Много лет он успешно возглавлял Саяно-Алтайскую и Хакасскую экспедиции, работавшие в сложных полевых условиях, не оставляя своих полевых работ он и сегодня. Материалы этих раскопок публиковались и продолжают публиковаться, а осмысление полученных результатов зачастую позволяет юбиляру кардинально менять представления о значении целого ряда ярких памятников.

И.Л. Кызласов — автор более 300 научных работ, в том числе 9 монографий, а также целого ряда учебных пособий и научно-популярных работ. Основной интерес исследователя направлен на изучение тюркской рунической письменности, однако не меньшее внимание им уделено фундаментальным публикациям базовых памятников Верхнего Енисея: гуннского дворца, кольцевидных городищ, пратюркских жилищ. Наконец, постоянным предметом его внимания являются история и археология Хакасии.

Исследование таких памятников, как кольцевидные городища Саяно-Алтая, показало их характерные черты: не жилое, а военное назначение этих крепостей, их размещение на путях в пределах видимости для системы оповещения, специфику системы фортификации. Оно уточнило их датировку, строительство после похода восточных тюрков 710–711 гг. и обусловило

гипотезу об оборонительном назначении этих крепостей против уйгур эпохи каганата.

Игорь Леонидович в своих научных штудиях немало внимания уделяет древнетюркским изваяниям VI–VIII вв., обращая внимание на то, что эти яркие произведения тюркской поминальной скульптуры несут определенную смысловую нагрузку. Он указал на корректное использование таких терминов, как “балбал” (необработанный камень — символ поверженного врага), “стела” (памятный обработанный камень, нередко с надписью) и “изваяние” (высеченное изображение животных и умерших людей). Несмотря на иконографический канон, тюркские и уйгурские изваяния всегда отличались портретностью и высеченными на них сопровождающими предметами, а стоящие изваяния очерчивают ареал древнетюркской культуры. Проанализированные им материалы свидетельствуют, что аристократический поминальный комплекс состоял из храма с черепичной кровлей, поставленного над изваянием, тыльная сторона которого не была обработана резчиком. Сравнение с более поздним материалом показало, что символика половецких статуй, сменивших тюркские, — это поминки по ушедшему из мира людей.

Замечательным результатом научно-организационной деятельности юбиляра стала ежегодная международная Московская конференция “Восточные древности в истории России”, которая с 2004 г. проводится в стенах Института археологии, предоставляя уникальную возможность для прямого контакта археологов, обмена мнениями, опытом, знаниями, касающимися древностей стран Востока. При этом конференция собирает ученых не только России, но всех стран постсоветского пространства.

Много сил И.Л. Кызласов отдал педагогической деятельности в Московском государственном университете, Российском

Институт археологии РАН, Москва

государственном гуманитарном университете и ряде региональных университетов. Подхватив эстафету от Леонида Романовича, он вошел в авторский коллектив обновленного учебника “Археология” издательства МГУ, написав прекрасную главу “Средневековые государства Южной Сибири и Дальнего Востока”. Под его руководством были воспитаны десятки археологов и историков, успешно защитивших кандидатские диссертации. Заслуги Игоря Леонидовича в этой области оценены высоко: он Почетный профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан, 2007), Почетный доктор Башкирского государственного университета (Уфа, 2007), Заслуженный деятель науки Республики Хакасия (2001).

Перу Игоря Леонидовича принадлежит множество научно-популярных статей и очерков, где увлекательно рассказывается о древнетюркских надписях — способах и разнообразиях их начертаний, их переводах и содержании, включающем исторические и быденные факты, а также скрытые в них мировоззренческие представления народов, которые оставили эти надписи как на скалах просторов Евразии, так и на стелах и быденных предметах-артефактах.

И.Л. Кызласов пользуется заслуженным уважением коллег за свою строгую принципиальность, равнодушное, критическое отношение к научной жизни института, которые сочетаются с тактичностью по отношению к коллегам. Многие годы он является членом Ученого и Диссертационного советов ИА РАН. Игорю Леонидовичу свойственны тонкий юмор, уравновешенность и настойчивость в достижении поставленных задач.

В день юбилея хочется пожелать Игорю Леонидовичу крепкого здоровья, новых учеников, долгой и активной научной деятельности, новых интересных исследовательских проектов.

В.Ю. Коваль, Е.А. Армарчук

К 60-ЛЕТИЮ В.Ю. КОВАЛЯ

Биография замечательного российского ученого Владимира Юрьевича Ковалю не вполне типична для археолога. В отличие от многих сверстников, посещавших в юности исторические кружки, Володя Коваль (он родился 4 июня 1961 г. в поселке Быково Московской области) не стремился связать жизнь с историей или археологией. После окончания средней школы он поступил в Московский финансовый институт. Службу в Советской армии проходил в бригаде морской пехоты Краснознаменного Северного флота в качестве начальника финансовой части батальона.

К моменту демобилизации у молодого человека уже сложилось твердое желание искать жизненный путь, ничем не связанный с финансами. Его поиску способствовали частые путешествия В.Ю. Ковалю по горам и степям Крыма с рюкзаком и палаткой. Там будущий археолог близко познакомился с работой ИИМКА и ГМИИ им. А.С. Пушкина в Старом Крыму и Пантикапее. В экспедициях М.Г. Крамаровского и В.П. Толстикова, которых В.Ю. Коваль называет своими учителями, сформировался устойчивый интерес к археологии.

Деятельность В.Ю. Ковалю с самого начала отличалась основательностью и системностью подхода. Уже в конце 80-х — начале 90-х годов у него можно было получить всю необходимую

для популярного в СССР пешего туризма информацию по Крыму: оптимальные горные маршруты, удобные места стоянок, местоположение родников и пр. Путешествуя по Крымскому полуострову, он замечал не только красоты крымской природы, но и разбитые надгробия на заброшенных кладбищах, знал исторические названия переименованных поселков: Ак мечеть (Черноморское), Караджи (Оленевка) и т.д.

Летом 1989 г. В.Ю. Коваль устраивается на работу в только что образованный Центр археологических исследований Москвы, одновременно поступая на вечернее отделение факультета архивного дела Московского историко-архивного института (ныне РГГУ), который успешно заканчивает в 1993 г. За время работы в области охранной археологии Москвы Владимир Юрьевич совершенствует навыки полевой работы. Он руководил раскопами на месте строительства будущего музейного квартала ГМИИ, при реконструкции Большой Никитской улицы, на Манежной площади, несколько лет исследовал селище Мякинино и др. Во время работы в ЦАИ выходят первые статьи молодого исследователя, которого в числе прочего интересует типология московской керамики.

Как и другим коллегам, пришедшим в нашу профессию уже взрослыми людьми, осознанно сделавшими свой выбор,

В.Ю. Ковалю было свойственно стремление к профессиональному росту, которое побудило его в 1999 г. перейти на работу в Институт археологии РАН, где за два года до этого (всего через четыре года после получения диплома о втором высшем образовании), он блестяще защитил кандидатскую диссертацию: “Керамика Востока и Византии на Руси (конец IX–XVII вв.)”, подготовленную под руководством М.Д. Полубояриновой.

Развивая эту тему, В.Ю. Коваль в 2010 г. опубликовал монографию “Керамика Востока на Руси” — свод археологических источников, относящихся к импорту всех известных на территории исторической Руси восточных керамических изделий, привезенных из Византии, Сирии, Турции, Ирана, Волжской Булгарии, Золотой Орды и Китая. Стремление к древностям Востока Владимир Юрьевич реализовал благодаря чрезвычайно удачным работам на Болгарском городище (2011–2019 гг.), где он руководил исследованиями уникального объекта, городского базара середины XIV в. Эти работы отличал комплексный подход и широкое использование естественно-научных методов. Важно отметить, что раскопки стали продолжением исследований, которые начала еще в 1989 г. М.Д. Полубояринова, учитель Владимира Юрьевича.

Параллельно с изучением восточной и золотоордынской керамики В.Ю. Коваль продолжал исследования продукции гончаров средневековой Руси. Он сосредоточился на статистических методах ее изучения, опираясь на особенности технологии производства. В последнее время его чрезвычайно увлекает изучение средневековой фортификации, он поддерживает и развивает идеи, высказанные несколько ранее безвременно ушедшим из жизни Ю.Ю. Моргуновым.

Научную работу юбиляр сочетает с руководством экспедициями, исследуя средневековые курганные могильники, городские и сельские поселения в центральной России, Татарстане, Крыму и других регионах. В последние годы Владимир Юрьевич активно работает в сердце нашей Родины, является одним из руководителей раскопок в Московском Кремле. За активное участие в реализации проекта создания подземного Музея археологии Чудова монастыря на территории Московского Кремля В.Ю. Коваль в 2021 г. был награжден медалью ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени.

Отдельно следует рассказать об основанной им Ростиславльской археологической экспедиции ИА РАН. Владимир Юрьевич официально возглавляет ее с 2000 г., но исследование этого исчезнувшего русского города он начал еще в 1991 г. Примечательно, что в результате этих многолетних, непрекращающихся исследований Ростиславль Рязанский стал наиболее изученным памятником среди так называемых малых городов Древней Руси.

Активное сотрудничество с коллегами (А.В. Тусов, Е.Ю. Тавлинцева и др.) дало возможность исследовать и объекты более ранних эпох, расположенные на территории Ростиславля (стоянку финального палеолита, поселение эпохи бронзы, городище раннего железного века, расположенное в мысовой части городища), а также широко привлечь для анализа материалов естественно-научные методы.

Однако В.Ю. Коваль, как руководителя научного коллектива экспедиции, характеризует не только высокое качество многолетних раскопок памятника. Ему, как начальнику экспедиции, костяк которой составляют бывшие студенты МГОУ, удалось создать замечательную творческую атмосферу. Впервые попав сюда во время своей археологической практики, многие продолжают каждый год приезжать на Ростиславль, ставший для

них поистине вторым домом. Это находит выражение не только в работе — замечательные песенные концерты и веселые капустники экспедиции посчастливилось видеть многим гостям.

С 2015 г. года Владимир Юрьевич возглавляет отдел средневековой археологии ИА РАН, занимаясь активной научно-организационной деятельностью. Вот уже 20 лет он вместе с А.В. Энговатовой выступает организатором научного семинара “Археология Подмоскovie”, является членом Ученого совета ИА РАН (с 2009 г.), активно работает в научном совете по полевым исследованиям ИА РАН. Владимир Юрьевич принимает участие в деятельности Российского исторического общества, входит в состав рабочей группы по вопросам изучения и сохранения засечных черт.

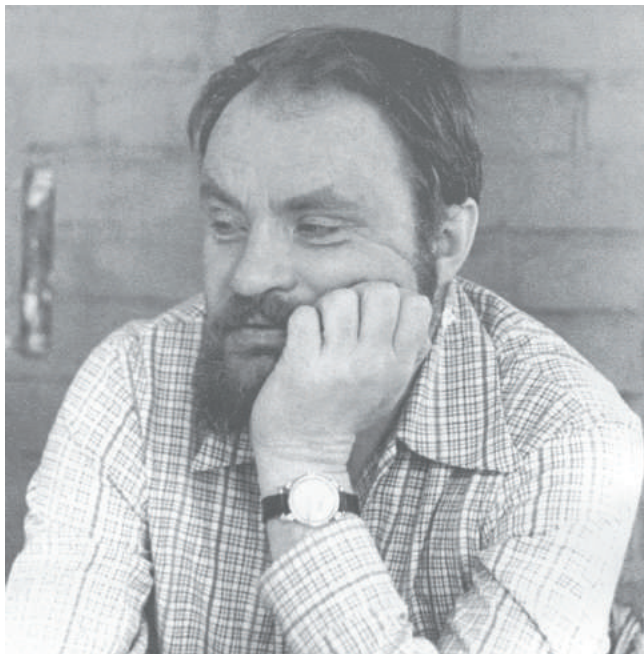
Внушительен и список его научных трудов, который постоянно растет, об их качестве свидетельствует индекс цитирования. Его невероятная работоспособность позволяет преодолевать завалы административной текучки. Владимир Юрьевич наделен качеством, которым обладает далеко не всякий даже талантливый ученый, — растить учеников, многие из которых сегодня работают в Институте археологии РАН (Д.Ю. Бадеев, П.Е. Русаков, Е.В. Майорова, Е.П. Зоц).

Говоря о личных качествах юбиляра, нельзя не отметить сочетание всех этих замечательных, ярко проявленных качеств, профессионализма и поразительной работоспособности — со скромностью и спокойным отношением к внешним воплощениям жизненного успеха. С этим умным и доброжелательным человеком приятно говорить не только о науке, и недаром у В.Ю. Коваль множество друзей во всех уголках России и за ее пределами. К нему, как ни к кому другому, подходят сказанные Александром Грином слова: “Жизнь знает не время, а дела и события”.

В год шестидесятилетия остается пожелать Владимиру Юрьевичу от коллег, друзей и учеников крепкого здоровья, успехов в труде на благо отечественной науки, выхода новых статей и книг!

*Д.Ю. Бадеев, Д.О. Осипов, П.Е. Русаков,
А.В. Энговатова, дирекция Института археологии РАН,
коллектив Отдела средневековой археологии,
редколлегия журнала “Российская археология”*

К 90-ЛЕТИЮ ГЕРМАНА АЛЕКСЕЕВИЧА ФЁДОРОВА-ДАВЫДОВА

17 июля 2021 г. исполнилось бы 90 лет советскому и российскому археологу, основателю золотоордынской археологии, специалисту по нумизматике Золотой Орды, руководителю Поволжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и МГУ, доктору исторических наук Герману Алексеевичу Фёдорову-Давыдову.

Герман Алексеевич — одна из легенд послевоенной советской археологии. Особенно памятен он окончившим исторический факультет МГУ и тем археологам, кто работает в Поволжье, от Казани до Астрахани. Его оригинальный ум и природная одаренность проявлялись без всяких усилий в любом, самом простом, всегда спокойном разговоре. Общение с ним было праздником для студентов, они жадно ловили всякое сказанное слово, передавая потом друг другу удивительно тонкие и грустные наблюдения опытного ученого: *Всё на всё похоже* (о сравнительном подходе), или: *Хоть всю жизнь пиши — «Трех мушкетеров» не напишешь* (о диссертациях). Его благожелательная снисходительность к миру служила длящимся «уроком интеллигентности», примером «ровного превосходства над жизнью» (говоря словами А.И. Солженицына). Придирчивая точность в деталях, вообще свойственная нумизматам, сочеталась в нем с удивительной широтой кругозора. Лекции о памятниках Золотой Орды открывали пути ко всей мировой культуре, а специальный курс по статистике в археологии учил новым приемам обработки массового материала, строгой логике научного подхода к описанию вещей, типологии и, за одно, общим принципам математики как основы всякого абстрагированного знания.

Этот ум и благородство, умение воспитывать без специальных усилий, были наследственными. В роду Германа Алексеевича еще пять поколений выдающихся педагогов. Отец, Алексей Александрович — профессор искусствоведения и основатель изучения русского пейзажа; дед, Александр Фёдоров-Давыдов — крупнейший издатель детской литературы, автор смешных и нравоучительных книг (популярность ранних, таких как «Слон-Робинзон», давно ушла, но «Похождения Мурзилки» прочно вписаны в советскую литературу благодаря названию

детского журнала). Но корни уходят глубже, к Ивану Давыдову, профессору, академику, талантливому философу, филологу, педагогу, современнику А.С. Пушкина. Такие корни — важный инструмент для развития талантливого ученого.

С восточной археологией Герман Алексеевич познакомился еще на студенческой скамье, получив питательную «прививку Хорезма», прославленной археолого-этнографической экспедиции. В Туркмении, Каракалпакии, Казахстане молодой практикант за несколько лет в совершенстве овладел методикой раскопок среднеазиатских городищ, построенных из сырца, познакомился с исключительно яркими, молодыми тогда учеными-хорезмийцами, получил опыт организации больших полевых работ.

Закончив МГУ (1954 г.), Г.А. Федоров-Давыдов поступил в очную аспирантуру, где обрел любимое занятие всей жизни, джучидскую нумизматику: ей была посвящена кандидатская диссертация «Клады золотоордынских монет» (1957 г.), и о ней же — последняя книга ученого, вышедшая уже после его смерти («Денежное дело Золотой Орды», 2003).

Нумизматика — широкая дисциплина, но горизонты Германа Алексеевича были гораздо шире. После пяти лет работы в Институте археологии (1956–1960 г.) он перешел на исторический факультет МГУ, куда его пригласил А.В. Арциховский. Здесь был подготовлен и защищен (1966 г.) как докторская диссертация основополагающий труд «Кочевники Восточной Европы в X–XIV веках». Изданный, он стал настольной книгой каждого работающего с материалом степного Средневековья Евразии, причем не только из-за объема собранного материала — это образцы работы по установлению корреляции признаков с применением методов математической статистики.

Во второй половине 1950-х годов Герман Алексеевич начинает огромную работу по формированию основ золотоордынской археологии. Дореволюционные исследования к тому времени уже устарели, а советская идеология, во многом почвенническая, традиционно третировала древности нижеволжских городов как ничтожные по значению для русской истории или относилась к ним с подозрением. Однако эпоха менялась (уже в конце 1930-х годов появилась возможность обратиться к древностям Волжской Болгарии, в их поздней части также ордынским). Когда в 1957 г. была создана Поволжская экспедиция, в ее составе уже присутствовал Ахтубинский отряд под руководством Ф.Г. Фёдорова-Давыдов. В 1959 г. в «Советской археологии» он издает в соавторстве с более опытным к тому времени А.П. Смирновым программную статью. В ней соратники доказали перспективность изучения памятников истории и культуры Золотой Орды, их важность и для отечественной, и для мировой науки. Статья, по сути своей стратегическая, содержала и тематическую программу исследований.

К начатым в 1959 г. полевым работам Поволжской экспедиции на Царевском городище добавились исследования еще двух, также золотоордынских. В 1965 г. прошли первые разведки городища у с. Селитренного в Астраханской области, в 1966 г. начались стационарные исследования этого крупнейшего золотоордынского города; с небольшими перерывами они продолжались до 1990 г. под руководством Германа Алексеевича. С 1967 по 1974 г. масштабные исследования проводились и на Водянском городище в Волгоградской области.

Экспедиция была массовой, в ее сезонах принимали участие многие десятки (временами и сотни) студентов, за 40 лет (1959–1990 гг.) — практически из всех городов Поволжья, от

Астрахани до Нижнего Новгорода и Москвы. Вскрывались исключительно насыщенные слои, расчищались огромные объекты древнего строительства, а также индустриальные объекты. Здесь было на чем учить, и, как профессор кафедры археологии, Герман Алексеевич подготовил целую когорту специалистов по истории материальной культуры городов Золотой Орды. Диссертационные исследования, основанные на новейших результатах раскопок, были выполнены по керамическому и стеклянному производству, по архитектурному декору и нумизматике, погребальному обряду и антропологии, строительству и планировке городов. Все они готовились под непосредственным и самым внимательным руководством Г.А. Фёдорова-Давыдова, а их авторы составляли костяк его археологических отрядов. Среди них Н.М. Булатов, Н.Н. Бусятская, И.С. Вайнер, В.И. Вихляев, Т.В. Гусева, В.Л. Егоров, Ю.А. Зеленева, Э.Д. Зиливинская, К.И. Корепанов, М.Г. Крамаровский, Н.В. Малиновская, А.Г. Мухаммадиев, Л.М. Носкова, М.Д. Полубояринова, Л.Т. Яблонский. Многие из них, в свою очередь, стали выдающимися учеными.

Несомненно, именно благодаря многолетней исследовательской и преподавательской работе Г.А. Фёдорова-Давыдова возникла и ранее не разработанная археология золотоордынского города, и крупная археологическая школа, одна из ведущих в российской исторической науке и, в свою очередь, давшая мощные победы. Ученики и последователи Германа Алексеевича работают во многих университетах, музеях, крупнейших научных центрах Поволжья, Урала, Средней Азии, Северного Кавказа и Закавказья, Москвы и Петербурга.

Институт археологии РАН, Москва

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Татарстана, Казань

Тем временем не прекращалась и работа над монографиями (всего их 27) и научными статьями (более 200), изданными не только в России, но также в Польше, Германии, Венгрии, Англии, Бельгии и США. Среди них как глубокие труды по нумизматике Орды и Руси, так и исследования по искусству Золотой Орды и кочевого мира, сохраняющие привлекательность популярные книги.

Герман Алексеевич был избран членом-корреспондентом Германского археологического института, входил в состав многих экспертных комиссий (в том числе комиссии ВАК) и диссертационных советов (МГУ, ИА АН СССР и др.), сотрудничал в первых фондах по поддержке фундаментальной науки. Среди его наград — Ломоносовская премия РАН.

Память об ученом, коллеге, учителе поддерживает проводимая в его честь Международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве» (Нижний Новгород (2001), Казань (2003), Москва (2006), Азов (2008), Селитренное (2011), Болгар (2013), Ялта (2016), Пятигорск (2018)).

Но не менее важное наследие — продолжившие работу и вновь образованные экспедиции, ведущие полевые исследования практически на всех известных памятниках Золотой Орды. Появляются и новые объекты, и новые (многочисленные) научные труды созданной им школы, авторы которых с увлечением и гордостью продолжают дело, начатое Германом Алексеевичем Фёдоровым-Давыдовым.

Беляев Л.А., Гайдуков П.Г., Зеленева Ю.А., Коваль В.Ю.

Пигарев Е.М.

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА КОЗЕНКОВА (1931–2021)

23 мая 2021 г. в Москве скончалась Валентина Ивановна Козенкова — крупнейший ученый-кавказовед, доктор исторических наук, известнейший специалист по археологии позднего бронзового и раннего железного века, многолетний сотрудник Института археологии РАН.

Валентина Ивановна родилась 17 ноября 1931 г. в д. Новые Широки нынешней Калужской (в то время Западной) области РСФСР. Вскоре ее семья перебирается в Москву, где Валентина Ивановна заканчивает школу. Уже со школьной скамьи у нее возникает большой интерес к истории, и в 1951 г. она поступает на исторический факультет МГУ, который заканчивает в 1955 г. по кафедре археологии. Первые экспедиции, в которых принимала участие Валентина Ивановна, проходили в Сибири под руководством А.П. Окладникова и Л.Р. Кызласова, дипломная работа была посвящена среднеазиатским древностям эпохи средневековья. Специализация по археологии Средней Азии определила начало самостоятельного профессионального пути: по окончании университета Валентина Ивановна попадает по распределению в краеведческий музей г. Андижан в Фергане.

Вернувшись в Москву в 1959 г., Валентина Ивановна оказывается в Институте археологии АН СССР, в рядах Северокавказской археологической экспедиции, где под руководством Евгения Игнатьевича Крупнова начинает раскопки на территории Чечено-Ингушской АССР, а

в 1977–1978 гг. — в Карачаево-Черкесии. С этих пор вся жизнь Валентины Ивановны целиком и полностью посвящена археологии Северного Кавказа. Она становится верной ученицей Евгения Игнатьевича, продолжателем его творческого пути, хранителем памяти о любимом учителе.

Главной темой научного творчества Валентины Ивановны стало всестороннее исследование кобанской культуры на Северном Кавказе. Изучению этой культуры посвящены ее кандидатская (“Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии”, 1969 г.) и докторская (“Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н.э. (кобанская культура: модель тысячелетия развития)”, 1990 г.) диссертации. Некоторым итогом стала монография “Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры)” (1996 г.).

Научный подход Валентины Ивановны был основан на очень тщательном и вдумчивом анализе предметов материальной культуры, рисунки которых были собраны в ее огромном архиве, при этом значительную часть этих находок обнаружила сама В.И. Козенкова в ходе многолетних экспедиций. Пожалуй, в качестве основной характеристики многочисленных трудов Валентины Ивановны можно назвать фундаментальность. Ею был собран практически весь известный на сегодняшний день материал, характеризующий формирование, существование и динамику развития кобанских племен на протяжении тысячелетия, с XIV–XIII по IV в. до н.э., на обширнейшей территории от долины Кубани до среднего течения Терека. Следуя предложенной Е.И. Крупновым схеме территориального членения кобанской культуры и развивая теорию о выделении трех локальных вариантов в рамках данной культурно-исторической общности, Валентина Ивановна последовательно издает ряд монографий в серии “Свод археологических источников”, в которых дается всесторонняя характеристика материальной культуры кобанских племен западного и восточного вариантов (1977, 1982, 1989, 1995, 1998 гг.). Несмотря на то что такое членение археологического материала является предметом дискуссий, так же как и некоторые хронологические схемы, предложенные Валентиной Ивановной в ее трудах, сама сводка древностей, собранная в ходе ее многолетних трудов, является фундаментом для дальнейшей работы всех специалистов по позднему бронзовому и раннему железному векам Кавказа и будет оставаться таковым многие десятилетия.

Когда Валентина Ивановна хотела похвалить какую-либо научную работу, она называла ее “кропотливым и скрупулезным исследованием”, и эти определения, безусловно, полностью применимы к ее собственным трудам. Важно и то, что В.И. Козенкова была всегда открыта для научной полемики, многие ее ученики, в том числе авторы этого текста, расходились с ней в каких-то вопросах, спорили с ней, и Валентина Ивановна, иной раз после долгой и продуктивной дискуссии, соглашалась с ними, корректируя собственные теории и датировки. Но бывало и так, что она убеждала в чем-то своих оппонентов, опираясь на свою великолепную память и прекрасное знание материала.

Особое внимание уделялось Валентиной Ивановной в последние годы научного творчества комплексу памятников у чеченского селения Сержень-Юрт, с раскопок которого начиналась ее археологическая карьера. Высокопрофессионально проведенные полевые исследования и по сегодняшний день выглядят эталонными, а большое количество раскопанных погребальных комплексов в сочетании с материалами синхронного им поселения, изученного большой площадью, легли в основу многих не только отечественных, но и зарубежных научных работ. Во многом это произошло благодаря публикации в 1992 г. материалов могильника Сержень-Юрт в Германии,

инициатором которой выступил крупнейший специалист по археологии позднего бронзового — раннего железного века Центральной Европы Георг Коссак, дружба с которым связывала Валентину Ивановну долгие годы. Эти работы стали толчком для исследований некоторых немецких ученых, например С. Райнхольд, труды которой имеют посвящение Валентине Ивановне как научному предшественнику. В дальнейшем материалы Сержень-Юрта были опубликованы В.И. Козенковой и на русском языке в монографиях “Поселок-убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ)” (2001 г.) и “У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня” (2002 г.).

Еще одним ярчайшим памятником, изученным В.И. Козенковой и введенным ею в научный оборот, стал кобанский могильник Терезе в Карачаево-Черкесии (монография «Биритуализм в погребальном обряде древних “кобанцев”. Могильник Терезе конца XII–VIII в. до н.э.», 2004 г.). Особое внимание на протяжении десятилетий Валентина Ивановна уделяла внешним связям кобанской культуры в первую очередь с синхронными культурами Центральной Европы и Балкан. Некоторые итоги этих исследований были подведены ею в монографии “Кобанская культура и окружающий мир” (2013 г.). Последним крупным трудом В.И. Козенковой стала книга “Специфика духовного мира кобанских племен” (2017 г.). Как видим, фактически не осталось ни одной проблемы, связанной с кобанской культурно-исторической общностью, которая не была бы не просто затронута, но и детально проработана Валентиной Ивановной. Не стоит забывать и о том, что именно В.И. Козенкова открыла в 1970 г. на Кубани первые яркие памятники новотитаровской культуры конца раннего — начала среднего бронзового века с уникальными деревянными повозками.

Важнейшую роль сыграла Валентина Ивановна в становлении и развитии “Крупновских чтений” — крупнейшей международной археологической конференции кавказоведов, начало которой было положено ближайшими учениками Е.И. Крупнова сразу после его кончины в 1971 г. Валентина Ивановна стояла у истоков создания этого важного для всех нас форума, долгие годы (с 1974 по 2006 г.) была ответственным секретарем организационного комитета, выполняя тяжелую работу по переписке, приглашениям и технической организации регулярно проводившейся конференции. Следует сказать, что благодаря в том числе ее самоотверженности и энтузиазму “Крупновские чтения” остались единственной регулярно собиравшейся кавказоведческой конференцией в России, традиции проведения которой не прервалась даже в тяжелые времена начала 1990-х годов.

Ответственность и прекрасные организаторские способности были отличительной чертой Валентины Ивановны. Более десяти лет, с 1981 по 1991 г., она выполняла обязанности ответственного секретаря “Советской археологии” и продолжала горячо интересоваться делами нашего журнала вплоть до самых последних дней. В 1979–1980 гг. Валентина Ивановна была ученым секретарем отдела скифо-сарматской археологии, в котором проработала практически всю жизнь. В последние годы, несмотря на болезни, Валентина Ивановна не прерывала своих контактов с коллегами и учениками — она продолжала оставаться членом Ученого совета Государственного музея искусств народов Востока, под ее руководством в 2017 г. защитился В.Т. Чшиев, постоянно на связи с ней находились ее ближайшие друзья-кавказоведы — М.Х. Багаев и Ю.Ю. Пиотровский, а также коллеги из Института археологии и других научных учреждений, с которыми она обсуждала научные проблемы и делилась своими планами. Для того чтобы не прерывалось научное и дружеское общение с коллегами, Валентина Ивановна прекрасно освоила современные компьютерные средства коммуникации и,

не имея возможности лично присутствовать на научных заседаниях и мероприятиях, до последних дней активно участвовала в жизни нашего археологического сообщества в режиме онлайн.

Жизнь Валентины Ивановны прервалась за полгода до ее 90-летнего юбилея, к которому уже начали готовиться друзья, коллеги, близкие родственники. Незадолго до кончины

Валентина Ивановна передала в один из сборников статей крупный труд, который в настоящее время готовится к публикации в Институте археологии РАН. Светлый образ Валентины Ивановны навсегда останется в нашей памяти прекрасным примером научного и человеческого подвига настоящего ученого, посвятившего всю свою жизнь кропотливому воссозданию прошлого нашей страны.

Институт археологии РАН, Москва

Институт востоковедения РАН, Москва

Государственный музей искусств народов Востока, Москва

З.Х. Албегова, Д.С. Коробов

А.Ю. Скаков

В.Р. Эрлих

ПАМЯТИ ИШТВАНА ФОДОРА (1943–2021)

3 апреля 2021 г. в Будапеште на 78-м году жизни после тяжелой и продолжительной болезни скончался известный венгерский археолог, профессор Иштван Фодор.

И. Фодор родился 9 сентября 1943 г. в городе Зента (ныне Сента) в Воеводине. Его детство прошло в городе Тёрёксентмиклош, где в 1962 г. он с отличием окончил гимназию. Иштван планировал поступать в Сегедский университет, однако получил заманчивое приглашение. Его, как талантливого и способного юношу, к тому же знающего русский и немецкий языки, рекомендовали направить на обучение в СССР на исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Так, в судьбе молодого человека случился неожиданный поворот, который во многом определил всю его последующую жизнь и карьеру.

Молодой венгр оказался в Москве, когда оттепель еще не сменялась застойным холодом, хотя заморозки уже ощущались все сильнее. Фодор всегда с нескрываемым восхищением вспоминал об особой культурной атмосфере своей московской юности, рассказывал о посещении поэтических вечеров в Политехническом, спектаклях “Современника” и Таганки, журнале “Новый мир”. Вспоминал он и о поездках по Советскому Союзу.

Иштван сохранял огромную благодарность своим университетским учителям, в особенности Б.Н. Гракову, который поража л студентов не только феноменальной эрудицией, но и особым отеческим отношением. Под его влиянием молодой археолог поначалу увлекся скифской проблематикой. По совету Гракова он подготовил статью “Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем” для журнала “Советская археология” (1969). Однако научные искания увели Фодора в сторону иных проблем. Наряду с археологией он увлекся в Москве тюркологией, добившись возможности посещения занятий в Институте стран Азии и Африки.

В 1967 г. выпускник МГУ вернулся в Венгрию и поступил на работу в Национальный музей в Будапеште, с которым будет неразрывно связана вся его последующая жизнь. Он пройдет все ступеньки служебной карьеры: от ассистента до генерального директора. Оказавшись в Отделе средневековья, Фодор попал в творческую среду увлеченных единомышленников, которая во многом перепределила его интерес к дискуссионным вопросам о прародине и миграциях древних венгров. Молодому специалисту платили мало, а потому приходилось подрабатывать переводчиком, гидом, научным консультантом. Иштван с присущим ему юмором любил вспоминать, как во время одной из таких подработок ему пришлось отправиться в Самарканд

для покупки верблюдов, срочно понадобившихся для съемок исторического фильма “Звезды Эгера”. Однако все житейские трудности отступали перед безграничной увлеченностью наукой.

И. Фодор не порывал тесных контактов с советскими историками, этнографами и археологами. Он регулярно бывал в СССР, участвовал в раскопках, например, в экспедициях В.Ф. Генинга и А.П. Смирнова (Болгар), изучал археологические коллекции в Москве, Ленинграде, Киеве, Казани, Уфе, Йошкар-Оле и в других научных центрах. Интерес к истории Волжской Булгарии тесно свел его с казанскими коллегами, в первую очередь с А.Х. и Е.А. Халиковыми, с которыми у него установилась крепкая дружба. Фодор принимал участие в проводимых ими раскопках Танкеевского и Больше-Тарханского могильников. Он же способствовал публикации в Будапеште на немецком языке в 1981 г. книги о Больше-Тиганском могильнике и древних венграх на Каме и в Приуралье. Обращение Иштвана к булгарской истории соединилось и с интересом к истории древних венгров, тем более что исследования в Волго-Уральском регионе открывали для этого огромные возможности. Уже в 1973 г. вышла его первая книга на данную тему — “Очерки археологии финно-угорской предыстории”. В 1982 г. ученый защитил докторскую диссертацию о восточных корнях древневенгерской культуры.

Одновременно и сам Фодор стал организатором ряда раскопок, в том числе охранных, в Венгрии. В основном это были памятники времен Обретения родины венграми и раннего периода династии Арпадов. Так, его стараниями в 1977 г. был раскопан могильный комплекс X–XII вв. у города Хайдудорга на востоке Венгрии. В 2002 г. за заслуги в деле сохранения историко-культурного наследия его избрали почетным гражданином Хайдудорга. К этим раскопкам он привлек студентов-историков из Сегедского университета, в котором преподавал по совместительству с 1974 г. Не без усилий Фодора в 1989 г. в Сегеде была восстановлена кафедра археологии, ликвидированная в начале 1950-х, а в 1997–2008 гг. он исполнял обязанности ее заведующего. Специально приезжая на лекции и семинары из Будапешта, Фодор читал курсы по средневековой археологии, истории средневековой культуры, а также ранней истории финно-угорских народов. Фодор был блестящим рассказчиком, а потому его занятия пользовались большой популярностью у студентов. Он выступал с лекциями не только на родине, но также в университетах Польши, Бельгии, Дании, Турции и, конечно, в СССР и

России. В разговорах Иштван не раз подчеркивал, как приятно ему выступать на русском языке перед студентами где-нибудь в Казани или Томске.

Фодор всегда с интересом работал с научной молодежью и искренне радовался успехам новых поколений исследователей. Он был убежденным сторонником популяризации научных знаний. Еще в 1975 г. он выпустил книгу «По знаменитому Верцкому пути: ранняя история венгерского народа и Обретение родины», которая завоевала огромную популярность в широких читательских кругах и положила начало иным просветительским проектам. Его научно-популярные книги выходили в том числе на русском языке; одна из последних («Венгры: древняя история и Обретение родины») была издана в Перми в 2015 г.

Институт всеобщей истории РАН, Архив РАН, Москва

Институт археологии РАН, Москва

В 1986 г. Фодор стал директором Национального музея в Будапеште. Деятельность на этом посту была отмечена не только усилением научной работы в музее, в том числе в сфере археологии, но и организацией целого ряда выставок, заслуживших признание публики, в частности знаменитой китайской глиняной армии в 1988 г. Благодаря его стараниям они были проведены и за пределами Венгрии. Так, выставка о ранней истории венгров и Обретении родины была показана в пяти странах. Активная работа с коллегами из российских музеев позволила в 1994 г. развернуть в Будапеште представительную выставку «Наши предки и родственники», повествующую о ранней венгерской истории, на ней были экспонаты из 11 российских музеев.

В 1993 г. Фодор оставил пост директора Национального музея, сохранив должность почетного руководителя и продолжая работать штатным археологом-исследователем. В эти годы он занялся изучением проблемы перемещенных в годы Второй мировой войны ценностей, став в 1994 г. уполномоченным министерства культуры по поиску венгерских художественных ценностей и в этом качестве вел переговоры с российской стороной об их обмене и возврате.

В 2000-х годах Фодор занимался изучением российско-венгерских археологических связей. Его интересовали сибирские и кавказские экспедиции графа Енё Зичи в конце XIX в., вклад археологов Волго-Уралья в изучение гуннского вопроса и отражение их работ в венгерской науке, история формирования древневенгерских археологических коллекций в российских музеях и многие другие сюжеты. Среди его несомненных заслуг в этом направлении — изучение жизни и научной деятельности археолога Нандора Феттиха, который был одной из ключевых фигур в истории российско-венгерских научных контактов 1920–1940-х годов.

В марте 2019 г. Иштван Фодор был участником представительной международной конференции в Госларе, организованной Германским археологическим институтом и Институтом археологии РАН. Он рассказывал о путях развития венгерской археологии в первой половине XX в., особо останавливаясь на ее неразрывной связи с российской наукой. Примечательно, что этот доклад был сделан им на русском языке. Увы, это было последнее публичное выступление ученого. Тяжелая болезнь вскоре вырвала его из научной жизни и привычного круга общения.

Венгерский археолог всегда выступал за развитие международного научного диалога, считая, что археологическое знание само по себе интернационально. Он был убежденным поборником развития российско-венгерских научных контактов, полагая, что политики приходят и уходят, а наука и культура остаются. В лице Иштвана Фодора российские историки и археологи потеряли не просто коллегу, а большого и искреннего друга.

М.В. Ковалев

С.В. Кузьминых